

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

№ 2

2010

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

И.о. Главного редактора

УЛУГБЕК ХАМДАМОВ

Общественный совет журнала

БАБУР АЛИМОВ

(председатель совета)

АБДУЛЛА АЗАМОВ

АБДУЛЛА АРИПОВ

БАХОДИР АХМЕДОВ

ХУРШИД ДОСТМУХАММАД

ТУЛЕПБЕРГЕН КАИПБЕРГЕНОВ

ИРОДА РАХИМОВА

РАЙХАТ САДЫКОВ

ЗОЯ ТУМАНОВА

ФАРХАД ХАМРАЕВ

МУХАББАТ ШАРАФУТДИНОВА

СВЕТЛАНА ГЕРАСИМОВА

НИКОЛАЙ ИЛЬИН

НАСРЕТДИН МУХАММАДИЕВ

КУВАНДИК САНАКУЛОВ

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

Ответственный секретарь

ЗИЁДБЕК УРИНОВ

верстка, оригинал-макет,

дизайн,

АКБАРАЛИ МАМАСОЛИЕВ,

АННА ЛАДИНА

Учредитель

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Абдулхамид Чулпан. Народ – это вольны, и море, и сила. Стихи.
Софья Файзиева. Я верю, что настанет это утро. Стихи.
Ойгуль Суюндикова. Я самой счастливой птицей летаю. Стихи.

ПРОЗА

Ольга Григорьева. Синдром страха, или Закон матрешки. Роман.
Хайридин Султанов. Воспоминание о далеком «Артеке». Рассказ.
Ариадна Васильева. Возвращение в эмиграцию. Роман.
Назар Эшонкул. Люди войны. Повесть.
Улугбек Хамдам. Камень. Рассказ.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Николай Ильин. Поэзия Ойгула Суюндиковой.

ИСКУССТВО

Бахадыр Ахмедов. Очаги новаторства.
Рокия Хамраева. Абдулла Кадыри и узбекское кино.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Замира Касимова. Мир и человек эпохи глобализации.
Хуршида Хамракулова. Интерпретация проблемы жизни и смерти в узбекских романах.
Петрухина Н.М. «Человек в человеке» Ф.М. Достоевского (к проблеме детерминизма в русской литературе XIX века).

КРАСАВИЦА

В час полночный, свой взор к небесам устремив,
У ярчайшей из звезд я спрошу о тебе.
И ответит, и взгляд ее будет стыдлив:
«Я красавицу видела только во сне.
И завидуют звезды, и день, и луна
Красоте ее - вот как прекрасна она!»

И луну я найду, и спрошу у нее:
Может, видела где-то тебя в небесах?
И ответит: «Во сне я встречала ее
Щек румянец я помню и нежность в глазах.
В белом облаке света затмила меня
Ярче звезд и прекрасней весеннего дня».

На рассвете в окно свежий ветер влетит
И тогда у него о тебе я спрошу.
Он мне скажет: «Встречал я ее на пути,
И с тех пор среди гор ее снова ищу.
Я покой потерял - так красива она!
Рядом с ней меркнут звезды, и день, и луна!»

А потом, разливая лазурный свой свет,
День придет, и спрошу у него о тебе.
Легким облачком зависти будет ответ:
«Да, я видел ее наяву, не во сне.
И скажу, не таясь, так прекрасна она,
Что не может сравниться с ней даже луна».

Я несчастен, я однажды тебя полюбил,
И от страсти горю, и сгораю в огне.
Как тяжел этот путь, на который вступил,
И бреду по нему как в бреду, как во сне.
Ты прекрасней, чем месяц и ярче всех звезд.
Ты - прекрасная роза в саду моих грез.

Ты прекраснее звезд и прекрасней луны,
И в тебя они все, как и я, влюблены.

ПЕСНЯ СТРАННИКА

Дворец любви был так просторен, что потерял дорогу я.
И словно камень вековечный, душа застыла в нем моя.

И в море легкого кокетства, на волнах нежности качаясь,
Я о несчастиях грядущих не думал, не подозревал.

Как много он таит сюрпризов, мир ускользающей любви.
Но горе мне, в земных заботах, ее навек утратил я.

Пел соловьем в садах любимой, и постигал ее миры,
Пока душа моя рыдала, свои несчастья тая.

И, обойдя весь мир, как странник, увы, любимой не нашел.
В мой дом вернулось вновь страданье и не проходит боль моя.

Звездою утренней на небе своей любви Чулпан сиял.
Но солнца луч был жгуч и ярк, и камнем вниз сорвался я.

ДУША

Душа моя, ответь зачем
Ты терпишь этот странный плен?
Зачем, безвольна и нема,
Ты не поднимешься с колен?

Зачем ты терпишь эту боль?
Насмешки, грубые слова?
Зачем играешь эту роль,
Забыв о том, что ты жива?

В тебе еще горит огонь
И отблеск дивной красоты.
Так распрямись,
К себе вернись
И вспомни радость высоты.

НАРОД

Народ - это волны, и море, и сила.
Стихия и мщенье, что в сердце копилось.
Огонь пожирающий, бурный поток,
Что неотвратим, как безжалостный рок.
Ничто не подавит стремленья народа
К свободе и значит, настанет свобода.

Как волны морские не остановить,
Нет силы такой, чтоб народ победить.
Он троны тиранов как щепки снесет,
И к жизни счастливой дорогу найдет.

Он все одолеет, накормит голодных,
И Родину делает краем свободных.

Он нам вдохновенье и силы дает,
Так пусть же нас примет наш мудрый народ.

Сегодня мы силы возьмем у народа,
А завтра нас встретит святая свобода.

МОЯ ЛИРА

Оставив ненависти скалы,
В долину дружбы я пришел,
Где красота мой взор ласкала,
Где сердца радость я нашел.
Там звонко пели соловьи
О бесконечности любви.

Пусть слезы по щекам струятся,
Они цветами прорастут.
Из дум моих стихи родятся,
Что в сердце чьем-то запоют.
И станет больше доброты
Под сенью райской красоты.

И хоть душа в крови порою,
В пустые гнезда жизнь придет.
Колючки сменятся листвою,
И голос правды позовет.
И будут ветхие одежды
Светиться золотом надежды.

Перевод Баходыра Ахмедова

ПАМЯТЬ

Мама ждет отца с войны, и настежь двери,
Руки к небу тянутся с мольбой о тишине.
Звезды вспыхивают, к счастью – есть поверье.
Снится сон, как вспышка грозовая, мне.
Успокойся, мама, выпей чай цветочный!
Мчусь, как лань из чащи, с трепетом борясь.
Снова вспомним май и папин поезд ночью...
Музыка из детства прозвучит не раз.
Угощение я помню – пряник тульский к чаю,
Самовара радость длится без конца.
Только в папиных глазах слезинку замечая,
Хоть улыбка не сходила с бритого лица.
Те картины вспоминая, снова я рисую,
Штрих на холст ложится в память о родных.
Дуб ветвями вверх – за мир он голосует –
Не сотрется в памяти тот миг.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Откуда у земли это терпенье,
Как вынесла гул канонады, дым,
В миг ярости войны, крушенья...
Горело все, мир выглядел пустым.
В золе остались город, школа,
И враг беснуется, злу нет границ,
Младенцы, мамы ждут в неволе
Спасенья среди горя верениц.
Земля забыть не может стоны,
Еще горчит июньский тот рассвет,
Все в памяти, нас миллионы,
Мы – матери, войне ответим – нет!
Мы сыновей своих растили
Для мира, для труда, не для войны.
Дай бог, земле набраться силы,
Все раны затянуть, дай тишины!
Победе много лет... святая дата,
Земля священная затихла вмиг...
Мы вспомним каждого солдата,
Благодарим и мертвых, и живых!
И неизвестных, безымянных,
Всех братьев, сыновей, отцов, сестер...
Победный марш звучит, как главный,
Для всей земли – от поля и до гор,

Чтоб ангел доброты желанной
Над всеми нами крылья распростер...

День Победы – и слезы, и песни,
Ожидание чуда... детей –
Хлеб появится... нет, не древесный...
Настоящий! – слух всех облетел.
Мама стол накрывала на праздник,
Дед по карточкам хлеб получил –
Самый вкусный, сытнее гораздо,
Греет, будто от солнца лучи...
День Победы – и музыку слышим,
Дед смеется – танцуй босиком...
И от радости небо повыше,
Детвора собралась за столом...
– Эй, малышка, совсем несмышлениш,
Ну, зачем рвешь подряд все цветы?
– Очень нужно, на речку ты сводишь,
Окунись, мне б скорей подрасти.
И отца я с букетом встречу –
До ворот добегу, не споткнусь.
Ты не плачь, мама, будет легче,
Не оставим тебя мы одну.

В ПАРТИЗАНСКОМ ЛЕСУ

В морозный день впряглась девчонка в сани,
А валенки отцовы на ногах...
Печально ей, – везет больную маму,
И слышно, как лютует страшный враг.
Осталась черная в дыму деревня,
Стреляют немцы там – недалеко,
Как деда, молчаливые деревья,
И снег стеной беде наперекор...
Морозные тропинки леса, словно
Раскрученные старые бинты...
Остановилась дочь, уж сутки ровно –
Ни крошки хлеба, снег вместо воды.
Знобит девчонку, зябко, страшно в чаще,
Звенят кусты, как будто из стекла,
И мама бредит, ловит снег летящий,
Как ртуть тяжелая, слеза стекла...
На маму воспаленными глазами
Она глядит, согреться бы слегка,

Мечтала выйти ночью к партизанам,
У них костер зажжен наверняка.
Желанье сбудется, пока не знает,
Что расстается с детскою порой,
Ей суждено проститься с милой мамой,
Два года в медсанбате быть сестрой...
Придет Победа – радость устремится
К той девочке – красавицей ей стать,
Поверив в чудо, воду из криницы
Вновь понесет с грустинкой на устах,
Лесной тропой пойдет, не побоится
Из звонких ведер солнце расплескать
На травы, как на чистые страницы...
И встретит здесь – в лесу... живую мать...

В долгу перед всевышнею любовью,
Склоняюсь перед мужеством сыновним.
Молюсь, прошу я: – прочь уйди, тоска!
Дай бог мне время – сына приласкать!
Я верю, что настанет это утро –
Муку просею, нос чуть-чуть припудрю.
И стол накрою – на «три хрусталя»,
Как в ресторане – торт и трюфеля.
Все приготовлю, что любил он с детства,
И плов узбекский, чтобы смог согреться.
Зеленый чай с райхоном заварю.
– Ну, где ты? – я с надеждой повторю.
Среди подруг живет одно поверье,
Что колеус цветет на счастье, верю.
Я чувствую, что встреча так близка.
Расплавится, как воск, моя тоска.

Мой колеус не зря цветет, горит,
И алых лепестков фонтан – к удаче.
Мой сын с войны вернулся до зари,
Живой, не ранен, почему я плачу?
Разлука и бессонье позади,
И сын со мною говорит с улыбкой.
И музыка рождается в груди –
Струна не рвется на поющей скрипке.
Мелодия струится, как ручей,
И радость стала для меня целебней,

Рука в ладони сына горячей...
От сердца говорю: – спасибо, небо!
Смотрю на сына, слышу его речь,
Как солнцем, словом нежным восхищаюсь.
Хочу я счастье в памяти сберечь
И Храм в душе с зажженными свечами.
За пламя встречи, за нетленный миг,
За все, что предначертано мне Богом,
Спасибо всем! – скажу пред людьми.
С молитвой выйду к звездному порогу.

В ПОДМОСКОВЬЕ

Вот, и родина! Я – в Подмосковье,
Зеленый дол, птичий грай сохранен,
Голос друга услышала снова,
Он позвал, словно в трепетный сон!
Вспомним детство, мой добрый ровесник,
Мы – дети грозной, голодной поры.
Слезы... нет, мы не плакали, честно,
Нас выручали лесные дары.
Скрипнул дуб – зашуршал, ведь не молод...
Словно желал рассказать о своем...
Можно ль это забыть и тот голод,
Хотелось хлеба и ночью, и днем.
Разве сердце бывает из камня,
Такое Зло учинил лютый враг,
Хлеба не было, в поле искали
Гнилые клубни – песок на зубах.
Друг, скажи, мой учитель живой ли?
Размыты горечью тропы – глухи.
Много жизней сгорело в неволе,
Земля больна от войн, от стихий.
Мой учитель, назначьте мне встречу!
Воронки... помните след от войны?
Заровнялись, цветет в поле гречка...
Природа жаждет тепла, тишины.

У БРАТСКИХ МОГИЛ

Я слушаю робко дыханье
Притихшей травы и ветвей,
Шаги матерей не стихают
У светлых могил сыновей.
И ветер седой замирает,
У мраморных плит тишина,

Молчанье хранят ветераны,
И не звенят ордена.
Я – воина мать, слез не скрою,
Запомню бойцов имена,
Как в бронзе поднялись герои,
В бетоне застыла война.

У ОБЕЛИСКА

Не помню я другие лица,
Но лишь запомнилось одно,
Мне показалось очень близким
То материнское лицо.
Глаза с косинкой, как у птицы,
Рука, дрожащая у рта.
И снова мать к земле склонится,
Чтобы о сыне помечтать.
Седая прядь на лбу, как пепел,
Лицо исчеркано войной.
Ей слышится сыновний трепет,
И кажется, что он живой.
К ее щекам прижался... алый
Цветок, как детская щека.
Над матерью скорбящей тают
В седых разводах облака.
Ей вспомнился тревожный голос,
Который огорошил всех:
«Фашисты занимают школу,
Уже стреляют на шоссе!
Ну, мама, мамочка, поверь мне,
Не плачь, запомни, я вернусь!»
Так ночью лютой у деревни
Прервался родниковый пульс.
А сын с отрядом партизанским
Взрывал составы, стал седым.
Он, окруженный сворой адской,
Последней пули господин.
Не для него ли пели птицы,
Объяты крепи у берез?
Но вышло так – распорядиться –
В себя же выстрелить пришлось...
И вот бойцом остался – строго
Глядит из камня столько лет
На Землю, солнечные строки,
На вербу – с горечью букет.
Они на пламенном квадрате –
И мать, и сын в прощальный час...

Земля, зачем бедой объята,
Опять слезами обожглась?

МАТЕРИНСКИЙ ПЛАТОК

Задумчива ты, одинока,
В глазах затаилась печаль.
Твой сын улетел, словно сокол,
И ты его ждешь каждый час.
Он там, на войне – за горами...
Осталось немного, поверь!
Вернется твой сын с орденами,
С утра распахни свою дверь!
И вышла она на крылечко,
Сняла с головы вдруг платок,
Где вышивка – алым – сердечко,
Пустила его на Восток.
И мать песню пела так нежно,
Соседи все вышли во двор.
Платок ее плыл – белоснежный –
С сердечком – в бескрайний простор.
И силой подхваченной свыше,
Летит тот платок не простой...
И дети, и взрослые слышат
Зов матери – голос святой.

* * *

Небо видит сон. В этом сне
Я самой счастливою птицей летаю.
Река видит сон. И в этом сне
Плыву я, волны ее лаская.

Зима погрузилась в объятия сна,
Ей снятся цветы, что из недр вырастают.
А этим цветам уже снится весна,
Прекраснейшая из всех, что я знаю.

И ветер тоже забылся сном,
В котором лечу я по небосклону,
А маме моей снится сон о том,
Что утром вернусь я к родному дому.

МАРТОВСКИЕ КАРТИНЫ

1

В марте выпал снег. Странные желанья
И странные чувства пришли в сердце мне.
На обледенелых дорогах схватывает дыхание.
Ну как тут не тосковать по весне?

Чем дальше всматриваешься – тем ночь длиннее,
Даже с мартовским снегом что-то не то.
Лишь город бесчувствен, гул его все слышнее –
Упаднических настроений не знают авто.

В городских парках, с распущенными волосами,
Как заблудившийся дервиш, бродит снег.
Томленье деревьев – великое самое:
Весна – их детство, их первый побег.

Идешь – и путь преграждает мысли
Подавленное небо, тоскливо и тускло,
Безмолвные стены над сердцем нависли,
О как тяжело без весны, как грустно!

2

Из столицы ушел почему-то печальный
Самый последний день зимы.

Деревья молчат, хоть сегодня начальный
Весенний день встречаем мы.

Ночи без звезд. Темный-темный лес.
Все тихо кругом, все беззвучье хранит.
В глазах моих глубина небес,
И я не хочу ее уронить.

Небо, как сердце, – переполнилось явно:
Всю ночь сыпал снег, белой далью вставал.
И падая, снег диковато смеялся
И, чувствуя гибель свою, лютовал.

* * *

Безнадежный и тяжкий день завершен,
Не было ни дождя, ни письма.
Молчание серый обняло небосклон,
Рассеянные сады смотрелись скучно весьма.

Все валилось из рук, любая работа,
Пенье птиц казалось печальным почти;
Только город был, как всегда, в заботах,
И гул его лился, как сталь, из печи.

Я шла одна к кладбищу... Мое состоянье
Сопрягалось с закатом в его скорбях.
На заходе солнца ветра рыданья
Так и остались висеть на ветвях.

Не радовали, хоть не смущали разум
Мраморные камни, цветы, монументы.
Здесь все смотрят на тебя разом
И задают вопросы одновременно.

Большие и маленькие, свой и чужой
Проступают на плитах, твой взгляд ища.
И тяжкий день мой обрел покой,
Вместе со мной придя на кладбище.

* * *

Вновь северный город в объятиях осени,
В садах зачарованность после дождей.
Трепещет листва в неземной невесомости,
Пока чуть замочена пряжа ветвей.

Куда-то торопятся ветры ненастья,
Влекут мое сердце в небес середину.
Спешит, словно жизнь, медлит, будто бы счастье,
Та осень, с которой я сердцем сроднилась.

* * *

Полночь. Я. Холодная комната.
Ветра морозного пляски.
В окно мое шепчет (вот она!)
Зима свои первые сказки.

Окно мое тоже рассвета ждет,
Будто сказать что-то хочет,
Слеза горячая глаза мои жжет,
Сердце сжимается в одну строчку.

Полночь. Белесых небес кружева,
Песни стужи в оконной раме.
Холодная комната. Я чуть жива
И так стосковалась по маме.

* * *

Деревья больны – и не задают вопросов,
Будто лишилась природа веры.
Лицом к лицу со мной время прозы:
Нет ни снега, ни звезд, ни луны, ни ветра.

Месяц сунбула¹ завершается грустно,
Нерадостные чувства душой владеют,
И в сердце ширится грусти русло.
Где земля? Где небо? И где я?!

ЛИСТ

Уж почкой он глаза открыл
И к солнцу жадно устремился,
Росой лицо свое омыл,
Душою с песнею сроднился.

Как звездный смех, что ночь кружил,

¹ Сунбула – название шестого месяца солнечного года, соответствующего периоду 22 августа – 21 сентября.

Ушел огонь весны из сада,
И осень, пожелтев как жизнь,
Запела песни листопада.

В душе листка печальный стон:
«О скольких не постиг я истин!..»
С несбывшейся надеждой листик
Уже землю погребен.

* * *

На дворе удивительный дождь
Заставляет забыть печаль.
Осень дальше уходит, но все ж
Расставания с нею не жаль.

На дворе удивительный дождь
Заставляет ждать новых вестей.
Если в долгом томлении ждешь,
Невозможность свершится верней.

На дворе удивительный дождь...

* * *

Идти б и идти бесконечной дорогой,
Лишь только бы пыль не тревожила глаз,
И кто-то сказал: «Стань мне другом! – так много
Невиданных красок есть в мире для нас».

Идти б и идти бесконечной дорогой,
Чтоб мыслей усталых не слышался зов.
И кто-то сказал мне: «Мой друг, ты мне дорог,
Увидимся в добрый наш час, будь здоров!»

Идти б и идти бесконечной дорогой,
Чтоб стала она оживленной тропой,
И кто-то мне руку пожал у порога:
«Прощаюсь, чтоб новой ждать встречи с тобой».

Перевод с узбекского Николая Ильина

СИНДРОМ СТРАХА, ИЛИ ЗАКОН МАТРЕШКИ

Фантастический роман

(продолжение)

«На протяжении тысячелетий кудесники, маги и прорицатели, вглядываясь в зеркала, утверждали, что видят там нечто, недоступное простым смертным. Древние знания свидетельствуют, что зеркала являются ничем иным, как каналами энергетических потоков».

«Тибетские монахи разработали технику «возвращения к себе», где зеркало используется как прибор перенастройки своего сознания. При этом следует, не мигая, вглядываться в свое отражение, доводя этот процесс до 5 – 7 минут. Практикующие эту технику начинают видеть иные лица, сменяющие друг друга. Монахи называют их вариациями собственного лица, отражающими человека в его прежних жизнях. Монахи предупреждают, что данная техника опасна, ею могут пользоваться только мастера».

«Геофаст Парацельс использовал зеркало для лечения больных. С помощью заклинаний и магических формул он «уговаривал» темную энергию, поселившуюся в человеке, покинуть тело и перейти в его отражение».

«Александр Македонский сильно волновался перед сражением с персидским царем в 331 году. Не в силах уснуть, полководец долго всматривался в походное бронзовое зеркало, как бы желая увидеть в нем – чем обернется завтрашний день? Вдруг отражение подернулось пеленой и показало ему будущую битву и его победу».

«Маги прошлого утверждали, что зеркало являет собой выход в иной, потусторонний мир».

Человек, ты на правильном пути в своих дерзких поисках, но... будь осторожен!

Она – многолика. Она может превратиться в Они – рассыпаться, раздробиться на тысячи, десятки тысяч живых и подвижных, как ртуть, зеркальных «бликов» и затем вновь собраться в нечто единое, целое, умеющее принимать любые формы. Собственно, ни местоимение Она, ни местоимение Они совершенно не определяют ее сущность. С тем же успехом о Ней можно сказать Он или Оно. Хотя и это неважно: Богиня никогда не мучила себя подобными определениями, потому что просто не имела о них никакого представления. По сути дела, Она могла принять любую форму. Да и Богиней мы ее с вами, уважаемый читатель, называем только потому, что так ее величают аланты, многое знающие о ней и понимающие ее сущность.

Она безраздельно властвует в своем мире отражений и миражей, в транном измерении, граничащем со многими другими измерениями, которые Она чувствует и к которым (в бесконечных поисках энергии) постоянно ищет Путь. В некоторые миры этот Путь был ею проложен, но одни оказались бесполезны (в них не было пригодной для нее пищи), в других пища была, но в недостаточном количестве, третьи были попросту опасны, поскольку населявшие их формы жизни сами питались энергией и были весьма агрессивны и сильны, сильны настолько, что мгновенно уничтожили ее «разведчиков», ее Шошей, ее «сборщиков» энергии.

Идеальным измерением оказалось то, в котором роились странные существа, называвшие себя людьми. Эти существа, создав зеркало, практически проложили ей дорогу в свой мир, не понимая, что «чудесное открытие» одновременно и «опасное открытие», что оно не только отражает, но и поглощает, впитывает, забирает, превращая людей в обыкновенных «дойных

коровок».

Богиня уже многое знала об этом измерении: вытягивая через зеркальные шлюзы энергию людей, она захватывала и их мыслеформы.

Некоторые из этих странных существ, умеющих в малых дозах аккумулировать в себе энергию (чем они и были ей интересны), поняли силу и сверхъестественные возможности зеркала и стали поклоняться ему. Они экспериментировали, создавали всевозможные ритуалы. Иной раз им удавалось воспроизвести нужные мыслеформы, послать в зеркало сильный целенаправленный поток энергии и тем самым привлечь особое внимание Богини (так и появились специальные заговоры, составляющие процесс «гаданий по зеркалу»). Некоторые из этих любопытных существ после особо «удачных» экспериментов сходили с ума, другие бесследно исчезали, но со многими Богиня играла в странную игру: существа посылали ей мыслеформы-вопросы, страстно желая узнать свое будущее. Кому-то Богиня показывала правдивые картины, как, например, Македонскому (это она умела, поскольку могла подключиться к Основному Энергетическому Информационному Потoku или Мировому Разуму), кому-то лгала. Иногда ей нравилась эта игра, и тогда работающий с зеркалом напрямую сталкивался с тем, что мистика – не пустой звук (страшный опыт такого гадания оставлял отпечаток на всю жизнь); иногда мгновенно раздражалась, и тогда ее молниеносная реакция могла быть смертоносной или болезненной. Иной раз на лице или на руке гадавших, не успевших хлопнуть по зеркалу или прикрыть его платком, оставались странные серовато-зеленоватые пятна: это их коснулась Богиня. Пятна болели, долго не проходили, и, что самое неприятное, могли остаться навсегда.

Были в этом измерении, называемом людьми «Земля», и еще одни существа, над которыми Богиня была не властна, хоть они тоже смотрелись в зеркала. Она знала, что эти существа называют себя алантами или Избранными, могут проходить сквозь зеркальную преграду и перемещаться по паутине Троп в ее измерении. Внешне они ничем не отличались от людей, но их энергетический потенциал был гораздо, гораздо выше. Однажды один из алантов сошел с Тропы и тут же заблудился в мире зеркальных миражей, став, наконец, добычей Богини. Вот тут-то Она и попробовала энергию Избранного, высосав его до состояния тени и получив при этом огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение. С этого момента желание найти Путь, чтобы самой попасть в измерение под названием Земля и подчинить его себе, поглотив все существующие там энергетические потоки, стало чуть ли не целью существования вечно голодной Богини.

Сейчас в ее власти находился еще один алант, точнее алантка (Богине это было безразлично, она не знала различия между полами). Первым ее желанием было немедленно насладиться столь изысканной пищей, но, подумав, она решила не трогать это сильное и удивительное существо, и потому «законсервировало» его, превратив в живую куклу. Вытянуть энергию этого существа можно в любой момент – она в мире Богини и во власти Богини. Но, может быть, есть возможность с ее помощью попасть в желаемое измерение? Теперь Богиня с большим рвением стала изучать и людей и алантов и выяснила, что и те и другие существа делятся на две разные особи – мужского и женского пола. Соединяясь, эти особи воспроизводят себе подобных. Причем, плод вынашивает та особь, которая относится к женскому полу. Особенно плодовиты существа, называющие себя людьми.

Богиня без труда заполучила человеческую особь женского пола, гадавшую ночью «на зеркале», особь беременную, и решила Часть себя внедрить в ее плод. Если бы это удалось, то женщина, вновь оказавшись в своем измерении, вынашивала бы уже не своего ребенка, а созревающую, разрастающуюся в ней, питающуюся ее энергией и энергией ее плода живую и пульсирующую часть Великой Богини. В определенный момент эта «Часть» просто уничтожила бы женщину и появилась в столь желанном измерении, жадно поглощая его энергию. И ничто

не смогло бы на Земле противостоять этой «Части»! Сила поглощаемого энергетического потока была бы столь колоссально велика, что сумела бы разорвать границу между двумя измерениями, ПРОЛОЖИВ ПУТЬ, и тогда Богиня вновь соединилась бы со своей «Частью», получив в свое владение Землю.

Мерцающая внедрилась в плод женщины и вышвырнула ее за зеркальную границу, в «ее мир». Но буквально через несколько минут женщина умерла, умерла в страшных муках. Богиня, с интересом наблюдавшая за ней сквозь зеркальное полотно, видела, как та корчилась, хваталась за живот, выгибалась всем телом, каталась по полу, открывала и закрывала рот и, наконец, затихла. В ней погасло пламя энергии, а вместе с ним медленно погасла и внедренная в нее «Часть».

Богиня испытала шок! До этого момента Она просто не знала, что может вот так угаснуть! Ведь Она вечна, бессмертна! Правда, иногда (очень, очень редко), когда Богиня разрасталась, уподобляясь бездонному океану, наполненному чудесной, бурлящей, бушующей энергией, проявлялась некая неведомая ей Сила, которая медленно выпивала Ее. В такие минуты (а может быть часы, годы, века – в мире Богини не было такого понятия, как «время») Она находилась в смутном, мятущемся состоянии, которое люди определили бы одним словом «страх». Но потом, насытившись, эта Сила исчезала, и Богиня вновь была занята тем, что бесконечно аккумулировала в себе все доступные ей энергетические потоки. И вдруг Часть ее угасла – угасла совсем! Такого не было никогда!

Богиня очень болезненно перенесла эту потерю, однако от задуманного не отказалась, просто сделала вывод: человеческие особи слабы и не годятся для подобной операции. Тогда, может быть, внедрение Ее мощной энергетической сущности выдержат аланты? Именно поэтому Она не уничтожила попавшую к ней особь, а заодно и аланта, тоже оказавшегося в ее власти. Подобная добыча была крайне редким подарком, поэтому Богиня не собиралась спешить: эти ценные находки могли оказаться именно тем ключом, с помощью которого Она откроет себе Путь в столь желанное измерение.

Богиня привела Джастина к Тане, и он был потрясен ее ужасающим положением. Его любимая была жива – каким-то образом Богиня подпитывала ее силы – но в то же время и мертва, застыв прекрасной скульптурой, куклой. Жили только ее глаза, умоляющие о помощи, да ее разум. Первое, что «услышал» Джастин, был крик непереносимой муки и ужаса: «Спаси меня! Спаси! Меня терзает голод! Спаси! Нет! Нет! Беги, беги от Нее, спасайся Она – смерть!». Джастин тут же с болью, любовью и нежностью ответил на этот мощный мысленный призыв: «Я сделаю все! Я спасу тебя, Тана! Если смогу, если только смогу – спасу!»

Джастин чувствовал, что Богиня спокойно «читает» их мысленную «переключку». Чувствовал он и другое: в этом мире он бессилен, он игрушка для этого странного, непонятного, могучего и бездушного существа!

Чего ты от нас хочешь?! – послал он в сторону Богини мысленный посыл, напитанный яростью и гневом.

Некая расплывающаяся, отливающая то зеркальными ртутными бликами, то всеми цветами радуги масса, вдруг заклубилась и мгновенно приняла облик Таны. Джастин в ужасе отшатнулся. Теперь перед ним стояли две Таны: одна – застывшей скульптурой, вторая – «живая», подвижная, только с мертвыми зеркальными глазами.

Путь! Помоги мне проложить Путь в измерение Земля. Вы, аланты, тоже пришли в это измерение из другого мира, вы сумели проложить туда Путь. Вы сумели проложить Путь и в мое измерение – ведь вы перемещаетесь по Тропам, созданным вами, алантами! Сделай то же самое для меня, тогда я отпущу тебя и отдам тебе это существо. Она ведь Твоя Часть, верно? И она нужна тебе? – в мысленном потоке Богини Джастин ощутил интерес, любопытство. Потом повторила, констатируя факт:

Она нужна тебе, потому что она твоя часть? Я понимаю это. Я сама однажды потеряла Свою Часть, и мне было очень, очень больно! Я понимаю тебя. Ты можешь спасти ее. Проложи мне Путь.

Как? Я не знаю, как это сделать? Путь из истинного измерения алантов прокладывал не я. Я не отношусь к Посвященным! Я родился в измерении Земля!

Надо, чтобы часть меня – маленькая, крохотная часть – оказалась на Земле и не погибла бы там. Я попробовала внедрить себя в женскую особь существа, населяющего это измерение и называющего себя «человеком». У меня ничего не получилось. Моя Часть погибла! Я до сих пор испытываю боль от этой страшной потери! Человеческие особи слабы, а вы, аланты, сильны. Ваша энергия другая. Ваша особь женского пола должна выдержать Мою Часть.

Ты хочешь внедриться в плод алантки?! Это невысказано, невозможно!!! Ты многое знаешь о нас и должна понимать, что ребенок для алантов – святое! Нас очень мало на Земле! Очень мало! Процесс рождения и сохранения жизни как ребенку, так и матери, для нас огромная проблема! Огромная! Мы сами пытаемся ее разрешить!

Меня не интересуют ваши проблемы. Ты должен доставить сюда беременную алантку, тогда взамен я отдам тебе эту особь, которую ты иногда называешь Таной. Если согласен, дашь особую клятву, подчиняющую тебя мне, если нет – я немедленно уничтожу и тебя и ее!

Мгновенно превратившись в белесую массу, Богиня метнулась к Тане и удавом обвилась вокруг нее. Лицо «куклы» исказилось гримасой боли, а в голове Джастина взорвался крик:

Не соглашайся, Джастин! – вопль страха и отчаяния. – Не соглашайся! Если Она попадет на Землю, то уничтожит всех алантов! Не верь Ей, она...

Вдруг лицо Таны застыло, став действительно кукольным, глаза закрылись, и Джастин перестал ощущать ее присутствие.

Что ты сделала с ней? Ты убила ее?

Нет, я ее успокоила. Я жду ответа, алант.

Хорошо, отпусти ее, я что-нибудь придумаю, только не мучь Тану! Аланты – величайшая редкость во вселенной, верни ее!

Клянись и выполни, иначе вселенная потеряет двух алантов.

Джастин понял, что, если он сейчас скажет «нет», они с Таной обречены, если согласится, то по крайней мере выиграет время, а с ним и надежду (пусть крохотную!) на выход из безвыходного положения. Он дал клятву, и Богиня получила над ним власть.

15

Олег на приличной скорости мчался по улицам Ташкента. Он любил быструю езду, хотя и понимал, что на перегруженных городских улицах это довольно опасное увлечение. В районе Паркентского базара ни о какой скорости не могло быть и речи: там машины ползли, а водители мечтали только об одном – поскорее выбраться на простор кольцевых дорог. А тут еще как назло впереди заглох автобус, практически перегородив все движение. Олег остановил машину и чертыхнулся, поняв, что минут десять однозначно будет торчать в образовавшейся пробке. Ну что ж, пока стоим, надо заняться делом, – решил он и набрал на сотке нужный номер. Вызов звучал достаточно долго, Олег уже хотел было отключиться, как услышал тихий и какой-то мертвый Риткин голос.

Да.

Привет подруга! – бодро произнес он. – И где же это ты вчера вечером гуляла, что даже на звоночки мои не отвечала?

Ритка невольно вздрогнула, услышав голос Олега. Тут же учащенно заколотилось сердце, и она с досадой подумала о том, что никак не может равнодушно реагировать на этого человека.

Ненавидит его и... любит. Скажи он ей сейчас ласковое, душевное слово, и она разревется как дура, и помчится к нему хоть на край света! Но не будет никаких ласковых слов, будут другие, те, которые он произнес сейчас беспечно-веселым тоном, те, которые вызвали в груди глухую боль: где гуляла? – перед глазами тут же возникла жуткая картина – застывшее лицо Ксюши, со стекающими по нему каплями дождя. Создавалось впечатление, что подружка плачет... На звоночки не отвечала! Всего один единственный звончок и был, дежурный, равнодушный, для отмазки...

Что тебе, Олег?

Олег насторожился. Так Ритка с ним никогда не разговаривала. Что за безликий, потухший голос! Ритка – это вулкан эмоций, а тут вдруг какой-то шелест в трубке. Тут же вспомнилось и ее странное поведение вчера утром, когда он отправил ее домой, притихшую и испуганную.

Рита, что с тобой? Ты что, действительно по-настоящему разболелась что ли?

Да. Можно сказать и так.

Слушай, я, к сожалению, не смогу заехать к тебе сегодня – много дел. Действительно, очень-очень много дел, просто до черта много! У меня тут возникли кое-какие проблемы на работе, их надо решать и немедленно, но завтра я обязательно постараюсь к тебе выбраться. Слышишь меня?

-Да.

Кстати, ты вызывала врача?

Нет.

Но почему? Если человеку плохо, то он, прежде всего, вызывает врача. Логично?

Логично.

Ну, тогда почему не вызвала, если болеешь и тебе плохо?

Олег, извини, я устала.

Олег секунду помедлил, удивленный подобным оборотом их разговора, и уже серьезно и немного настороженно ответил: «Ну, хорошо, отдыхай. Позвоню завтра. Пока!»

Не ответив, Ритка отключила телефон. Боже мой! Какие пустые и ничего не значащие слова! Зачем вообще звонил! чтобы предупредить, что – может быть! - придет завтра! Тут такое произошло в Риткиной жизни! Такое! Оксанка разбилась и разбила Риткину жизнь: теперь все в ее жизни будет делиться на «до» и «после», и всегда, всегда в ее жизни будет этот страшный дождливый вечер... А человек, которого безумно любишь, - в стороне от всего, разговаривает бодрячком и говорит какие-то пустые, идиотские слова! Ритка откинула голову на подушку, прикрыла глаза рукой и горько расплакалась.

Поток машин тронулся, как огромный железный удав, и Олег сосредоточил свое внимание на дороге. Выехав на трассу, прибавил скорость и серьезно задумался о Ритке. Что-то случилось... что-то действительно с ней случилось! Нет, с одной стороны, оно, конечно, очень хорошо, что Ритуля сама как бы прерывает их отношения, как бы даже не он ее бросает, а она его... Это удачно! Этому следует подыграть и распрощаться с ней навсегда. Но, с другой стороны, что произошло-то? Во-первых, любопытно, а во-вторых... а во-вторых, было где-то обидно, что «она его». Олег был уверен в ее совершенно безумной любви к нему. Что, так шустро разлюбила что ли? Или переметнулась к другому, почувствовав его охлаждение? Девочка горячая, может быть, и переметнулась...

И вдруг Олег понял, что ему совершенно не нравятся эти мысли, однозначно не нравятся. К кому переметнулась-то? Кто этот другой? Неужели Акмаль? Олег вспомнил веселого кареглазого парня с удивительно широкими черными бровями, которые, практически, сходились на переносице. Эти брови удивительно красили лицо парня, эти брови

запоминались... Тогда, на веселой вечеринке у Алика этот Акмаль с Ритки глаз не сводил. Олег видел это, но остался равнодушным, потому что видел и другое – Ритка была равнодушна. Неужели игра? Неужели этот чернобровенький нашел к ней подход, и теперь Ритуля красиво выписывает ему, Олегу, от ворот поворот? Еще никогда и никто ничего Олегу не «выписывал»! Обычно такой процедурой занимался он сам.

М-да... Интересное кино... - процедил он вслух сквозь зубы. Так. Стоп! Ну, даже если и этот чертов Акмаль... тебе-то сейчас какая нафиг разница! – обратился он к самому себе. – Наоборот, прекрасно, что Ритка сваливает! Просто подарок судьбы! Сейчас на первом месте должна быть только Елена! Какие нахрен Риты! Чо завелся-то, как дурак, с пол-оборота! Или я ее ревную? – самому себе Олег любил говорить правду и только правду, любил отыскивать объективные причины тем или иным своим поступкам, мыслям, движениям души. – Так что, действительно ревную что ли? Только вчера искал весомую причину, чтобы проститься с красоткой, а сегодня, обнаружив такую причину, нервничаю, завожусь... Ерунда... Я не ее ревную, я просто не люблю, когда из меня делают идиота... Кинуть должен я, но никак не меня... Да еще вот так, любовными игрушечками за моей спиной. Нет, Ритуля, мы иначе поставим точку. Завтра и поставим. Красиво.

Наревевшись, Ритка медленно встала и пошла в ванную. Шла тоже медленно, как столетняя старуха, у которой болит каждая косточка. Пустила прохладную воду и долго старательно умывалась. Закрыв кран, посмотрела в зеркало и отшатнулась... Нет, все нормально. Никаких «красавиц»... то есть вообще никаких, потому что сама Ритка выглядела сейчас не лучшим образом: зареванные припухшие глаза, распухший нос и какие-то то ли потрескавшиеся, то ли покусанные губы. Видок еще тот! Жуть! Ритка тяжело вздохнула и отправилась на кухню: захотелось чего-нибудь пожевать. Вот, есть отварное яйцо: Катерина, наверное, утром отварила и ей оставила. Кофе и яйцо... и ничего больше не надо...

Ритка вяло жевала, не ощущая во рту никакого вкуса, а мысли ее уносились в прошлое, высвечивая одну «картинку», за другой. Только все «картинки» почему-то были грустные: выплывали неприятности, обиды...

Вспомнила, как в последнее время не раз по целым ночам не спала, ждала Олега, который сухо предупреждал, что не придет, потому что задерживается на работе, и после «предупреждения» просто отключал телефон. А когда Ритка спрашивала – зачем он это делает? – так же сухо отвечал: «Чтобы на твои звонки от работы не отрываться». И нехорошо усмехался при этом. Вот и понимай, от какой «работы» он не хотел отрываться?! И Ритка проглатывала обиду, делала вид, что верит, потому что до жути боялась потерять его.

И еще вспомнилось, как однажды Виктор отмечал свой день рождения в небольшом, но очень уютном ресторане «Алеко». Были только самые близкие друзья (Виктор вообще не любил шумихи и помпы). Все было очень мило: пили, ели, танцевали, произносили хорошие тосты, весело болтали...

Вдруг у Виктора зазвонил мобильный, он подключился к разговору, заулыбался и начал говорить: «Конечно, конечно, о чем разговор... Игорь Владимирович, я вас жду... Мы скромно веселимся...» - и он тут же начал объяснять ему, где они сейчас «веселятся». Отключился и сказал, обращаясь, к Елене, Олегу, Умиду и сидевшему рядом с ним полному мужчине (Ритка не запомнила его имя):

Игорь Владимирович с дочерью прилетел, говорит всего на несколько дней, с нами кое-что перетереть (он кивнул своему полному соседу и тот с пониманием дела, удовлетворенно кивнул в ответ), да заодно показать своей дочери, Владе, Самарканд и Бухару. Сейчас они заедут сюда.

Ну, что ж... Игорь Владимирович всегда желанный гость! – искренне проговорил полный мужчина.

И далее, по тому, как они активно заговорили о каком-то неведомом Ритке Игоре Владимировиче, она поняла, что это серьезный партнер по бизнесу, живет в Лондоне, жена англичанка...

Ритка тут же потеряла к их оживленной беседе всякий интерес и возобновила свою собственную беседу с Гулей, женой Умида. А через полчаса и она, и Гуля пережили несколько минут самого настоящего унижения, хотя никто их напрямую и не унижал. Запомнилось, как Виктор и полный мужчина вдруг встали, заулыбались и пошли навстречу приехавшим. Гости подошли к столу, и в этот момент и Гуля, и Ритка увидели эту самую Владу (отец называл ее просто Ладушкой): статуэтка с точеными ножками, маленькой грудью и тонкой осиной талией. Короткое открытое темно-зеленое платье подчеркивало красоту фигуры, шеи, плеч и водопада переливающихся платиновых волос. «Водопад» закрывал всю спину, спускаясь до аккуратной выпуклой попочки. Черты лица нельзя было назвать «точеными», но обаятельными, привлекательными – несомненно. И вообще вся она была какой-то потрясающе женственной и еще... чувственной что ли!

Гуля и Ритка, не сговариваясь, глянули на «своих» и вот тут-то и ощутили свое унижение, потому что и Умид, и Олег совершенно откровенно любовались подлетевшей к их столу «птичкой». Они не скрывали своих восхищенных взглядов. Более того, повернувшись к Олегу и тихо прищелкнув языком, Умид прошептал: «Стоящая девочка, верно?». Прошептал так, что услышали и Гуля, и Ритка. А Олег подскочил к брату и стал помогать ему размещать за столом вновь прибывших гостей, занимаясь, конечно, в основном гостьей. Прикоснулся к ее талии, ослепительно улыбнулся и что-то стал говорить, приветливо и ласково. Что он говорил, Ритка не слышала: во-первых, в этот момент заиграла музыка, а во-вторых, у нее у самой в голове гудели колокола. Не присаживаясь к столу, красавица отправилась танцевать с Олегом. Следующий танец – и Ладочка уже плывет в паре с Умидом. Минутный перерыв, снова музыка, и гостья уже вновь кружит по залу с Олегом.

Ритка взглянула на Гулю. Та ковырялась вилкой в своей тарелке, нежный румянец, всегда окрашивающий ее смугловатые щеки, пропал, лицо было пепельно-серым. Ритка поняла: женщина с трудом сдерживает слезы. А Ритке хотелось не разрыдаться, а закатить Олегу хорошую оплеуху, закатить так, чтобы звон прошел по всему ресторану, а на его довольной физиономии отпечатались бы все ее пятерня! А уж эту маленькую дрянь! Выдрать бы все ее платиновые волосенки! Ритка увидела, как эта «дрянь» запрокинула голову (отчего ее платиновый водопад пошел красивой переливающейся волной) и, раздвинув в улыбке перламутровые губки, с интересом заглядывала в лицо Олега. А тот, наклоняясь к ней, что-то говорил и говорил – веселил девочку...

Ритка встала и, не попрощавшись ни с кем, вышла из ресторана. Не помнит, как и домой доехала. Зато помнит, как ждала звонка Олега (он ведь должен увидеть, что она ушла, должен понять – почему?). Звонка не было, и Ритка весь вечер и практически всю ночь рыдала от обиды и унижения. А на другой день Олег ей же еще и выговорил за то, что она вести себя не умеет в приличном обществе, что позорит его своей ненормальной ревностью. Ставил в пример Гулю, которая умеет сидеть тихо, как мышка. Ну, конечно, робкая и стеснительная Гуля действительно сидела, как мышка, это точно, потому что, как огня, боится Умида. И Рита знает, почему боится. Всегда сдержанный и холодно улыбающийся друг Олега может быть и другим. Вот того, другого, Гуля и боится. Собственно, так же как и сама Ритка, которая тоже боится «другого» Олега. Не случайно ей всегда казалось, что Олег и Умид – близнецы-братья.

И она опять «проглотила» все нотации и высказывания своего милого, «проглотила», чтобы помириться, чтобы только не потерять его...

Черт возьми, Ритка, неужели ты до такой степени тряпка, а? – задала она тоскливый вопрос самой себе. – Говорят, любовь возвышает, окрыляет... - размышляла она, медленно

пережевывая яйцо. – Да... возвышает... но эта же любовь еще и унижать умеет, и человек терпит, потому что любит. А может быть, не все терпят, а? Может быть, это только ты, дорогая Рита, такая бесхребетная дура? Правильно говорят, что «на горячих конях воду возят». Вот я и есть тот «горячий конь» - поору, повыступаю, выпущу пар и... все, снова садись и поезжай, снова спокойно «вози воду». Размечталась, идиотка, о семье, о ребенке...

Ритка почувствовала, как из глаз снова покатались слезы, но не стала их вытирать: было до жути жалко себя. Почему все так сложилось? Почему все так страшно и нелепо? Почему это все произошло именно с ней? Да еще и видения вчера были какие-то... Жуткие видения... Сейчас Ритка уже сомневалась в реальности этих «видений». Ведь, действительно, если вдуматься, то дребедень получается! Может быть, она и вправду умом поехала... Господи, да что же это такое с ней происходит! Да за что же все это?!

Ритка глотнула кофе, подавилась и закашлялась. В этот момент резко прозвучал звонок – кто-то пришел. Быстро прополоскав рот, она кинулась к двери и, не спросив – «кто?» - открыла. За порогом стояла Катя и куратор их группы, Сабина Ахматовна. Ритка на секунду растерялась, представив себе свою зареванную опухшую физиономию, но Сабина шагнула к ней навстречу и обняла.

Уткнувшись в плечо своему куратору, Ритка снова заревела, в голос, со страхом, отчаянием, но и каким-то неожиданным облегчением.

Вернувшись вечером домой, приняв ванну, Олег растянулся на диване и, автоматически включив телевизор, «отключился» от экрана, перебирая в голове события сегодняшнего дня. Страстные диалоги героев какого-то очередного сериала не мешали ему думать, он их просто не воспринимал, погруженный в свои мысли.

Самым приятным воспоминанием было посещение Елены. Она ждала его! Вот что важно! Олег сразу же почувствовал, что ждала. Сегодня Елена накормила его ужином, и про себя Олег отметил, что готовит прекрасная вдовушка хорошо, вкусно. Он любил, когда «вкусно». Сегодня они уже болтали более непринужденно и, кстати, все обговорили по поводу поездки в горы. Прекрасно! Еще более прекрасным было то, что Елена предложила ехать или на ее «Matize» (на котором, хоть и редко, она ездит на работу или по делам), или на машине Виктора (правда, сомневалась, заведется ли «Toyota» сразу, не испортилось ли в ней что-нибудь, ведь стоит-то уже больше года!).

Боже мой! Очутиться за рулем такой машины! Да это же золотая мечта Олега! Но он не стал сразу брать быка за рога, а, улыбнувшись, сказал: «Ну, что ты, Леночка, у нас с Умидом тоже есть «кони», не столь дорогие и элегантные, конечно, но до гор домчат. А машину Виктора, если ты о ней беспокоишься, я могу посмотреть. У меня есть прекрасный мастер, золотые руки, все проверит, все отрегулирует. Лады?». И Елена вдруг засмеялась, обнажив красивый ряд ровных, белых зубов, и весело ответила: «Лады». В этот момент Олегу безумно захотелось встать, прижать ее к себе и поцеловать, впиться в нее губами, чтобы ощутить языком эти ровные и белые зубы. Однако он опустил вниз свои бесстыжие глаза, прикрыв веками свои бесстыжие мысли. А мысли были бесстыжими по-настоящему: до «Тойоты», считай, добрался, добраться бы еще до тебя, сладкая кошечка! Уж ты бы у меня не заскучала! Я бы тебе ночку устроил... Ты бы у меня помяукала...». Однако тут же сказал себе: «Стоп! Не торопи события, не дай бог, чтобы все сорвалось. У этой дамочки представления «кой о чем» по меркам девятнадцатого века. О'кей, будем изображать дворянина! без проблем!». А вслух, улыбнувшись, проговорил: «Ты знаешь, Лен, когда ты улыбаешься, у меня на душе тепло становится. Правда, ей богу, правда!».

С приятных мыслей Олег «соскочил» на неприятные: вот только интересно, с чего этот толстый боров заводит разговоры о смерти Виктора? Что этот козел может знать? Ничего он

знать не может. Об этом вообще ни одна живая душа не знает. Знает одна душа – душа его сводного брата – но она уже не в этом мире. Значит, просто берет на понт. Но с Олегом это не пройдет, не на того напал! Не понравилось ему сегодня и то, как Умид на него глянул, дружочек закадычный. Но Умид – это свой... до поры до времени, конечно, свой. В этом мире «своих» не бывает, каждый сам за себя. Будет возможность у Умида урвать, он тоже урвет. За это Олег его и уважал.

Мысли снова метнулись к Виктору. Иногда Олегу становилось муторно оттого, что он осмелился сделать. Убил! Да, убил. Он – убийца. Иной раз от этих мыслей было по-настоящему страшно, но... но он умел быстро забывать и свой страх, и угрызения своей совести жесткими размышлениями о жестоких правилах этого мира: или ты или тебя. Это закон жизни. Не им придумано. Есть возможность урвать, чтобы схватить судьбу за загривок, – надо урывать. Вот и вся мораль. В отличие от Раскольникова (о котором Олег любил поразмышлять), он не только «осмелился и сделал», но еще и не изошел в истеричном испуге, не распустил сопли и слюни. Да... не распустил... убил с помощью очень редкого порошка, который ему случайно удалось заполучить после его экзотической поездки по Африке. У колдуна купил (так себя называл этот черномазый грязенький мужичонка). За приличные бабки, между прочим! Купил так, на всякий случай, вдруг пригодится. И пригодилось. Честно говоря, думал, что этот колдун его наколол, но... оказалось, что все путем, никакого обмана. Через четыре месяца Виктор тихо отошел в мир иной, и ни у кого не возникло никаких подозрений, а у Олега появился шанс. Правда, отдавая ему порошок, колдун что-то гундел по поводу того, что он служителю Белой Мамбу (или Намбу, черт их там разберет, этих африканцев!), и что если он, то есть Олег, использует этот порошок, то таким образом откроет Путь к своей душе для этой Мамбу, и она может не только покорить его, подчинив себе, но даже убить, потому что Прекрасная Мамбу – это одно из многочисленных обликов Великой Смерти. «Я предупредил тебя, бледнокожий чужестранец, - глядя на Олега своими страшными выпученными глазами гнусавил колдун на плохом английском, - на мне нет греха, за то, что ты совершишь. Человек сам выбирает между добром и злом. Твой выбор – твой Путь. Помни мои слова!». Прогундосил и пропал.

Честно говоря, Олег сначала немного смутился: его поразило исчезновение этого грязного мужичонки: на какую-то секунду он отвел от него глаза, чтобы глянуть на полученный в целлофановом пакетике порошок, как этот «служитель Мамбу» испарился. Но, обмозговав ситуацию, Олег успокоился: торгоши таким товаром, естественно, исчезают незаметно (мало ли что!) и знают – куда исчезать и как. А все его слова – ритуальная при такой торговле бредятина, чтобы заморочить клиенту голову, пустить пыль в глаза, ну и, конечно, набить цену своему товару. Какой же он колдун без всяких там Мамбу-Намбу! А денежки-то колдун сорвал приличные! Молодец мужик! Имеет свой бизнес! И неплохой, судя по тому, сколько он содрал с Олега! Ладно, к черту все эти мысли, но с боровом надо разобраться и рот ему заткнуть. Сделать это надо четко, чтобы, как говорится, комар носа не подточил. Подумаем, подумаем...

Олег сосредоточил свое внимание на экране телевизора, лениво пощелкал пультом, но мысли снова унесли его в раздумья, теперь уже о Ритке. Позвонить ей, что ли еще раз? Что у нее там случилось? Черт, надо немедленно поставить точку во всей этой романтической истории. Не дай бог, если эта Ритка выкинет ему какой-нибудь фортель с Еленой! Вот это будет номер! А ведь она может! Эта чертова ревнивая неврастеничка все может! Хотя разговаривала она странно, как неживая... Не похоже это на нее... Так, надо самому во всем разобраться, надо ехать к ней... и не тянуть с этим, а то как бы не вляпаться. Так, сейчас позвоню и предупрежу, что утром заеду, чтобы не слиняла никуда, а то упрется в свой университет, и ищи ее потом свищи, а у него своих дел по горло. Олег потянулся к телефону...

Джастин и Клэр наблюдали за Олегом. В это утро он не метался, наоборот, долго просыпался, лениво потягиваясь, как большой сильный зверь, долго умывался, не торопясь пил кофе, не торопясь одевался и придиричиво рассматривал себя в зеркало, не ведая, что рассматривают и его.

Так, не забыть сегодня про печатку, а то второй день без нее хожу, - пробормотал он себе под нос и протянул руку за кольцом. Протер его кусочком мягкой фланели и, полюбовавшись игрой мелких, впаянных в платину бриллиантов, надел на палец.

В ту же секунду его тело пронзила страшная боль, как будто сквозь него прошел сильнейший удар тока, или прошла молния. По сути дела, так оно и было: сконцентрированный поток энергии иного мира, усиленный заклятием Клэр, вступил во взаимосвязь с энергией тела человека. Такое мог выдержать не каждый, Клэр знала об этом и поэтому с тревогой наблюдала за Олегом, который безмолвно рухнул на ковер, чудом не задев головой угол кровати. Минуты две-три казалось, что он уже больше не поднимется, но вот послышался глубокий и судорожный вздох, к щекам человека вновь прилила кровь, глаза открылись, и его блуждающий взгляд с трудом сконцентрировался на потолке.

Что это? Что это со мной было? Черт, какая боль в затылке! – Олег застонал, перевернулся на левый бок, полежал так несколько секунд и сел, потирая затылок рукой. – Получается я ни с того ни с сего грохнулся что ли?

Олег поднялся, морщась и постанывая (так болела голова), оглядел себя в зеркало и снова с неподдельным испугом произнес:

Что же это со мной было то, а? Может быть, болезнь? Может быть, я заразился, когда «обрабатывал» Виктора? Нет, не может быть... я был очень, очень осторожен... не может быть... - но страх уже сжимал горло, а сердце стучало громко и часто.

Олег подошел к кровати и лег. - Черт! Какие там были симптомы? Не помню, ничего сейчас не помню... Вроде бы тоже слабость... Но Виктор... Виктор ни разу не сказал, что хлопался в обморок... А может быть, просто «не сказал»? Вот черт, черт, черт! Неужели траванулся!

Перед глазами вдруг выплыло черное сморщенное лицо колдуна и его тихий свистящий шепот: «Я предупредил тебя, бледнокожий чужестранец...». Чо он там плел-то про эту Мамбу? Что она может прийти, и подчинить себе, и даже забрать... Бред! Поганый бред! Сейчас полежу, и все пройдет...

Олег закрыл глаза и постарался успокоиться. Ему казалось, что в комнате стоит какая-то зловещая тишина, и только слышно, как гулко и часто бухает его сердце, бухает где-то в горле, в ушах, даже в кончиках пальцев. Так, все, прекратить истерику, спокойно сделать несколько дыхательных упражнений. Вот так, уже хорошо. Боль уходит. Я просто перенервничал и переутомился за эти дни... Было много работы, да еще перенервничал с этим боровом, и с Риткой тоже, черти бы их драли! Так, начну ходить в бассейн... надо поплавать... надо снова серьезно заняться спортом, а то так и форму потерять нефиг делать...

Мысли стали путаться, боль отступила, успокаиваясь, сердце вошло в привычный размеренный ритм, навалилась приятная дремота и... Олег уснул.

Клэр и Джастин тут же оказались около его кровати.

Ну, что же, все прошло прекрасно. Он наш, почти наш... – Клэр нагнулась над Олегом и резко втянула воздух своими тонкими изящными ноздрями. – С ним все в порядке. Через несколько минут он проснется и ничего не будет помнить – ни своего падения, ни своих страхов. Теперь желательно, чтобы он не снимал кольца хотя бы недели две. Правда, первое время, пока не «срастется» с кольцом, ему будет плоховато, но это ничего, это постепенно пройдет. Потом он уже и сам не захочет его снять! И не только не захочет – убьет того, кто попробует это сделать!

Да... недели через две кольцо получит над ним определенную власть, - медленно проговорил Джастин, с откровенной неприязнью разглядывая крупное тело самца, раскинувшегося перед ним на кровати. Этот красивый экземпляр человеческой особи был ему до крайности неприятен, и если бы не миссия, возложенная на «экземпляр», то Джастин, не теряя ни секунды, использовал бы его в качестве обеда.

Джастин!

Да.

Почему ты смотришь на него так брезгливо? Он здоров, молод, в его жилах течет прекрасная кровь! Что тебе не нравится?

Нет, нет... Все прекрасно... Я просто думал, с чего начать? Что, прежде всего, должен выполнить этот самец?

Сначала пусть поработает с той самкой, которую зовут Рита. Ло права: и такой путь тоже надо испробовать. Любой шанс для нас ШАНС! Поработай с ним сегодня в этом направлении, милый. Хорошо!

Конечно, Клэр. Ты права: любой шанс это ШАНС, - задумчиво повторил Джастин.

Клэр внимательно посмотрела на него, ласково взяла за руку, и они тут же исчезли в зеркале.

Олег потянулся, открыл глаза и быстро вскочил на ноги. Вот ведь ерунда какая: прилег и снова уснул, а на часах-то уже – е-мое! Зато бодрость во всем теле и легкость просто замечательная! Вот что значит поспать лишние 15 минут! «Так, какие планы у нас на сегодня? – весело спросил он сам себя и сам себе ответил, - сначала надо заехать к Ритке. Да, да, да... Срочно надо заехать к Ритке, увидеть ее, поговорить с ней». Набрав номер на мобильнике, предупредил Умида, что задержится, накинул куртку, схватил зонт и, закрыв дверь своей квартиры, нос к носу столкнулся с высоким красивым темноволосым мужчиной, который, обнажив в улыбке великолепные зубы, спокойно произнес:

Здравствуй, Олег! Ну что, так и будешь держать друга на пороге или все-таки пригласишь в гости?

Поначалу растерявшийся и рассеянно ответивший на приветствие Олег вдруг резко развернулся и, как автомат, пошагал назад, в комнату. Джастин вошел следом и закрыл дверь.

Ритка лежала в постели, поглядывала за окно на серое неласковое утро и перебирала в памяти вчерашнее: хороший и долгий разговор с Сабиной Ахматовной. Они с Катей рассказали ей обо всем, кроме фантастических Риткиных видений, конечно, – как такое расскажешь!

Сабина была потрясена случившимся – девчонки это видели, и им было приятно, что она так близко приняла к сердцу случившуюся беду.

Сидели на кухне, не торопясь пили крепкий душистый чай с вкусными-превкусными пирожными, которые принесла Сабина Ахматовна, и долго-долго разговаривали, обо всем: и о Ксюше, и об учебе, и о жизни... После этого хорошего разговора и Катя и Ритка почувствовали себя гораздо лучше. У них создалось такое ощущение, как будто кто-то приласкал их, обогрел и, самое главное, защитил. Боль утраты не ушла, она по-прежнему была острой и жгучей, но сейчас, разделенная на троих, несколько подрастеряла свою силу, как бы притупилась, притихла. Сабина сумела найти какие-то удивительные слова – простые, искренние и... мудрые что ли, - и эти слова согрели душу.

Куратор разрешила Ритке несколько дней не ходить на занятия. «Отлежись, приди в себя... наш заведующий кафедрой и деканат в курсе случившегося, так что два-три дня отлежись, тебя отмечать не будут», - так она ей сказала. И Кате она тоже разрешила пропустить денек-другой для того, чтобы та «пасла» Ритку, не оставляла ее одну. Девчонки и не знали, что она такая хорошая, душевная. То, что препод классный, – знали, но всегда считали ее слишком

требовательной и строгой, а вчера как будто другими глазами на нее посмотрели.

Все правильно, - думала Ритка, - если с нас не требовать, то мы и учить ничего не будем, это и ежу понятно. Я тоже буду требовательной и строгой, как Сабина... вот бы еще литературу знать, как она... и вообще...

Резко прозвучала трель звонка. От неожиданности Ритка вздрогнула и почему-то испугалась. Интересно, кто это может быть? – думала она, направляясь к двери в прихожей. – Может быть, Катя, уехавшая по делам, что-то забыла и вернулась?

Кто там? – спросила она с тревогой в голосе,

Рита, это я, открой!

Олег! Боже мой, Олег приехал! Ритка сначала заметалась, кинулась к зеркалу, но, увидев свое распухшее от слез лицо, поняла, что ничего быстро с ним сделать не сможет. Потом вдруг враз успокоилась (какая есть, такая есть! плевать! не понравлюсь, пусть выкатывается к чертовой матери!) и открыла дверь. Видимо, ее вид, мягко сказать, удивил Олега.

Рит, ты что? Что это с тобой? Ты действительно заболела что ли?

Может быть, войдешь, потом допрашивать будешь! или, как всегда, торопишься, на минутку заглянул?

Олег хотел огрызнуться по поводу ее ехидного тона, но сдержался и молча вошел в квартиру.

Вы уже завтракали, ваше сиятельство, или как? А то я могу кофе предложить с бутербродиком, – снова ехидно проговорила Ритка, проходя в гостиную и усаживаясь на диван. Олег вошел следом, ощущая странную нервозность ситуации, и сел напротив Ритки, в кресло.

Рита, что случилось?

Случилось?! Да... случилось кое-что... Вот только не знаю, вам это интересно будет или нет?

Хватит, прекрати паясничать! Я пришел к тебе с серьезным, очень серьезным разговором, но сначала выслушаю тебя, потому что не исключено, что мои проблемы связаны с твоими и...

Ну, это вряд ли...

Рита! Давай не будем заниматься словоблудием!

А каким «блудием» мы будем заниматься?

Рита, я прошу тебя... я знаю, ты на меня сердита, последнее время я был не слишком внимателен к тебе, но, Рита, «но!», ты ведь не в курсе всех моих дел, верно? Я всегда старался не вешать тебе на шею свои проблемы, а они у меня есть, понимаешь, моя дорогая, есть и еще какие! Я ведь...

Мог бы и «повесить», я бы не отказалась разделить с тобой твои трудности, милый мой Олежек...

Не называй меня Олежек! Ты знаешь, я это терпеть не могу! – Лицо Олега стало жестким, даже злым. – И вообще прекрати паясничать! Давай поговорим серьезно. Хорошо! Что у тебя случилось? Я ведь вижу, что у тебя что-то случилось! Выкладывай! Потом я повешу тебе на шею свои проблемы, коли ты этого так хочешь. Я бы этого и впредь не делал, да мне сейчас деваться некуда, понимаешь? - приперли меня к стенке... Но об этом потом, сначала я выслушаю тебя. Только, пожалуйста, Рита, давай серьезно!

Ритка внимательно посмотрела на Олега: странный он сегодня какой-то... весь, как натянутая струна. Видимо, действительно, у него что-то стряслось... Даже лицо, неживое, как белая маска...

Ну что ж, Олег, серьезно так серьезно, – и Ритка, разволновавшись от воспоминаний, давась слезами, рассказала ему о странной и жуткой смерти Оксанки. Олег был потрясен, она видела эта по его глазам.

Рита, - Олег сильно сжал руками подлокотники кресла, его голос прозвучал глухо и хрипло, как будто бы он враз осип. – Рита, послушай меня... это не самоубийство. Ты правильно рассуждаешь – с какого боку Ксюхе понадобилось лишать себя жизни? Не делала она этого, не де-ла-ла! И в мыслях у нее этого не было! Все это ерунда, полная ерунда, понимаешь? Все гораздо сложнее и гораздо страшнее. – Олег сделал паузу, внимательно глядя Ритке в глаза. - Убить хотели не Ксюху, Рита, а тебя.

Ритка ошалело посмотрела на Олега, но тут же вспомнила и свои мысли по этому поводу: она ведь тоже почувствовала, что убить хотели именно ее, она об этом и Кате сказала. Да, убить хотели ее, но как Олег об этом догадался? Она ведь не рассказывала ему про свои кошмарные видения!

Почему ты так решил, Олег? – тихо спросила Ритка. Сердце у нее застучало сильно и часто, не хватало воздуха, никак не получалось нормально вздохнуть, грудь сдавили невидимые тиски. Ритка опасливо подобрала под себя ноги, потерла ладонью грудь в области сердца, «разгоняя» появившуюся боль, и снова тихо спросила, с испугом глядя на Олега.

Почему... почему ты так говоришь?

Потому что знаю, что говорю.

Но я-то кому что сделала, Олег, что меня убить хотят?! Я ведь не мафиозица какая-то, и не наследница миллионов! Кому я-то мешаю?!

Это не ты мешаешь, Рита, это я мешаю. Бизнес – дело опасное и скользкое, особенно, когда выходишь на крутые виражи. Вот тут и начинают появляться такие «компаньоны», которые из всех сил мечтают увидеть тебя либо своим послушным исполнителем, либо в гробу в белых тапочках. Меня хотят уничтожить как честного делового человека, хотят подмять под себя мой бизнес, хотят заставить меня играть в грязные игры, а поскольку я не согласен играть по их гнусным правилам, то меня просто взяли в оборот. Сейчас на меня пытаются оказать жесткое давление.

Олег тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Ритка в буквальном смысле слова смотрела ему в рот – что он такое говорит-то, Господи! Что говорит-то! Что это за сюжет из гангстерского фильма!

Ты же, Ритулечка, у меня литератор, верно? Небось, читала роман «Крестный отец», да? Помнишь, классическую фразу дона Корлеоне, - «Мы сделаем ему предложение, от которого он не сможет отказаться», - так, кажется, она звучала? Так вот, Рита, мне сделали «такое предложение», и первая угроза – это ты. Они знают, что я тебя очень люблю, что ты – моя женщина, считай, моя жена. Тобой и начали шантажировать. Не пойду им навстречу – мою милую убьют. Вот так! Собственно, они уже это совершили, только малость ошиблись: не ожидали, что вместо тебя твоя подруга на кровати спать будет.

Ты чо такое говоришь-то Олег? Ты вообще в своем уме? И если ты знал, что меня должны убить из-за твоего поганого бизнеса, почему ты меня не предупредил? А сейчас что же это получается, что из-за каких-то твоих паршивых дел погибла моя лучшая подруга! Погиб совершенно невинный человек, не имеющий ни к тебе, ни к твоим делам никакого отношения! Ксюха, Ксюха погибла! Ксюха, которая просто пришла ко мне в гости, потому что мне было плохо, потому что я ее позвала! Почему же ты не предупредил, не сказал ничего, а?

Ритка выкрикивала горькие, злые фразы, с ненавистью глядя на Олега.

Да не ори ты! – Олег вскочил с кресла, быстро подошел к окну, глянул в него, резко развернулся и, быстрым шагом вернувшись к орущей Ритке, сел рядом с ней. – Рита, возьми себя в руки и выслушай меня, не ори! Замолчи, слышишь! (Ритка умолкла, зло поджав губы). В том то все и дело, что я не мог тебя предупредить! не мог! потому что и сам не предполагал, что эти козлы решатся на такое! Думал, просто пугают, на понт берут! Понимаешь! Вчера вечером я тебе звонил, мы с тобой поговорили, ты была жива-здоровая, я и успокоился. Ты ведь мне ни

слова не сказала о том, что у тебя случилось! Ни слова!

-Да не хотела я тебе ничего говорить! Не хотела, потому что ты...

Подожди, дослушай до конца! – резко перебил ее Олег. - А сегодня утром они мне позвонили и сказали, что дело провернули, но, оказывается, небольшая промашка вышла. Однако я могу не волноваться, «промашку» они исправят в самое ближайшее время, может быть, сегодня, если я не передумаю и не приму их условия. Вот так. А я пока с тобой не поговорил, и сам не понял, что они имели в виду под словом «промашка». Оказывается, это они Оксанку....

Промашка! – Ритка аж задохнулась от этого слова. – Смерть Ксюхи – промашка! Козлы, ублюдки! Своими руками порвала бы твоих вонючих компаньонов! Чтоб они все сдохли! Да не трогай ты меня, не надо! Не надо меня утешать! – Ритка оттолкнула Олега, пытавшегося обнять ее за плечи, вскочила на ноги и заметалась по комнате. Резко остановившись, сказала непререкаемым тоном:

Так, мы сейчас с тобой пойдем в милицию, пойдем к следователю, который ведет это дело, и ты все расскажешь. Следователь хороший, умный. Он все сделает, как надо. Вот ему ты все и расскажешь. Все! Я хочу, чтобы этих твоих козлов арестовали! Сегодня же! Немедленно! Понял!

Рита, ты дура или как?! Какая нахрен милиция, какие следователи! Я когда к тебе ехал, думал, что не доеду, понимаешь ты это или нет?! Умид уже увез свою жену, и даже я не знаю - куда. Мы с ним так договорились, понимаешь? Я тут же утром его предупредил, сразу же после звоночка, чтобы не подставлять друга.

Ну да, конечно, друга подставлять нельзя, ты подставил мою подругу!

Да никого я не подставлял! Все, подожди, стоп! – Олег, раскрыв ладони, поднял обе руки вверх, как бы останавливая Ритку, - Задержи и выслушай меня: давай успокоимся, давай поуму обсудим сложившуюся ситуацию. Оттого, что мы сейчас оба орем и в чем-то обвиняем друг друга, толку никакого! Ситуация сложная, но не безвыходная. Сядь, не мельтеши. – Олег жестко посмотрел на растрепанную и зареванную Ритку и строго, приказным тоном повторил: «Сядь!».

Ритка замолчала и послушно села в кресло, обхватив голову обеими руками.

Хорошо, давай поговорим, только у меня есть еще одна мало приятная для тебя новость.

Что еще за новость, Рита?

Я, конечно, не знаю точно, но, скорее всего, я беременна, мой милый, - ехидно и зло произнесла Ритка. - Надеюсь, ты сам догадываешься, кто отец моего ребенка? Как тебе эта новость?

Если бы эту новость ты сообщила мне неделю назад, я бы засыпал тебя розами. Сейчас, ты прибавила мне головной боли, поскольку теперь я должен спасти не только тебя, но и своего ребенка. Теперь ты будешь слушаться меня беспрекословно. Поняла?

Ритка не ожидала такой реакции от Олега. Чего угодно ожидала, только не того, что он «засыпал бы ее розами». Что это? Может быть, она, действительно, сама все выдумала по поводу их скорого расставания и его измен? Получается, он рад, что у нее будет ребенок! А она на аборт собралась... Или тут что-то не то? Розы - это такое двуличие! С одной стороны, прекрасные цветы, с другой, колючие и острые шипы, об которые можно так пораниться! Господи! Я умом тронусь! Или уже тронулась! Ритка в упор посмотрела на Олега:

Честно говоря, не ожидала от тебя такой реакции, думала, что ты тут же развернешься на сто восемьдесят градусов и с радостью оплатишь мой аборт, лишь бы от меня избавиться и напрочь забыть о моем существовании.

Так, Рита, давай обсуждение наших отношений отложим на потом, хорошо? У нас сейчас на это нет времени. Ты должна уехать, немедленно. Я тебя спрячу, хорошо спрячу, ни один козел

не найдет. Более того, учитывая твою беременность...

Я же тебе сказала, я не знаю точно, беременна я или нет, я только предполагаю... у врача я еще не была и...

... учитывая твою беременность, - жестко повторил Олег, - я продумаю и место твоего нахождения. Все будет, и врачи будут тоже. Ты сейчас ни о чем не переживай. Встань и собери в дорогу только самое необходимое, в небольшую сумку, - все остальное тебе дадут на месте.

Что, прямо сейчас?

Да, Рита, прямо сейчас! Мы не в игрушки играем и хладнокровные убийства на почве бизнеса не сказки из детективных сериалов! Собирайся и пошустрее!

Ритка начала метаться по квартире, засовывая что-то в свою сумку, но потом резко остановилась и спросила:

И на сколько ты меня собираешься упрятать?

Не знаю. Как сложатся дела. Может быть на месяц, а может быть и на год. Я не могу рисковать тобой и своим ребенком.

На год! Ты что, съехал!? А как же моя бабушка? Что я ей скажу? Как старушка тут без меня одна будет? У нее сердце, давление... да ты с ума сошел? А универ? Я что учебу из-за тебя должна бросить? До четвертого курса доучилась и все пустить коту под хвост! Меня же отчислят!

А если ты не уедешь, тебя отчислят из жизни! Так, Рита, и бабушку, и твой универ я беру на себя. Все будет о'кей! Доверься мне, пожалуйста! У нас сейчас просто нет времени, ты понимаешь это или нет? Внизу, в машине, меня ждет мой телохранитель и...

О! Ты уже и телохранителем обзавелся? Что-то, живя с тобой, я не ощущала никаких крутых миллионов, а тут вдруг и криминальный бизнес, и мафия, и телохранитель...

Значит так, - вспыхнул Олег, - если ты сейчас же не закроешь свой рот и не прекратишь пороть всякую ерунду, я развернусь и уйду. Тогда смерть нашего малыша будет на твоей совести! Я с тобой что здесь - в игрушки играю что ли? Что ты тут умничаешь? Или молча собирайся и делай, что я тебе скажу, или... или я, действительно, уйду, но тогда ты вряд ли доживешь до вечера. Поняла? Ты поняла или нет?!

Ладно, не злись... - Ритка тяжело вздохнула и застегнула молнию на сумке. - Что собрала, то собрала, все равно сейчас ничего не понимаю, голова кругом идет. Дурдом какой-то! И куда ты меня повезешь?

Куда надо, туда и повезу. Сначала спрячу в горах, а потом тайно переправлю в Россию. У меня под Москвой есть надежное место. Кстати, там и врачи отменные, так что по этому поводу не волнуйся. Тебя обследуют по полной программе.

Дай я хоть Кате скажу, она Сабину Ахматовну предупредит и ...

Рита, никого ты не будешь предупреждать! Думай головой, прежде чем говорить! Я тебе сказал, что даже я не знаю, куда Умид увез свою жену! Давай, закрывай квартиру и топай к машине, молча. Хорошо! Не мотай мне нервы, я и так на пределе, а у меня еще дела впереди, и не приведи боже, какие дела! Ты поняла меня? С твоей Катей и куратором я разберусь сам, сказал же тебе! Все! Серьезно отнесись ко всему, серьезно! Иди!

-Да дай я ей хоть скажу, чтобы сегодня не приезжала, что меня не будет! Человек придет ко мне, а меня нет! Она ведь бог знает что подумает, всех на уши поставит, дверь выламывать начнет...

Хорошо, поговори, только коротко и ясно.

Спускаясь по лестнице, Ритка быстро переговорила с Катей.

Олег подошел к машине и открыл Ритке заднюю дверь. Она молча села и тут же увидела рядом с собой удивительно красивого, просто на редкость красивого мужчину. Ритка чуть не отшатнулась от него - кто это? вдруг уже мафиозник в машину забрался! Убийца! - но потом

вспомнила, что Олег что-то говорил о телохранителе. Ничего себе, телохранитель! Или Олег опять что-то ей наплел?!

Джастин, - сухо представился тот.

Рита, - пролепетала вконец ошалевшая Ритка. Все происходящее вдруг стало восприниматься ей как какой-то немыслимый боевик, сериал с детективным уклоном. Чикаго, гангстеры, мафия, Джастин... А она, Ритка, главная героиня этого «сериала», ну или почти главная. Вот черт! Такие фильмы Ритка любила смотреть дома, лежа на диване и со вкусом пережевывая что-нибудь вкусненькое – яблоко, апельсинчик, орехи с изюмом... Смотреть и гадать, кто главный злодей и чем все кончится? А теперь... а теперь сама в «сериале»... и черт знает, куда ее везут, что с ней сделают и чем все кончится? А этот телохранитель! Имечко-то какое - Джастин! Съехать можно! Импортный какой-то что ли! Нереально красивый и... и неприятный – жуть! До дрожи неприятный! Ритке стало страшно. Появилась дикая мысль: немедленно выскочить из этой машины, броситься в подъезд родного дома, заорать, позвать соседей, закрыться в своей квартире и...

Олег сел за руль, оглянулся, строго посмотрел на Риту, кивнул ей головой, и машина тронулась, быстро набирая ход.

17

Елена и Сабина присели на теплые, нагретые солнцем валуны. Погода была чудесная: в высоком нереально синем небе, нарисованные талантливым художником, висели белые, «ватные» кучевые облака. Вокруг высились горы, натянувшие на свои крутые плечи осенние, в желтовато-коричневатых разводах халаты. Внизу, в долине, которая хорошо проглядывалась с высоты того места, где располагался гостеприимный дом Арслана, раскинулся сад, еще не опавшая листва которого полыхала красно-зелено-оранжево-желтым пожаром. Великолепное зрелище! В легкие вливался чистый горный воздух, пьянил, наполняя все тело удивительной легкостью, чувственной радостью ощущения бытия.

Анвар и Рустам бегали, как угорелые. Их звонкие веселые голоса уносились в бездонную глубину неба, вслед за красивым, расписным воздушным змеем, рвавшимся с тонкой нити к белым «нарисованным» облакам. Глаза женщин с удовольствием следили за мальчишками, но разговор их был печален и даже тревожен, не вписываясь в умиротворенную и радостную картину окружающего.

Вот так, Леночка, бывает в жизни... Ужас какой-то! Молодая симпатичная девчонка! Умница, старательная... Ей бы жить да жить... Ужас! Я до сих прийти в себя не могу!

Да, Сабиша, это действительно ужасно. Немыслимый оскал судьбы... Я представляю себе состояние ее родителей – в одночасье чокнуться можно! - Елена покачала головой. – А Гафур, что говорит Гафур? Это действительно самоубийство или все-таки жестокое насилие?

Самоубийство... Оксану с балкона никто не сбрасывал... свидетели есть, но... - Сабина помолчала немного и с сомнением в голосе продолжала, - но странное какое-то самоубийство... Гафур говорит, нет причины такому ее поступку, понимаешь, нет. Чтоб молодой здоровой девушке решиться на такое – это ведь что-то жуткое должно было произойти в ее жизни! А ничего жуткого-то и не было, все было хорошо: и с учебой, и со здоровьем, и замуж она должна была скоро выйти. Там ее парень чуть с ума не сошел, когда узнал о случившемся! В общем, какая-то странная, непонятная и именно этим вдвойне ужасная смерть. Есть и еще одна загадка, - Сабина помолчала немного, как бы прикидывая – говорить или не говорить – и продолжила – да, есть еще и загадка... ты знаешь, судмедэксперт был просто поражен, потому что вскрытие показало: Оксана двигалась... двигалась уже будучи мертвой...

То есть как это? – Елена с ужасом взглянула на Сабину. – Как это – мертвой!

Да вот так. В ней практически не было крови... как будто кто-то эту кровь из нее высосал, выкачал... Понимаешь? Жуть какая-то, мистика...

Сабина, ты что, ты серьезно все это говоришь? – в голосе Елены звучал неприкрытый страх; в груди резко и тревожно заколотилось сердце. Она вдруг неожиданно для самой себя почувствовала определенную связь между своими дикими видениями и столь же диким самоубийством совершенно незнакомой ей девочки. Непроизвольно она потеряла кисть левой руки, на которой еще оставались слабые пятнышки, появившиеся непонятно от чего (весь день после «того сна» они тревожили ее, неприятно ныли...).

Ну, конечно серьезно, – Сабина укоризненно взглянула на подругу. – Ты что же считаешь, что такими вещами шутят что ли? Гафур многое что видел за время своей работы, но такого... Он вообще последнее время какой-то... – Сабина запнулась, подыскивая правильное определение состоянию своего мужа, – какой-то подавленно-тревожный что ли и... и растерянный. Он ведь мне, естественно, не все рассказывает о своей работе... Точнее сказать, практически ничего никогда не рассказывает. Да, я, собственно, и не рвусь особо его слушать-то. Никогда не смогла бы работать следователем, никогда! – Сабина передернула плечами. – Но тут-то он мне рассказал, потому что я – куратор этой бедной девочки, я ее четыре года знала... Гафур меня подробно, очень подробно спрашивал о ней, – голос у Сабины дрогнул, и она замолчала. Елена тоже молча смотрела вдаль, пытаясь подавить возникшую в груди непонятную тревогу.

Да, Лен, – снова заговорила Сабина, – только он просил никому об этом не говорить, никому, а я вот... я не могла не рассказать тебе... Уж очень на сердце у меня погано... Не дай бог еще раз с таким ужасом в жизни столкнуться!

Мама! Мама! – окружающую тишину разрезал звенящий испуганный крик Рустама. – Мама, Анвар падает с горы! Мама!

Женщины мгновенно вскочили и понеслись навстречу бегущему к ним ребенку. Заговорившись, они выпустили из вида играющих со змеем пацанов и вот... Куда их там понесло за этим змеем! Елена с Сабиной неслись со всех ног навстречу Рустаму, тот развернулся и побежал назад. Сабина споткнулась и упала. Не оглянувшись, Елена продолжала лететь вперед. В голове прыгала, тряслась, колотилась только одна лихорадочная мысль – Господи, помоги! Не допусти беды! Господи, не допусти!

Анвар, держись! – изо всех сил закричала Елена, – я бегу, бегу!

Анвар! – раздался полный дикого страха голос бегущей следом Сабины, – сынок, держись!

Казалось, что этому проклятому пригорку, по которому они неслись, задыхаясь и паникуя, нет ни конца и ни края: бегут, бегут и все никак не могут добраться до этой проклятой вершины...

Рустам скрылся за крутым взгорьем, женщины тяжело дыша, взбирались следом...

Вдруг они увидели поднимающихся из-за пригорка людей. Впереди мужчины и женщины бежал Рустам и уже весело кричал: «Мама! Мама! Анвара спасли! Он весь живой и нигде не сломанный, не плачь!»

Действительно, на руках у рослого мужчины был мальчишка, и в этом мальчишке сквозь свой дикий страх и застилавшие глаза слезы обезумевшая Сабина угадала сына.

Что с ним? – одновременно прокричали Сабина и Елена и кинулись к ребенку.

Все нормально, не волнуйтесь. Просто мальчик сильно испугался. С ним все хорошо. Верно, мальчик?

Мужчина осторожно поставил испуганного и растерянного Анвара на землю. Сабина крепко обняла своего сына, покрывая его голову беспорядочными поцелуями. Потом отстранилась и стала лихорадочно ощупывать его тело.

Сынок, нигде не болит? Ты ничего не сломал?

Да нет, мам, все нормально... я просто оступился... змей там застрял... а я наступил на траву, а она вниз поехала... но я зацепился... руками... и ногами тоже... только сам вылезти не мог... а там высоко... - бормотал Анвар. Чувствовалось, что мальчишка пережил несколько весьма и весьма неприятных мгновений и еще не пришел в себя.

Да пропади он пропадом этот ваш змей! – вдруг рассердилась Сабина. Ты же взрослый, умный! Зачем ты за ним полез, да еще по обрыву! Я же и тебя и Рустама сто раз предупредила, когда сюда ехали, чтобы вы были осторожны, сто раз сказала, что с горами не шутят!

Ладно, Сабиш, не ругай его! Елена притянула к себе Анвара, ласково поглаживая его по плечу. - Живой, целый и, слава богу!

Вот мам, хорошо, что я за ним следил, правда? – прозвенел веселый голос Рустама. – Он ведь у нас такой растяпа, правда?! Надо было в горы Шарло взять! Я же просил вас об этом! А вы не разрешили! А Шарло знаешь как здорово натренирован! Он у меня сейчас как немецкая овчарка, он бы сразу этого балбеса нашел и вытащил!

Это кто балбес! – тут же возмущенно отозвался «оживший» Анвар. – Сам этого змея фиг знает куда загнал, сам начал хныкать из-за него, я ему доставать его полез и я же еще и балбес! В лоб ты давно не получал, понял!

А ты попробуй, дай! Шиш догонишь!

Рустам ринулся вниз по склону в сторону дома, Анвар, вырвавшись из рук Елены, побежал следом.

Ну, вот... проговорила Сабина, глядя вслед убегающим сыновьям, - секунду назад я думала, что и моя могила тут же будет, а они вон...

Тут она вдруг вспомнила о людях, спасших ей сына, и повернулась к ним, стоявшим поодаль и внимательно наблюдавшим за происходящим.

Ох, извините меня, пожалуйста! Я не поблагодарила вас, извините, просто я сейчас в таком состоянии!.. Спасибо вам, огромное вам спасибо! – с чувством произнесла она.

Спасибо! Спасибо вам! – вслед за Сабинной вторила и Елена, которая тоже начала приходить в себя после пережитого волнения.

Ну, что вы, не за что! – приветливо улыбнулся мужчина. - Хорошо, что мы с женой были рядом, еще минута-другая и мальчик мог бы сорваться, а там приличная высота. Но все обошлось, а это главное.

В каждой своей молитве буду вспоминать вас добрым словом! – искренне проговорила Сабина. – Дай вам Бог всего самого, самого хорошего! Пусть ваши дети растут в добром здравии!

Ну, - засмеялась молодая красивая женщина, - детей у нас пока нет, но... - и тут она вдруг перешла на очень серьезный тон, - но ваше искреннее пожелание пусть исполнится! Надеемся, что дети у нас обязательно будут и именно в добром здравии!

Конечно, будут! – тут Сабина, окончательно пришедшая в себя после пережитого, по-настоящему разглядела своих собеседников и, поразившись внешности этих людей, подумала: «Ну, надо же, какие оба красивые! Просто, нереально красивые! Причем, оба! Бывает же такое! А лицо женщины... такое ощущение, что я его где-то видела...», - а вслух добавила – может быть, зайдете к нам? Мы сегодня как раз шашлык делаем, будьте нашими гостями, пожалуйста!

Да, да, - присоединилась к просьбе подруги и Елена, - мы живем вон в том доме, хозяина зовут Арслан. Мы будем вам очень рады!

В таком случае, давайте знакомиться, - снова белозубо улыбнулся мужчина. – Меня зовут Джастин, а мою жену – Лола. Узбекистан ее родина, но она давно уже не была здесь, потому что живем мы в Лондоне, на моей родине.

Чудесно! – улыбнулась в ответ Сабина. – Меня зовут Сабина, а мою подругу Елена.

Очень приятно! – мужчина на старомодный манер церемонно склонил голову в сторону

женщин. – Я давно пришел к выводу, что самые красивые девушки живут именно на этой благословенной земле.

О, да! Ваша жена редкая красавица!

Спасибо за комплимент! – весело засмеялась Лола, - я могу без смущения вернуть его назад!

Ну, что же, пойдете в дом! Нас уже ждут! – пригласила Сабина.

Вы знаете, - Джастин немного замялся и, как бы извиняясь, проговорил, - мы сейчас, к сожалению, заняты, не думали с женой, что встретим таких милых людей и будем приглашены в гости. Просто у нас есть кое-какие свои дела, так что вы уж пообедайте без нас, а вечером мы обязательно заглянем к вам на огонек, познакомимся поближе.

Только обязательно приходите, хорошо! Мы будем ждать вас! - хором проговорили Елена с Сабиной и, попрощавшись с новыми знакомыми, двинулись в сторону дома.

Какая потрясающе красивая пара! – воскликнула Елена, как только они отошли от новых знакомых. – Она оглянулась, но ни Джастина, ни Лолы уже не было на холме.

Да, я тоже обратила на это внимание, когда пришла в себя, – проговорила Сабина и тут же переключилась на свои мысли, - ну, Анвар, ну паршивец такой, вот ведь выкинул фокус! Чуть инфаркт не заработала! Всыпать бы и ему и Рустаму за все это как следует! Ведь сто раз скажешь, сто раз предупредишь, чтобы вели себя осторожно, так нет, вечно что-нибудь натворят!

Да ладно тебе, Сабиша, успокойся! Слава богу, ничего не случилось! А пацаны они и есть пацаны! Разве их заставишь на одном месте сидеть! Вон, видишь, как они весело носятся, как будто и не было ничего... - Елена засмеялась, с любовью глядя на играющих мальчишек. – А Рустамка у тебя такое чудо, такой забавный!

Да уж, «забав» мне с ними хватает! – сердито проворчала Сабина и вновь вернулась к разговору о новых знакомых. – Господи! Спасибо этим людям! Если бы не они, даже не знаю, что было бы! Надо сказать нашим мужчинам, что к вечеру нужен стол... хороший стол!

Конечно, конечно, я сейчас поговорю и с Олегом, и с Умидом, они все сделают, как надо... Господи, да ты прихрамываешь, Сабина! Сильно ударилась, когда упала? Давай скорей домой, надо снять брюки и посмотреть!

Да, коленка болит, наверное, кожу содрала, когда со всего маху хлопнулась. Хорошо, хоть земля там мягкая, не асфальт... сейчас зайдем в дом, посмотрю, что у меня там...

Тихо переговариваясь и постепенно отходя душой от полученного стресса, женщины неспеша шли к дому.

Ну, что же, контакт состоялся, все прошло гладко, как ты и предполагал. – Лола с любовью взглянула на Джастина. – На психику их детей воздействовать легко: мальчишки, как заведенные игрушки, побежали к обрыву. Был риск, что этот (как они его там называли, Анвар что ли?) сорвется, но все прошло как по маслу. Он удержался, и ты спас его. Теперь мы их друзья – и это прекрасно! – Потом подумала и добавила с некоторым удивлением в голосе:

Самки людей, оказывается, очень любят своих детей... Я раньше не обращала на это внимание.

Да, я надеюсь, что теперь мы будем желанными гостями в доме у Елены, станем, так сказать, друзьями и ее и Олега.

Ну, Олег уже и так твой «друг», - засмеялась Ло. – Кстати, как поживает его подруга Рита? Ты же знаешь, я не могу открыто появляться в том доме, где вы ее спрятали: я «поиграла» с ней немного, она меня видела, так что не стоит рисковать, а то еще умрет от страха. С людьми это бывает. – Ло пожалала плечами и, окинув взглядом раскинувшуюся внизу и утопающую в садах долину, добавила, - ты выбрал хороший дом, - и она показала своим тонким пальчиком вниз, туда, где виднелась красная крыша большого строения, спрятанного за высоким забором и

стоящего как бы на отшибе от всех остальных домов горного поселка.

Нервничает его подруга, хмуро проговорил Джастин, - надо бы поскорее переправить ее в Москву, в частный санаторий нашего уважаемого (тут Джастин ухмыльнулся) Николая Федоровича Бертенева. Там уж наш дорогой *** (Джастин «пропел» имя «Бертенева» на языке алантов), точнее, находящиеся в его власти врачи, серьезно займутся этой самкой: ее зародыш будет удален, а вместо него внедрен эмбрион нашего ребенка. Главное, чтобы она верила в любовь этого Олега и в то, что они обязательно будут вместе или - как это там у людей называется? - поженятся. Тогда она будет беречь свой плод, а именно это нам и надо. Да, подстрахуемся с этой самкой на всякий случай, а то вдруг с Еленой какая промашка выйдет... Эти животные непредсказуемы!

Это точно, непредсказуемы, да еще и агрессивны, - добавила Ло, медленно шагая рядом с неторопливо идущим Джастином. – Послушай, а зачем везти ее в Москву, я думала, что мы и ей здесь, в Ташкенте, эту операцию сделаем, как и Елене?

Нельзя, ни в коем случае нельзя, чтобы эти две самки Олега встретились, пересеклись! Мы только что с тобой говорили о том, что люди непредсказуемы. Кто знает, что они тогда вытворят! Ты ведь знаешь, им свойственно такое странное и совершенно непонятное нам чувство – ревность. Это чувство очень сильно в них, очень! Оно способно толкнуть эти существа даже на убийство! Мы все должны предусмотреть, Ло, мы не можем рисковать! Поэтому этих самок лучше развести по разным местам.

Да, это верно. Рисковать мы не будем. – Ло глубоко вздохнула, улыбнулась своей ослепительно белозубой улыбкой и вдруг резко сменила тему разговора. - Знаешь что, давай забудем на время о наших проблемах и полюбуемся удивительной красотой этих... - Ло замялась на секунду, подбирая нужные слова, и уже торжественно произнесла, - этих вечных и величественных гор! Какое чудо! Они так же красивы, как и мы! Этим великолепным миром и должны править мы, а не эти... - Ло вновь секунду помолчала и добавила с презрением, - а не эти плодящиеся, как кролики, животные с их ненавистью, завистью, ревностью... Они не сумеют сберечь эту красоту, они ее уничтожат!

Ты знаешь, Ло, однако эти «кролики» за долгие века достигли такого развития, что и животными-то их, пожалуй, уже не назовешь. Люди медленно, но совершенствуются, хотя их жизнь – секундная вспышка во мраке времени. Более того, среди них встречаются исключительные экземпляры. Некоторые даже внешне стали подобны алантам, как, например, Олег...

Или Елена... - Ло взглянула на Джастина. – Верно? Она ведь очень похожа на Тану.

Да, похожа...

Ло вдруг ощутила мгновенное и сильное напряжение Джастина, но тут же это ощущение пропало, а ее собеседник продолжал ровным голосом:

Я говорю все это к тому, что мы должны объективно смотреть на вещи, иначе можем совершить ошибку... можем просчитаться... нельзя недооценивать этих людей-животных.

Может быть, поохотимся на них на лоне природы? – нежным голосом спросила Ло, обняв Джастина за талию и подняв к нему свое красивое лицо. Ее зеленые глаза были полны неги и страсти. – У меня давно не было такой охоты, все города, города... мертвые каменные джунгли... А здесь... здесь такая красота! Это будет чудесная охота, настоящая! Давай порадуем себя, дорогой! – промурлыкала она; в ее удивительных глазах холодным огнем вспыхнули странные золотые «костры», а обнаженные в улыбке белоснежные зубы неприятно поразили бы путника появившимися вдруг острыми клыками. Сейчас Ло сильно напоминала грациозную и очень опасную кошку – пантеру.

Конечно, - с любовью и нежностью ответил Джастин. Он наклонился и со страстью поцеловал Ло, ощутив языком великолепную прелесть ее алых губ и острых, как бритва,

кльков, - конечно, милая, с удовольствием... на горных тропах и любовь, и кровь слаще... Но сначала заглянем ненадолго в один милый домик, хорошо? – и Джастин кивнул головой в сторону одинокого строения с красной крышей, утопающего в садах.

18

Если бы подруги могли слышать этот весьма странный разговор их новых знакомых, спасителей Анвара, то они, мягко сказать, были бы весьма неприятно удивлены и озадачены. Но они его не слышали.

В этот момент Елена мазала Сабине разодранную коленку йодом; они хором ойкали, хором дули на ссадины. Мальчишки носились по большому двору Арслана и очень сожалели о том, что в его бассейне нет воды – погода-то сегодня теплая, они бы не задумываясь плюхнулись в воду.

Арслан! – Сабина, прихрамывая, вышла во двор, где хозяин дома разжигал мангал под шашлыки. – Арслан, а где все? Где Умид, Гуля, Олег? Куда они испарились-то?

Гулять пошли. Олег вообще очень любит бродить по горным тропам, так что он перед обедом решил километр-другой накрутить для поддержания формы. Ну, а где Умид с Гулей – не знаю, наверное, в наш магазинчик пошли, мороженое всем купить, по крайней мере, так говорили. Да скоро подойдут уже все, через час шашлычок начнем жарить. А вы что хромаете? Упали что ли?

Ой, и упала, и чуть инфаркт не получила! – и Сабина рассказала Арслану о том, что с ними произошло. – Так что, Арслан, вечером могут быть гости... - закончила она свой рассказ. – А у нас есть чем их угостить, чтобы в грязь лицом не ударить? Очень, очень я этим людям благодарна, сами понимаете...

Угостим, угостим, по высшему разряду примем, не беспокойтесь! Сейчас Олег с Умидом придут – посоветуемся. Отдыхайте пока, а я за мальчишками присмотрю.

Да, Сабиночка, ты иди, отдохни, - поддержала Арслана появившаяся во дворе Елена. – Иди, иди... а я здесь, в шезлонге посижу, пацанам какую-нибудь интересную историю расскажу, хватит им носиться, а то они...

Да, да, тетя Лен, - восторженно закричал Рустам, - расскажите нам какую-нибудь историю, - он подскочил к Елене и обнял ее, - расскажите, я очень-очень люблю всякие разные истории, просто обожаю!

Елена нагнулась и ласково поцеловала пацаненка в нагретую солнцем макушку. – Анварка, а ты будешь слушать?

Ну, если интересная, буду, - солидно ответил Анвар. Он тоже очень любил всякие разные истории, но, будучи взрослым и серьезным человеком, не орал во весь голос от радости и не скакал вокруг тети Лены, как... как этот малявка Рустам. – Да прекрати ты прыгать, как кенгуру! – Анвар строго и в то же время насмешливо посмотрел на своего младшего братишку. – Ты мне сейчас Шарло напоминаешь... вылитый пудель, точно так же скачешь, только что не тьякаешь...

Ты чо, опять обзывать, да! Сам ты кенгуру! Я вот тебе щас как дам в лоб, сам затылкаешь! Я, если хочешь знать...

О господи! – устало вздохнула Сабина, подняв к небу глаза и мученическим жестом приложив руку к груди, - ну сил моих больше нет! Минуты одной не можете без ссоры, да? – повысила она голос. Мальчишки замолчали и только сердито косились друг на друга, - Ну, что вы за дети такие, а?

Тише, тише, тише... не будем ссориться! Ну-ка, мальчишки, несите вон ту скамеечку, садитесь-ка вот здесь, рядом со мной и слушайте... А ты, Сабинка, иди отдыхай, а то ты и

раненая у нас, и переволновалась из-за наших покорителей горных вершин... (Елена взъерошила волосы на голове Анвара) - на тебе до сих пор лица нет... иди, а как все наши заявятся, я тебя разбужу.

Хорошо, пойду, отдохну... а то у меня и вправду голова какая-то тяжелая...

Джастин был прав: Ритка, действительно, нервничала, а точнее, просто кипела от злости.

Черт! Вот черт, а! И куда это чертов Олег ее привез? Приволок, оставил и быстро умотал в город вместе с этим своим придурочным телохранителем. Идиоты чертовы! Чтоб им обоим пусто было! Красавцы хреновые! – Сумбурные и злые мысли раздирали Риткину голову, и она еле сдерживалась, чтобы не проорать все свои мысли в голос. Злость на Олега буквально душила ее. - Интересно, - лихорадочно думала она дальше, окидывая взглядом огромный квадратный двор с высоченной стеной и большим красивым бассейном посередине, - интересно, и сколько же мне тут еще метаться между этих поганых тюремных стен?! Может быть, там по верху еще и проволока натянута под напряжением? Дурдом! И сотку ее этот козел забрал (под козлом Ритка, естественно, имела в виду Олега), чтобы - не дай бог! - она не позвонила кому и не выдала бы место своего нахождения! Ох, если бы этот козел сейчас попался ей в руки, она бы его... она бы его прибила, от злости. И зачем только она ему поверила?! Приехал с утра пораньше, воспользовался тем, что она в таком разбитом, раздряпанном состоянии, напел ей с три короба про какие-то разборки, заморочил голову, навел страху и увез сюда, в эту дыру!

«Дыра» и по своему внешнему виду, и по уютному обустройству комнат тянула на уровень шикарной виллы, но Ритке сейчас на все было наплевать. Хотелось только одного: выбраться отсюда и оказаться в Ташкенте, в своей родной квартире. Но выбраться она не могла: ее караулил хмурый мордатый парень с полуприкрытыми, как будто сонными глазами. Этот неприятный сторож двигался, как автомат: молча приносил еду и, не отвечая ни на какие вопросы, так же молча исчезал за красивой калиткой, ведущей, как поняла Ритка, еще в один двор, где, по всей видимости, находился дом хозяев, кухня и большой гараж (когда они приехали, в гараже уже стояла машина, но могло поместиться еще три). В центральном дворе, по которому сейчас нервно гуляла Ритка, зеркально «отражая» друг друга, стояли два совершенно одинаковых коттеджа с нарядными красными крышами, в одном из которых она сейчас и жила. Второй, видимо, пустовал, по крайней мере, за три дня, проведенных здесь, Ритка никого не видела. Как ни крути, получалась тюрьма – шикарная, уютная, с отменными завтраками, обедами и ужинами, но тюрьма! Этакая пятизвездочная камера-одиночка.

Бабуля сейчас там с ума сходит, а ей нервничать нельзя, - страдала Ритка, сидя на красивой скамеечке возле пустого бассейна. - Позвонил он ей или нет, а если позвонил, то что сказал? Куда внучка делась? И что сейчас о ней думает Кимуля? Куда подруга испарилась и почему? А Сабина Ахматовна? А университет, который Ритка ни за какие коврижки не собиралась бросать. Нет, вы посмотрите на него: телефон забрал – и все: «жди, я скоро приеду». Распорядился! Гангстер хренов, бизнесмен паршивый! Жди! Жду! Конечно, жду! Выбор что ли есть? – кипела Ритка, - Третий день жду у моря погоды. «Скоро он приедет...», - ехидно передразнила она Олега.

Увлечшись своими злобными мыслями, Ритка не заметила, как начала разговаривать вслух, сама с собой. - Интересно, «скоро» в понимании Олега – это когда? Через месяц, через год! Господи, что делать-то, а? С ума сойти можно от всего этого идиотизма! Что он забыл про нее что ли? И вообще, что это за жизнь у нее началась? Неделя какого-то дурдома! Жила себе жила спокойно, как все нормальные люди, и вдруг – бац! – и на тебе! То мистические ужасы с рожами в зеркале, то совершенно дикая смерть Оксанки, то гангстерские разборки!

И вдруг Ритка похолодела от ужаса: а если не забыл, а если с ним что-то случилось? Она его тут костерит на чем свет стоит, а он... а его... Господи! Ведь действительно вся неделя была

дикая какая-то! И самоубийство Ксюхи... и вообще... А если не самоубийство? Если Олег правду сказал, и Оксанку действительно того... убили вместо нее! Ведь она сразу же это почувствовала, что не Ксюху должны были убить, а ее!.. – голова у Ритки пошла кругом. За три дня своего «заключения» она уже по сотому разу «проигрывала» все эти выматывающие «на нет» мысли. Сердце сжали тиски страха. – А вдруг что-то случилось, поэтому Олег и не едет! Спрятал ее от бандитов, вернулся в город, а с ним там эти самые бандиты и расправились... и телохранитель не помог... тем более, что и телохранитель-то какой-то странный, больше на телохоронителя похож. Морда у него такая... - Ритка вспомнила «морду» мужчины, сидящего рядом с ней в машине, - такая... нереально красивая и... мерзкая, холодная, даже жестокая. Сидеть с ним рядом было, мягко скажем, неприятно! - Ритка вспомнила, что еле выдержала два с половиной часа поездки! - Может, этот противный телохранитель Олега и подставил? Божечка, родненький! Неужели с ним что-то стряслось! Тогда и вообще что делать-то? Она ведь с ума сойдет! Да и отсюда ее кто выпустит?

Олег, миленький, где же ты? – прошептала Ритка и, прикрыв глаза, тихонечко застонала...

Рита, что с тобой, - раздался у нее над ухом голос Олега.

Ритка аж подпрыгнула от неожиданности.

Олег! – уставилась она на него совершенно очумелым взглядом. – Ты... ты... как ты здесь?

Да вот, через калитку вошел... Иду к тебе, а ты глаза прикрыла и бормочешь что-то...

Олег! – Ритка кинулась к нему, крепко обхватив руками, прижалась всем телом и заплакала.

Ну, ну, Рита, ты что... ну, перестань... вот глупышка... Тебя что, обижал здесь кто-то? – Олег гладил Ритку по спине, а заодно и по круглой крепкой попочке, - ну, перестань... сторож вязался что ли? обидел?

Нет, нет... - всхлипывала Ритка, - никто не обижал, просто страшно было очень... так страшно!.. что я только не передумала... ты меня оставил и уехал... целых три дня... ни позвонить, ни узнать... я с ума сходила... не оставляй меня больше, слышишь, не оставляй... я с ума сойду...

Тише, тише, девочка моя... тебе нельзя волноваться, слышишь, ты должна беречь себя ради меня, ради нашего малыша. Скоро все кончится, Рита! Но придется еще немного побыть здесь, еще немного потерпеть. Мы должны с тобой победить, выстоять! Понимаешь? Я все сделаю, чтобы обеспечить наше будущее и будущее нашего ребенка. Он мне очень дорог, запомни это! Поэтому будь мужественной, помоги мне, потерпи еще немного, хорошо? Ничего не бойся, слышишь? Ну, хватит хлюпать носом, пойдем в дом, я соскучился по тебе, моя девочка, - Олег страстно обнял Ритку и уже намеревался так же страстно поцеловать ее, но она, отстранившись, спросила:

Бабушка... Олег, ты позвонил бабушке?

Я даже съездил к ней, - с легким раздражением в голосе ответил он, - все нормально, сейчас я тебе все расскажу, ни о чем не переживай, пойдем, пойдем, у нас мало времени и...

А Катя... Олег, надо ведь...

Ри-та... - откровенно резко прищипнул Олег, - пойдем в дом, там и поговорим! И прекрати хлюпать носом, хорошо? Ты что, не соскучилась по мне совсем что ли? Ну-ну, давай, давай, пойдем...

Целуя всхлипывающую Ритку, Олег повел ее в дом.

Из коттеджа напротив за всей этой сценой внимательно наблюдали аланты.

Ну, что... следует переместиться в тот коттедж, проконтролировать его разговор с подругой...

Да, Джастин, следует, следует... проконтролируем и... на охоту, хорошо?

И на охоту... - нежно обняв Ло, согласился Джастин.

Какая была охота! Прелесть! – сыто мурлыкала Ло, раскинувшись на огромной двуспальной кровати, застеленной мягким ворсистым покрывалом. Рядом с ней, закинув руки за голову, в такой же расслабленной позе лежал Джастин. – Настоящая охота! Как мы чудесно загнали тех двоих в сырую полутемную впадину, заросшую какими-то странными деревьями... Какое удовольствие я получила, наслаждаясь их чудесной сладкой молодой кровью! А те трое бездельников, которые решили то ли поугагать нас, то ли ограбить! Ох... какая прелесть! Это же надо – затеять с нами такую «игру»! Чудо! – нежный и звонкий, смех Ло заполнил спальную комнату «пустующего» коттеджа. – Как мы их заманили а, Джастин!.. Как мы с ними поиграли!... и как вкусно мы ими пообедали! Я получила истинное, истинное наслаждение!

Да, ты права, моя милая: охота на лоне природы несравнима с охотой в городе. Здесь все – и горы, и трава, и небо, и журчащие то тут, то там ручейки, и, как ты выразилась, «странные деревья» с какими-то изогнутыми, искривленными стволами и ветвями, свисающими, как косы русалок, – все способствует созданию особого настроения, осознанию твоего единства с этой вечной удивительной красотой! А запахи! Ты почувствовала, какие чудесные здесь запахи? – нагретой солнцем земли, умирающей осенней травы с привкусом мяты и горечи листьев, мокрых камней, студеной воды... Да, удивительно, потрясающе пахнут горы! Поэтому и охота здесь другая...

Да, да... именно так... все именно так, милый... как ты красиво говоришь! Как я люблю тебя!

Ло – грациозная кошка – потянулась сильно, всем телом, приглашая Джастина заняться другой игрой, имеющей такое же огромное значение для продолжения жизни алантов, как и наслаждение кровью. Молниеносным движением Джастин притянул Ло к себе, и золото ее волос накрыло сверкающим водопадом их обнаженные тела.

Разгоряченные и расслабленные, они отдыхали после любовного «сражения», лежа рядом на огромной, мягкой кровати.

Вдруг Ло торжественно и звонко произнесла на языке алантов фразу, от которой Джастин, в буквальном смысле слова, окаменел. Переведем фразу Ло на грубый язык людей:

Я приняла решение принять тебя до конца, впитать тебя и оставить Часть тебя в себе. Я приняла решение стать матерью. И сейчас я сделала это!

Джастин чуть не закричал: «Нет, Ло, нет! Зачем, зачем рисковать собой?! Нас итак осталось очень, очень мало! Ради этого и проводим еще один эксперимент на людях-животных и надеемся, очень надеемся на удачу! И все только ради того, чтобы больше не гибли аланты!». Но он сдержался и даже успел заблокировать свои невыносимые для аланта мысли.

Выбор иметь или не иметь ребенка всегда, во все времена и века был за аланткой, и никто не имел права влиять на этот выбор! Никто! Даже Посвященные! Если бы он сейчас не сдержался и высказал свои опасения, Ло была бы страшно и неприятно удивлена! Нет, хуже, она бы просто не поняла его.

Это сообщение, сказанное, по древнему ритуалу на языке Избранных, через некоторое время станет достоянием всех алантов, обитающих в измерении под названием Земля: с этой минуты, где бы Ло ни появилась, ее будут любить вдвойне, втройне; ее будут холить, лелеять и оберегать как зеницу ока.

Все правильно, все так, это ее выбор, это ее право!.. но Джастин не хотел рисковать жизнью Ло!

Помимо этого, в нем жил и другой страх - Богиня Зазеркалья ждет обещанного: Она постоянно следит за Джастином – и он это чувствует, Она имеет власть над Джастином – и он это знает. Если только Она почувствует, что в Ло зародилась новая жизнь, она тут же поставит

его перед выбором: Тана в обмен на Ло. Ей нужна (как Она мерзко выразилась тогда, сказав об алантах, как о каких-то животных), беременная самка, для того, чтобы внедрить в ее плод Часть себя. Богине кажется, что именно таким образом ее драгоценная Часть может адаптироваться в условиях другого измерения и не погибнуть. Более того, развиваясь внутри плода и вместе с плодом, постепенно окрепнуть, разрастись и...

Ужас! Холодное бездушие монстра! Жестокость страшного и всемогущего существа, никогда не знавшего, что такое привязанность, нежность, любовь! Существа – абсолютно чуждого алантам! Аланты не животные! Аланты – боги земли! Их мир построен на любви! Джастин не сможет сделать выбор между Таной и Ло, потому что нежно любит и ту и другую. Все аланты нежно и преданно любят друг друга! В этом плане (как ни странно это звучит! - вдруг подумал Джастин) алантам ближе животные, именующие себя людьми, нежели Богиня Зазеркалья. Люди тоже умеют любить... не так, конечно, как это дано Избранным, но все же... тогда как Богиня – это только ненасытный монстр, лишенный каких бы то ни было чувств! Что делать? Как спасти Тану и защитить Ло?

Все это в считанные секунды промелькнуло в голове Джастина, но вслух он торжественно сказал, придерживаясь правил древнего ритуала:

Приветствую твое решение, Избранная! Да ниспошлют Великие Боги Алантов вечную жизнь тебе и твоему ребенку!

Ло нежно поцеловала Джастина, откинулась на подушку и вдруг, резко сменив тему разговора, спросила:

Скажи, а вот то вещество в амфорах, которое помогает нам избавиться от мертвых животных... оно... оно взято из тех блюдцеобразных пульсирующих «озер» в Зазеркалье? Ну, тех «озер», из которых вырастает цветок Шоши?

Вопрос Ло моментально всколыхнул все тревожные мысли Джастина о Зазеркалье и его страшной Богине, и он тут же насторожился.

Зачем тебе это? – его вопрос прозвучал резко и сердито.

Да просто... интересно...

Ничего интересного в этом нет! – жестко отрезал Джастин. - Амфоры нам дают Посвященные, и, если ты помнишь, алантам запрещено спрашивать – откуда они и что в них за жидкость?

Ну... что ты так рассердился? Конечно, помню... Я вообще все помню, - со смехом добавила она, - но я же не Клэр задала этот вопрос, а тебе. Просто я сопоставила твой рассказ об этих странных и страшных «пульсирующих озерах» с той реакцией, которую производит серебристая жидкость из амфоры, и мне показалось, что...

Ло! Тебе больше никогда и ничего не будет казаться, хорошо?! Никогда и Ничего! – Джастин резко сел и, помолчав несколько секунд, уже более спокойно, но твердо сказал:

Я тебе уже говорил и повторю еще раз: мир Зазеркалья – это смерть! Запомни это! Никогда, ты слышишь меня, никогда не сходи с Тропы! Никогда! Несколько алантов исчезли именно так!

Да, я знаю... и Тана...

Да, и Тана!

Но ведь ты не раз сходил с Тропы? И Клэр тоже, и...

Ло! Ты никогда не сойдешь с Тропы! Если ты дорожишь таким бесценным даром Богов, как жизнь, если ты дорожишь жизнью нашего ребенка, ты никогда не сойдешь с Тропы!

Конечно, Джастин... прости меня за глупые вопросы! - Ло посмотрела на сердитого аланта и тихо прошептала: «Не бойся, я никогда не сойду с Тропы! Даю тебе слово!»

Джастин снова лег, нежно обняв Ло, и уже спокойно проговорил:

Вот и молодец! Помни, что дала мне слово... это очень, очень важно, потому что...

Вдруг он замолчал и резко повернулся к огромному зеркалу, вставленному прямо в стену и украшенному по краям искусной резьбой по ганчу. Зеркало взирало на него спокойно и равнодушно, но Джастину, сердце которого сжалось от ужаса, показалось, что... Нет, по всей видимости, просто показалось...

Ритка проводила Олега и теперь, подперев голову руками, сидела у окна и бездумно рассматривала осточертевший двор с осточертевшим бассейном. Вдруг ей показалось, что кто-то быстро вошел в коттедж напротив. Она выскочила из своего домика, вгляделась – нет, все тихо: дверь плотно закрыта, в окнах не шелохнулась ни одна занавеска... Что это – опять у нее какие-то галлюцинации начались что ли, как тогда, в парке? Час от часу не легче! Или, действительно, померещилось? Ах, нет, не померещилось (Ритка с облегчением вздохнула): большущий пушистый кот лениво спрыгнул с широкого подоконника «зеркального» коттеджа и, не торопясь, направился в сторону Риткиного жилья.

Ах, ты мой хороший! – засюсюкала Ритка, обожавшая и кошек, и собак и всякую другую живность. Ну, иди, иди сюда, моя кисонька... - присев на корточки, она протянула к коту руки:

Иди сюда, моя лапонька! Кис, кис, кис, кис... ко мне, ко мне, мой хороший... Да какой же ты красивый, прелесть!

Серый с легким шоколадным отливом на спине и темно-шоколадными ушками и передними лапками кот быстро подбежал к Ритке и стал ласково и доверчиво тереться об ее ноги и руки. Она осторожно взяла пушистого красавца на руки (ух ты, тяжелый-то какой! прямо меховой медвежонок, а не кот!), поднялась и понесла его к себе в комнату, искренне радуясь внезапно обретенному «другу»: все не одна! все живая душа рядом! может, теперь и не так страшно будет! Кошки, говорят, животные удивительные: умеют и лечить и отгонять злых духов!

Пойдем, моя лапочка, пойдем, будем вместе с тобой Олега ждать... Ух, какие у тебя глазищи-то чудесные! Как изумруды!.. Я тебя сейчас, мой глазастенький, колбаской накормлю... Любишь колбаску? – Ритка вошла в свой коттедж и плотно закрыла дверь, чтобы кот не убежал. Очень уж ей не хотелось оставаться одной!

19

Олег вошел в свою квартиру, хлопнул дверью, бросил в угол свой походный рюкзак, не останавливаясь, прошел в гостиную и рухнул на диван. Никогда раньше поездка в горы так его не выматывала, а сейчас, высадив Елену около ее дома, он с трудом доехал до своего. Пересиливая сонливое и вялое состояние, поставил машину в гараж и буквально «на автомате» добрал до своей квартиры. Голова раскалывалась от боли и от дикой мешанины диких мыслей. - Что с ним происходит? Заболел? Давление? Никогда раньше никаким давлением он не страдал... да и вообще ничем не страдал... а сейчас что, страдать начал что ли? - Олег тихо застонал.

Вроде бы радоваться надо - в горах все было прекрасно! Елене очень понравились и его друг Умид (молодец друг! когда захочет, может быть чертовски интеллигентным и обаятельным, артист!) и его жена Гуля. Понравился и Арслан, и его чудесный дом... понравилось все! Эта поездка сблизила их с Еленой: она почти оттаяла, перестала жестко держать дистанцию. Вчера вечером они так хорошо погуляли вдвоем, так хорошо поговорили! После пожелания «спокойной ночи» он даже поцеловал ее в щечку – уже победа, и какая! Все прекрасно!

Тогда что же так поганно-то а? Почему в голове все плывет, все кружится, и из-за этого он никак не может сосредоточиться, не может вспомнить что-то еще, что-то такое, что вовсе «не прекрасно»? Вот ведь пакость, а!.. сидит где-то внутри какое-то гаденькое ощущение и ноет,

зудит, тревожит...

Олег напрягся: казалось, вот-вот и вспомнит, вот-вот и ухватит за хвост какую-то очень важную, но все время убегающую куда-то мысль. Да... важную, очень важную... - он попытался сосредоточиться, но на это «действие» все его тело ответило взрывом боли. Ох, как противно!... да еще это тошнотворное ощущение, что в голове сидит некто, или нечто и перемешивает большой ложкой твои мозги... - Олег даже представил себе и ложку (такую большую, алюминиевую) и то, как «перемешивает». - Черт, как болит голова! Надо встать, надо попытаться встать и принять контрастный душ, выпить лекарство... Сил нет терпеть! Что там пьют от головной боли? Черт его знает, что пьют! Никогда не пил!

Олег с трудом оторвал себя от дивана, снял куртку, стянул тонкий темно-синий свитер, джинсы и, бросив все это тут же, на пол, поплелся в ванную. Пустил сначала горячую воду (как только тело терпело), потом холодную, снова горячую... Боль вроде бы стала отступать: правильно говорят, что вода снимает всю отрицательную энергию, очищает. Вылил на голову шампунь и стал активно массировать голову, лицо, шею...

Вдруг он почувствовал, как с пальца скатывается кольцо. Вот черт! Забыл снять! Однажды уже так чуть не потерял его: в прошлом году отдыхали на лоне природы, у небольшой речки, пошел мыть руки, намылил, и... печатка чуть не соскользнула с пальца. Хорошо, что поймал. Правда, здесь ванная, не речка, но все равно...

Подхватив кольцо, Олег положил его на полочку в шкафчик, встроенный в стену, где у него стояли шампуни, бальзамы и вся остальная, необходимая для купания дребедень, и, взяв жесткую мочалку, продолжал энергично мыть и массировать свое тело.

Вдруг он почувствовал, что никакой головной боли больше нет! Нет ни вялости, ни сонливости. Было такое ощущение, как будто бы он в одно мгновение стряхнул с себя нечто тяжелое, душное, окутывающее его подобно плотному туману. Олег вздохнул свободно и улыбнулся – какое блаженство! Да, вода – это все-таки великая сила! Никаких лекарств не надо, и... слава богу! Он терпеть не мог глотать всякую дрянь!

Обмотавшись вокруг пояса полотенцем, зашел на кухню, отрезал дольку лимона, налил в маленькую хрустальную рюмочку хорошего коньячку и с удовольствием выпил. Кайф! И лимончик, посыпанный сахарком – на язык! Ммм...двойной кайф! Все чудесно! И как хорошо-то, черт побери, когда ничего не болит! Что же это с ним было-то, а? От дороги что ли так устал? Так это вряд ли... Бывало он за рулем и четыре и пять часов проводил и ничего... Или просто все три дня из-за Елены был на вздере? Ладно, проехали... Отпустило – и чудненько, и все путем... можно и еще рюмочку пропустить, чтобы спалось крепче. И пропустил.

Натянув плавки, придирчиво оглядел себя в зеркале: так, жирка лишнего пока нигде нет, но тем не менее стоит снова ходить в секцию... так... для поддержания формы. Умид, кажется, тоже собирался, вот напару и ходим.

Так, все прекрасно, все прекрасно... но душу что-то свербит. Что? Ритка, вот что. Да, именно Ритка – это то, что свербит! Он ведь у нее так и не был после того утра, когда они в очередной раз побазарили, а она то ли чего-то испугалась в зеркале, то ли крыша у нее поехала, только орала так, что мертвого подняла бы. И по телефону с ней разговор был странный... Да и вообще странно уже то, что она не звонит, не появляется, а ведь они уже больше недели не виделись! Может быть, дотумкала, наконец, что не сильно ему нужна и решила проявить гордость? Может быть... девочка она своеобразная... что угодно выкинуть может! Или дело в другом, и ее все-таки закадрил этот чернобровенький, и теперь по ночам она веселится в другой постельке? – Олег ярко представил себе обнаженную Ритку, страстно постанывающую в чужих объятиях, и его хорошее настроение моментально улетучилось. - Неужели действительно ее так легко увел этот, как его там, Акмаль что ли? – Олег почувствовал, что с удовольствием сломал бы этому Акмалю шею. – А ведь до безумия любила его, Олега! Ну, бабы! Наверное, все как

одна в глубине души шлюхи! Только погладь как следует – и все – уже в другой кровати! Так, черт подери, что я из себя Отелло-то разыгрываю? Что я все время возвращаюсь к этой теме? Ну, ушла и ушла, и хрен с ней! Что меня заиклило-то на этом! Просто позвоню ей прямо сейчас и... и может быть, еще разок встречу, чтобы расставить все по своим местам. Даже хорошо, что она себе замену нашла (нет, нехорошо, нехорошо – зудил в душе раздраженный внутренний голос). Нет, хорошо, - спорил Олег со своим внутренним голосом, - есть надежда, что теперь она оставит его в покое и не побежит выяснять отношения с Еленой и пороть ей всякую чушь, в том числе и про смерть Виктора...

Он взял телефонную трубку, уселся на диван и набрал Риткин номер: длинные гудки в пустоту... Так, дома ее нет... уже, наверное, и жить перебралась к этому Акмалю, - со злобой подумал он. Отключился, набрал номер сотки и... и вдруг услышал Риткины «позывные» в своей квартире! Олег остолбенел: что это – она у него в прихожей стоит что ли? Что за хрень такая! Галлюцинации начались? Но галлюцинация была слишком реальной: из прихожей упорно неслась романтическая мелодия Риткиной сотки - «Как упоительны в России вечера...». И, как оказалось, неслась эта мелодия из брошенного на пол рюкзака.

Обнаружив «играющую» Риткину сотку, Олег снова пришел в недоумение: откуда она здесь, в его рюкзаке? Отключив сигнал, вернулся в гостиную, плюхнулся на диван и задумался:

Так, ничего не понимаю! А главное – напроць не помню, когда и зачем взял Риткин телефон! Да и она в жизни бы его не отдала! Она же его из рук не выпускала! Что за дребедень! А если бы я случайно ее сотку тогда, в то утро забрал, так не успел бы до работы доехать, как она закатила бы ему по этому поводу истерику! А тут – неделю не видимся и молчит! Нет, здесь что-то не то... А что «то»?

В душу стал заползать непонятный страх: что с ним?... То какая-то странная усталость, опустошенность, дикая головная боль... то теперь этот чертов телефон... и где Ритка?... и почему свой телефон не ищет?... и как он в его рюкзаке оказался?... Почему в голове полный сумбур, почему все так смутно, неясно? Именно это пугало Олега больше всего! Он любил, чтобы все было четко и ясно, чтобы во всем была логика («железобетонная наука! первейшая из всех наук в мире!»), и чтобы все помнить! Раньше он на память никогда не жаловался. Никогда! И вдруг – такой провал!

Да... ничего не понимаю! Съездить сейчас к Ритке? Время-то еще детское, всего... - он глянул на часы, - всего десять. Ах, да, черт, куда ехать-то – этой красавицы и дома-то нет, шляется где-то...

В разрез с раздиравшими его голову мыслями вдруг вспомнил про кольцо, которое оставил в ванной, автоматически принес его, повертел, бездумно любуясь игрой бриллиантов, и, положив в спальне, на трюмо, снова внимательно посмотрел на себя в зеркало: может быть, это с ним что-то не то? с его психикой? Внешне вроде бы все «то», хороший крепкий мужик, вот только в глазах идиотизм какой-то, - зло подумал Олег, - глазки затравленного кролика. Ладно, завтра отыщу Ритку – должна же она домой заявиться! – и все выясню. Стоп! А может быть, она сейчас у своей бабушки? Точно! Стоит проверить!

Он вдруг почувствовал, что если она у бабушки, то ему станет легче, просто станет легче – и все! Вернулся в гостиную, схватил телефонную трубку и лихорадочно набрал нужный номер. Долго никто не отвечал, он уже собирался отключиться, как раздался тихий старческий голос:

Да... але... кто это?

Фатима Гайратовна, это я Олег. Добрый вечер. Извините за поздний звонок, я, наверное, разбудил вас? (только тут Олег вспомнил, что старушка рано ложится спать, «с курами», как она сама о себе говорила).

Ой, Олег, здравствуйте! Да, засыпать уже стала... но ничего, ничего... Вы, наверное, о Риточке что-то мне сказать хотите? Я так переживаю из-за этой ее научной поездки в Москву!

Что за срочность! Нет, конечно, если это необходимо ей для дипломной работы, то... то оно конечно... Риточка ведь хорошо учится! и дальше там, в магистратуру собирается... но что-то мне тревожно! Мне-то она почему не позвонила? Хорошо, что вам-то хоть сказала, что хоть вы были в курсе дела и меня предупредили, а то бы я с ума сошла... но все равно мне беспокойно... У нее там все в порядке?

Олег слушал Риткину бабушку и ровным счетом ничего не понимал: какая срочная поездка в Москву? Когда это Ритка ему об этом сказала, а он успел предупредить бабушку? Что вообще происходит? У него что, действительно что-то с мозгами? Вот и боли головные были странные...

Да, я звоню сказать, что у Риты все хорошо, она скоро сама вам позвонит, не переживайте! – выговорил он, понимая, что сейчас не время пугать старушку, еще чего доброго отдаст богу душу...

Спасибо, спасибо вам, Олег, за весточку... уж пусть она мне позвонит, хорошо? Уж вы ей скажите, что я сильно волнуюсь...

Нет, нет, не волнуйтесь... все хорошо. Спокойной ночи, Фатима Гайратовна!

Спокойно ночи, милый... спасибо, что позвонил, а то сердце горит...

Олег отключил телефон, бросил трубку на диван и, обхватив голову руками, застыл.

Что это?... что происходит-то?... не помнит, откуда у него Риткин телефон, не помнит, чтобы она срочно уезжала в Москву и предупреждала его об этом (да и за каким хреном ей туда ехать? Какая еще к черту дипломная работа в Москве? Она ведь не диссертацию пишет!), не помнит, чтобы звонил ее бабушке... Ничего не помнит!

Что делать-то? Обратиться к врачу? – так это все равно, что заикнуться кому-нибудь о том, что в голове происходят всякие заморочки – и кранты, и в момент все всё для себя определяют! О таком только заикнись – «горячая весточка» разлетится во все стороны, как пожар в лесу. Вмиг потеряешь не только бизнес, клиентов, но и Умида. Он, конечно, его не бросит, как человека не бросит, но никаких серьезных дел с ним иметь не будет – и это правильно: Олег и сам бы никаких дел с психом не имел. Да и Елене выходить замуж за чокнутого... А уж как боров-то порадует его чокнутости! В момент из фирмы вышвырнет и юридическую базу под это дело подведет! Короче, полный п...ц! Нет, надо во всем разобраться самому. Завтра. Тихо. Надо выяснить, где Ритка? Стоп! Можно ведь еще позвонить ее подругам – Ксении, Кимуле... Так, это можно сделать и сейчас, они не старушки, в десять спать не ложаться...

Олег снова лихорадочно схватился за телефонную трубку.

Але! Слушаю вас, - раздался в трубке голос Кати.

Привет, Катюша, я тебя не разбудил?

Да нет, я в десять не ложусь, а в связи с последними событиями, так и вообще сон потеряла...

«С какими событиями?» – нервно подумал Олег, а вслух осторожно спросил:

Ну, ты-то сама как?

Да как... ничего... Ты вот лучше скажи, как Ритка? Ты ведь мне обещал рассказать, почему и тебе и ей надо на время скрыться...

Олег чуть истерично не выкрикнул – «Что? Скрыться?» – но вовремя осекся и, с трудом сдержав свои эмоции, сказал:

Да, конечно... Я тебе все расскажу, Катя, только вот встретиться сейчас не получится, а... разговор этот не телефонный, понимаешь?

Понимаю, чего уж тут не понять... - Кимуля устало вздохнула и потухшим голосом добавила:

Не жизнь, а дурдом какой-то! Детективно-мистический роман, ей богу! (при этих словах Олег насторожился: его зацепило слово «мистический»). То смерть Ксюхи – страшная, нелепая

смерть! (Ксюха умерла! – искренне ужаснулся Олег, - а он только что чуть было не позвонил к ней домой! Хорошо, что Кимулин номер первым набрал!), то вы с Риткой скрываетесь! (Я скрываюсь! И вместе с Риткой! – действительно дурдом!). Я уже ничего не понимаю, - слышался в трубке потухший Катин голос, - последнее время вообще живу со страхом в сердце! (Вот, вот, - подумал Олег, - и я тоже ничего не понимаю, абсолютно ничего!.. и тоже со страхом в сердце!).

Катя, мы с тобой обязательно встретимся и серьезно поговорим, хорошо? – пробормотал Олег.

Хорошо, хорошо... Ты тоже держись, а то даже голос у тебя какой-то... Ладно, дай бог, все утрясется! В универе я пока Ритку прикрываю, скажи ей об этом, а то небось психует из-за учебы. Ну ладно, пока... Удачи вам! Ты только не пропадай, звони, ладно! А лучше бы встретиться, конечно... Нет ничего хуже подвешенного состояния, когда все непонятно.

Это точно! – искренне согласился Олег. – Ладно, пока, Катя, я на днях позвоню.

Олег снова застыл на диване, обхватив голову руками. Ему стало по-настоящему страшно. Он искал и не находил никакого объяснения всему услышанному. У него что – такой страшный провал в памяти? Ни с того ни с сего амнезия! Слово-то какое отвратительное – амнезия! Как зубренным железом по железу! По ржавому железу! Тьфу! Кино, да и только! Но насколько он знает, эта чертова амнезия бывает только после того, как головой хорошо долбанешься! Ну... по крайней мере, во всех мексикано-бразильских сериалах герои сначала грохаются с лестниц или попадают под машину, а уж потом страдают амнезией. Он не грохался и не попадал, тогда в чем дело? Все эти дни в горах все было так прекрасно! А главное, трудная, запутанная мозаика под кодовым названием «Елена» стала, наконец, складываться в цельную картину... хорошую картину! И вдруг – вот такой маразм!

Так, а я все помню, что было в горах? – начал экзаменовать себя Олег, выстраивая по порядку события последних трех дней. И он старательно вспомнил, как ехали, о чем говорили, как их встретил Арслан, что ели, где гуляли, как Анвар чуть не свалился с горы из-за воздушного змея, взволнованный рассказ Елены и Сабины о том, кто и как его спас, интересное знакомство с очень красивой супружеской парой, пришедшей к ним вечером в гости, спасителями мальчишки. Кстати, завтра они будут в гостях у Елены... и Олег будет там же... и Сабина с пацанами... - так решила сама Елена. Все вспоминалось легко и свободно... и в то же время что-то царапало... Что?

Кстати, - вдруг подумал Олег, - парочка эта странная какая-то... «Сладкая парочка», как их тут же охарактеризовал Умид, шепотом, естественно. Красивые... - Олег как будто снова рассматривал новых знакомых, - особенно она... в нем явно было что-то противное! Как он там назвал себя – Джейсон? Джексон?... нет, Джастин – во как!.. Джа-стин, твою мать! А она – Лола, Лолочка. Почему-то в присутствии этого англичанина Олегу стало не по себе... да, точно (он вспомнил свое состояние), точно – тревожно как-то стало, беспокойно, короче, не по себе... Чувствовался в этом Джастине самец, причем, агрессивный самец, хоть и прикрывающийся приветливой улыбочкой. (Олег привык лидировать в мужской компании, поэтому появившееся ощущение неуверенности и беспокойства было ему явно неприятно).

Да и эта голливудская красотка местного разлива тоже какая-то странная... И Елена красива, и Сабина, и Гуля, и нервотрепщица Ритка – каждая из девочек хороша на свой лад (Елена, естественно, красивее всех!) – размышлял Олег, - но эта... эта... - он задумался, подыскивая нужное определение, - эта потрясающе красива! Никогда не думал, что такие бывают... просто какое-то «мисс совершенство»! Только вот почему-то он никак не мог представить себя в кроватке с этой «мисс совершенство» (обычно такие видения давались ему довольно легко!), более того: его и не тянуло оказаться с ней в одной кроватке... тоже странно!

М-да... Самое интересное заключалось в том, что и у Умида (большого ценителя красивых

женщин!) возникла точно такая же ассоциация:

Ну, надо же, какая сладкая парочка! - шепнул он Олегу, при этом обворожительно улыбаясь новым знакомым, весело болтавшим в этот момент с Еленой и Сабиной. - А знаешь, мой друг Олег, этому писаному красавцу я бы с удовольствием набил морду, а с этой...

А с этой с удовольствием переспал бы, да?

Да нет... не понял ты мою нежную душу, потому что с этой... почему-то не тянет общаться ближе... так сказать, губки с губками, грудь с грудью... и все такое прочее. Как-то меня это даже настораживает! Неправильно это как-то... - Умид театрально вздохнул и печальным голосом разочарованного дворянина-интеллигента закончил, - да-с... не тянет, понимаете ли, и все тут. Мне эта красотка панночку напоминает!

Кого? – не понял Олег.

Темный вы человек, Олег Владимирович, классиков не уважаете, с Гоголем, как я вижу, плохо знакомы, - Умид с усмешкой посмотрел на друга, - панночку она мне напоминает, друг мой, вот кого, панночку, понимаете?... ту, которая весьма виртуозно летала в гробу и жаждала крови бедного-несчастливого Хомя Брута... Красивая такая девочка!.. но пощупать не хочется...

Н-да... верное замечание, мне тоже почему-то не хочется... а за «темного», образованный вы наш Умид Акбарович, вы мне ответите! - и он шутливо толкнул друга в бок.

Между прочим, панночка была темноволосой, как и полагается ведьме, - продолжал свои рассуждения Умид. – Этой Лолочке тоже положено быть темноволосой, поскольку она, по ее же словам, местная, то ли узбечка, то ли таджичка, а она блондинка. Ты это заметил? Причем, натуральная блондинка, не крашенная. Редкое явление, кстати, в наши дни.

Ну почему редкое? Елена, например, тоже натуральная блондинка.

Редкое, редкое, не спорь со специалистом, - засмеялся Умид.

В принципе, новые знакомые оказались людьми довольно приятными, вот, правда, поужинать с ними отказались (уж так Сабина с Еленой по этому поводу расстроились, наготовили ведь всего!), но искренне извинялись, объясняя свой отказ тем, что только что из гостей, только что из-за стола, уже там переели, а оба держат какую-то особую диету... иностранцы хреновые...

Так, - подвел Олег итог своим воспоминаниям, - получается, что он все помнит, все! Кто что говорил, кто как выглядел, кто во что был одет, кто что ел и кто чего не ел. Выходит, что его амнезия касается только Ритки, только того, что связано с этой чертовой Риткой! Причем, запомнил он все то, что было буквально в течение недели... ну, чуть больше. Какая-то избирательная амнезия! Ничего, ничего не понимаю!

Ладно, к черту все, к черту! Надо лечь спать. Завтра во всем постараюсь разобраться. Все равно сейчас все впустую, только голова снова болеть начала... на нервной почве, наверное. Все, больше ни о чем и ни о ком не думаю! Спать! – отдал он приказ самому себе, но... приказ-то отдать легко – выполнить тяжело.

Засыпал долго, ворочался, устраивался поудобнее и все никак не мог устроиться, вставал, пил холодную воду, снова ложился, вздыхал, что-то бормотал сам себе под нос и, наконец, измучившись, часа через два погрузился в тревожный сон.

Внезапно, кожей почувствовав опасность, проснулся, открыл глаза и резко сел на кровати.

Комната была залита ярким лунным светом, а у двери, прислонившись к косяку, стоял его сводный брат Виктор и молча, в упор смотрел на Олега, потрясенное сознание которого судорожно выхватывало совершенно жуткие детали: бледное, очень бледное мертвое лицо со впалыми щеками... челка, немного свисающая на лоб... костюм и белая рубашка – так Виктора нарядили в последний путь, таким он лежал в гробу. Вот тут впервые в жизни Олег понял, что такое страх. Ему показалось, что его тут же парализовало, что все тело мгновенно стало чужим. Все! Конец! Он больше никогда не сможет шевельнуть ни рукой, ни ногой. Язык в буквальном

смысле слова прилип к гортани. В голове – мешанина мыслей и в то же время какая-то вялая, ватная пустота, и только в ушах что-то монотонно ухает и гудит: у-ух, у-ух, у-ух...

Зачем?

Вопрос прозвучал, Олег и услышал и понял его, но он не видел, чтобы его мертвый брат пошевелил губами. Только взгляд – пристальный и укоризненный. От осознания этого ужас, затопивший комнату, усилился, разросся, стал осязаемым, как жирная вязкая масса. Гудение в ушах превратилось в громкое и назойливое жужжание, а «вязкая масса», наплывая, наваливаясь, давила Олега. Он весь покрылся потом, стал тяжело дышать, с хрипом, с надрывом и вдруг, подстегнутый этим убийственным ужасом, краем сознания цепляясь за угасающую надежду - «выжить!», - завопил:

Ты всегда и во всем был первым, всегда и во всем был лучшим! Я люто ненавижу тебя за это! – Олегу показалось, что он не просто кричал, а орал, орал во все горло, – с ненавистью, с отчаянием и диким страхом, но в ту же секунду отдал себе отчет в том, что тоже, как и Виктор, не шевелит губами, не открывает рот! Может быть... он тоже умер! Иначе как он может видеть Виктора, как может слышать его?

«Проорал» - и «почувствовал» мертвую звенящую тишину комнаты. И в этой тишине, шелестом, голос:

Не я буду судить тебя. Не за этим пришел. Спаси Елену!

Что!? Что Елена!? Что тебе надо!?

Оглянись вокруг, загляни в себя... спаси Елену!

Как!? От кого? От кого спасать-то!? Что тебе надо!? Что!? Что!?

Не надевай кольцо, которое...

В ту же секунду из зеркала выплеснулась клубящаяся, меняющая цвет масса – сверкающий туман, который вмиг затопил комнату. В его полупрозрачных вихрящихся потоках совершенно ошалевший «парализованный» Олег увидел... Лолу, которая, как пантера, кинулась на Виктора, но... призрак тут же исчез. Резко крутанувшись на месте, она уставилась на Олега злыми, полыхающими зеленым огнем глазами; ее золотые волосы извивались и шевелились, как змеи. Медленно приоткрылись пухлые алые лепестки губ, и находящемуся на грани безумия Олегу показалось, что между этими «лепестками» мелькает то ли черное раздвоенное жало, то ли длинный черный язык... Проваливаясь в бездонный колодец спасительного обморока, он успел увидеть, как Лола (а может быть, и не Лола, а эта, из пророчества африканского колдуна, Прекрасная Мамбу – Великая Смерть), слилась с туманом, став радугой, которую, стоявшее в его спальне зеркало, быстро втянуло в себя.

«Паралич» прошел, Олег грохнулся с кровати и... проснулся. За окном уже серел рассвет, по стеклу монотонно и успокаивающе стучали капли дождя. Затравленным взглядом он оглядел комнату – никого и ничего!... ни сверкающего тумана, ни жуткой красавицы, ни жуткого призрака... Сон... Черт, какой отвратительно реальный сон! Мерзейший сон!

Олег снова лег на кровать, ощущая во всем теле такое напряжение, что, казалось, еще немного и его будет трясти, как припадочного. Укрылся одеялом, медленно сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и постарался расслабиться. Постепенно это ему удалось.

Вот черт, - с досадой и некоторым испугом выругался он, - нервы стали никуда негодны, как у истеричной бабы в период месячных. Это же надо такому присниться! Расскажи кому – не поверят, скажут – в каком-нибудь ужастике сценки высмотрел. Да уж, лучше такие «сценки» «высмотреть», чем в них участвовать! – Олега невольно передернуло. - И как он четко помнит-то этот поганый сон! Обычно и сны-то видел редко, а если и видел, то никогда не запоминал, а тут...

А может быть, это не сон вовсе? Виктор... (и это самое страшное!) как смотрел! какой укор был в его глазах! Неужели действительно есть «тот свет», и есть Бог? Неужели действительно

его, Олега, будут судить... ТАМ? Нет, бред, все это просто бред, сказки для слабонервных слонтяев! Есть только то, что есть, только то, что я вижу и осязаю, только вся эта реальная долбаная жизнь на этой реальной долбаной земле и все! И никаких «тут» и «там»! И в этой долбаной жизни я хочу быть вожаком, а не бежать шестеркой «в стае», чтобы всю прекрасную перспективу загораживала чья-то вонючая задница!

Олег раздраженно перевернулся на правый бок и скинул с себя одеяло – теперь ему стало жарко.

Но Виктор... как живой и... и мертвый... явно мертвый... кожа, волосы, этот костюм – ужас! А что он там говорил про Елену? Спасти... от кого спасти? Кто и что ей угрожает? Или он намекал на него, на Олега... мол, ты убийца и поэтому на мою жену не имеешь права... Ну да, точно! Что он там прошелестел-то – «не надевай кольцо!». Да, да... именно так: это он, небось, на обручалочку намекал! Мол, не смей на ней жениться! Хрен тебе! – Олега тут же захлестнула волна злости, - я на все имею право, понял! До чего мои руки дотянутся – на то и имею! И вообще, хватит мусолить этот долбаный сон! Что я заиклился на какой-то херне и без этого есть о чем подумать! Вот, например, о Ритке стоит подумать! Что с ней, а? Где ее искать? Бабка говорит, что она (по его словам!) в Москву уехала, диплом писать, Кимуля вообще детектив рассказывает и тоже с его слов, а он этих «слов» напрочь не помнит. Вот это действительно ужас, реальный ужас, а не какой-то там придурочный ночной бред!

Однако воспоминания о «придурочном бреде» тут же сдавили сердце – жуткий все-таки бред-то и тоже весьма реальный... Да еще африканец этот мерзкий со своим пророчеством в голову лезет... И девка эта с раздвоенным языком... то ли Лола, то ли Мамбу...

Так, все... надо встать, - Олег рывком поднялся с кровати, - размяться, умыться, одеться и двигать на работу. Посмотрим, посмотрим... (на что он «посмотрит», Олег и сам до конца не понимал, но несколько раз, успокаивая самого себя повторил это слово), посмотрим... война план покажет... Сейчас на работу, вечером к Елене... Вот так. И точка. И вообще, Елена – это сейчас самое главное, коли уж решил стать «вожаком стаи», а все остальное можно послать на х... и все.

Одевшись, выпив крепкого душистого кофе, звякнул Умиду и, поговорив с ним о предстоящих делах, схватил куртку, зонт и выскочил из квартиры.

На трюмо благородно посверкивало забытое Олегом кольцо – золото, платина и бриллианты.

Ничего... это ничего, что он сегодня забыл надеть свою печатку, - произнесла Клэр, успокаивая Лолу и Джастина. – Энергетика кольца – это сильная, по сути дела, разрушающая сила: с ней надо срастись, к ней надо привыкнуть. Видите, как он себя плохо почувствовал, проносив его, не снимая, всего несколько дней. У него уже и в голове-то все путаться стало... хорошо еще, что он так легко отделался, потому что чаще всего такое кольцо убивает людей или сводит их с ума. Олег сильный – и в этом наша удача, так что пусть отдохнет немного. От кольца и от нас ему все равно не уйти. Через некоторое время он к нему привыкнет и уже не будет испытывать столь сильной головной боли. Свыкнется он и с мыслью о том, что его память и его действия контролируются. Через некоторое время этот самец не только не захочет снять кольцо, но будет испытывать дикий страх от одной мысли об этом! Вот тогда он окончательно станет нашим рабом. Очень ценное и полезное для нас приобретение!

А вот с этим блуждающим спиритом явно надо как-то разобраться... Хорошо еще, что ты, моя дорогая, - Клэр ласково взглянула на Ло, - не дала ему все рассказать о кольце, иначе бы у нас возникли серьезные проблемы. Олег – сильный, жестокий, дерзкий, непокорный и... крепкий здоровьем, он будет хорошим слугой нам на долгие годы, но сначала его надо покорить, окончательно «окольцевать», закрепив на его руке вечное тавро раба.

Олег отвез Сабину с ребятами домой и снова вернулся к Елене. Джастин и Лола еще были у нее. Они сидели в гостиной, потягивая из бокалов вино, и, как видимо, приятно беседовали. Настроение у Олега было приподнятое: Елена и встретила его ласково и сейчас явно обрадовалась его возвращению. Даже Джастин не казался сегодня противным, напротив, он отметил его корректность, скромность, чувство юмора. Оказалось, что беседа с этим античным красавцем может доставлять удовольствие, поскольку он много ездил, бывал в разных странах, прекрасно знал историю и о некоторых событиях веков минувших рассказывал так ярко и увлекательно, будто видел их воочию.

Вы прекрасный рассказчик, - с искренним восхищением произнесла Елена, - история – это ваш профиль?

В какой-то степени да, - засмеялся Джастин, продемонстрировав великолепные зубы (интересно, искусственные или свои? – подумал Олег, - прямо голливудский оскал!), - но мой непосредственный бизнес никак не связан с историей.

Извините за нескромный вопрос, - обратился к нему Олег, - а ваш бизнес...

Я занимаюсь цветными металлами. (Оп-па! А вот это уже интересно, - подумал Олег). Собственно, моя поездка в Узбекистан – деловая поездка, но, к сожалению, она складывается не очень удачно: человек, с которым я надеялся завязать деловые контакты, оказывается, скончался, а у его партнера по бизнесу свои планы, в которые я, к сожалению, не вписываюсь. (Интересно, - тут же насторожился Олег, о ком это он говорит, уж не о моем ли братце и его жирном партнере? Вот это стоит выяснить! Возможно, импортный красавчик и есть та золотая коровка, которую будет приятно доить!) Придется искать другие каналы,- продолжал говорить Джастин, - ну, это уже мои проблемы и я не буду вас утомлять столь скучными разговорами. Ну, а Лола, - повернулся он к своей жене, - Лола приехала повидать родину. Ее родители из этих благословенных мест. Поэтому она очень любит горы.

По поводу ваших проблем по бизнесу мы еще поговорим. Возможно, я смогу оказать вам соответствующую помощь. Ну, а Чимган и его горные селения действительно прекрасны, - Олег тоже продемонстрировал в улыбке свои ровные и белые зубы, - но я не знал, что в маленьких аулах вырастают столь редкие по своей красоте цветы, как ваша жена!

Сказав это, Олег искоса посмотрел на Елену – не нахмурилась ли? - но нет: эта умная и воспитанная женщина – не Ритка (та бы уже стала зеленой от ревности, а потом запилила бы насмерть!). Елена ласково и приветливо улыбалась Лоле, видимо, полностью соглашаясь с его несколько напыщенной и цветистой фразой.

Спасибо за комплимент! – засмеялась гостя, и ее смех рассыпался серебряным колокольчиком, буквально всех заворожив. – Ваша жена, Олег, тоже редкий цветок!

Боже мой, как она обаятельна и красива! - с восхищением подумала Елена, которую буквально гипнотизировали изумрудные глаза очаровательной молодой женщины. А Олег, смущенно покачав головой, сказал:

К моему великому сожалению, Леночка не жена мне, хотя я очень и очень надеюсь когда-нибудь так ее назвать.

Ну, так зачем же дело стало? – развел руками Джастин. – Вы такая очаровательная пара! (в этот момент он даже понравился Олегу).

Да вот, - Олег с нежностью посмотрел на Елену, которая глаз не отводила от Ло, - боюсь получить от ворот поворот. Одним словом, трушу, как семнадцатилетний мальчишка.

А я думаю, - нежно проворковала Ло, - что вы, мужчины, совершенно не разбираетесь в женском сердце. Наберитесь смелости, Олег, и спросите Елену – согласна ли она стать вашей

женой? Не Елене же первой говорить вам о том, как ей тяжело и плохо одной и как вы ей нужны! Леночка, ведь я верно говорю?

Произнося эту фразу, Ло, без улыбки, серьезно и пристально поглядела в глаза Елене.

Конечно, Лола!

Услышав этот ответ, Олег был просто потрясен: он собирался, по крайней мере, месяц, а то и два аккуратно обхаживать предмет своего вожделения, а оказалось, что все можно решить вот так – в пять минут! Неужели он сам, без помощи этой сладкой парочки не смог понять, что Елена ждет от него решительных шагов? Это уже просто потеря квалификации по женскому вопросу!

Ну, что же вы застыли, Олег? – Джастин поднял бокал с вином и заговорщицки подмигнул ему, - дерзайте! А то ведь, знаете, женщины – они, как море: прилив может внезапно смениться отливом, а штить переродиться в страшную бурю. Так что, пока не поздно, хватайте удачу за хвост!

Олег посмотрел на Елену, которая уже сидела рядом с Лолой, смущенно опустив голову. Красавица гостья нежно гладила ее по руке и поощрительно улыбалась.

Вдруг вся эта разыгранная, как по нотам, ситуация показалась Олегу какой-то искусственной, насквозь фальшивой: может быть, пока он отвозил Сабину, они тут так подружились, что решили подшутить над ним? Сейчас он сделает предложение Елене, а та, улыбнувшись холодно и высокомерно (это она умеет! и Олег знает, как здорово это у нее получается!), скажет «нет», и жестко поставит его на место. Этому роскошному самцу Джастину такая сцена, пожалуй, доставит огромное удовольствие!

Видимо, во взгляде Олега отразилось явное сомнение и недоверие ко всему происходящему, потому что Лола, укоризненно взглянув на него, быстро проговорила голосом капризной девочки:

Ну, вот... пожалуйста вам... этот сильный и красивый мужчина трусит! Представляете, Леночка, он боится, что вы скажете «нет». Давайте докажем ему, что женщины смелее в выражении своих чувств! Кстати, это доказывает и вся мировая литература! В нужный момент мужчины трусят, а женщина смело идет вперед! Помогите ему, Леночка!

Елена подняла голову, и с нежностью и ожиданием стала смотреть на Олега.

-Лена, я что, действительно могу сделать тебе предложение? И ты не рассердишься? Мне было бы очень больно потерять тебя!

Ты не потеряешь меня, Олег, - тихо и спокойно ответила Елена, - не потеряешь, потому что я... я действительно хочу услышать от тебя... - тут она замаялась, замолчала, как будто споткнувшись обо что-то, и, не закончив фразу, снова опустила голову и стала вертеть в руках бокал с вином.

Так ты согласна, Леночка? Ты действительно согласна стать моей женой?

Да, Олег, я согласна, - прозвучал спокойный и твердый ответ.

Воцарилась пауза, которую нарушил Джастин. Встав, он поднял бокал и торжественно произнес: «За это стоит выпить стоя!»

Его примеру тут же последовала Лола, легонько подтолкнув Елену к Олегу, который нежно обнял молодую женщину за плечи. Все подняли бокалы с искрящимся красным вином и отпили по глотку.

А теперь поцелуй! – весело потребовала Лола. – Такой торжественный и прекрасный момент должен быть скреплен поцелуем!

Я поддерживаю свою жену! – воскликнул Джастин и снова заговорщицки подмигнул Олегу.

И вновь Олегу показалась неестественной и даже неприятной вся эта сцена странного сватовства; и что-то унижительное и даже обидное было в подмигивании этого чертова Джастина. Но Елена послушно подняла к нему свое очаровательное лицо, и он, тут же отбросив

в сторону все свои сомнения, нежно и страстно поцеловал ее.

Джастин и Ло холодно и с интересом наблюдали за поцелуем людей. Сегодня все удалось: они, наконец, свели эту пару. Ло весь вечер держала под особым (мягким, ненавязчивым, но достаточно сильным) контролем Елену, а Джастин умело направлял Олега (было бы все гораздо проще, если бы этот идиот надел кольцо, но он опять забыл это сделать!). Их совместные усилия не пропали зря: как только две эти особи сойдутся окончательно, то есть поженятся в соответствии с их ритуалами (а произойдет это в ближайшие дни!), аланты начнут следующий этап своей ответственной операции.

Оторвавшись от Елены, Олег быстро взглянул на Джастина и Лолу (его почему-то все время не покидало какое-то странное напряжение – ощущение розыгрыша), но, увидев искренние улыбки, освещавшие их лица, и, услышав радостные аплодисменты, которыми они наградили «торжественный поцелуй», несколько успокоился.

Вы знаете, Леночка, - сказал Джастин, - очень жаль, что сейчас здесь нет вашей чудесной подруги Сабины. Может быть, вы ей позвоните и расскажете о только что свершившемся историческом событии?

О великом историческом событии! – с шутливым возмущением поправила его Лола.

Все весело рассмеялись, и Елена, взяв телефонную трубку, начала набирать нужный номер.

Сабина сидела за компьютером: надо было сделать подробную разработку открытого занятия с обязательным использованием новых технологий. Она пыталась сосредоточиться на работе, но ее мысли упорно «убегали» в сторону, уже в который раз прокручивая события сегодняшнего вечера.

Все было хорошо, все было правильно, но Сабину не покидало ощущение тревоги и вроде бы ничем не объяснимого недовольства. Что-то было не так, а конкретно «что?» – она никак не могла понять. Причем, настороженность и внутреннее неприятие «чего-то» у нее вызывали именно гости Елены, люди, которым она была очень и очень благодарна за спасение своего ребенка. Именно в них, в их поведении было это «что-то не так», но что? - Сабина не смогла бы объяснить.

Станным ей показалось то, что они вновь (как и при первой встрече в горах) отказались от стола, объясняя это своей строгой диетой, а они с Еленой опять так старались закупить и наготовить побольше вкусенького! Почему-то Сабине это было неприятно: в голове откуда-то выплыла фраза – «в доме врага воды не пьют, хлеб в руки не берут». Но разве они враги? Чушь какая-то! Правда, гости не отказались от бокала вина. Они были веселы и очень приветливы со всеми, умели занять интересным разговором, а Лола совершенно искренне обрадовалась шикарному букету алых роз, который ей, смущаясь, вручил Анвар.

Кстати, эта Лола, - подумала Сабина, - все-таки я ее где-то видела! Уж очень лицо у нее необычное... Но где? Не помню... А может быть, путаю что-то... Может, и путаю... Но почему же на душе-то так тревожно? Вроде бы ведь все было нормально, но...

Сабина вспомнила, что несколько раз, случайно, ловила странные взгляды, которые гости изредка бросали на нее, Олега, Елену, детей... «Странные» тем, что... - Сабина задумалась, вспоминая свою реакцию на эти взгляды, - что... в них вдруг проглядывала какая-то отстраненность, холодность, высокомерность и... жестокость что ли?... нет, не то... презрение?... тоже вроде не то... что-то еще хуже, что вызывало секундный укол страха, который тут же таял, оставляя, однако, ощущение фальшивости всего происходящего.

Да, да... правильно, - обрадовалась Сабина, найдя нужное определение общей атмосферы, царившей за столом, - правильно, весь вечер ее не покидало ощущение фальши, именно фальши, актерства, буффонады, как будто невидимый режиссер разыгрывал спектакль, и все они, и гости и хозяйка, невольно были задействованы в нем.

Но кто режиссер и в чем смысл такого спектакля? Или я что-то выдумываю, как это иногда свойственно филологам? Вижу какой-то скрытый подтекст там, где его нет? Люди действительно могут сидеть на строгой диете (многие вообще заиклены на этом!). И взгляды... может быть, я что-то не так поняла, что-то сама придумала, накрутила-навертела? Может быть, вполне может быть... - Сабина задумалась, прислушиваясь к себе, - но на душе... неприятный осадок был на душе, вот что, и еще... тревога. Таких ощущений нет, когда все действительно хорошо!

Да и Елена вела себя странно: ее сдержанная, порой действительно холодноватая подруга (Гафур прав, называя ее Снежной Королевой) сегодня вечером, практически, открыто кокетничала с Олегом. Поведение ей совершенно несвойственное! Почему-то это тоже было неприятно Сабине.

Хотя, что ж тут неприятного, - тут же одернула она себя, - сама ведь ей говорила про Олега! Сама хотела, чтобы подруга, молодая красивая женщина, снова вышла замуж и (дай Бог!) родила ребенка! Ну, вот она и последовала совету: решила устроить свою судьбу и, как любая нормальная женщина, пококотничала с мужчиной, и что, это уже вызывает раздражение что ли?

Сабина нахмурилась, крайне недовольная своей реакцией. Что это? Неужели ей свойственна обычная бабская стержовность – плохо подруге – значит хорошо, хорошо – значит плохо? Сабина вновь прислушалась к себе и напрочь отмела подобное предположение: нет, никогда она такой мерзостью не грешила! И ей действительно хочется, чтобы Елена была счастлива! Это искренне! Раздражение вызвано другим: поведение Елены тоже было каким-то фальшивым, как будто бы это не сама Елена говорила, смеялась и заигрывала с Олегом, а кто-то, сидящий в ней и совершенно ей чужеродный... Даже Олег иной раз с удивлением поглядывал на нее! И вообще, две недели назад она и слушать-то особо не хотела про брата своего мужа, а тут – просто откровенно в невесты собралась! Тоже странно. Вот и получается, что вся эта ситуация как-то совершенно не соответствует обычному поведению Елены. Несвойственно ей подобное и все тут!

А может быть, ее подруга так странно комплексует по поводу того, что Олег младше ее, и таким образом пытается скрыть свое смущение? – Сабина подумала над этим предположением, но потом, пожав плечами, покачала головой. – Да, нет, и такая схема поведения не вписывается в характер Лены, слава богу, не первый год знакомы! Что-то тут не то!

Ладно, не буду сейчас морочить себе этим голову, встречу Елену и просто об этом спрошу, и все, - решила Сабина и уже серьезно переключилась на свое открытое занятие, ощущая, однако, что где-то, в глубине души, упорно и противно «скребутся кошки».

Вдруг неожиданно и резко (по крайней мере, так показалось Сабине, которая даже вздрогнула невольно) зазвонил телефон. Подняв трубку, она услышала веселый голос Лены. Сначала она посетовала на то, что любимая подруга так рано ушла, а затем сообщила ей потрясающую новость: Олег сделал ей предложение, и она ответила согласием.

Сабина растерялась настолько, что просто не знала - что ответить? Повисла минута напряженного молчания. Елена шутливо подула в трубку и спросила:

Сабиша, Сабиш! Я что, ввела тебя в шоковое состояние?

Честно сказать, есть немного, - придя в себя, заговорила Сабина. – Ну, что ж, поздравляю тебя, моя хорошая! Я искренне рада тому, что теперь ты будешь не одна и... и еще: дай-то бог, чтобы сбылись все твои мечты!

Спасибо, Сабиночка! – искренне поблагодарила Елена.

Ну, и когда свадьба?

Да вот, посоветуемся с Олегом, решим и тогда скажем. Вы с Гафуром узнаете первыми! Пока, спокойно ночи!

Да уж... жизнь прекрасна и удивительна! – подумала Сабина, положив трубку телефона. –

Причем, иной раз удивительна настолько, что... что просто слов нет! Хотя, что я так раскудахталась! В принципе – все по уму, все нормально... (ведь именно это «внутренне» и планировалось!) Вот только уж очень как-то все быстро, слишком быстро, что опять-таки не соответствует характеру Елены, которая никогда не любила и не одобряла скоропалительных решений.

Сабина в недоумении покачала головой. Вновь появилось ощущение фальши, игры, как будто бы сейчас с ней, по телефону голосом Елены, разговаривала совершенно другая, незнакомая ей женщина. Та Елена, которую она знала много лет, не могла ни вести себя так, как это было сегодня вечером, за ужином, ни смеяться так, ни разговаривать, ни так (с бухты-баряхты, сломя голову) принять столь важное решение.

Ничего не понимаю! – подвела Сабина итог своим неприятным размышлениям. – Надо увидиться с Еленой (действительно надо!) и спокойно обо всем поговорить. Наедине! Тогда... тогда, может быть, все объяснится, все встанет на свои места!

Может быть, вы, мои дорогие, немного поторопились? Как бы Елена не занервничала, не заподозрила чего? Это было бы нежелательно! Эта самка должна быть уверена, что все решения она принимает сама, что ей действительно нужен этот самец для продолжения рода. Она должна быть уверена и спокойна, она должна безумно любить, лелеять и оберегать то дитя, которое будет носить в себе! – Клэр строго взглянула на Джастина и Ло, слегка нахмутив свои красивые брови.

Нет, нет, Клэр, не беспокойся, все будет в порядке. Все прошло очень гладко и удачно! Неужели ты думаешь, что эти животные способны столь тонко чувствовать, чтобы ощутить все специфические нюансы происходящего? – иронически улыбнувшись, Джастин пожал плечами.

Не ты ли периодически твердишь о том, что с людьми надо вести себя весьма и весьма осторожно? – Своей нежной и белой, как алебастр, рукой Клэр нежно коснулась щеки Джастина. – Мой милый, они – странные создания, эти люди! С одной стороны, глупые, нелепые, лживые, жестокие, завистливые, агрессивные, живущие ненавистью, жадной наживы и уничтожения, но... - она выдержала паузу, - но, с другой стороны, они же могут быть очень, очень умны, изворотливы, хитры и плюс к этому – милосердны, добры, щедры, величественны, талантливы, дерзки и непредсказуемы в своих деяниях и поступках. Иной раз эти существа умеют любить, по-настоящему любить! – прикрыв глаза, Клэр вновь помолчала, как будто что-то вспоминая из своей долгой-долгой жизни, и с нажимом повторила - любить так, как это доступно только нам, алантам! Они – опасные противники, Джастин!

Клэр, - с изумлением воскликнула Ло, ты животных называешь нашими противниками!? Ты считаешь, что они действительно способны любить!?

Они способны и любить и убить! – жестко произнесла Клэр. - В мире алантов живет только любовь! Алант никогда не убьет аланта!

В мире людей властвуют любовь и ненависть: безумно любя, человек может убить того, кого любит! Ситуация – совершенно немыслимая для нас! Именно этим люди и опасны! Ни в коем случае нельзя недооценивать их!

Джастин и Ло, взволнованные словами Посвященной, стали мысленно «прокручивать» вечер, проведенный у Елены. Клэр, «подключившись» к ним, «просматривала» их мысли.

Да, пару раз Джастин поймал странный, настороженный взгляд Олега, но не придавал этим взглядам никакого значения (Олегу вообще можно было уже не придавать значения – через некоторое время эта особь превратится в послушного и бездумного раба);

Елену мягко и нежно взяла под свою опеку Ло – очень нежно взяла, очень мягко, ненавязчиво и осторожно... Нет, эта самка ничего не должна заподозрить! А звонок к подруге поставил ее в определенную ситуацию: она объявила о своей помолвке и предстоящей свадьбе.

После этого сложно будет что-то «отыграть» назад.

Сабина, удивившая Ло столь горячей любовью к своему детенышу, иногда бросала недоуменные взгляды на Елену, но эти взгляды, скорее всего, были продиктованы какими-то личными мотивами, личными отношениями этих самок и вряд ли связаны с действиями алантов.

Ну, что ж, будем надеяться, что все действительно прошло гладко и хорошо, - подвела Клэр итог «просмотру». – Теперь следует жестко контролировать ситуацию: жестко в том плане, что прежде чем стать самкой Олега, Елена должна побывать в нашей клинике. В связи с этим, желательно, чтобы этот самец не снимал кольца! Ты понимаешь меня, Джастин?

Конечно, он будет под контролем, не волнуйся!

Ему надо внушить мысль, что по-настоящему стать мужчиной Елены он может только в брачную ночь! И не раньше! Иначе это осложнит ситуацию.

Именно так и будет!

Кстати, как обстоят дела со второй, уже беременной самкой?

Она все еще в горах. После того, как все «обыграем» с Еленой, Олег увезет Риту в Москву, точнее, в Подмосковье. Там в нашей клинике ей и займется.

Меня тревожит эта самка Рита! Мне кажется, что она неуправляема и агрессивна. Она поверила в ту историю, которую ей преподнес Олег?

Да. Она боится и за свою жизнь, и за его жизнь, и за жизнь своего ребенка, поэтому будет послушна, будет выполнять то, что скажет ей ее самец, которого она, по меркам людей, сильно любит.

-Да, это главное, чтобы Рита верила в любовь Олега к ней, верила в то, что ему нужен ее ребенок! В противном случае она может решиться на убийство, может избавиться от своего плода!

При этих словах Клэр на лицах алантов появилось откровенное отвращение: только люди способны убить в зародыше собственное дитя!

Как только будет проведена соответствующая операция Елене, - тихо произнес Джастин, - мы с Ло разделимся: я буду контролировать Риту, а она Елену. Будем надеяться на успех, Клэр!

Будем, потому что он нам очень, очень нужен!

21

Ритка, как тигрица в клетке, шестой день металась по своей пятизвездочной «тюрьме». Ее голову посещали самые мрачные мысли.

Все, если завтра Олег не приедет, то это точно будет «все»! Он ведь обещал – «приеду через три, максимум четыре дня», – а уже шесть прошло, считай, неделя! Господи, что делать-то! Эти бизнесменские ублюдки, наверное, выследили его, наверное что-то с ним сотворили! Может, тоже под замком держат, выпытывают что-нибудь, или подписывать заставляют! А может, а может... Нет! о таком «может» Ритка даже думать не хотела!

И как же ей все выяснить? Как выбраться-то отсюда? Видеть она уже не может ни эти поганые коттеджи, ни двор, ни бассейн, ни охранника с дебильной рожой! И ведь никто, никто не знает, что она в этих чертовых горах! Не приведи боже, если с Олегом что-то случилось, то ведь и некому дать указание, чтобы ее отпустили... и искать-то ее здесь никто не будет, потому что кроме Олега и его мерзкого телохранителя никто и не знает, где она!

Так, жду еще день, максимум два... да, жду максимум два дня, а потом... а потом что? На крыльях что ли отсюда улетишь? А потом... охраннику по башке чем-нибудь дам – вот что «потом»! Выберу удобную минуту и... дам так, чтобы он вырубился! Правда, если этот бугай сразу не отключится, то он Ритку одной левой в порошок сотрет! А может, и не сотрет, ему ведь

охранять ее велели?

Вечерело. Ритка, занятая своими тяжелыми мыслями, бесцельно моталась по двору, а за ней бегал красавец кот, получивший кличку Барсик.

Хорошо, хоть ты рядом со мной, - обратилась к нему Ритка, - спасибо тебе, кошарик. Интересно, почему я тебя первые дни не видела? Ты где жил, где прятался? Может быть, в этом бунгало?

Ритка подошла к «зеркальной» копии своего коттеджа и потянула за ручку двери. К ее великому удивлению, та спокойно открылась. Ну, надо же! А Ритка все эти дни думала, что дом на запоре, поскольку в нем никто не живет. Барсик тут же проскользнул внутрь и исчез.

Барсик! Барсик! Кис, кис, кис... Ты куда убежал-то? Барсик! Где ты там запропастился? Иди сюда!

Ритка вошла в коттедж и стала оглядывать комнаты и искать своего кота, без которого ей теперь было просто страшно.

Этот коттедж «заполнял» ровный шум. Ритка выглянула в окно, на котором, кстати, не было решетки, в отличие от окон в ее коттедже, и увидела, что дом стоит на обрывистом берегу, над самой рекой. Река была неширокой, но, по всей видимости, глубокой и бурной. Вот она и издавала этот ровный, мощный и как бы приглушенный шум. Да, отсюда тоже не сбежишь, эта река вмиг проглотит и не поперхнется! Ритка, конечно, умела плавать и неплохо, но не настолько, чтобы решиться плюхнуться в эти темные, вскипающие иногда белыми бурунами, воды.

Она уже хотела отойти от окна и задвинуть тяжелую золотистую штору, как вдруг услышала звук открываемой двери (входной двери!).

Вот черт! – выругалась она про себя, - это, наверное, охранник мотается с проверкой, а я в чужом коттедже!

Недолго думая, она быстро забралась на широкий подоконник, задвинула штору и замерла, оставив маленькую щелочку – подглядывать. Шаги приближались, тяжелые, неспешные, и у Ритки стало сильно колотиться сердце. А если этот охранник подумает, что в коттедже никого нет, и закроет его на ключ, и что потом делать – орать во все горло, чтобы выпустил! А если не охранник, тогда кто? За время своего проживания Ритка никого не видела здесь, никого, кроме этого «мордатого» и Олега.

Шаги остановились около ее комнаты, дернулась ручка, дверь открылась, и в комнату вошел... Олег! Странно как-то вошел – так ходят или лунатики, или роботы. Хорошо, что Ритка, от изумления лишившаяся на несколько секунд дара речи, не соскочила с подоконника и не понеслась к нему, потому что в комнате вдруг раздался голос, который вовсе не принадлежал Олегу. От неожиданности Ритка чуть не свалилась с подоконника, но чудом удержалась и замерла:

Господи! А этот голос-то откуда? Кто это говорит-то? Ведь в комнате было совершенно пусто, когда я вошла!

От страха Ритка не поняла, что сказал этот чужой голос и что ему Олег ответил. Ее кровь бежала по жилам так, что, казалось, она шумит подобно мощной реке за окном. Затаив дыхание, прислушалась.

Ну, что ж, ты молодец, все выполняешь так, как надо, - прозвучал красивый мужской баритон, лишенный каких бы то ни было эмоций. – Ты хороший раб!

Что это он такое говорит, - мысленно изумилась Ритка, - что это еще за «раб» за такой? Боже мой! – догадалась она, - они все-таки схватили Олега и, наверное, сделали ему какой-то укол, потому что вид у него... вид (Ритка уже более внимательно оглядела Олега), ну, точно - как у робота или лунатика: лицо застывшее, глаза пустые, бездумные... Ужас! Точно! Ему что-то вкололи! На наркотик посадили, сволочи!

Сейчас ты пойдешь к своей самке Рите (к самке!!! - вновь изумилась и тут же оскорбилась Ритка), будешь любить и ласкать ее и уговоришь спокойно пожить здесь еще дней пять-шесть. Спокойно, чтобы она не нервничала и не переживала. Затем мы с тобой отвезем ее в Москву. Ты ей об этом скажи, объясни ей, что там она будет в полной безопасности. Накажи ей особо, чтобы она берегла себя и своего ребенка! Чтобы берегла ребенка, которого ты безумно любишь! Ты понял меня?

Да, господин, - безжизненным голосом произнес Олег.

От этого тусклого голоса и беспрекословного послушания Олега обладателю красивого баритона («господин», это ж надо!) Ритка просто впала в ступор. Чтобы ее милый кому-то позволил вот так с ним разговаривать, называть себя рабом, отдавать приказы! Да это просто немыслимо! Владея серьезными боевыми приемами и очень несговорчивым, в определенных ситуациях, характером (не случайно они с Умидом служили в спецвойсках!), он бы этого хмыря, который разговаривает с ним таким барским тоном, давно бы уже по стенке размазал! Точно наркотик вкололи, точно! Идиота из него сделали!

Ну, вот видишь, какой он молодец, - обратился вдруг к кому-то баритон, и ему тут же ответил мелодичный женский голос (что опять-таки крайне изумило Ритку – еще и женщина!!! да откуда они взялись то здесь, из тайника какого-то вылезли что ли?):

Да, действительно молодец!

Послышались легкие шаги, и Ритка в свою щелочку увидела около Олега... красотку из зеркала! Вот тут она чуть не заорала во весь голос! Как сдержалась? Боженка, наверное, пожалел и лишил голоса. И тут она сразу, сразу поняла – откуда взялись эти двое? – из зеркала, огромного зеркала, впаянного в стену и обрамленного прекрасной резьбой по ганчу. Следующий удар она получила, когда увидела обладателя баритона, тоже подошедшего к Олегу: им оказался его телохранитель!

Это с кем же я рядом в машине ехала целых два часа? Это кто же он такой? Не случайно его красивая рожа вызвала у меня недоверие и... и такое омерзение! Телохранитель – вот он кто! Мафиозник! Нет, какой к черту мафиозник! Из зеркала появились оба, из зеркала! Мистика, бред, но это так! Уверена, что так! Они и Ксюху убили – козлы! Из зеркала пришли и убили, я это сразу почувствовала, а Кимуля мне не поверила! Да кто же они такие? Или я так дико сошла с ума и все, что сейчас вижу, - только мои ненормальные галлюцинации!?

Джастин, - обратилась красотка к баритону, и Ритка снова насторожилась, ловя каждое слово, - он должен прийти в норму, - кивнула она в сторону Олега, - перемещение для него было сильным потрясением, а эта самка Рита (Ритку аж передернуло от этого «обозначения») не должна видеть его таким бледным, с блуждающими глазами, иначе она ему не поверит и еще чего доброго выкинет какой-нибудь фокус.

Ты права, Ло (ну надо же, эту зеркальную стерву зовут ЛО! – со злобой подумала Ритка, – «самкой» меня обзывает, сучка паршивая!)

Темнело, и Ритка уже плохо различала выражение лица Олега, которому приказали лечь на широченную кровать.

Отдохни, поспи... - ласково и убаюкивающе звучал голос Ло. – Часа через два ты, свежий и бодрый, встанешь и отправишься в коттедж к своей самке и выполнишь свое задание (прямо зомбирует! – подумала Ритка)

Олег замер на кровати.

Ну, все, можно оставить его здесь, в течение двух часов он будет крепко-крепко спать, а мы с тобой... а мы с тобой пока весело поохотимся... - тихо засмеялся Джастин, - мне очень понравилась охота в горах!

Да, милый, - проворковала в ответ Ло, - отдохнем немного, развеемся... Люди здесь доверчивы, как непуганые птицы в заповедном лесу, да и кровь их чище, чем кровь городских.

Ты почувствовал это?

Конечно! В ней бурлит здоровая энергия воздуха, солнца и гор! Чудесная кровь! Истинное наслаждение принимать такую пищу!

Ритка почувствовала, что сейчас просто грохнется в обморок. О чем это они говорят, а? Какая кровь? Они что, убивают людей и пьют кровь? Сатанинская секта какая-то, что ли? Да во что же это Олег вдряпался, а заодно и ее вдряпал?

Да, - снова прозвучал спокойный и немного задумчивый голос «телохранителя», - завтра его свадьба с Еленой (у Ритки аж уши встали, как у охотничьей собаки!) и ответственный для нас момент по внедрению плода в эту самку. Затем перевоз второй самки (Ритка поняла, что «вторая самка» - это она, Ритка) в Подмоскowie и тоже ответственная операция по замене ее плода на наш (это еще что за фигня такая, что еще за «замена» такая?- лихорадочно соображала Ритка), ну, и надежда, что через пять месяцев (почему через пять-то?) на земле появятся новые – здоровые, красивые и полноценные аланты (аланты?! это еще что за хрень такая?!).

Да, милый, да, у нас все должно получиться!

А как ты себя чувствуешь, Ло? – с тревогой и нежностью в голосе проговорил Джастин.

Прекрасно! – она погладила свой живот. - Он развивается, растет, и я счастлива!

Молю Великих Богов Алантов сохранить жизнь и тебе и нашему ребенку!

Я верю, что все будет хорошо! Верю!

Об одном прошу тебя, не перемещайся сейчас по Зазеркалью без меня! (по зазеркалью! – ахнула про себя Ритка, - я права, я права... они умеют что-то делать с зеркалами, сатанисты чертовы!)

Ну, - нежно засмеялась Ло, - ты уже чрезмерно опекаешь меня, милый, я давно научилась управлять Тропами, не стоит так волноваться!

И все-таки, я прошу тебя...

Джастин, - резко переменила тему Ло, и ее тонкие ноздри вздрогнули и резко «задышали», как у породистой лошади, - Джастин, тебе не кажется, что в этой комнате стоит уж очень сильный запах человека? Может быть, здесь есть кто-то еще?

Ритка замерла. Наверное, это как-то выделяется страх, переполняющий ее, и эти страшные кровопийцы учуяли ее присутствие! Вот сейчас они на нее и поохотятся, и в горы им ходить не надо будет, вот он, обед, на подоконнике топчется! Она задержала дыхание, затаилась, как мышь в норе, только сердце сильно и больно колотилось в грудной клетке.

Самцы людей пахнут сильнее, чем самки, - услышала она голос Джастина, - вот тебе и показалось, милая.

Обнявшись, они двинулись к двери, но тут Ритка нечаянно пошевелилась. Аланты мгновенно обернулись и стали внимательно и настороженно осматривать комнату. Джастин медленно пошел в сторону окна, Ритка поняла, что как только это красивый монстр отдернет занавеску, она тут же умрет от разрыва сердца. Еще секунда и... и тут из-под занавески вышел кот.

Джастин и Ло с неодобрением уставились на него: коты были их заклятыми врагами. В отличие от людей, они могли перемещаться по некоторым измерениям, видеть и ощущать любую спиритическую субстанцию, распознавать алантов и... и не бояться их. Вот и сейчас этот огромный мерзкий кот, страшно сверкнув своими зелеными глазами, ощерил клыкастую пасть, выгнул спину дугой и громко зашипел.

Джастин отступил назад. Глаза Ло, уставившейся на кота, полыхали холодным зеленым огнем, и Ритка уже не соображала – где она, что с ней, кого она видит в свою щелочку? Разве могут у человеческого существа вот так гореть глаза, как фары автомобиля?

Мерзкий кот... - пробормотал Джастин, - ладно, Ло, пойдем отсюда... Ни Олегу, ни Ритке эта дрянь не причинит вреда: люди любят этих тварей и как-то уживаются с ними. Одно слово –

животные! Пойдем, не волнуйся...

Наконец, отвратительная парочка скрылась за дверью. Ритка еще выждала немного, боясь, что они вернуться, и решила соскочить с подоконника, но вдруг поняла, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой: от пережитого дикого ужаса ее, наверное, парализовало. Из глаз по щекам, по носу потекли горячие слезы страха, злости, бессилия и жалости к самой себе.

В этот момент Барсик вскочил на подоконник и начал тереться об ее ноги, ласково мурлыча и как бы уговаривая: «Не бойся, они ушли, не бойся, мур-р, мур-р, мур-р...». Ритка почувствовала, что может шевелиться (слава богу – может!) и, вздохнув с облегчением, с трудом спустилась на пол и тут же села, прислонившись спиной к стене. Барсик забрался к ней на колени, потерялся лобастой головой о Риткину щеку, лизнул своим шершавым языком ее подбородок...

Ритка «слышала», как постепенно успокаивается бешеный ритм сердца, восстанавливается нормальное кровообращение, а с ним вместе восстанавливается и способность соображать. Она подняла руку и ласково погладила Барсика по мягкой пушистой спине.

Спасибо тебе, мой хороший, мой красивый, спасибо... ты спас меня... если бы не ты... то... то сейчас бы мной уже наверняка обедали...

Ритка не раз слышала об обществе сатанистов: смотрела об этом документальные и художественные фильмы, читала в газетах и журналах, но, во-первых, никогда не придавала этому особого значения, а во-вторых, почему-то искренне считала, что они «водятся» только в Америке. И вот – на тебе, оказалось, что они водятся и в Узбекистане! И про Москву они что-то говорили, значит, и в России водятся! Бред какой-то! И она, Ритка, попала к ним в лапы! Точнее, как-то попал Олег, а уже от него потянулась цепочка...

Тут Ритка вспомнила про Олега, который тихо, не шевелясь, лежал на кровати. С трудом поднявшись, она кинулась к нему.

Олег, Олег, проснись! – трясла она его за плечи, но он никак на это не реагировал.

Что делать? Что делать? – лихорадочно соображала она, вглядываясь в его бледное лицо. - Так, надо потихоньку вернуться в свой коттедж. Часа через два Олег очнется и придет к ней, тогда они и решат, что делать. Убивать их сейчас эти монстры не собираются, собираются увезти отсюда... значит, у них еще есть время. Сейчас главное как-то поговорить с Олегом, привести его в нормальное состояние, если... если только он умом не тронулся...

От этих мыслей Ритке стало страшно. - Во что же это они с ним влипли? – Взяв Барсика на руки, она вышла из «зеркального» коттеджа, и, быстро перебежав огромный двор, скрылась за своей дверью, закрыв ее на замок. Сейчас она успокоится, придет в себя и подумает... хорошо, хорошо обо всем подумает...

Ну, ладно, Лен, я пойду, - Сабина чмокнула подругу в щеку, - а то вроде бы и не поздно еще, но уже почти темно. Сейчас быстро темнеет. Завтра у тебя ответственный день и ты должна выглядеть на все сто, поэтому отдохни как следует, выспись!

Да... честно говоря, волнуясь немного. Что меня вдруг понесло, и я так скоропалительно решила снова выйти замуж! (при этих словах Сабина внимательно посмотрела на Елену, которая не первый раз в разговоре с ней искренне удивлялась своей поспешности).

Ты знаешь, Лен, - Сабина ласково погладила ее по плечу, - ты просто устала от одиночества. Человек не должен жить один! Это неправильно! Люди, которые живут одни, по сути дела, несчастные люди! Они или брошены кем-то на произвол судьбы, или бросили сами, совершив, таким образом, большой грех, или вот как ты, оказались одиночками в силу трагических обстоятельств. Так что твое желание иметь рядом с собой живую душу – вполне понятно и закономерно, и даже твоя спешка, в общем-то, объяснима. Я тебе уже говорила, что и сама поначалу сильно удивилась такому твоему скоропалительному решению, но, подумав, поняла:

это решение потому было «скорым», что тебе страшно одной, страшно... (при этих словах Елена как-то затравленно посмотрела на свою подругу: откуда она может знать о ее Великом Страхе?!). Не заметив ее взгляда, Сабина продолжала:

Был бы ребенок, ты бы чувствовала себя иначе, а так... каждый день приходиться в пустой дом... Это ужас!

Да, да, ты права, Сабиша! Это действительно Ужас!

Да и потом, Лена, почему ты должна лишиться возможности попытаться стать матерью? Годы идут, летят эти годы... это тоже надо учитывать. Так что все нормально! Правильное ты приняла решение. Бог милостив, глядишь – и забеременеешь!

Ой, Сабиночка, это будет самый счастливый день в моей жизни! – с искренней надеждой на такое чудо воскликнула молодая женщина.

Ну, вот, так что все закономерно, не мучай себя, отдохни и спокойно готовься к свадьбе.

Да пышной свадьбы и не будет, ты же знаешь, ни мне, ни Олегу это не надо...

Да неважно, пышной она будет или нет! Невеста должна выглядеть как невеста! А ты у нас настоящая русская красавица, ты еще завтра в ЗАГСе всех молоденьких затмишь! – весело улыбнулась Сабина, искренне любуясь тонкими и благородными чертами лица Елены, ее высокой стройной и ладной фигурой.

Ну, уж ты скажешь, подружка! – засмеялась Елена, - это ты меня любишь, поэтому тебе и кажется, что я красавица.

Да, нет... - покачала головой Сабина, - «не кажется», а так оно и есть на самом деле. Мой муж тебя Снежной Королевой величает, ты и действительно на нее чем-то похожа, ну, на ту, из мультика. Помнишь?

Ну, ничего себе! В Снежные Королевы попала! – снова засмеялась Елена, - даже и не знаю: радоваться такому комплименту или задуматься, почему так обзывают.

Не обзывают, а ве-ли-ча-ют! – поправила Сабина. – Ну, все, ладно, пока, подружка, я побежала, завтра мы с Гафуром подъедем, как договорились.

Да уж, не опаздывайте Сабина Ахматовна, вы ведь мой свидетель!

Да уж постараюсь, Елена Михайловна, не опоздать!

До завтра, моя хорошая! – Елена нежно поцеловала Сабину в щеку.

До завтра! – ответный поцелуй, и Сабина побежала домой.

Глядя ей в след, Елена думала: «Ну, кто скажет, что у этой тоненькой стройной женщины двое сыновей! Со спины она и вообще как юная девушка смотрится... Счастливая! И дай ей Бог!».

Темнело, и Елена поскорее зажгла во всем доме свои настенные фонарики. Этот вечерний ритуал уже вошел у нее в привычку, правда, после того жуткого сна с мертвыми волками и заколдованным замком ничего ее больше не тревожило. Ничего и никто. Елена убедилась в том, что это все нервы. Она даже решила заехать в неврологическую клинику, расположенную на Сельмаше, но, подойдя к одноэтажному зданию и увидев его ярко розовые стены с красной отделкой (очень «успокаивающая» цветовая гамма!), почему-то сразу же передумала здесь лечиться. Олег сейчас уехал по срочным делам, будет у нее завтра утром. Регистрация назначена на два, а вечером - ресторан.

Елена устала думать о том, правильно она поступила или нет, решившись снова выйти замуж, да еще и за Олега, которого долгое время терпеть не могла! Но... время идет, люди взрослеют, меняются... Олег стал совсем, совсем другим... И детей, оказывается, любит, вон как он в горах с Анваром и Рустамкой играл!

Любит она его?... - Елена задумалась, прислушиваясь к себе, - нет. Сама себе она может честно сказать – НЕТ. Вот Виктора любила, а Олега, - Елена снова задумалась, - а Олег ее как-то странно возбуждает... иной раз ей это даже неприятно, как будто она собирается сделать что-

то стыдное. В нем очень, очень ошутим мужчина, во всем: в том, как он смотрит, как берет за руку, как улыбается, как произносит самые невинные фразы... В горах он поцеловал ее в щеку, пожелав спокойной ночи. Невинный поцелуй, а она вспыхнула вся и потом сама устыдилась своей реакции. И в то же время с ним спокойно. Да, с ним спокойно, потому что он такой сильный, уверенный. С ним в доме не страшно! Вот поэтому и решилась выйти замуж.

Эта честная констатация факта мучила Елену больше всего! Получается, обманывает человека! Обманывает потому, что, во-первых, боится жить одна (и боится по-настоящему, до дрожи в коленях!), а во-вторых, потому что все-таки надеется родить ребенка. Очень, очень надеется!

Искупавшись, Елена легла спать. Последнее время она даже успокаивающее на ночь не пила, и это ее радовало. Мало приятного каждый день глотать лекарство! Да еще и снотворное! Мысли плескались в голове тихо, наплывая и откатываясь, как ласковый, шепчущий о чем-то прибор.

Проснулась внезапно, но, «проснувшись», понимала, что спит, что сейчас она – во сне, однако от осознания этого ей не стало легче: сердце сжал ледяной страх; стали ватными, вялыми, непослушными губы, руки, ноги... Неужели это никогда не кончится! Тело не слушалось, было «чужим», но каким-то образом пересилив себя, она приподнялась и села в кровати, облокотившись о подушку. Комната была залита странным голубоватым сиянием, то ли от яркой луны, то ли еще от чего... Свет настенного фонарика терялся в этом голубом сиянии и еле-еле тлел красновато-желтым пятном. И вдруг она увидела, как сквозь стену медленно проступает фигура человека... Это было настолько жутко, что ей захотелось рвануться, закричать, выскочить из комнаты, из дома... она задрожала, напряглась и... и не смогла ничего сделать: сидела и смотрела, не в силах шевельнуть ни одним членом. Она уже знала, что это Виктор. Фигура проявилась, черты лица обрели четкость, и Елена поняла, что не ошиблась: перед ней, действительно, стоял Виктор, только теперь он был одет в старые спортивные штаны и футболку. Так он работал во дворе, в гараже, когда был дома. Лицо его было очень бледным, печальным. И вдруг Елена услышала тихий голос, хотя явно видела, что губы Виктора не шевелятся:

Леночка, милая, любимая моя, не бойся, прошу тебя, не бойся... я не причиню тебе вреда... я не хотел тебя напугать, но... ты боишься, и мне от этого плохо... не бойся, прошу тебя... я не подойду ближе... не трону тебя... мне просто надо тебе что-то сказать... очень-очень важное сказать... ты сможешь меня выслушать?

Елена с трудом кивнула головой, ее дыхание было тяжелым, прерывистым, подбородок дрожал, и она ничего не могла с этим поделать.

Я больше не приду, не буду тебя пугать, хотя мне так приятно быть в доме, чувствовать твое присутствие... но... больше не приду, не бойся... Я нашел Путь вернуться в этот мир только затем, чтобы предупредить: тебе грозит опасность! Ты в беде!... Не выходи замуж... не позволяй Олегу надевать кольцо, которое делает его рабом!

(Господи! О чем он говорит? Какое кольцо? Каким рабом?)

Фигура Виктора стала дрожать и таять...

Мне тяжело задерживаться здесь... Лена, послушай меня, немедленно уезжай, скройся, потому что вокруг тебя – зло. И это зло воплощено ...

И вдруг в дополнение к ужасу, сковавшему ее, Елена пережила еще один страшный стресс: из зеркала, расположенного как раз напротив ее кровати, выплыла... да, да, именно так – выплыла, проявившись в расплавленном зеркальном окоме, потрясающей красоты женщина. Сначала Елене почему-то показалось, что это ее новая знакомая, Лола, но нет... не она, хотя какое-то удивительное сходство между ними наблюдалось, но эта красавица была темноволосой. Елена смотрела на нее, как зачарованная. Незнакомка протянула в ее сторону руку, раскрыв

свою ладонь так, как будто бы отгородилась от Елены. Вторая ладонь была направлена в сторону Виктора. Зазвучали слова... странные, на совершенно незнакомом языке... Звуки переливались, сплетались, то затухали до шепота, то лились, как нежная песня, то звенели, жестко и резко, как бьющиеся насмерть стальные клинки... Произносилось древнее заклятие. От ладони в сторону Елены потянулся ослепительный ярко-голубой луч... Страх тут же отпустил ее, стало очень хорошо, по телу разлилось тепло и сладкое умиротворение... она медленно сползла по подушке вниз и через секунду уже крепко спала.

В сторону Виктора из ладони бил луч красный, как кровь. Он стал пленником этого луча, он не мог исчезнуть, не мог уйти в своей измерение. Клэр, а это была именно она, убедившись, что Елена спит и утром, если и вспомнит что-то, то будет искренне считать свои воспоминания сном, просто странным сном – и все, не больше, повернулась к Виктору и злобно прошипела:

Я предупреждала тебя, спирит, чтобы ты не совался не в свое дело... Ты не существуешь больше в этом измерении! Ты рискуешь, появляясь здесь! Ты нарушаешь Закон, появляясь здесь! Ты не можешь не знать, что в этом измерении ты в моей власти, я могу распылить, уничтожить твою душу, и тогда ты действительно исчезнешь и никогда уже больше не сможешь переродиться, не сможешь вернуться в этот мир! Ты решил потерять свою бессмертную душу?

Нет.

Тогда убирайся и никогда не появляйся здесь больше! Никогда! Эта женщина наша! Для тебя она потеряна навсегда! Смирись с этим! Я бы уничтожила тебя прямо сейчас, но... но не хочу нарушать Высший Космический Закон. Однако если ты еще раз встанешь на моем пути, если ты еще раз попытаешься что-то сказать Олегу или Елене, то я его нарушу и тогда ты превратишься в НИЧТО. Ты понял?! Убирайся!!!

Из руки Клэр хлынул мощный огненный фонтан, и спирит исчез.

Ритка была в шоке: никакого разговора с Олегом не получилось. Сначала он накинулся на нее, как голодный зверь, и Ритке впервые с момента их знакомства были неприятны его ласки. В другое время и в другом месте она бы просто послала его к черту, а, может быть, и куда подальше, но сейчас и здесь – побоялась. Место странное, ситуация странная (это еще мягко сказано!) и Олег тоже странный. Хотя, если бы она не слышала всего этого ужасного разговора, то наверняка и не поняла бы, что он «странный», все приняла бы за чистую монету (вот так соскучился по ней!). Но она слышала!.. а потому наперед знала, что он будет делать и говорить.

Так оно и получилось: Олег говорил о том, что очень и очень любит ее, что надо еще немного подождать, что через неделю-другую они улетят в Москву и там уже их никто не найдет. Говорил: главное – беречь ребенка и саму себя, не нервничать, не волноваться, все будет хорошо! Снова ласкал и целовал ее, и совершенно не слушал того, что она пыталась ему сказать, а рано утром собрался и уехал, еще раз напомнив, что максимум через пять дней вернется и тогда кончится ее вынужденное заключение. И все у них будет прекрасно!

Да, Олег невменяем, это точно. Они что-то сделали с ним, загипнотизировали... Он теперь как зомби – ужас! Ритка где-то читала, что ЦРУ и КГБ умеют делать такие вещи – зомбировать людей. Значит, раз это возможно, то и еще кто-то мог овладеть такими страшными приемами! Вот, сатанисты, например!

Так, - оборвала свои размышления Ритка, - обо всем об этом можно думать, и думать, и думать, пока голову не сломаешь! Только все это пустые размышлялки. А надо действовать! Сейчас у нее одна проблема – выбраться отсюда! Это надо сделать в обязательном порядке, иначе и ее зазомбируют и увезут черт знает куда! И уж тогда точно конец! Ведь они еще и что-то сделать с ней собрались? Что там этот «телохоронитель» гундел своей самке? - Ритка мысленно выделила последнее слово, применив его по отношению к «красотке», и

презрительно скривила губы, - гундел что-то о замене плода... мол вытащим и своим заменим...

И тут Ритка, до конца осознав смысл сказанного, онемела от ужаса!

Подожди, подожди, - торопливо обратилась она с жалостливой просьбой к самой себе, - то есть, это как? Это что же такое получается? Это значит, они сделают ей операцию, убьют ее ребенка и вместо него внедрят в нее какого-то своего паршивого сатаненка!!! Для этого и увезут ее в Москву, нет, в Подмосковье... - Ритка задумалась на секунду, вспоминая «разговор», и, утвердительно кивнув головой, произнесла вслух:

Точно, он сказал «в Подмосковье»... Значит именно там у этих уродов их сатанинская секта... Вот мерзость-то! Внедрят в нее какую-то гадость, и через пять месяцев она родит им... Фиг знает вообще, кого родит!!! А ее ребенка убьют!!! Так ведь они то же самое говорили и о Елене? С ней тоже собираются проделать такой же поганый фокус! Причем, сразу же после ее свадьбы с Олегом! Которая состоится завтра! Нет, не завтра, а сегодня, сегодня она уже состоится!!! Это еще что за свадьба? Вот блин, на почве своего дикого страха забыла у Олега спросить об этом!

Ритка вскочила на ноги и заметалась по комнате: что делать, что делать? Как отсюда удрать? Как? У нее на окнах решетки, через забор не перелезешь, через гараж и ворота не пройдешь (там мордатый охранник застучает - уже пробовала, знает!). Остается один путь: через окно «зеркального» коттеджа и в реку... Если сумеет выплыть – спасена, если нет... Ну, а если нет, то лучше уж река, чем стать подопытным кроликом у сатанистов! И так и так погибать, но река все-таки даст шанс... должна дать... Ритка попросит ее об этом!

Так, сейчас она дождется охранника, который скоро должен принести ей завтрак, потом поест (и ей и ее малышу - которого она никому и ни за что не позволит убить!!! - нужны силы), потом спокойно погуляет по двору, чтобы этот мордатый ничего не заподозрил, потом постарается незаметно «нырнуть» в «зеркальный» коттедж, а уж из него напрямик нырнуть в реку, а там... а там уж как сложится. Бог милостив, не оставит ее! По крайней мере, Ритка очень и очень на это надеется! Но уж если она выплывет и сумеет вернуться! - тогда устроит этому подлецу Олегу и его мерзкой Ленке свадьбу! Такую свадьбу им устроит – на всю жизнь запомнят!

Через некоторое время охранник принес завтрак. Ритка, как всегда, буркнула ему «спасибо» и начала лениво тыкать вилкой в горячую сочную сардельку. Из-под своих полуопущенных век охранник сонно и равнодушно посмотрел на нее и вышел во двор. Вскоре Ритка услышала, как захлопнулась за ним узорная калитка, запирающаяся на замок и выходящая в соседний двор, в котором был дом хозяев «зеркальных» коттеджей.

Покончив с завтраком, немного полежала, чтобы унять тошноту. Пососала дольку лимона... вроде бы стало легче, встала и вышла во двор. Было не по-осеннему тепло, но небо затягивало тучами, собирался дождь.

Как нарочно, - сразу занервничала Ритка, все как нарочно! Да что же это так не везет-то, а! Вчера была чудесная погода, солнце, а сегодня, когда ей в реку лезть – так на тебе, еще и с неба вода лить будет! Может быть, отложить все на завтра? – подумала она и тут же отрицательно покачала головой: нет... нельзя... все надо сделать сегодня, потому что в горах резко может похолодать, в один день осень зимой сменится, и тогда – все! В реке вода и летом-то ледяная, а уж сейчас...

Ритка со страхом и тоской посмотрела на дверь «бунгало» и, тревожно вздохнув, направилась к ней. Впереди, как и прошлый раз, бежал Барсик, весело помахивая пушистым хвостом.

Проскользнув в дверь, Ритка быстро подошла к окну и открыла его. Шум мощной реки

сразу же усилился, и Ритку всю передернуло от страха. Барсик вскочил на подоконник и потерял об ее руку головой.

Ах, ты мой хороший! Спасибо тебе за все, красавец мой, пушистик, спасибо! – Ритка нежно поцеловала кота в нос. – Ну, все, прощай, кошарик... Я бы тебя обязательно с собой забрала от этого противного охранника, но, сам видишь, не знаю, что со мной будет... Вот такие дела... - Ритка тяжело вздохнула, и обреченным голосом добавила: ладно, пошла я... что будет, то будет...

Она вылезла в окно и стала потихонечку спускаться с достаточно крутого обрыва, но поскользнулась, не удержалась и, ободрив себе руки и ноги, буквально съехала в ледяную воду реки, которая тут же подхватила ее и понесла. Ритка задохнулась, потом заорала, но тут же, нахлебавшись воды, истерично забила руками и ногами, стараясь выплыть из стремнины ближе к берегу, однако мощный поток играючи нес и крутил ее, как щепку.

Неужели конец! Нет! Мамочка! Нет! Нет! Не хочу умирать, не хочу! – бешено крутилось у нее в голове, - не хочу, не хочу... вон, вон впереди здоровый камень, надо к нему, надо зацепиться, чтобы река не унесла ее дальше... надо зацепиться...

Ритка изо всех сил колотила по воде и медленно, очень медленно, но все-таки стала выбираться из стремнины.

Елена проснулась и теперь просто лежала, прикрыв глаза. Вроде бы всю ночь спала, а тело налило какой-то свинцовой тяжестью, усталостью, как будто и не отдыхала вовсе.

-Что это со мной, - с грустью думала она, - старею что ли? Не рано ли стареть-то? Тогда почему такая вялость? Или я так нервничаю из-за предстоящей свадьбы? - Елена прислушалась к себе, - да, если честно признаться, то действительно, нервничаю. Еще и сон какой-то дурной приснился... - Елена напряглась, вспоминая «дурной» сон. – Нет, не вспомнить... каша в голове... каша... но ведь снилось же что-то... что-то важное! По крайней мере, так кажется... Нет, не вспомнить! Не получается. «Важное» стало невспоминаемым, неуловимым, как рыбка, которая выскользнула из рук и исчезла в воде: ощущение в руках есть, а рыбки нет.

Ну, нет, так нет, - вслух произнесла Елена, открыла глаза и села на кровати. – Надо вставать и приводить себя в порядок. Сегодня у нее ответственный день – свадьба.

Свадьба! – снова вслух и сомнением в голосе произнесла она. - Боже мой! Да разве ж она думала, выходя замуж за Виктора, что в ее жизни будет еще одна свадьба, что она потеряет мужа и снова выйдет замуж!? В мыслях такого не было – и вот... и вот, жизнь сварила такой компот... Обручальное кольцо, которое когда-то одел ей на палец Виктор, она со слезами спрятала в заветную коробочку; сегодня другой мужчина оденет другое кольцо... Кольцо... - Елена запнулась в своих мыслях, - ее сон был связан с кольцом... точно!... что-то было про кольцо! Но что?... нет, не вспомнить...

Она решительно тряхнула головой и взглянула на часы – девять. Давно пора быть на ногах! Сильно потерла лицо руками, как бы отгоняя все ненужные мысли, встала и пошла в ванную. Встав под душ, открыла сильную струю прохладной воды и... задохнулась от наслаждения: Боже, какое чудо эта вода!

Боже, какая мерзость эта вода!.. Не останавливаться, только не останавливаться... - плясали лихорадочные мысли, - надо бороться с этой мерзкой водой, иначе смерть... иначе все... надо бороться, еще, еще немного... - Ритка лихорадочно молотила руками и ногами, - если она не уткнется в этот камень - все... все... унесет... унесет... унесет...

Взмах, еще взмах, еще ...нет сил... ну... еще немного... еще!.. - Ритка, не веря в то, что у нее получилось, вцепилась в высокий мокрый камень, прилипла к нему, но свирепый поток упрямо и зло пытался отодрать ее и снова швырнуть в стремнину... - Нет, нет... только не это,

только удержаться...

Помогите! – прильнув всем телом к камню и крепко обняв его, во все горло завопила Ритка, - помогите!

До берега было недалеко, но она боялась оторваться от спасительного «якоря», боялась, что вода, доходившая ей сейчас до пояса, сшибет ее с ног, закрутит и снова понесет, а она уже не сможет больше плыть, нет сил на это, нет...

Помогите!!! Помогите!!!

Сейчас, сейчас! – прокричал ей в ответ мужской голос с берега, - держитесь! Я иду, не бойтесь! Иду!

Сквозь слезы и брызги, застилавшие глаза, она увидела бегущего к ней высокого мужчину, почувствовала его сильные руки и, с трудом отодравшись от камня, намертво вцепилась в них. Через минуту они уже были на берегу, и Ритка, осознав, что она спасена, впала в какое-то полуобморочное состояние.

Все закрутилось-завертелось в ее перепуганном и помутненном сознании, замелькало картинками калейдоскопа: доброе старушечье лицо, в цветном платке, молодая женщина, стягивающая с Ритки мокрую кофту и джинсы и чем-то натирающая ее заледеневшее тело, мужчина, считающий пульс на ее руке, снова старушка, пытающаяся напоить ее горячим крепким чаем, снова молодая женщина и мужчина, которые уже везут ее куда-то в машине... а у Ритки перед глазами все плывет, тело периодически сотрясает озноб, хоть она и переодета в сухое белье и укрыта теплым одеялом.

Очнувшись, она увидела над собой женщину в белом халате и поняла, что это врач.

Где я? Что со мной?

Тише, тише, не волнуйтесь... Вы упали в реку, но вас спасли... так что все хорошо, все хорошо, - тихим, спокойным голосом проговорила женщина в белом халате. – Вас привезли к нам, в больницу. Не беспокойтесь ни о чем... сейчас вам нужен отдых... лежите, я попозже зайду к вам. Кстати, как ваше имя?

Рита... то есть... Маргарита...

Вы где живете?

В Ташкенте...

Может быть, надо сообщить вашим родным, что вы живы?

Да... да... я попозже позвоню, если вы... если мне... - Ритке было тяжело говорить, язык заплетался, как у пьяной.

Хорошо, хорошо... позже поговорим, когда вам станет лучше, а сейчас отдыхайте, постарайтесь уснуть.

Ритка закрыла тяжелые, как свинцом налитые веки, и провалилась в тяжелый сон.

В вестибюле гинекологического отделения врача ждал высокий крепкий мужчина лет тридцати или около того. Именно он привез спасенную им женщину в клинику, и ее сразу же увезли на операционный стол, поскольку она истекала кровью.

Что с ней, доктор? Как ее состояние?

Вы ее муж?

Нет, я... скажем так, я ее спаситель. Она тонула... я уже объяснял ситуацию кому-то из ваших врачей... сейчас это не имеет значения. Вы лучше скажите, что с ней?

Она была беременна... Вы не знали об этом?

Нет, но предполагал. Я, как и вы, тоже врач, только специализация другая. Мы с сестрой постарались как можно скорее доставить ее к вам. Но почему вы сказали «была»?

К сожалению, именно «была»... у нее произошел выкидыш. Это реакция организма на то страшное потрясение, которое она перенесла, спасая свою жизнь. А, может быть, и ударилась обо что-то, когда плыла, там ведь такое течение – не шутки...

Да, Чаткал – река серьезная, шутить не любит, это точно... А сейчас она как себя чувствует? Что-нибудь еще угрожает ее здоровью?

Сейчас она уснула... будем надеяться, что никаких серьезных осложнений не будет, женщина молодая, здоровая, сильная, хотя сами понимаете, после купания в ледяной реке... - врач с сомнением покачала головой. – Ну, в любом случае, даже при самом хорошем исходе от насморка и кашля ей не отделаться. Это в самом лучшем случае!

Конечно, конечно, я понимаю...

Ну, что ж, приходите завтра, коллега, завтра картина прояснится, там и поговорим... Кстати, как ваше имя, отчество?

Сергей Насырович, - ответил мужчина и тут же спросил:

Извините, а эта девушка не назвала вам свое имя? Дело в том, что ей было так плохо, когда мы ее «выловили» из реки: ее так трясло, что она двух слов связать не могла.

Маргарита. Она мне сказала, что ее зовут Маргарита, и живет она в Ташкенте. Я поняла так, что у нее есть родные, и она будет им звонить. Но пока... Сергей Насырович, кто будет оплачивать ее лечение? У нас сейчас, сами понимаете, хозрасчет...

Не волнуйтесь, я все оплачу.

Врач внимательно посмотрела на него, покачала головой (непонятно – одобряя его поступок, или осуждая, или удивляясь ему) и сказала:

Да... в наше время такие люди, как вы, большая редкость... Ну, тогда пройдемте в бухгалтерию: первый взнос вы сделаете сегодня, а остальное в зависимости от того, как долго пробудет у нас эта девушка... ну, а с родными ее вы, видимо, свяжетесь сами...

22

Леночка, ты довольна? Тебе понравилось, как прошла наша свадьба? – Олег наклонился, перевернул ее руку ладонкой вверх и нежно поцеловал.

Да, Олег, да... все было очень мило! И ресторан вы хороший с Умидом выбрали, уютно и готовят хорошо. Ой, пить хочу, умираю! – Елена сбросила с ног изящные серебристые туфельки и побежала на кухню. Олег отправился следом.

Что вам подать, мадам: сок, кофе, чай? А может быть, шампанского? – он сдернул висевшее около мойки полотенце, перекинул его через руку и склонился в подобострастном поклоне вышколенного слуги.

О, какой сервис! – голосом светской леди, произнесла Елена и грациозно села на стул, выпрямив спину и чопорно сложив на коленях руки. В вечернем свете завораживающе искрилось великолепное, как бы покрытое серебристым инеем, облегающее платье, подчеркивающее красоту ее фигуры; в тон платью горели в ушах бриллиантовые серьги.

Как ты красива! – с искренним восхищением в голосе воскликнул Олег, - Гафур правильно называет тебя Снежной Королевой. Ты, действительно, сама Сказка!

Елена улыбнулась, потом демонстративно нахмурилась и голосом избалованной и недовольной дамы произнесла:

Вы, кажется, предлагали мне сок, сэр?

О, пардон, мадам! Один момент, сейчас в ваших прелестных ручках будет бокал с освежающим напитком!

Открыв холодильник, он достал охлажденный апельсиновый сок и наполнил бокалы.

Вы буквально спасли меня от смерти, верный рыцарь, - проговорила Елена, сделав несколько жадных глотков, – теперь можете требовать любой награды!

Ах, какие вы произнесли неосторожные слова, очаровательная леди, потому что я потребую этой награды! - и уже другим голосом, немного осипшим от накатившего на него желанья, тихо

и жестко произнес:

И потребую немедленно!

В пределах разумного, сэр, в пределах разумного! – попыталась исправить положение невеста, но Олег уже не слушал ее: наклонившись, он подхватил свою жену на руки и понес в сторону спальни.

Елена вдруг испугалась и торопливо зашептала:

Ну, Олег... ну, ты что?... ну, подожди, подожди... что мы, как дети, ей богу... отпусти меня, слышишь!... я сама пойду... Олег...

Но Олег не слышал и не слушал ее: войдя в спальню, он бережно опустил свою прекрасную ношу на кровать и припал к ее губам жадным и страстным поцелуем. Елена почувствовала, как у нее на шее запульсировала какая-то жилка, и по телу стало разливаться пьянящее тепло, переходящее в томительную и напряженную истому. А Олег, ловко расстегнув молнию на ее платье, уже освобождал ее плечи и грудь, нежно и в то же время умело, напористо и властно лаская ее тело. Снова сводящий с ума поцелуй и... легкое скользящее прикосновение его губ к шее, плечам, груди...

Елена попыталась взять себя в руки, потому что ее сдержанной натуре был совершенно чужд вот такой бурный неистовый шквал чувств, но поняла, что не сможет этого сделать... просто не сможет...

Шквал подхватывал ее, поднимал на гребень крутой волны и... скатывал в бездонную глубину так, что замирало сердце и останавливалось дыхание. Ее платье и красивое кружевное белье уже валялось на полу, и Олег, пораженный и возбужденный красотой ее тела, продолжал ласкать его, стараясь растопить тот настороженный ледяной барьер, который еще сдерживал водопад чувств лежащей перед ним женщины.

И вдруг... и вдруг Елена почувствовала, что ее тело стало невесомым, что она просто теряет сознание и летит, летит, летит в какой-то темный бездонный колодец. Все тело онемело... нет страха, нет боли, а только равнодушное оупение и бесконечный полет в никуда...

Олег с отсутствующим взглядом стоял рядом с кроватью.

Ляг и спи, жди свою жену, - прозвучал голос Джастина.

Хорошо, господин.

Джастин легко взял на руки Елену и шагнул в сторону зеркала, около которого его ждала Клэр. Несколько раз она провела руками над «спящей» женщиной, нараспев проговаривая какое-то заклятия, затем открыла проход в зеркале, и они исчезли в его мерцающем тоннеле.

Через четыре часа Елена лежала в постели рядом со своим спокойно спящим мужем. Она тоже крепко спала. На бледном лице застыло выражение страдания, губы были плотно сжаты. В ее теле пульсировала новая жизнь, крохотный эмбрион совершенно чуждого человеку существа – аланта.

Ну, что ж, будем надеяться, что ответственная и опасная операция прошла успешно, - проговорила Клэр, глядя на спящую Елену. – Через три дня мы будем знать это наверняка, потому что если что-то пойдет не так, то эта самка просто умрет, а вместе с ней умрет и наша Великая Надежда.

Будем надеяться, Клэр, - тихо проговорил Джастин, который тоже очень внимательно всматривался в лицо Елены. С неприязнью покосившись на Олега, он подумал и добавил:

Клэр, можно сделать так, чтобы в памяти Елены осталось только хорошее воспоминание о ночи? Этому-то я просто прикажу, - кивнул он на Олега, - а вот если она проснется с ощущением чего-то неприятного, болезненного, то у нее может возникнуть негативная реакция на своего самца. Это было бы нежелательно, сама понимаешь...

Она не чувствовала боли, но... но подспудный страх, стрессовое состояние... Да, ее мозг мог зафиксировать это на подсознательном уровне. Ты прав, она может связать свои

неприятные ощущения с Олегом и это осложнит их отношения, а, значит, отразится и на ее отношении к ребенку. Недопустимая ситуация! Ну, что ж, попробую, хотя работать сейчас с ее памятью сложно, но... все-таки попробую...

Джастин кивнул головой и отошел в сторону, а Клэр, приложив свои тонкие изящные пальцы к вискам Елены, начала «работать».

Щеки и губы Елены порозовели, лицо приобрело спокойное и умиротворенное выражение, сжатые в кулак руки, расслабились... Теперь она действительно просто спала и даже, возможно, видела приятный сон, потому что улыбалась.

Ну, что ж, оставим счастливых молодоженов одних! Через несколько дней надо заняться второй самкой – Ритой. Николай уже завтра вылетает в Москву, чтобы подготовить свою «московскую» клинику ко второй операции.

Зеркало «расплавилось» и поглотило шагнувших в него алантов.

Ло быстро перемещалась по Тропе, направляя ее так, чтобы в кратчайший срок оказаться в нужном месте: Клэр просила ее проведать Ритку, то есть тайно понаблюдать за ней. Не сегодня-завтра они вплотную займутся этой самкой и устроят так, чтобы Олег вместе с ней вылетел в Москву. Там, недалеко от столицы, в тихом и уютном месте, рядом с чудесной березовой рощей находится частная клиника, профилирующаяся на неврологических заболеваниях. Это официальная сторона заведения. О неофициальной стороне знают только аланты. Работа с пациентами здесь двойственная: большую часть приезжающих сюда людей прекрасно лечат высококвалифицированные специалисты; меньшую часть (пищу для алантов!) обслуживают специальные врачи, которые тщательно отбирают для этого необходимый «материал». Система отработанная, продуманная, не вызывающая никаких подозрений.

Клиника пользуется большой популярностью не только в России, но и за рубежом, поскольку пребывание в ней действительно возвращает здоровье людям с расшатанной нервной системой, оставляя у них самые приятные воспоминания о времени, проведенном в «Березовой роще».

Название напрямую связано с местом расположения: прямо в березняке стоят небольшие великолепно оборудованные коттеджи, в которых живут пациенты, приехавшие из самых разных городов и стран. Тишина, великолепная природа, целительный чистый воздух и мастерство врачей оказывают положительное воздействие на нервную систему людей, расстроенную бешеным ритмом жизни, колоссальным потоком информации и бесконечными стрессами.

Вот там, в этой чудесной лечебнице, Ритка, после тайно проведенной операции, и поживет какое-то время, месяцев пять, считая, что прячется от жестоких врагов Олега. Он будет периодически приезжать к ней и стараться, чтобы его самка ни в чем не нуждалась, была спокойна и счастлива от осознания того, что ее сильно, очень сильно любят и заботятся о ней и о ребенке. Главное – о ребенке!

Ло перемещалась, не видя и не чувствуя того, что рядом с Тропой с той же скоростью перемещалась Мерцающая Богиня. Она слышала клятву Ло, Она поняла клятву Ло, и теперь внимательно следила за Ло. По всей видимости, самец-алант начал выполнять свое обещание: он готовит для нее эту самку, умеющую с такой скоростью перемещаться по Тропам. Значит, вскоре Джастин в обмен на находящуюся у нее самку Тану отдаст ей самку Ло, выманив ее с Тропы в призрачный и обманчивый мир Зазеркалья. Тогда Она мгновенно внедрит в ее плод Часть себя, и тут же отпустит, и будет надеяться на то, что это сильное существо не погибнет, как человеческое, что энергетический сгусток постепенно вызреет в ней, и, напитавшись силой иного мира, вырвется, выплеснется, захватывая пространство и открывая Богине ПУТЬ.

Ло достигла нужного ей зеркального барьера и внимательно оглядела спальню того коттеджа, в котором жила Ритка, – пусто; переместилась в другую комнату, где тоже висело зеркало, – пусто! В ванной комнате Ритки тоже не было. Может быть, она во дворе? Ло осторожно вышла из зеркала и выглянула в окно, выходящее в огромный двор, – пусто!!! Куда же эта Ритка могла подеваться? Ло снова метнулась к зеркалу и мгновенно переместилась в коттедж напротив: может быть, она забрела туда, да там и уснула? Комнаты второго коттеджа тоже пусты, только в спальне, где они так приятно отдыхали с Джастином после охоты, было настежь открыто окно, выходящее к обрывистому берегу, скатывающемуся к быстрой и глубокой реке.

Исчезла! Ло не верила своим глазам. Исчезла из такой неприступной крепости! Охранник выпустить ее не мог – это исключено, поскольку он – раб. Конечно, не такой ценный, как Олег, рассчитанный на долгие годы верной и преданной службы, а временный, для выполнения одного конкретного задания: следить за их пленницей, самкой Ритой. Этот временный раб (он же хозяин коттеджей, превращенный ими просто в охранника) отравлен слюной алантов, поскольку и она и Джастин балуются с ним, потихоньку посасывая его кровь. Он боится их до дрожи и никогда не нарушит полученного приказа. Вскоре его надо будет убить, потому что слюна алантов плохо влияет на людей: через некоторое время охранник может превратиться в настоящего монстра, и тогда справиться с ним будет сложнее; да и бед такое страшное существо натворит немислимых – это Ло знает точно (одно время Избранные считали, что достаточно укусить жертву, и человек переродится в аланта, но, увы, получались жестокие кровожадные и неуправляемые монстры, которых пришлось уничтожить).

Так, охранник выпустить не мог! – подвела Ло итог своим размышлениям, – значит, остается один путь – через окно и... и неужели Ритка решилась броситься в эту страшную реку!? По всей видимости, эта самка сошла с ума! Только алант может справиться с бешеными водами такой реки, только алант или... или очень, очень сильный человек-самец, но никак не самка! Они были уверены в том, что ей даже в голову не придет выпрыгивать из этого окна! Ведь это самоубийство! А она решилась: Ло чувствовала ее запах, ведущий за окно... Значит, погибла! Значит, Елена – единственная их надежда! Единственная! Это риск! Надо срочно искать замену Ритке, ведь клиника в Подмосковье ждет клиента...

Ло стояла у окна, смотрела на реку, освобождавшуюся от легкой дымки утреннего тумана, на горы, вершин которых уже коснулся луч холодного осеннего солнца, и снова и снова представляла себе, как Ритка ныряет в страшные, бурлящие воды. Смелый и дерзкий поступок этой человеческой особи невольно вызывал у нее уважение: надоело этой самке сидеть взаперти, и она решилась! Но чтобы решиться на такое, нужна смелость, нужен характер. Сам по себе поступок совершенно глупый, нелогичный (люди вообще нелогичны! имея такую короткую жизнь, они достаточно часто подвергают ее безрассудному и неоправданному риску!), однако... однако в этом поступке что-то есть... - Ло задумалась, и ответила сама себе:

Есть желание свободы, вот что!

Аланты любят и ценят свободу! Наверное, именно поэтому «глупый поступок» человеческой самки вызвал в душе Ло уважение.

Так, сейчас надо вернуться к Клэр и Джастину, – решила она. – Уже должна завершиться намеченная операция: Елена наверняка уже оплодотворена. И это прекрасно!

А вот ей предстоит сообщить малоприятную новость. Ну и Ритка! Кто бы мог ожидать! Надо сказать об этом Клэр, а уж там Посвященная решит, что делать дальше...

И вдруг Ло почувствовала, что за ней кто-то наблюдает, почувствовала спиной, затылком, кожей. Ее буквально ощупывают взглядом, чуть ли не пробуют на вкус! Опасность!

Мгновенно собравшись, как пантера перед прыжком, она резко обернулась – никого! Да и

кто бы осмелился так рассматривать ее! И, тем не менее, еще секунду назад она явно чувствовала чье-то присутствие. Чье?

Богиня видела, как Ло мгновенно оказалась около зеркала и вдруг стала внимательно и пристально смотреть в него. Это позабавило ее – смотреть в зеркало на Зеркало! Ну, что ж, пусть посмотрит... а Богиня посмотрит на нее, внимательно, точнее, не столько посмотрит, сколько ощутит на вкус – какая потрясающая энергия! Эта самка алантов должна выдержать ЕЕ ЧАСТЬ! Лишь бы выманить ее с Тропы... и здесь ей поможет Джастин, если хочет получить назад СВОЮ ЧАСТЬ – Тану. Это желание Джастина было понятно Богине, поэтому она не сомневалась в том, что Ло скоро будет в ее власти.

Но Мерцающая не понимала одного: Ло – тоже ЧАСТЬ Джастина!

Яркие солнечные лучи затопили спальню – на смену утру шел день, обещая быть погожим. Ло шагнула в «расплавившееся» зеркало и исчезла.

Яркие солнечные лучи затопили аудиторию. Закончилась первая пара, и студенты, весело переговариваясь, выходили в коридор: вторая пара, по расписанию, проводилась в другом учебном корпусе.

Катя, задержитесь, пожалуйста! – обратилась Сабина к Риткиной подруге.

Да... я слушаю вас, Сабина Ахматовна!

От Риты никаких вестей нет?

Нет. Я сама уже не знаю, что думать! Я же вам говорила, что ее парень, Олег, объяснил мне всю сложность создавшей у них ситуации, обещал еще позвонить, но... пока ничего.

Странные какие-то события «закручиваются» вокруг нашей Риты!.. вам не кажется, Катя?

Еще как кажется! Ритка, когда последний раз со мной разговаривала, то голос у нее был какой-то... - Кимуля, поджав губы, помотала головой и добавила, - какой-то... даже и не знаю «какой»: напряженный, испуганный, торопливый... да бог знает вообще какой! как будто под дулом пистолета говорила! – произнесла Катя и вдруг сама испугалась своей фразы – а вдруг действительно под «дулом»? Что у них там с Олегом стряслось на самом деле?! Кто их знает!

И бабушка ее не в курсе дела?

Нет, нет, что вы! У Риткиной бабули сердце слабое, Олег вообще ей сказал, что Ритка в Москве, дописывает дипломную работу, и я ей плету то же самое. Ей волноваться ни в коем случае нельзя! Хоть бы уж эта Ритка скорее объявилась, что ли! или Олег! Куда оба запропастились – прямо не знаю!

Вы знаете, Катя, мне кажется, что все очень серьезно! Рита девочка ответственная и никогда не стала бы просто так пропускать занятия, по крайней мере за четыре года учебы за ней такое не водилось! Видимо что-то, действительно, случилось! Как бы вот только узнать – что?

Сабина Ахматовна, давайте подождем до конца этой недели, если не объявятся ни Олег, ни Ритка, тогда... ну тогда уже будем что-то делать, хотя я, честно говоря, даже не знаю – что?

Хорошо, Катюша, но если только...

В этот момент зазвонила Катина сотка. Извинившись перед преподавателем, она поднесла ее к уху, секунду послушала и вдруг закричала:

Ритка! Ритка, это ты? Ну, где же ты пропала, я тут с ума схожу! Мы вот сейчас как раз с Сабиной Ахматовной о тебе говорим - сто лет жить будешь!.. – Катюшка хотела добавить «зараза такая», но прикусила язык, вспомнив, что рядом стоит куратор. - Ты где? В больнице! В какой еще больнице! Что случилось-то?.. Точно уже все нормально? Ну, хорошо... хорошо... конечно, о чем разговор! Это ты с чьего телефона звонишь-то? С чьего, повтори, я не расслышала? Сергей Насырович! А это кто такой? Ну, хорошо, хорошо – при встрече, так при встрече... Когда подъедешь? Ладно, ты только не пропадай больше, подруга, нечего тут людям инфаркт

устраивать? Да, с бабушкой все нормально, но ты побыстрее подъезжай! Поняла? А если можешь, позвони бабушке-то, она ведь там тоже волнуется, хоть я ей и плету, что ты в Москве, материал для дипломной собираешь. Ну, да... хорошо... хорошо... - кивала головой Катя, - Ритка, если что, можно я позвоню на соточку этому твоему Сергею Насыровичу, для душевного спокойствия? Ну, вот и ладушки. Да, Сабине Ахматовне сейчас все скажу... да, и привет передам. Ну, все, пока, не пропадай!

Катя отключила телефон и вздохнула:

Уф, слава богу, объявилась! Вам огромный привет и спасибо! Сказала, что завтра-послезавтра приедет, но приедет ко мне, а не на свою квартиру. Значит все-таки что-то не то... Ей там какой-то Сергей Насырович помогает...

А почему она в больнице? Что с ней?

Сказала, что приедет и тогда все расскажет.

Ну, ладно, уже хорошо то, что объявилась, что жива и, будем надеяться, здорова. Катя, как только она объявится, вы мне позвоните, ладно, а то я волнуюсь. Ситуация... странная какая-то ситуация...

Обязательно, Сабина Ахматовна! Не волнуйтесь! Спасибо вам, что Ритку прикрываете, она скоро выйдет на занятия, сама там из-за этого страшно психует.

Хорошо, беги, Катюша, а то опоздаешь на лекцию. – Сабина кивнула головой, и Кимуля понеслась на вторую пару в соседний учебный корпус.

23

Рано утром Олег узнал о том, что Уткур Рашидович покончил жизнь самоубийством: перерезал себе вены в ванной (позвонил старший сын покойного, буквально два дня назад приехавший из Вашингтона, где он жил и работал). Олег почему-то тут же представил себе, как страшно расстроится Елена, узнав об этом: подобно Виктору она очень-очень уважала этого человека и говорила о нем только с восхищенными интонациями в голосе. Эти «интонации» раздражали Олега так, что однажды они чуть не разругались «всерьез». Тогда Елена подумала, что он ревнует ее к Уткуру, и была возмущена такими «ненормальными» мыслями мужа. На самом же деле вовсе не ревность лежала в основе его жестких фраз, (не хватало еще к такому ревновать! Это же не Умид и не чернобровенький Акмаль!), а ненависть и только ненависть, да еще страх, что как-нибудь при встрече Уткур брякнет ей что-нибудь по поводу своих сомнений относительно смерти Виктора. Помнится, он даже с Джастиним поделился своими страхами... Кстати, с чего он тогда ему об этом рассказал! Получается, что вообще все рассказал что ли? И о том, как братца ухлопал, тоже? (Этого Олег уже не помнил, и это его очень беспокоило, очень, потому что раньше он помнил все!).

Да... боров мог поделиться с Еленой своими сомнения по поводу смерти Виктора, - тяжело ворочалось в голове Олега, - мог... вполне мог... теперь не может... это хорошо... тогда почему я не ощущаю никакой радости? Почему на душе-то так погано?

Олег перевернулся с правого бока на спину, закинул руку за голову и прикрыл глаза – так легче думалось. Елены дома не было: она на три дня улетела в Самарканд, в командировку.

И хорошо, что ее сейчас нет, - вяло размышлял Олег, - нет сил изображать перед ней горе по поводу Уткура, а она ведь раскудахчется, плакать начнет, суетиться не по делу... утешать ее надо будет... Слава богу, уехала, и ему хоть сегодня не придется актерствовать, потому что никакого горя в его душе нет (какое к черту горе!), но... но есть противные, зудящие, беспокойные мысли. Надо подумать, надо просто спокойно полежать и подумать об этой странной смерти... Почему в ней есть что-то беспокойное для него, для Олега?

Они с Умидом частенько мечтали о том, что было бы, если бы боров наконец околел, как бы это было славненько! Тогда, по сути дела, они остались бы полноправными хозяевами фирмы, все бы к рукам прибрали, свой порядочек навели. Но сейчас, услышав об этом, он не только не обрадовался, но... но даже испугался. Да, именно так: тревожно стало, беспокойно. Ненавидя Уткура, Олег все равно подспудно понимал, что он – голова, что этот медлительный и малосимпатичный внешне мужик и дело свое отменно знает, и характер особый имеет, не случайно все-таки Виктор так уважал и ценил его.

Да, странно... все очень странно... – размышлял Олег, - Уткур, несмотря на свои «расплывающиеся» во все стороны жиры, медлительность и полусонный вид, действительно имел крепкий характер и здравый ум, поэтому никак не мог покончить с собой: подобный поступок просто... просто, скажем так, не вписывается в его «крепкий характер». Значит, что-то случилось, что-то такое-разэдакое, что он пошел на этот крайний шаг? Что? Тайная и неудавшаяся махинация с финансами фирмы? Может быть, он, Олег, уже банкрот и еще не знает об этом? Вряд ли: боров, как это ни странно звучит, был принципиально порядочным и честным человеком, как и его братец Виктор (на этом они и сошлись друг с другом), а потому не стал бы что-то крутить: слишком рискованные игры и подлые подставы были не в его вкусе, он руководствовался «высокими принципами» (что дико бесило и Олега и Умида) и всегда предпочитал синицу в руке журавлю в небе.

Хорошо... если не финансы, тогда что? Страшная болезнь? Не захотел мучиться и решил свою судьбу сам? Возможно, но не факт... вскрытие покажет... но Олег внутренне чувствовал – это не то... не то – и все тут!

Внутренне он чувствовал и другое, хотя это «другое» никак не укладывалось в рамки железной логики, никак и ничем не подтверждалось: с ним, Олегом, стало происходить что-то странное, и началось это «странное» именно с тех пор, как он познакомился с Джастином. Все вдруг стало разыгрываться, как по нотам, сбываться, как в волшебной сказке: и Елена тут же дала согласие на брак, и Ритка из его жизни куда-то испарилась (с Риткой вообще заморочка полная, связанная с обрывками каких-то странных мыслей и весьма странных его действий!), и боров умер... Вроде бы все прекрасно, все складывается, как мечталось, живи и радуйся, но именно радости-то никакой и нет, а есть другое... есть ощущение... - Олег подумал, стараясь облечь свое расплывчатое «ощущение» в более точную форму, - ощущение того, что он, как муха, попал в паутину, и в любую минуту может приковылять паук, чтобы полакомиться этой мухой. «Мухой» он никогда не был, «пауком» – да ... пауком – случалось... Он по характеру охотник, а не жертва, и вдруг – состояние «мухи»! Омерзительное состояние! Оно раздражало и пугало одновременно, пугало, прежде всего, потому, что он не видел врага, «паука» не видел! Интуитивно связал всю ситуацию с Джастином, но ведь это не факт... хотя что-то... что-то в этом все-таки есть... это однозначно...

Олег открыл глаза, взял лежавшую на прикроватной тумбочке сотку и позвонил Умиду, сообщив о странной смерти Уткура и попросив его отдать соответствующие распоряжения в офисе. Умид помолчал, хмыкнул и сказал:

Странно, тебе не кажется? С чего бы это он решил в ящик сыграть? Да еще таким способом... на истеричную девицу или романтического юнца наш боров не похож, чтобы вены себе в ванной резать... что-то тут не то...

Да, странно... я и сам сейчас об этом думал...

Может быть, он с нашими денежками за нашей спиной что-то нехорошее прокрутил и прогорел, а? Понял, что все равно за это пришьем, и решил подсуетиться?

Не знаю, Умид, не знаю... У меня итак с утра голова раскалывается, а тут еще это...

М-даа... ты голову-то свою лечи, а то тоже странным стал последнее время...

В каком это плане «странным», - тут же насторожился и окрысился Олег.

Да в таком... - в голосе Умида прозвучал еле сдерживаемый гнев, - ты вчера что мне отколол а, не помнишь? Назначен серьезнейший разговор с серьезнейшим клиентом, а у тебя вдруг глазки становятся отсутствующе-стеклянными, и ты резко линяешь, оставляя меня одного. Это тебе как? Что у тебя такое случилось, что ты, ничего не объяснив, просто удрал, скажи мне, пожалуйста? Просвети, если я чего-то не понимаю! Кстати, это не первый раз за последнее время! Я, блин, этому клиенту потом полчаса задницу лизал, уговаривая перенести встречу на другой день и рассказывая о тебе всякие сказки.

Олег с ужасом слушал Умида! С ужасом!!! - он напрочь не помнил, чтобы вот так уходил из офиса, да еще тогда, когда назначена деловая встреча! Это же ЧП! Конец света!.. Что это с ним?

Я тебе потом все объясню, ладно, - сухо проговорил он, сохраняя перед другом «лицо», хотя понятия не имел, как будет все это объяснять.

Оч-чень надеюсь на это, оч-чень! – со злостью в голосе проговорил Умид. – Ладно, замяли пока, во сколько встретимся?

Я перезвоню тебе, хорошо, не злись. У меня действительно дико болит голова, сейчас проглочу таблетку, полежу немного... Ты пока сделай все, что надо для Уткура, все по высшему разряду, ладно?

Распоряжусь, но до меня там еще менты распорядиться будут, устанавливать – самоубийство это, или что похуже, - сухо ответил Умид. - А ты давай - лечи свою голову, ликвидируй свои «странности» и звони, а лучше пошустрее приезжай в офис: сегодня в двенадцать разговор с клиентом, и если ты его опять сорвешь, то все... вряд ли в ближайшем будущем он вообще захочет иметь с нами дело. Ты понял? А это бабки уплывают и приличные бабки! Понял!!!

Да, не ори!.. скоро буду, не прессингуй!

Тебя не прессинговать, тебе морду бить надо! Ладно, жду...

Умид отключился.

Так... вот именно этих слов Умида Олег подспудно и ждал и боялся, потому что в последнее время сам ощущал, что с ним что-то не так. Вчера вечером, например, он почувствовал дикую, совершенно дикую усталость, поэтому решил принять контрастный душ: еле-еле разделся, печатку с пальца снимал так, как будто она весит пятьсот тонн, и в тот момент, когда, наконец, снял, – чуть не вырубился, потому что показалось, будто в голове лопнул какой-то шар, хотя какой к черту шар в голове! Но именно так показалось! Что-то ба-бах и лопнуло и даже потекло! Сунулся к зеркалу, потому что явно представилось, что глаза залиты кровью, что - еще секунда – и эта кровь потечет из носа, ушей, рта... Вгляделся в себя, бледного и осунувшегося, но никакой крови не было, ничего не потекло, просто сразу страшно захотелось спать, так захотелось, что уже не было сил ни на ванную, ни на контрастный душ: лег и вырубился. Больше ничего и не помнит: проснулся от телефонного звонка, результатом которого была новость о самоубийстве Уткура.

Да черт с ним с этим Уткуром! Со мной что, со мной? Ведь явно что-то не так! – накаляли голову тревожные мысли. – Взять хотя бы Ритку: то кажется, что последний раз он видел ее в день их «утреннего» базара и ее непонятной истерики; то вдруг нечаянно узнает от Риткиной подруги, что оказывается он, Олег, спрятал ее! Что ему и ей надо от кого-то скрываться!! Дурдом, да и только! То вдруг обрывками выплывают странные картины: красивая уютная комната, широченная кровать и он на этой кровати вытворяет с Риткой такое, что... что даже сейчас, при одном смутном воспоминании об этом, по телу разливается сладкая горячая волна и возникает острое желание... - Олег прикрыл глаза и тихо застонал. - А может быть... может быть, эти видения – просто его тоска по Ритке? По ее гладкому смуглому телу и неумным фантазиям в постельке? Да... с этой девочкой (хоть она и стерва, и Отелло в юбке!) в кроватке было гораздо, гораздо веселее, чем с «правильной» красавицей Еленой!

Так... по поводу Ритки никакие мысли не выстраиваются ни в какую логическую цепочку. Ни ее бабушке, ни Кате он больше не звонил – начнут расспрашивать, а он что им скажет, если сам ни черта не понимает?! Вот Ритке периодически звонит, но, по всей видимости, его звонок только сотрясает воздух в пустой квартире. А ее сотка почему-то у него! почему? – на это тоже нет ответа. Идиотски непонятная ситуация: Где она? И если это он ее спрятал (как уверенно утверждает Катя), то опять-таки где, зачем и от кого?

Что делать?! Олег не знал - «что делать?». Его по-настоящему угнетало странное ощущение «раздвоения себя», своей личности: с одной стороны, вроде бы все нормально: он – это «он», в то же время, с другой стороны, получается, что он - вовсе «не он», что им управляет «некто», сидящий в нем, незнакомый и страшный, и черт его знает, как это все объяснить! И еще мучила тревога по поводу здоровья: с ним тоже что-то было не так, например, периодические «волны» дикой слабости! от чего? почему? Он всегда был крепким, как бык! В жизни никогда не страдал никакими «слабостями»!

Угнетало и то, что где-то, на подсознательном уровне, он улавливал еще «нечто»... еще какие-то «волны» - раздражающие и уничтожающие его. Неужели действительно микрочастица «того яда» каким-то образом проникла в его организм и теперь медленно начинает раскручивать свою смертельную спираль! Не может быть!!! Ведь он был так осторожен!!! Сдохнуть сейчас, когда все само плывет в его руки, точнее, практически, уже «приплыло» – и фирма, и... и в скором времени миллионы! Немыслимо! Просто невысказано! Достичь всего, о чем мечтал, чтобы сдохнуть!!! Идиотизм какой-то!!! Что-то надо делать, но что? что? что?

Совсем расклеился, в тряпку превращаюсь... - зло думал Олег, - да еще перед глазами все время возникает страшная рожа того паршивого африканского колдуна, его страшные выпученные глаза... а заодно, как змея, «выползает» и его мерзкий шепоток, гнусавящий про поганую Мамбу - красивую Смерть... Да еще и этот странный сон... с Виктором. Сон... да, этот сон тревожит все больше и больше. Ощущение такое, что именно в нем содержатся ответы на многие вопросы, но невозможно четко вспомнить его, восстановить... В памяти осталось только одно: покойный братец что-то говорил о кольце... говорил о том, чтобы не надевать кольцо... какое кольцо? Почему не надевать? – Олег невольно глянул на свою драгоценную печатку, - ну, не об этом же! Чего ему об этом говорить, это кольцо как кольцо, никому и дела нет до того – носит он его или нет! Скорее всего, именно обручальное имел в виду! Он ведь чокнутым был на своей Елене! (Олег глянул на правую руку, на безымянном пальце которой тускло светился золотой ободок, – вчера сил не хватило, чтобы снять и его!) Какое же кольцо имел в виду Виктор? А может, и не кольцо вовсе, может, все эту галиматью я уже сам сочинил?

Да, Виктор, я бы снова поговорил с тобой, слышишь? – произнес он вслух. - Погано, конечно, с покойничком беседовать (даже во сне!), и, тем не менее, я бы поговорил, слышишь?

Черт! Да я что, с ума схожу что ли! Уже покойника на разговор вызываю! – Олег резко сел на кровати и крепко растер ладонями лицо, - веду себя как истеричная суеверная баба! Так, сейчас приму душ, на который вчера не было никаких сил, выпью крепкий кофе и еще раз подумаю, спокойно и трезво оценю ситуацию, спокойно и трезво... А кольца... сниму-ка, пожалуй, и обручальное... ведь он сказал «не надевать», попробую «не надевать», никакое «не надевать», посмотрим, что будет...

Вот черт, я опять в мистику скатываюсь: покойничек советует – я делаю! Съехать можно! Хорошо, что Умид «не слышит» моих мыслей – враз бы в психушку меня пристроил! И тем не менее, сон-то ведь мне запомнился! Страшный сон, страшный тем, что казалось - не сон это, а явь! Не мог я просто так, за здорово живешь выдумать такого! Я видел Виктора, видел и говорил с ним! Мой неугомонный братец, как видно, и с того света пытается учить меня уму-разуму, чтоб ему!.. При жизни я его люто ненавидел за это, так он и после смерти тем же давит!

Так все – стоп! Мысли шизика и идиота! Надо взять себя в руки, вот и все.

Олег резко встал и, почувствовав прежнюю силу в теле, приободрился, воспрянул духом и, решив строго контролировать все свои действия, отправился в ванную, принимать контрастный душ, однако, уже встав под горячую струю воды, вновь невольно вернулся к своим тревожным мыслям, подумав: «И все-таки, где же Ритка? Где она, черт бы ее побрал!»

Ритка в своих высушенных и выглаженных вещах, но в куртке Камилы, сестры Сергея Насыровича, (или просто Сергея, как стала называть его Ритка после недельного знакомства и по его просьбе) сидела на низкой лавочке в небольшом дворе бабушки Назорат. Три дня лил холодный злой дождь, но сегодня небо было синим, без единого облачка, и солнышко изо всех сил пыталось согреть озябшую землю. Пользуясь ясной погодой, Сергей повез старушку к кому-то из ее знакомых; уехали они давно, часа три назад, и Ритка с нетерпением ждала их возвращения. Ждала, сидя на лавочке и перебирая в голове странные события, происшедшие в ее жизни за последнее время: мистика с фантастикой в детективном варианте с мафиозным уклоном: все, как это модно сейчас говорить, в одном флаконе. Не слишком ли много для простой девчонки из Ташкента? А тут еще, кажется, в ее приключении намечается новый любовный сюжет...

Да не «кажется» и не «намечается», а уже наметился. Еще неделю назад в ее голове сидел Олег, Олег и только Олег, а сегодня... а сегодня она уже сомневается в своих чувствах к нему. Нет, не просто сомневается... что там сомневаться-то?... умерли чувства, умерли вместе с ее ребенком, которого она потеряла, поныряв в ледяных водах своенравного Чаткала. – Ритка со всхлипом вздохнула и, мысленно уходя от тяжелой темы, переключилась на Сергея:

Сергей... он совсем другой, этот Сергей... совсем не такой, как Олег... не красавец, не Рембо, но такой... такой... - Ритка никак не могла подобрать точного и полного определения своему восприятию этого удивительно милого, доброго, внимательного, корректного и еще бог знает какого прекрасного человека. Просто при одном упоминании его имени на душе у нее становилось тепло и спокойно. - Да и что она эта красота значит-то! – продолжала «философствовать» Ритка. - Вон ее красавец два года ей мозги пудрил, а она с ума сходила от своей ненормальной любви к нему, а он... - и цепкая Риткина память вновь вытаскивала и перетряхивала грязное белье их сложных отношений. И чем больше она «перетряхивала», вспоминала и анализировала, тем яснее ей становилось, что любила только она, а он позволял любить. - И вот сейчас, во что же это он ее вдряпал и вдряпался сам?

За Олега душа болит, конечно: что с ним? Что это за жуткая секта такая? Ведь закрутили его так, что он стал просто невменяемым! И это Олега-то! С его характером! Как они сумели это сделать? Ответов на эти вопросы у Ритки не было, но, еще раз хорошенько обдумав сложившуюся ситуацию, она решила не возвращаться пока в свою квартиру: вдруг за ее домом наблюдают и ждут, когда она, Ритка, вернется! ведь держали же ее под замком, как в тюрьме! ведь Олег действительно чего-то боялся, когда прятал ее в горах!

Собственно, они с Сергеем уже все обдумали, все решили: повидав бабулю, Катю и Сабину Ахматовну, Ритка вместе с ним уедет в Петербург.

Сергей с Камиллой с рождения живут в северной столице России. Камила замужем и живет отдельно. Холостяк Сергей живет с мамой, а в небольшой горный аул, расположенный на берегу своенравного Чаткала, и он и сестра приезжают навестить бабушку Назорат, которая наотрез отказывается переезжать как в Ташкент, к старшему сыну, так и в Петербург, к снохе и внукам (ее младший сын, отец Сергея, умер пять лет назад). Так вот, бабушка переезжать отказывается, говорит: «...здесь, в горах, родилась, здесь и помру, рядом с мужем в могилу лягу, а ваши города мне даром не нужны».

Сергею Ритка рассказала все. Вот так. Взяла и абсолютно ВСЕ рассказала. Сердцем почувствовала – ему можно и нужно рассказать ВСЕ, не таясь. Он слушал ее очень серьезно, не

хмыкал недоверчиво и иронически, не смотрел настороженно и пытливо в глаза – не чокнутая ли? - просто внимательно слушал, а потом сказал, осторожно, как бы наощупь, подбирая слова:

Знаешь, Рита, окружающий нас мир не прост, очень не прост... Мы мало знаем о нем, несмотря на все наши технические революции и «прорывы». Мне кажется, что иной раз мы, люди, невольно будим какие-то странные, неведомые нам силы, или по каким-то опять-таки неведомым нам причинам сталкиваемся с ними, до конца не понимая и не осознавая того, по какому краю, быть может, ходим, в какие опасные «игры» играем... Например, я никогда не возьму на себя смелость категорично утверждать, что мы – единственные разумные существа не только во вселенной, но даже на нашей старушке Земле. Люди живут в «выделенном» им измерении, как в клетке, за пределы которой ни-ни... ни одним шагом... но это не значит, что оно (это измерение то есть) единственное и неповторимое, и что рядом с ним нет в наличии других вариантов, возможно, совершенно иных, совершенно чуждых нам, людям. Я, конечно, рассуждаю об этом как дилетант, я ведь не физик, но... но просто я так чувствую, понимаешь, Рита. Опять-таки возможно, что есть такие люди, которые нащупали «нечто», открыли для себя это «нечто» и в какой-то степени умеют пользоваться силой этого «нечто», вот как те, которые, как ты говоришь, «из зеркала». Конечно, звучит фантастично, но как знать, возможно то, что нереально для нас, вполне реально «где-то» и для «кого-то»... за пределами нашей «клетки»...

Они еще пофилософствовали с Сергеем на эту тему, и Ритка была очень благодарна ему за корректную психологическую помощь и поддержку, за то, что он поверил ей и не посчитал душевнобольной, хотя сам Риткин рассказ явно смахивал на шизоидный бред. Но ведь в том-то и весь ужас, что это не бред! И уж кто-кто, а она это знает совершенно точно!

Ритка тяжело вздохнула и покачала головой. - Что с ней происходит? Почему именно она оказалась замешанной в такую петрушку? Но Сергей прав: есть некие силы, с которыми не шутят. Возможно, это действительно какая-то страшная секта, члены которой владеют мастерством гипноза, или зомбирования. Вывести на чистую воду подобных «мастеров» достаточно сложно, потому что рассказ о них, об их «фокусах» однозначно воспринимается окружающими или как дикий бред больного, или как розыгрыш: ни в одно отделение милиции с таким рассказом не придешь. Но члены подобных сект могут быть очень опасны, подтверждением чему является и странная смерть Ксюши, и неадекватное поведение Олега, за которого они по какой-то причине уцепились.

И вот тогда, когда они рассуждали обо всех этих ужасах, Сергей ей и сказал (сказал просто, без всяких «подходов» и романтических вывертов), что она ему очень нравится, что он не хочет оставлять ее одну, в столь сложном положении, а ему скоро возвращаться в Петербург, потому что отпуск кончается и... и еще... - Ритка даже глаза зажмурила от удовольствия, вспоминая эту приятную сцену, - и еще он ей сказал, что хочет на ней жениться и что никогда, ни одной женщине подобного не предлагал, да и вообще считал себя закоренелым холостяком. В «любовь с первого взгляда» никогда в жизни не верил, и вот на тебе... в тридцать четыре года на личной шкуре испытал, что такая любовь существует не только в романах и кино. И что самое интересное, она, Ритка, сразу же ему поверила, сразу, безо всяких сомнений. У нее вообще сейчас было такое ощущение, что она всю свою жизнь любила именно Сергея, именно его черты ей хотелось видеть в Олеге, а этого не было, и тогда она выдумывала их в нем, но все впустую. И вот теперь... теперь судьба свела ее с человеком, которого подспудно жаждало ее сердце, который будет любить ее, как... как Виктор Елену.

Кстати, - Ритка открыла глаза, - эти, из секты, и про Елену говорили - Ритка напряглась, вспоминая, - говорили... что Олег на ней женится, что они в нее тоже что-то будут «внедрять» (это слово вызывало у Ритки невольную дрожь). Значит, и она в опасности!

Ритке никогда не нравилась жена Виктора. Никогда! Холодная, высокомерная... фу! Вот пусть Олег и женится на этой... на этой «тройной» красотке, и черт с ним! Он точно такой же,

как и она, вот и будут жить - «два сапога – пара». А ведь как плел ей про Елену: «надо проведать родственницу», «да ничего он к ней не испытывает», «да как ей, Ритке, не стыдно ревновать!», да то, да се... козел паршивый... постоянно врал! Правильно она ему тогда истерику закатила! А потом как подъехал! И Риточка, и милая, и боится то он и за нее и за ребенка! – Ритка подумала, вспоминая события последних дней, снова тяжело вздохнула, покачала головой и одернула саму себя:

Не стервозничай, подружка. Может быть, и действительно боялся, не сволочь же он последняя. И, тем не менее, что-то во всей этой ситуации не так, что-то во всех действиях Олега есть фальшивое, но у нее уже нет ни сил, ни желания разбираться во всем этом. Ладно, черт с ним! И с его Ленкой тоже черт, черт, черт! Но вот что душу скребет: эти, из секты, собираются с ней что-то сделать... может быть, какой-то сатанинский опыт над ней провести, «внедрить» в нее что-то, то есть, получается, искусственно оплодотворить. Хотят, чтобы она их уroda вынашивала! Точно, именно это они и имели в виду. И с ней, с Риткой, тоже хотели такое же сотворить, а она удрала, только вот ребеночка своего потеряла... по сути дела они, именно они убили ее ребеночка, козлы сатанинские! Ксюху убили и ее ребеночка убили!

Ритка почувствовала, как на глазах закипают злые слезы.

Нет, любит она эту Ленку или не любит – это значения не имеет, надо ее предупредить, надо как-то помешать этим поганым сатанистам и... - и тут Ритка представила себе, как она будет говорить ей об этом: это же опять бред получается! – Наберет ее номер телефона и скажет: «Елена, будьте осторожны, вас сатанисты, выползающие из зеркала, хотят искусственно оплодотворить». - Да разве она ей поверит? Просто чокнутой посчитает, вот и все! Если бы Ритке кто такое нес, она бы точно подумала, что из дурдома звонят! И, тем не менее, что-то надо делать! Иначе, если с этой красоткой что-нибудь случится, то так и придется жить с виной на сердце, так и будешь мучиться, что должна была сказать и не сказала. А как о таком сказать? Господи, как в той присказке: «лыко-мочало – начинай сначала». Надо с Сергеем об этом посоветоваться – вот что! Он обязательно что-нибудь придумает...

Камила с неодобрением наблюдала за Риткой, сидевшей «на солнышке», на скамейке, в ее старой куртке. Она видела, как та что-то иногда шепчет, трет виски, покачивает головой, вздыхает.

Нет, ну надо же, чтобы вот такое случилось! Какие девушки и женщины в Питере на Сергея заглядываются! И умницы, и красавицы, и состоятельные! Так нет, ее братец, закоренелый холостяк, вдруг влюбился! Специально за этим в горы приехал! Выловил из реки эту мокрую русалку с сиреневой гривой и влюбился! Вот и скажи теперь, что нет судьбы! Есть, есть эта самая «судьба», которая творит все, что ей вздумается! Вот, например, сводит солидного холостого мужчину из Петербурга с неизвестной девицей, выловленной черт знает где, в горах, в реке! Маразм! Выловил – и влюбился! Ведь путем даже не знает: кто она, что она? Может быть, преступница какая-нибудь! Попыталась вчера с ним поговорить об этом, так что ты! слова не скажи! так на родную сестру цыкнул! – Камила недовольно и оскорблено фыркнула. – И ведь надо же такому быть – и бабуле она нравится! Прямо околдовала ее эта Ритка! И не думают о том, что беременна была эта девица! Ни о чем не думают!

Ну, бабулька ладно, старая: ее вокруг пальца обвести – делать нечего. Но братец-то, братец!.. вроде бы и образованный, и умный, и простофилей никогда не был, и серьезным всегда считался, и – на тебе – выкинул фокус! Влюбился! Привезет маме подарочек! С ума спятить можно! И ведь не скажешь ему ничего, не прикажешь: «мальчик» взрослый, самостоятельный, да еще и с характером, все равно сделает все так, как решил. Правильно в народе говорят: «Земля треснет – черт выскочит!». Вот уж точно! Только у них не из земли этот «черт» выскочил, а из реки... Вон, сидит, разговаривает сама с собой, головой качает... Может

быть, вообще – чокнутая! Ну, братец, ну, отколол номер!

Камила еще раз недовольно покосилась на Ритку, ушедшую в свои трудные и тяжелые мысли, и, ничего не сказав ей, зашла в дом.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДАЛЕКОМ «АРТЕКЕ»

Рассказ

Эта история произошла много лет тому назад – в моем далеком детстве, когда я еще не только не читал рассказа О’Генри «Дары волхвов», куда читать, даже не слышал об этом имени, даже невозможно было что-то знать о нем.

Я был одним из участников этой истории.

Вот эта история.

В одной из деревенских школ, у подножия гор, учился мальчик, отличник. Однажды во время занятий его, этого отличника, срочно вызвали в кабинет директора школы.

На следующий день во время большой перемены, когда отличник разговаривал с друзьями у водоема во дворе, из динамика, установленного на ветке орешника, раздался голос рыжей Салимы из 8 «Б», как трель птицы:

Внимание, внимание! Говорим из школьного радиоузла. Познакомим с новостями нашей школы. Вчера из районного комитета комсомола пришло радостное сообщение: за высокие успехи в учебе и в общественной жизни ученик 7 «Б», председатель совета дружины...

У Отличника гудели уши, услышав свое имя, он покраснел от счастья и пытался вести себя спокойно, будто ничего не произошло, будто не слышал ни имени, ни сообщения.

... награждается бесплатной путевкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек»...

Отличник заметил, что вокруг установилась внезапная тишина, как под водой, ловил разные взгляды на нагревающемся, как медь, лице, чувствуя себя как человек, у которого поднимается жар: в «Артек!», в «Артек?!», в «Артек»... Какой счастливец!

Все завидовали Отличнику. Все сразу захотели дружить с ним. Все сожалели, что сами не отличники, как он.

В тот день в 7 «А» все остальные три часа занятий все только и делали, что спорили, обсуждали приятную весть.

Учитель географии Магриф Салиев хвалил Отличника, вызвав его к доске, показал на карте зеленое пятно размером с монету.

Едешь в Крым, – сказал он. – Вот он, «Артек».

У Отличника екнуло сердце. Он не отрывал взгляда от зеленого пятна на карте (на этой огромной карте не была указана его маленькая деревня у подножия высоких гор, он хотел мысленно измерить то место, куда едет, но не мог, оно не помещалось в его детском воображении, стало даже... страшновато).

Мне привезешь указку, – сказал учитель, ударив по ладони линейкой, что держал в руке. – Там растет самшит, указки делают из нее. Конечно, своя была очень даже хорошая...

У учителя, действительно, указка была хорошая: пестрая, как змеинная чешуя, гладкая, причудливые узоры блестели темным отблеском. В основном он использовал ее не для того, чтобы показывать ученикам на карте далекие страны, неизвестные горы, моря, а как эффективное средство по установлению дисциплины среди непослушных ребят. И семь месяцев тому назад он лишился ее: тогда указка была «мобилизована» для умирения Тахира, по кличке «Тайхар», сидевшего за самой последней партой в классе, но Тахир ловко увертывался, и указка, ударившись о подоконник...

Когда Базар-председатель ездил туда на курорт, я просил, но он не привез, – кончил учитель, погрузнев.

Следующим был урок узбекского языка. Но так вышло, что учитель узбекского заболел, и

вместо него в класс вошла учительница русского языка, Елена Никитична. Только после того, как Отличник услышал ее волнующий рассказ об «Артеке», уверился, что поймал синюю птицу.

Оказывается, Елена Никитична, будучи студенткой в городе Симферополе, один сезон проработала пионервожатой в «Артеке». О, «Артек!». О, край вечного счастья! Разве возможно забыть эти дни! У твоих ног – строптивые буруны Черного моря, омываемые теплой водой пески, чайки, играющие с волнами, на верху – величественные скалы Медвежьих гор, вечно зеленые ели, родники, как глаза у журавля...

Учительница рассказывала с вдохновением, Отличник слушал так же. И на карте, на месте того зеленого пятна размером, с монету, появилась таинственная, прекрасная, как сказка, долина легенд.

Закончив свой рассказ, Елена Никитична протянула ему толстую тетрадь с сафьяновой обложкой.

Напишешь о своих впечатлениях об «Артеке». По возвращении прочитаешь одноклассникам. Вот, сам увидишь, это будет память тебе на всю жизнь.

По всей деревне ходил слух: «Отличник-де едет в Крым!»

Мать была на работе, а когда слышала об этом...

Умереть бы мне за тебя! – сказав так, она перешагнула порог со слезами на глазах. – Умереть бы твоей маме!

Потом, прижав сына к груди, целовала в лоб, глаза, лицо, увидев, что он ростом с нее, прослезилась больше прежнего:

Жаль, что бедный отец не должен до этих дней...

Не плачьте мама, – сказал мальчик с волнением на душе.

Ой, почему... я не плачу, – сказала она, не переставая плакать. – Ты поедешь в такие края, стал уже взрослым человеком, я разве не радуюсь? Плачу-то от радости, что мне делать...

Вечером Отличнику, делавшему уроки, сидя сгорбившись за низким столом, послышался разговор матери с кем-то во дворе.

Хорошо, сейчас позову его сюда, – сказала она, спустя немного времени.

Нет, нет, сама зайду! – раздался голос незнакомой женщины, и не прошло и минуты, как мать зашла вместе со старухой в очках, в халате с большими цветами.

Отличник, вставая с места, поздоровался, узнал ее: работает на почте, в центре кишлака, видел, сходяв туда разок, чтобы получить пособие за умершего отца.

Пожалуйста, тетя Сабрие, проходите вглубь комнаты, – сказала мать, расстилая там курпачу.

Нет, нет, не беспокойся, – сказала тетя Сабрие и села вблизи порога. – Сама тоже сядь. Вот этот сын поедет?

Мать кивнула головой, сказала, взглянув на сына:

Тетя Сабрие пришла, чтобы увидеть тебя.

Отличник, удивившись, внимательно посмотрел на нее: зачем ей меня видеть?

Мне Сервер говорил, – сказала тетя Сабрие. – «Сын Хислат поедет в Крым», – сказал он. Спрашивала, нашла ваш дом, и вот, прямиком пришла.

Очень хорошо сделали, что пришли, тетя Сабрие – сказала мать, расстилая дастархан. – Угощайтесь, берите лепешки. Да, сама только что услышала в конторе. Только кончила мести второй этаж, поднимаюсь по лестнице с водой и вижу Машрубуну, невестку Хаджи. «Ой, Хислат опа, ваш сын вот-вот едет в Артик, а вы так ходите», – говорит она. Я спросила, что такое Артик, а оказывается... Не знаю, далековато, что с ним будет.

Нет, нет, не говори, как «далеко»? – заголосила тетя Сабрие, поставив пиалушку на дастархан. – А ты на самолете летишь или едешь на поезде? – вдруг обратилась она к мальчику.

Не знаю, – сказал мальчик, пожимая плечами.

На поезде хорошо, – убедила его тетя Сабрие. – Увидишь многие города, кучу мест. Самолет не годится: облако за облаком...

Кто знает, тетя Сабрие, а вдруг он заблудится?

Да нет, брось это, не заблудится! – сказала тетя Сабрие, взмахнув руками. – С чего ему заблудиться? Не беспокойся, отправь. Разве есть на свете место, лучше Крыма! Там чудное море, чудные виноградные сады. Сколько там пробудешь?

Говорят, один месяц.

Ах, как хорошо! У меня к тебе одна просьба: внизу от «Артека» есть вода родника Дерменгуль. Это – святое место, туда вода течет напрямиком из рая. Чуть спустившись от воды Дерменгуль, омоешь руки, лицо и совершишь молитву от моего имени, хорошо?

Отличник, хотя не понимал смысла этих слов, кивнул головой, изумился. У тети Сабрие на глазах навернулись слезы, голос дрожал:

Если возможность будет, привези одну бутылку воды Дерменгуль. Глотнуть каплю этой воды и умереть – вот моя мечта! Привезешь, сын мой?

Ладно, – сказал Отличник, удивляясь. – Хорошо...

Слава Богу! Много ему славы! – воскликнула тетя Сабрие, взирая на Отличника с завистью. – Обязательно поезжай. Человеку, увидевшему Крым, не обязательно увидеть рай, Хислат!

Да, что вы... – сказала мать Отличника, сдаваясь.

На следующий день директор школы Хикматов, освободив Отличника от занятий, отправил его в райцентр.

Ты видал двухэтажное здание около универсама? Войдешь туда, на первом этаже, подойдешь к пятой двери, слева. Легко найти, на двери написано: «Первый секретарь районного комитета комсомола Базаров». Понял?

– Алло, товарищ Хикматов?

– Слушаю.

– Здравствуйте, это – Базаров, с райкома комсомола.

– О, Ибрагимджан! Как здоровье?

– Спасибо, учитель, сами как? Говорил с тем учеником, которого вы рекомендовали.

– Был у вас? Утром его отправил...

– Хорошо, мальчик, кажется, способный. И за словами в карман не лезет.

– Это наш отличник, самый активный ученик. Очень напористый.

– Заметно. Мы тоже имели в виду такую кандидатуру.

– Значит, решено?

– Решено-то, решено, есть одно «но»!

– Ну?

– У вашего ученика, какое семейное положение?

– Семейное положение... В каком смысле?

– Я с ним поговорил. Говорит, что отца нет, есть шестеро братишек...

– Да, два года тому назад умер отец. Кажется, был рак... Есть мать.

– Уборщица?

– Да, в колхозной конторе.

Вы знаете, путевка-то бесплатная, но... нужно будет немного денег и самому мальчику. Как говорится, на мелкие карманные расходы. Кроме того, если не пары две приличной одежды, будет стыдно и ему, и нам... Вы слышите меня?

– Слышу, Ибрагимджан.

– Что делать с этим?

– Ну – у... Бедность – не порок, Ибрагимджан.

Да, учитель, я, конечно, понимаю. Просто хотел посоветоваться... Может, сами с его мамой

поговорите?

– Ладно.

– Я, может, вам перезвоню.

Под вечер мать вдруг засобиралась к брату, жившему в соседней деревне.

– В котле есть суп, раздашь младшим. Я съезжу к твоему дяде.

– Что будете делать у дяди?

– Есть дело.

– Какое дело? – спросил Отличник, еще больше удивляясь.

Мать, взяла из кладовой махси – обувь из мягкой кожи – одевая ее, взглянула на него.

– Что будете делать у дяди? – спросил он еще раз.

Мелочный же ты у меня! Говорю же тебе – по делу, и хватит! – сказала мать почему-то нервно.

Около полуночи приехал дядя – человек с голубыми глазами, худощавый – погрузив теленка на прицеп своего трактора. Он поздоровался с мальчиком, прижав его так сильно к груди, что у того захрустели кости.

Вот это да, племянничек! Молодец! Молодец! – говорил он, не переставая улыбаться. Когда, войдя в дом, сидели за чаем, дядя вдруг, в порыве нежности взъерошив волосы племянника, сказал: – Да, сестра, ни в коем случае не беспокойся, деньги – это как грязь на ладони: сегодня есть, завтра нет. Бог видит, во что бы то ни стало – если даже поставлю себя под залог! – отправлю его! Послезавтра разом продадим теленка и отправимся, сказав: «Где ты, Артек!» Правда, племянничек? Айда молодец!

Отличник сразу понял то нервное состояние матери. Душа как-то сникла.

Дядя уехал. Мать заснула. Отличнику не спалось.

Он кинул взор на двор из окна – кончается осень, деревья совсем голые.

Вот-вот наступит зима. Вот-вот пойдет снег. Тут зима суровая. По словам Елены Никитичны, в Крыму, оказывается, летом и зимой тепло. Скоро он отправится в далекий путь. Останутся мать, братишки. Мать, как обычно, в такой лютый мороз будет мыть полы конторы, пытаясь согреть теплым дыханием свои посиневшие от холода пальцы, сполоснув грязную тряпку в холодной воде. А братишки, один – в рваной шапке, другой – в худых сапогах, идут по снежным тропам в школу, дрожа от холода. В это время он нежится в долине легенд – на берегу Черного моря, в объятиях теплых волн, купаясь и брызгаясь каплями воды, похожими на жемчуг...

От стыда потемнело в глазах.

Базаров весь день думал об Отличнике. Его умный взгляд никак не выходил из его головы.

«Хакимов прав, бедность не порок. Во что бы то ни стало надо помочь, дух поднимется.

Завтра...»

Базаров поздно вернулся с работы. Утром с женой произошла ссора непонятно из-за чего. У него испортилось настроение. И на работу вышел как-то отчужденно, успокаиваясь повседневными занятиями, Отличника запомнил.

Почему так говоришь, сынок? – губы матери вздрогнули от печали. – Ведь дядя специально для тебя...

Сказал же мама, не надо, скажите дяде, не надо.

Мать, прослезившись, гладила его плечи:

– Не стесняйся, у джигита богатство – под ногами, вернешь дяде, когда подрастешь...

– Нет, мама... Опаздываю в школу. Скажите дяде, пусть увезет своего теленка.

– Подожди же, не торопись...

Прошла целая неделя.

Однажды вечерком Базаров радостный вернулся домой с банкета, устроенного в честь проводов на пенсию заведующей организационным отделом райкома Рашиды опа. А утром, проснувшись, увидел, что жена пекла на завтрак памурда-самсу. Пил чай, бросив несколько ласковых шуток в адрес жены, а когда оделся и собрался на работу, в сердце проснулась доброта, внезапно вспомнил об Отличнике.

– Алло, это товарищ Хикматов?

– Да, Ибрагимджан, как вы?

Спасибо. Значит, я еще раз подумал о нашем вчерашнем разговоре: а что будет, если школа возьмет на себя некоторую часть расходов?

– Ладно, с расходами-то, тут у нас появилась другая новость.

– Ну?

– Ученик наш передумал. Не поеду, говорит.

– А мать? Что говорит мать?

Мать-то из кожи вон лезет, чтобы он поехал, согласна была даже... ну, сами знаете. Я удивлен, это так неожиданно...

Странно. Есть, наверное, какая-то причина?

Как раз об этом мы ничего и не можем узнать, Ибрагимджан.

Да-да... Но, прошу вас, поговорите еще раз, объясните, что такое счастье выпадает человеку один раз в жизни. Сегодня-завтра мы должны сообщить в обком комсомола.

– Да, да. Лишь бы согласился. Вышло очень некстати.

– Позвоните потом.

В тот день мать долго лежала, без сна и никак не могла собраться с мыслями.

«Бедность не порок, – сказала, вздохнув. – Что я могу сделать, у него все еще впереди, если суждено, каких мест еще ни увидит».

Базаров опять поздно вернулся с работы.

«Да, много проблем, – думал он перед сном. – Хорошо, что он сам дал отвод... Бедняга, поехал бы...»

Отличник сидел на супе, обнимая колени руками, ни о чем не думая, грустя. Сквозь стволы виноградников перед его взглядом, ему виделось бесконечное небо – море бесконечной мечты. Такое бесконечное, как море, где находится «Артек», такое далекое, как само море, где «Артек»...

Повсюду была тишина.

Вот и вся история.

Если бы однажды не прочел, чисто случайно, рассказа О' Генри «Дары волхвов», напрочь забыл бы эту далекую историю, происходившую много лет тому назад. Как только прочел рассказ, вспомнил ту историю, а вспомнив ту историю, еще раз прочел его и вдруг сильно удивился, поняв, что везде и повсюду судьба обычных людей одинакова, что в самом деле у них и исповедь, и доброта, любовь и ненависть одна. Еще раз вспомнил ту историю. Тогда мне показалось, что многие загадки, до сих пор скрыто лежавшие в моей душе, вдруг прояснились...

Повсюду была тишина.

Никто не заметил – даже сам Отличник – что в ту ночь был сломлен дух мальчика, лежавшего на супе без сна, появилась трещина в его душе.

Теперь эта трещина с каждым днем расширяется, а, постепенно расширяясь, расколется его душу на две части. Вошедший через эту трещину Страх станет единственным владельцем его душевного состояния. Пройдут года, мальчик подрастет, детство останется позади, и «Артек», как далекое, горькое воспоминание о детстве, утонет в мечтах, находившихся в глубине души.

Он проживет всю свою жизнь во внутреннем страхе: куда бы он ни пошел, протягивать руку свою к ручке двери он будет с содроганием в сердце, с тысячами опасениями и стеснений, с предсмертной смелостью, всю жизнь будет чувствовать постоянный удар по коленям незнакомого, невидимого препятствия. В течение всей своей жизни он ни разу не ощутит радости настоящего полета, не попробует вкуса полета среди пухлых облаков – никогда не забудет, что когда-то, при первом взлете, поранившись, он упал с неба, насмерть ударившись о землю... А люди, имеющие язык, рассказывая о судьбе его, с сожалением вопрошают: «Кто же сломал тебе крылья, птенчик?»

Кто в этом виноват?

Никто.

Потому что бедность не порок!

Бедность не порок.

Правильно.

Если бедность не порок, почему никто не хочет стать бедняком? Почему никто не раздаст свое богатство бедным и сам не станет одним из них? Почему никто не гордится своей бедностью?..

Мне, прожившему на этом свете много или, может быть, мало, до сих пор не ясны ответы на эти вопросы.

Один ли я такой?..

Прошел целый месяц. Тетя Сабрие вновь пришла увидеть Отличника.

Мать лежала в больнице, болела печень. Отличник был один и, не выдержав скорбного взора тети Сабрие, пригласил ее в комнату, сам спешно отправился на кухню, взял бутылку из-под лимонада, стоявшую в нише, наполнил водой и, забив горлышко пробкой из фольги из-под коробки от чая, протянул тете Сабрие.

Слава богу! – сказала старуха и вдруг заплакала. – Много ему славы! Теперь и умереть не обидно...

На третий день Отличник, посетив лежавшую в больнице маму, на обратном пути зашел на почту: в тот день давали пособие за отца. Когда спросил у толстой женщины в очках, сидевшей за стеклянной оградой, про тетю Сабрие, она, тяжело вздохнув, сказала:

Ведь тетя Сабрие... умерла, сын мой.

Отличник, весь дрогнув, ослабев всем телом, спросил:

– Когда?

– Вчера. В полдень справили похороны. Ты по какому делу пришел?

Отличник, забыв, зачем сюда пришел, опустив голову, вышел.

«Теперь и умереть можно без сожаления!»

Естественно, тогда Отличник был почти ребенком, к тому же он многого не понимал. Я иногда желаю узнать, что он думает сейчас, в эти дни, о событиях тех лет?

К сожалению, теперь это невозможно: в мутном течении жизни я давно потерял след того мальчика, Отличника, наивного, с глазами, полными печали.

Удастся ли мне еще раз встретить его?

Не знаю.

Если бы знал...

У меня остались только вот эти воспоминания от тех далеких дней.

1981-1991гг.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭМИГРАЦИЮ

Роман

12

*Полдник для матерей. – Нуази-ле-Гран. –
Бердяев. – Ванечка*

В начале мая появился на свет Павлик Клепилин. Для меня и для Тамары Федоровны мать Мария достала пропуск к католическим монашкам, уже не помню какого ордена. Это был один из благотворительных пунктов, где прикармливали кормящих матерей.

В чистом с низкими потолками зале стояли длинные столы, покрытые пестренькими клеенками. Вдоль столов – скамейки, на столах – приборы. Чашка горячего какао или молока, рядом на тарелочке – кусок пирога или несколько печений. Иногда плитка шоколада или фрукты. Банан, апельсин. Иногда кусок флан – заварного крема, но такого крутого, что его можно было резать ножом. Эти яства были недоступны простым смертным, но с пропуском кормящие матери могли приходить сюда каждый день к четырем часам и бесплатно съесть этот роскошный по военному времени полдник. Мы усаживались с Тамарой Федоровной рядом, и я честно, без всяких угрызений совести, съедала все, что положено. Двухнедельного ребенка не накормишь бананами, не напоишь какао. От горячего сразу приливалось молоко.

Но у Тамары Федоровны был не один ребенок. Как и многие другие матери, она приходила со старшенькой.

Младенцев оставляли мирно спать в колясках в закрытом дворе у входа, а старших мамы брали с собой, сажали рядом и... кормили полдником. Тамара Федоровна еще и сердилась на дочку. Девочке почему-то не нравился флан. Она морщила носик, тянула: «Не хочу, слизь!» Тамара Федоровна шепотом уговаривала:

– Ешь, Ладик, милая, да где же слизь? Ну, пожалуйста, еще ложечку – это так полезно!

Между столами бегали монашки и испуганно верещали:

– Не кормите детей! Не кормите детей! Это только для мам! Детям не положено!

Ох, уж эти монашки! Это какая же мать станет лопать на глазах у ребенка шоколад, а дитя будет сидеть рядом и смотреть голодными глазами!

Но монашки нашли выход. Запретили пускать детей в столовую. Детей оставляли во дворе под присмотром, а мамы входили одни. Перед тем, как сесть за стол, требовалось исполнить гимн, но не во славу Господа Бога, а во славу маршала Петена. Запевали монашки, мы поначалу и слов не знали. А слова были забавные: «Маршал, ты дал нам надежду, мы верим, мы любим тебя». Заканчивался гимн так: «Мы идем за тобой, маршал, мы идем по твоим следам».

Исполнив гимн, садились.

– Кушайте, кушайте, дорогие мамы, а дети во дворе поиграют!

И тогда в Париже появилась новая мода. Француженки знают в этом деле большой толк. Пошла мода на юбки с большими карманами. Мамы чинно выпивали молоко или какао – в карман не нальешь. Остальное тоже исчезало. Отсидев положенное, все расходились, и дома дети благополучно съедали содержимое модных карманов.

В июле матушка предложила Сереже отпуск. А чтобы мы не парились в духоте, велела ехать на Марну и хорошенько отдохнуть в Нуази-ле-Гран.

В Нуази-ле-Гран у матери Марии был дом, снятый под санаторий для туберкулезных

больных. Но во время войны дом почти пустовал, там селились и жили от случая к случаю. Места было много, мы с радостью приняли это предложение.

Это был чудесный месяц отдыха от всего. От войны, от оккупации, даже от голода. В Нуазиле-Гран все было намного дешевле, а по летнему времени появились фрукты и овощи. В отличие от дома на Лурмель здесь было тихо, жизнь текла размеренная, отрешенная.

Большую часть времени мы пропадали на реке. Марна текла полноводная, в лугах, среди зарослей краснотала и ольховника. В травах качались невинные полевые цветы, пахло шалфеем и пижмой. По вечерам возле самого берега, в сырости, набирала силу и забивала все дневные знойные запахи душистая мята. В перелесках можно было отыскать куст лещины и полакомиться молочным орешком, вынув его из шершавого, с фестоном по краям, нежно-зеленого стаканчика.

Я посоветовалась с местным доктором, и он позволил, не увлекаясь, конечно, купаться в самые жаркие часы дня. Вода была теплая, парная. По утрам нас будили сладкие песни малиновки и печальные жалобы иволги.

Однажды Сережа показал мне одного жильца. Пожилого человека с бородкой. Он снимал комнату в дальнем конце дома, жил нелюдимо, ни с кем в знакомство не вступал, к нему в компанию тоже никто не навязывался. Часто мы видели его сидящим на берегу в широкополой белой панаме. Он мог часами глядеть на тихо бегущую реку.

– Знаешь, кто это такой?

– Нет.

– Бальмонт.

– Какой Бальмонт? Тот самый: «Заводь спит, молчит вода зеркальная»?

Я стала приглядываться к знаменитому поэту, но так, чтобы наш сосед не заметил повышенного интереса.

– Слушай, – толкнула я под локоть Сережу, – давай познакомимся. Ему скучно одному.

– Неудобно, – поежился он, – человек явно ищет уединения, а мы к нему полезем знакомиться. Неудобно.

Так мы и не познакомились с Бальмонтом, а вскоре он уехал в Париж.

Изредка нас навещали друзья. Приезжали Вася Шершневу, Славик Понаровский. Славик и Вася с шумом бросались в воду, долго плыли под водой, выныривали и начинали ухать и переворачиваться, как водяные черти. Я уходила кормить ребенка, а мужчины оставались на берегу и о чем-то серьезно толковали.

Странные это были визиты, без жен, без детей, хотя Нина вполне могла привезти мальчиков, а Ирина Шершнева – четырнадцатилетнюю дочь. Но когда я спрашивала у Сережи, почему так, почему они приезжают одни, он отмахивался.

– Оставь, нам тоже иногда хочется поговорить о своем.

– О чем о своем?

– Да ни о чем особенно.

И прекращал разговор. Если бы я не была так занята ребенком, я бы непременно выпытала у него, о чем они там говорят, в уединении на берегу реки. Но выяснилось это все гораздо позже.

В начале августа отпуск кончился, мы вернулись домой отдохнувшие, загорелые, а дочь повзрослела ровно на один месяц.

На Лурмель нас ожидало радостное событие – крестины. Крестным отцом позвали Васю Шершневу, крестной матерью по уговору стала Татка. Крестил Викторину Уланову отец Дмитрий.

По такому случаю умудрились достать бутылку чистого спирта, соорудили закуску и наvertsели фальшивые пельмени. Сидели у Клепининых, у них было просторней, а народу набралось много. Была матушка, был Данила Ермолаевич, Любаша, все крестные. Было очень

весело. Отвыкшие от крепкого спиртного, мужчины слегка захмелели. Отец Дмитрий раздурманился и дирижировал, а Сережа и Вася Шершневы пели:

По маленькой, по маленькой,
Чилим-бом-бом, чилим-бом-бом...

В соседней комнате мирно спали дети. Мы с Тamarой Федоровной по очереди бегали на них смотреть, возвращаясь, успокаивали друг друга.

– Спят?

– Спят, что им делается.

В сентябре мы получили Декларацию о вступлении нашей дочери во французское гражданство.

Других особых событий лето не принесло, если не считать начавшихся на Лурмель воскресных чтений. Собирались в столовой, за накрытыми для видимости столами, слушали приходящего лектора. Это напоминало лекции на Монпарнасе, но тогда и места было больше, и народу набивалось в зал до отказа. А тут человек двадцать...

Чаще других приходил с лекциями Николай Александрович Бердяев. Я смутно помнила его. По молодости его доклады тогда казались трудными, непонятными, и мы частенько убегали с них в кино. А был Николай Александрович корректный, с седой бородкой клинышком, с цепким и, как мне казалось, немного сердитым взглядом. Старичок так и сверлил тебя черными глазами, стараясь вдолбить истину в твою глупую голову. Теперь-то я могла бы, и понять больше, и кое-что усвоить, но снова его старания зря пропадали для меня. У меня был на руках грудной ребенок, и мне было не до проблем русской интеллигенции, на которых Николай Александрович специализировался.

Между вечерним купанием и кормлением Сережа все эти проблемы подробнейшим образом пересказывал, держа наготове чистую пеленку или убирая за нами воду из цинковой ванночки. Ника орала по случаю изъятия из теплой воды, жадно прикикала к груди, мяла ее розовой лапкой и сосала, посапывая и кряхтя от усердия. Убедившись, что у нее все в порядке, я поднимала глаза и спрашивала:

– Ну, и дальше что?

– Так вот, понимаешь, он убежден, что русская революция была закономерным явлением...

И смех, и грех.

Однажды уложила Нику спать пораньше и решила пойти послушать. Спустилась вниз и все-таки опоздала. Лекция закончилась, все разошлись, лишь в холле стояли небольшой группой, взяв в кольцо Николая Александровича, матушка, отец Дмитрий, Константин Мочульский, Сережа, кто-то еще... да, и Данила Ермолаевич. Обсуждали только что услышанное, то ли спорили с Николаем Александровичем, то ли высказывались в дополнение к его мыслям. Я приблизилась, стала возле Сережи. Говорил Данила Ермолаевич.

– Но почему обязательно, если я сижу и пишу книгу, я при этом граблю трудовой народ? Я что, не тружусь? Однако лужок скосить – это труд, а ночь просидеть с пером в руке – не труд. Да ей-богу, право, с косою лужок пройти легче! А на горбу у нашего народа я никогда не сидел. И скажите на милость, почему вдруг пьяный бездельник, по-вашему, нравственной любого ученого или писателя?

– Дани-ила Ермолаевич! – разводил руками Николай Александрович, – мы совершенно не о том говорим...

Ох, как это было знакомо по разговорам с мамой, по спорам в спорт-группе! Я посочувствовала Даниле Ермолаевичу и почему-то вспомнила русского донского казака Федю. Представителя из народа, так сказать. Развеселилась, прижала пальцы к губам, чтобы не

засмеяться, но матушка заметила.

– Вы чему улыбаетесь, Наташа?

Я смутилась и коротко рассказала историю с Федей, как Раиса Яковлевна прятала его, а он украл у нее золотую брошку. Оттого, что смущалась, рассказала плохо. Но Данила Ермолаевич понял, густо захохотал, откидываясь корпусом и показывая желтые от табака зубы.

– Вот вам! Вот вам! Казуня-то не промах! Брошку у благодетельницы царапнул – и был таков! Народец, я вам доложу.

– Это, Данила Ермолаевич, частный случай, мы не о том говорим, – вскипел Николай Александрович. – Вы, как всегда, уводите в сторону. К исключению из правил. Народники...

– Я не люблю народников, увольте.

– Он неисправим! – развел руками Николай Александрович и отдал общий поклон. – Благодарю, господа, за внимание, до встречи в следующее воскресенье, – и вдруг глянул на меня. – А вам я бы порекомендовал ходить на лекции.

Я кивнула совершенно уничтоженная, но он вдруг незаметно от остальных лукаво подмигнул мне и направился к выходу. Матушка шла по правую руку от него, благодарила. Распрощавшись на пороге с Николаем Александровичем, вернулась к нам.

– Ты, Данила, не можешь удержаться, чтобы не сердить Николая Александровича.

Данила расшаркался.

– Слово чести, больше не буду. Но, тем не менее, скажу. Я глубоко уважаю Николая Александровича, но если бы в середине прошлого века умственный труд был приравнен к труду физическому, никаких бы революций не было.

– Это почему же? – разжал губы Мочульский.

– А потому, что с интеллигенции был бы снят комплекс вины. Это говорю вам я, человек и пахущий землю, и пишущий книги.

Поговорили еще немного и стали расходиться. Осталось нас всего четверо. Матушка, отец Дмитрий, Сережа и я. Данила Ермолаевич прежде остальных ушел. Я чувствовала себя совершенно чужой на этом собрании таких умных, таких образованных людей. Они словно возвысились надо мной, стали непостижимо далекими. Я корила себя и дала зарок никогда не высовываться с неуместными воспоминаниями.

– Ну, Сергей Николаевич, – спросила матушка, – сегодня вам ответили на ваши вопросы?

– Я одного не могу понять, – поднял бровь Сережа, – если коммунизм был неизбежен, если даже такие люди, как Николай Александрович, в известной мере оправдывают большевиков, ценя их, главным образом, за сохранение России, то почему мы до сих пор сидим в Париже, а не едем домой? – он заторопился, предупреждая возражения. – Понимаю: война, оккупация. А до войны? Ведь ехали многие. А мы просидели, прождали. Чего мы ждали?

– Хотите откровенно? – спросила мать Мария. – В Россию, скорее всего, я не смогу возвратиться. Очень этого хочу, но не смогу. И сколько бы мы ни оправдывали большевизм в теории, на практике не примем главного – отрицание христианства.

– И террора! – раздался голос Данилы Ермолаевича.

Оказывается, он не совсем ушел, и последние слова, стоя на лестнице, слышал.

– Да разве не было белого террора? – удивилась матушка, оборачиваясь. – Да разве ты, Данила, не знаешь, что такое белая контрразведка и что там, в застенках ее, творилось? Давайте будем справедливы и воздадим всем поровну. Но как очиститься от такого греха вне христианства?

Я боялась, что Сережа пустится в спор о религии, но он молчал. Матушка сняла очки протереть платком, шурилась, не видя.

– Я, так же, как Николай Александрович, души своей на всеобщее равенство не отдам. Ибо в равенстве уничтожение духа. Одежду отдам, последний кусок хлеба отдам. Кров разделю. Но

дух... это единственное мое, что мне в этом мире принадлежит. Вот на этой почве мы с коммунистами никогда не сойдемся.

Она надела очки, простилась с нами и скрылась за дверью своей комнаты.

– По домам? – спросил отец Дмитрий.

Мы отправились наверх по домам. Но пока поднимались, продолжали начатый разговор.

– А я, пожалуй, и равенство приму, – задумчиво глядел на ступеньки под ногами Сережа, – уж больно неравенство... – он замялся в поисках нужного слова.

– Обрыдло, – подсказал Данила Ермолаевич.

– Вот именно, именно! В точку. В самую что ни на есть точку, Данила Ермолаевич.

В один из обычных дней на кухне царил необычайное оживление. Жарились котлеты из привезенного от Данилы Ермолаевича мяса. И вдобавок к такому знаменательному событию происходило еще нечто странное. Матушка шушукалась с Ольгой Романовной, лица у обеих были озабоченные, обе металась из канцелярии в комнату Юры с какими-то свертками, спускались, заходили в комнату под лестницей, снова несли что-то наверх, и весь этот репертоар имел радостный оттенок.

Они пропустили время обеда, явились в столовую прямо под Серезин выговор и рассердили его еще больше, когда матушка начала подлизываться:

– Как хотите, Сергей Николаевич, а нужно выкроить еще одну порцию.

Сереза рассердился.

– Да где же я возьму еще порцию? Все до кусочка выверено.

– Если не получится, – заторопилась матушка, отдайте мою. Очень нужно накормить одного человека.

– Какого еще человека? – метнул искры Сереза.

Матушка воровато оглянулась, притянула к себе Серезу через окошко раздаточной:

– Пришел один... солдатик... воин. Русский! Настоящий! Из плена бежал!

– Елки зеленые! – радостно вскрикнул Сереза и стал поспешно накладывать тарелку. Матушкину, свою ли порцию – это уже было неважно.

А через некоторое время все в доме знали, что в комнате у матушки прячется бежавший из плена советский солдат. Ванюша.

Старушки одна за другой подкрадывались к лестнице, и когда приоткрывалась дверь, заглядывали в комнату любопытным глазом, умильно улыбаясь, отходили на цыпочках.

– Молоденький какой... солдатик... наш.

Ванечка и вправду оказался совсем молоденьким, крепким, коренастым, с круглым добродушным лицом. Как многие советские солдаты, попал в плен в самом начале войны и сидел в лагере на территории Франции. Каким-то образом ему удалось бежать. И вот, передвигаясь по незнакомой стране, без языка, он чудом добрался до Парижа и смешался с толпой. Несколько дней блуждал по городу, изображал глухонемого, ночевал в метро, пока случайно не набрел на печально знаменитый особняк жеребковской команды.

Глянул – вывеска. Написано по-русски. Раз по-русски, значит свои. Торкнулся, его пустили. И первому встречному фашистуге он выложил свою историю. Тот выпучил глаза, опомнившись, завел в комнату:

– Посидите, а я сообщу куда следует.

Сел Ванечка на край стула, огляделся. И не понравилась ему эта комната, хоть волком вой. Хорошо, догадался задрать голову. А над столом, в золоченой раме, писанный маслом во весь рост, Адольф Гитлер собственной персоной. Тьфу ты, незадача! Не те, стало быть, русские.

Ванька к двери – дверь заперта. Он к окну. Сорвал задвижку, благо первый этаж, сиганул в кусты, смял клумбу с какими-то цветами и давай бог ноги.

– Что же это у вас в Париже какие русские! – выговаривал он матушке, а та виновато опускала глаза, стыдясь этих русских. Она оправдалась лишь тем, что таких русских в Париже немного.

Убежал, значит, из жеребковского особняка Ванечка. Снова скитался, снова ночевал где придется, каким-то чудом не попал в облаву, перемазался, зарос, оборвался, тянул в булочных руку за милостыней, нечленораздельно мыча. Дивно и страшно было ему одному в огромном и непостижимом Париже. На счастье, набрел на улице на двух мужчин, говорящих по-русски. Пристроился идти следом, долго сопровождал, пока не убедился, что эти по-настоящему свои, не подкачают. Заговорил. Они не подкачали и после некоторого раздумья отвели солдатика на Лурмель.

Два дня Ванечка отсыпался в Юриной комнате, но долго держать его в доме было опасно. Тогда Сережа и Анатолий переправили его на ферму к Даниле Ермолаевичу.

13

Еще о Ванечке. – Первая елка. – Сталинград. – Аресты

Прошло полтора месяца. Наступила теплая благодатная осень. Отправился раз Сережа на ферму к Даниле Ермолаевичу. От пригородного поезда до места было далековато, но Сережа любил прогуляться. Поле, тропинка, кругом ни души. Иной раз пристраивался покурить под одиноким вязом, привалившись спиной к шершавой коре.

В этот раз расслаживаться не пришлось. Он услышал голос. И голос пел. В чистом французском поле кто-то горланил во всю силу молодых легких:

Выходи-ила на берег Катюша,
На высокий, на берег крутой.

Не разбирая дороги, Сережа помчался на голос, доносившийся из ближнего стожка. Там, раскинувшись и подмяв под себя клочок сена, лежал Ванечка и самозабвенно распевал «Катюшу».

– Ну, Иван! – только и сумел вымолвить Сережа.

Ванечка смолк, глаза в сторону.

– Не могу я у вас. Наши там воюют, немца бьют. А я... на всем готовом...

С тех пор стоило на ферме появиться матушке, он начинал уговаривать:

– Мне только до линии фронта добраться, понимаете? А там я уже буду знать, что делать. Я линию фронта перейду. От Гитлера из лагеря ушел, а тут... Ползком, на брюхе... Ну, придумайте что-нибудь, а!

В то время формировался добровольный отряд строителей на оккупированных в России землях. И вот матушка и Ольга Романовна, выполняя Ванюшину волю, умудрились записать его в этот отряд. Выправили документы, научили как себя вести. Через некоторое время он уехал довольный, бодрый, полный надежд. При расставании сказал матушке:

– Не бойся, мать, доберусь. Раз сказал – исполню. Жди обратно, с победой! – и поклонился глубоким русским поклоном.

Уехал... А мы до сих пор гадаем: добрался – не добрался?

Отправили Ванечку, и жизнь вошла в привычную колею. Надо сказать, довольно скучную и однообразную. Разве что нам с Тamarой Федоровной скучать не приходилось. То пеленки плохо сохнут на протянутых в ванной комнате веревках, то штанишки вдруг все стали малы, надо изворачиваться, искать материю, шить новые. Сережа думать позабыл о несостоявшемся сыне, влюбился в свою Нику и всегда больше, чем нужно, волновался, если случалось ей

закапризничать. Тридцатого декабря ей исполнилось восемь месяцев.

Мы решили устроить дочке елку. Первая елка! Над нами посмеивались. Маленькая, ничего не поймет. Но матушка принесла целую коробку елочных игрушек. Я побежала и купила маленькую пушистую елочку.

Елка – хорошо, но надо же и подарить что-то. До войны, начиная с Рождества, все магазины были завалены игрушками. А как украшали витрины – сказка! Это были целые выставки, настоящие художественные произведения. Ребятишек специально водили, и они смотрели широко распахнутыми глазами на кувыркающихся зайцев, на кукол, на клоунов, бьющих в барабаны. А какие были обезьянки и плюшевые мишки! И все плясало, крутилось под веселую музыку, несло по кругу в шустрых кукольных поездах с цветными вагончиками.

Теперь витрины были мертвы, в магазинах ничего не было.

Мне повезло в крошечной захудалой лавочке. Сетуня на некачественный товар, продавец подобрал для нас резиновую лошадку с пищалкой на животе, маленький пестрый мячик и здорового медведя с плоской рожей. Был он худосочный, тощие лапы торчат в разные стороны, светлая шерсть с зеленоватым оттенком. Сережа долго вертел мое приобретение.

– Ребенку не показывай, напугаешь.

– Глупости, – отмахнулась я и села на кровать, где среди подушек восседало наше сокровище.

Ника долго разглядывала странное подношение, колупала стеклянный глаз, колотила по мишкиному туловищу ладошкой, потом вытянула губы и вдруг явственно произнесла:

– Вуф!

Сережа рассмеялся, покрутил головой и ушел на кухню, а я спрятала мишку до праздника. Так он потом и назывался – Вуф.

Новый год праздновали неожиданно для самих себя весело, всем домом в столовой. Разговоры шли все об одном. Дела у немцев были неважные, наши колотили их по первое число. Мы пили за скорую победу. И через месяц наши чаяния сбылись.

Было поздно, я уже спала, когда раздался стук. Сережа открыл, в комнату вошла взволнованная мать Мария. Мы испугались:

– Что случилось?

Она обняла Сережу:

– Победа! Наши отстояли Сталинград!

Следом за матушкой шла Софья Борисовна, крестилась сухонькой рукой:

– Услышал Бог наши молитвы, помог одолеть извергов!

Матушка отмахнулась:

– Оставь, мама, при чем тут Бог? Русские солдаты победили!

Странная она все-таки была монахиня.

На следующий день отец Дмитрий служил благодарственный молебен. Народу в церкви было, как на Пасху. Гремел хор Потаржинского, свечи сияли. И когда раздалось привычное: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа», – единый вздох пронесся по церкви, и огоньки на свечах наклонились, затрепетали. Все было: улыбки, глаза, наполненные слезами, и привычные слова молитв, воспринимаемые будто заново, будто открывался прежде сокрытый смысл. А когда на басах Потаржинский, постепенно расширяя голос, грянул Многая лета благословенному русскому воинству – мороз по коже прошел, каждая жилка дрогнула. И шевельнулись напряженно стоявшие, и словно в самый великий день православных стали целоваться и поздравлять друг друга и расходиться по домам в радости, в ожидании скорых перемен.

Но словно в насмешку, после счастливых дней посыпались беды. Сначала по дому прокатилась волна мелких бытовых неприятностей. У кого-то в комнате засорился дымоход. У

старушки Воробьевой пропал кусок душистого мыла. Ходила, жаловалась, какие кругом нехорошие люди: вот оставила по старческой памяти мыло в ванной, и кто-то воспользовался. Через день мыло положили на место, но Воробьева снова была недовольна, читала надоедливые морали.

Дом голодал. С продуктами стало совсем плохо. Я стала бояться за молоко. Рациона из кормовой репы и безвкусного кукурузного хлеба нам с дочкой явно не хватало.

Однажды Ольга Романовна достала по случаю партию парниковых перцев. Сережа на радостях нафаршировал морковкой и рисом целую гору, а попробовать забыл. Перцы оказались жгуче горькими. Ольга Романовна плакала в канцелярии, кто мог – ел. Старушки два дня ходили, как птенцы, с открытыми ртами и тяжело вздыхали. Но все это ерунда.

Вот немцы после Сталинграда озверели окончательно. Облавы участились, над Парижем витал ужас от массовых расстрелов заложников. Свободной зоны давно не существовало, вся Франция была оккупирована. Усиливался голод. Но мы надеялись на скорую победу, мы верили. Заканчивался февраль сорок третьего года.

В конце месяца мать Мария и Сережа отправились на ферму к Даниле Ермолаевичу. Он собирался резать свинью, предназначенную для нашего дома. Уехали они на три дня, оставив хозяйничать на кухне Ольгу Романовну и Тамару Федоровну. Особых хлопот это не составляло, стряпня была несложной. Я возилась с детьми. Первый день прошел спокойно, а на следующий Ольга Романовна не пришла. Это было странно. Тамара Федоровна звонила ей на квартиру, но телефон молчал. На другую странность обратили внимание вечером. Вместе с Ольгой Романовной пропала Софочка. Но обсудить это исчезновение не успели. К девяти часам вечера к дому подъехала машина.

Их было четверо. Гестаповец в форме с иголки, переводчик в штатском, двое солдат. Немец чернявый, переводчик белобрысый, белесый даже, с неестественно светлыми бровями.

Солдаты остались в машине, эти двое вошли, и в доме поднялся крик. Боже, как он орал, как он бесновался, этот русский переводчик!

– Жидов прячете? Вы сами все жидаы!!! Расстрелять!!! Повесить!!! А это жидовское убежище стереть с лица земли!!!

Первым делом они ринулись с обыском в Юрину комнату. Собственно говоря, обыском в полном смысле слова это назвать было нельзя. Русский сунул профессиональным жестом руку в карман Юрино пальто, висевшего на вешалке за дверью, и вытащил сложенную вчетверо бумажку. И отец Дмитрий, и Тамара Федоровна, стоявшие тут же, и я – мы знали, что это за бумажка. Это было письмо от одной еврейки, исполненное благодарности за спасение. Юра еще отмечал сильно преувеличенные восторги и похвалы в свой адрес. По его мнению, он ничего этого не заслужил. Уничтожить письмо не успел или просто сунул в карман и забыл. И вот теперь переводчик потрясал перед Юриным лицом этой бумажкой и остервенело вопил:

– Видишь? Видишь? Одного этого достаточно, чтобы тебя вздернуть! Где твоя мать?

Юра молчал. Взбешенный переводчик повернулся к отцу Дмитрию:

– Где Скобцова?

Отец Дмитрий ответил, что мать Мария часто отлучается по делам церкви, иногда отсутствует несколько дней. Немец хранил важное молчание. Он наблюдал.

Следующая комната была наша. Переводчик пошел на меня, я вынуждена была посторониться.

– Кто тут еще есть, кроме вас?

Я молча взяла на руки ребенка.

– Где отец этого ребенка?

Я была на удивление спокойна.

– Я могла бы спросить об этом у вас. Он здесь не живет, он бросил меня.

На реплику расплакалась Ника. Умница, ласточка моя. Ну, тихо, тихо, ушел от нас папка, бросил нас папка.

– Будьте добры, отвернитесь, я должна покормить девочку.

Но словно меня не было, он отправился к шкафу и распахнул обе створки. Пошевелил вещи, повернулся ко мне.

– Покажите документы!

Не отрывая Нику от груди, не прикрываясь, – а пусть смотрит! – я открыла ящик, нашарила и дала ему свой вид на жительство. Не глянув, он вырвал его из рук и вышел в коридор.

– Верните документ! – рванулась я следом.

Он бросил через плечо:

– Завтра явитесь за ним в гестапо!

– Но у меня маленький ребенок, вы же видите!

Он повернулся ко мне, ощерился:

– Здесь, в этой жидовской богадельне, полно старух. Посмотрят.

Не моргая, смотрела я в его сивые глаза:

– И грудью накормят?

Отец Дмитрий отлепился от стены, подошел к немцу. На мое счастье, он хорошо знал немецкий язык. Отец Дмитрий заговорил с гестаповцем. Немец слушал со вниманием, наклонив голову. Немец сказал переводчику:

– Верните женщине документ.

Видно, не нужна была этому важному немцу растрепанная баба с грудным младенцем. Переводчик, не глядя, сунул документ. Он отправился к Клепининым, но оставался там недолго. Вышел, что-то сказал немцу, тот ответил. Переводчик показал пальцем на Юру.

– Одевайся, поедешь с нами. Заложником. Когда вернется твоя мать и сама явится к нам, тебя отпустят.

Юра поднял голову, глянул на отца Дмитрия, ничего не сказал, на минуту вошел к себе и вышел в наброшенном на плечи пальто.

– Вперед! – скомандовал переводчик.

Трое стали спускаться. Юра впереди, тонкий, с распавшимися на пробор волосами, спокойный.

Юру увезли, дом оцепенел. Первой, как ни странно, пришла в себя бабушка Софья Борисовна. Она позвала Анатолия и велела ему ехать к Даниле, там рассказать все как есть. Анатолий немедленно отправился на вокзал.

У Клепининых раскричался Павлик. Тамара Федоровна носила его, молчаливая, с плотно сжатыми губами. Отец Дмитрий обратился ко мне.

– Наташа, видите, Павлик капризничает, мне нужна помощь. Пойдемте со мной. Только оденьтесь теплей.

Я кивнула, побежала к себе, оделась, проверила еще раз спящую дочь и вышла в коридор. Отец Дмитрий ждал меня.

Мы спустились во двор и направились к церкви. Ни во дворе, ни у ворот никого не было. Отец Дмитрий отпер церковь, мы вошли внутрь.

Возле самого входа, в темном углу стоял шкаф с церковными документами. Мы зажгли свечу, отец Дмитрий придвинул стул, влез на него и стал шарить по крышке шкафа.

– Держите, – сказал он тихо и стал подавать мне узкие книги.

В них записывались сведения обо всех крестившихся. Я приняла у него три книги. Стараясь не шуметь, он слез со стула.

– Теперь разожжем печку.

Усадил меня с книгами на коленях возле печурки, скомкал бумажку, поджег и сунул на колосники. Озарилась чернота внутри чугушки. И мы стали быстро, лист за листом, сжигать книги с записями о крестившихся в церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Бумага была плотная, горела плохо, если хорошенько не смять. Дело делали молча, я ни о чем не спрашивала. И только когда все было кончено, когда догорел последний листок, и отец Дмитрий пошевелил кочергой пепел, и темнота навалилась и поглотила наш уголок, не меняя позы, я сказала:

– Вам надо немедленно уходить.

Он не ответил. Встал с корточек, положил руку на мое плечо:

– Пойдемте, Наташа, всё.

– Вам надо уходить! – взмолилась я.

Он покачал головой.

– И оставить Тамару с детьми заложницей? Нет.

Мы стояли лицом к лицу. Неожиданно для себя я попросила:

– Благословите, батюшка.

Он истово перекрестил меня. Я поцеловала его руку. Уходя, он задул единственную и ненужную теперь свечу.

А посланец Софьи Борисовны, Анатолий, ехал тем временем к Даниле Ермолаевичу на ферму. Он прибыл на место рано утром, и первым, кого увидел во дворе, был Сережа.

Тот поднялся с рассветом и возился возле сарайчика. По небу проплывала сплошная пелена, но ясным был воздух, и видно было далеко-далеко, словно раздвинулся горизонт, обнаружив за привычной чертой крохотные домики, окруженные печальными пашнями. И засмотрелся мой Сереженька в эту даль.

Он услышал – во дворе кто-то ходит. Брехнул и громыхнул цепью сторожевой пес, потом умолк. Сережа обернулся – Анатолий. Несчастный, понурый, черный. Они сошлись на середине двора. Не зная, куда деть трясущиеся руки, Анатолий все ему рассказал.

– Вы, Сергей Николаевич, сами идите к матушке. Я не смогу... – и отвернулся, плача и дергаясь плечами.

Сережа вошел в просторную кухню, где, поднявшиеся спозаранку, возились, начиная колбасы, матушка и Данила Ермолаевич. Матушка обернулась, вопросительно подняла брови.

– Там... Приехал Анатолий, привез дурные вести.

Мать побледнела, Сережа умолк.

– Что же вы, говорите, – чужим, словно осипшим на ветру, голосом сказала она.

– Был обыск, забрали Юру.

Мать пошатнулась. Если бы не Сережа и подскочивший Данила Ермолаевич, упала бы.

Поддерживая с двух сторон, они отвели ее в комнату. Позвали Анатолия. Мать узнала главное: сын взят заложником. Она слушала, сняв очки, опустив голову, сидя возле круглого стола в большой гостиной. Она согревала руки о стакан принесенного Сережей горячего чая, обхватывала этот стакан, сжимала его и снова отпускала ладони.

Много раз потом я выпрашивала у Сережи подробности этого страшного дня на ферме. И он добросовестно, по минутам, восстанавливал его в памяти, проклинал себя и недоумевал, как трое мужчин могли отпустить на каторгу, на смерть одну женщину. Чувство вины он нес через всю жизнь, умом сознавая, что вины ни на нем, ни на Даниле Скобцове, ни на Анатолии нет. Монахиню, матушку они могли бы удержать, даже силой. Мать единственного сына они удержать не могли. Не было у них такого права – удерживать мать своего сына.

Выслушав Анатолия, матушка спросила:

– В котором часу дневной поезд?

– Зачем? – удивился Данила Ермолаевич.

– Надо ехать в Париж, идти в гестапо.

– Лиза! – крикнул Данила Ермолаевич, и побледнел, и захлебнулся воздухом, и рванулся к ней. – Да ты отдаешь себе отчет?..

– А как, Данилушка?

Она всегда называла его или просто полным именем или по имени-отчеству, особенно на людях. А тут это: «А как, Данилушка?»

И сломала его, заставила сторбиться, постареть сразу на десяток лет. Он не мог научить ее, как поступать в этом случае. И он же был отцом арестованного мальчика, арестованного там, куда довела его мать.

Ах, он всегда был против! Ей, ей он не мог запретить ни уйти в монашество, ни делать того, что она делала во время войны. Да что запретить, когда он сам помогал ей, как мог. Но сын! А сколько он выговаривал ей за это излишне гуманное воспитание Юры! Все для других, все для людей. А для себя, хоть кроху какую, для себя когда же? Данила изредка ворчал, Данила большей частью помалкивал, а сын шел за матерью.

Нет, в том воспитании не было ничего аскетического, ничего надрывного. Господи, а дурачились они как! Однажды я стала невольным свидетелем их любимой игры. Матушка сидела на кровати, Юрка барахтался где-то за ее спиной среди многочисленных подушек, мотал длинными ногами, а она удерживала под мышкой его голову. Оба хохотали, красные, растрепанные. По правилам игры кто-то должен был первым лизнуть противника в нос.

Заметили меня, прекратили возню, уставились смеющимися глазами. Юра лукаво смотрел из-за широкого материнского плеча.

– Вот, Юра, – сказала матушка, – Наташа смотрит на нас и думает, что мы сумасшедшие.

– Она так не думает, – отозвался Юра, изловчился, лизнул-таки мать в нос.

– Так нечестно, нечестно, ты жулишь! – отмахнулась она.

Во время войны он просто помогал ей. Я не думаю, что у них были какие-нибудь душераздирающие уговоры, как действовать, как себя вести. Они вели себя так, как должен был вести себя всякий порядочный человек во время оккупации. Матушке нужен был помощник. Кто как не сын мог лучше всех помогать ей!

Мысль о том, что Юру могут и не отпустить, первым высказал Сережа. Анатолий, не спускавший с матушки умоляющего взгляда, встрепенулся:

– Матушка, не ходите к ним, пожалуйста, не ходите!

– Да как же не идти, Анатолий, голубчик? Как же не идти? Он – мой сын. Единственный. Я двух детей потеряла, еще и этого? Вы подумайте, как я смогу жить дальше, если у меня был шанс спасти моего ребенка, а я его не использовала? – она переводила взгляд с одного на другого. – Один шанс из тысячи вы мне оставляете, Сергей Николаевич?

Что он мог ответить? Один шанс на тысячу был. И Сережа попался в расставленную матушкой ловушку.

– Сергей Николаевич, вы мне оставляете один шанс?

– Да, – вынужден был согласиться Сережа.

Матушка с каким-то даже удовлетворением перевела дыхание.

– Вот видите, а вы хотели меня отговорить.

После этого она заторопилась, кинулась собираться, словно каждая минута пребывания Юры в гестапо была для нее лишним мучением, словно хотела скинуть она давящую тяжесть ожидания. Еле-еле уговорили ее не ехать дневным, а дожидаться вечернего поезда.

На некоторое время Сережа и Анатолий оставили матушку и Данилу Ермолаевича одних. Когда вернулись, они по-прежнему сидели за столом, выложив на скатерть праздные руки. Было в их лицах что-то уже не от мира сего.

Сережа и Анатолий ступали тихо, говорили шепотом. Сережа предложил пообедать.

– Да, да, – встрепенулась матушка, – надо хоть немного поесть.

И она заставила себя, принудила тело принять еду, чтобы не ослабнуть раньше времени. За столом делала распоряжения, давала поручения Сереже, просила, чтобы он обязательно растянул запас свинины как можно дольше. Радовало ее, что арендная плата внесена в срок, и теперь у жильцов дома не будет никаких неприятностей, просила Анатолия экономить уголь.

На закате они поднялись. Данила Ермолаевич и Анатолий ехали сопровождать матушку, Сережа оставался на ферме за сторожа и заканчивать все дела. Он вышел их проводить.

Перед тем, как спрятаться на ночь, солнце выпало из застывших на месте облачных верениц и пошло вниз, не озаряя их, слабенькое, февральское. Лишь там, где оно должно было коснуться земли, чистая полоска неба подернулась золотом да подсветились нижние края облаков.

Прощание было скупым и скорым. Сережа стоял у калитки, обтянутой мелкой сеткой, и смотрел, как они уходят. Вот они миновали с наружной стороны ограду, вышли на полевую дорогу. Они удалялись, о чем-то мирно разговаривали, и видно было, как матушка поворачивает голову то к одному, то к другому. Длиннее, чем пальто, подол рясы волновался вокруг ее ног.

Рано утром мать Мария явилась в гестапо. Ее сразу увели. Данила Ермолаевич долго ждал на улице, но Юру так и не отпустили. Постаревший, потерянный Данила Ермолаевич уехал на ферму сменить Сережу, отправить его с продуктами в Париж.

Сережа приехал на следующее утро, груженный двумя тяжелыми сумками. Он принялся хлопотать на кухне, Тамара Федоровна и Анатолий помогали ему. Я нянчилась с детьми, рассказывала Ладику всякие байки, по коридору, как неприкаянный, ходил взад-вперед отец Дмитрий, зажав в кулак бороду.

Часов в пять Сережа должен был ехать обратно на ферму. Так они договорились с Данилой Ермолаевичем. И вдруг ему расхотелось.

– Поеду утром, – заявил он, – а сегодня я должен встретиться с ребятами.

Я взбунтовалась.

– С какими еще ребятами?

– С Васей и со Славиком. Мы условились.

Я слышать ничего не хотела.

– Как это ты не поедешь! Пожилой человек будет ждать, волноваться. Что он подумает после всего? А крестному позвонишь с вокзала и отменишь встречу.

Мы крепко повздорили. Я не соглашалась ни на какие его доводы. Какая к черту может быть встреча! Я силком натянула на него плащ и буквально выставила за дверь. Злого, бухтящего что-то насчет ослиного бабьего упряма.

Не знаю, успел ли он дойти до метро. Ровно через десять минут после его ухода, в том же составе: с двумя солдатами, орущим переводчиком и гестаповцем – они пришли. Гестаповец отдавал скупые распоряжения, переводчик бесновался.

– Вас предали! Вас предал человек, сидевший с вами за одним столом! Он правильно сделал, этот человек! – кричал он в лицо Софье Борисовне.

На этот раз они пробыли совсем недолго. Взяли отца Дмитрия, еще одного, совершенно постороннего человека, сидевшего в гостях у знакомых, по фамилии Козаков. Взяли несчастного, ни в чем не повинного Анатолия. Позже мы узнали, что в тот же день на своей

квартире был арестован Пьянов.

Ко мне не заходили. Заглянули мельком, убедились, что в комнате, кроме меня и трех маленьких детей, никого нет, и ушли. Не выстави я по какому-то наитию свыше Сережу, его бы постигла та же участь.

Всю ночь мы просидели вдвоем с Тамарой Федоровной. Дети спали. Она строила планы, как ей хлопотать, как вызволить из беды отца Дмитрия.

Утром, только мы прикорнули, меня разбудили, позвали к телефону. Говорил Сережа. Сказал, что задержится до вечера. У Данилы Ермолаевича ночью был сердечный приступ, но теперь ему лучше. Я, обняком, дала понять о происшедшем у нас и сказала, чтобы он ни в коем случае домой не возвращался.

14

Бегство.– Друзья.– Мезон-Лафит

Не передать словами, как это было страшно – сидеть в разгромленном, пустом доме. Бедные старушки затаились, на первом этаже – полная тьма. Чтобы не сойти с ума от тоски и одиночества, Тамара Федоровна пришла ко мне. Сидела на кровати с Павликом на руках, баюкала его, уже давно уснувшего, смотрела, как Ладик помогает мне собираться. На всякий случай я решила собрать чемоданы.

Ладик важно вынимала из ящичков белье, несла и складывала на стуле стопочкой. В перерывах залезала в угол кровати, где копошилась среди подушек Ника, тетешкалась с ней. Тамара Федоровна машинально говорила:

– Не давай ей брать игрушку в рот, Ладик. Смотри, она грызет краску.

В разгар моих немного бестолковых сборов в дверь тихонько постучали. Мы с Тамарой Федоровной замерли. Я подкралась к двери, прислушалась. Да, там кто-то был. Приоткрыла, увидела в щелку Васю Шершнева и еще кого-то незнакомого поодаль. Впустила обоих. Вася первым делом спросил:

– Все тихо? Никого больше не было? Собирайся, Наташа, уходим.

Мы продолжили сборы уже более осмысленно, а Тамара Федоровна унесла малышкой подальше от шума. Сама она должна была переехать к родственникам на следующий день. Вася торопил:

– Давайте, давайте, внизу стоит тележка, есть еще помощник. Все, что можно, забирай, все поместится.

Наконец, тележка была нагружена, увязана припасенными веревками. Я бегом поднялась за дочкой. Делать по комнате прощальные круги, сидеть на дорожку было некогда. Наступал комендантский час. Тамара Федоровна из рук в руки передала мне упакованную, готовую к странствиям дочь. Обняла, обхватила руками обеих, всхлипнула.

– Храни вас Бог, девочки! Храни вас Бог! И пусть Сережа никогда не попадется к ним!

Улица была темна и пустынна. Если бы не краешек луны, вовсе было бы трудно ориентироваться. Один впрягся в оглобли, двое толкали тележку сзади. Я шла по тротуару с ребенком на руках.

До Шершневых было не так далеко. Повозка, груженная до предела, тяжело подпрыгивала на булыжниках. За углом нас ждали Сережа и Ирина.

Они приютили нас охотно, хоть квартира была мала, всего две комнаты. Мы прожили у Шершневых две недели, а потом нас забрали к себе Понаровские.

У Славика с Ниной было просторней, но и народу немало, да в придачу – сварливая

Нинкина свекровь. В последнее время Нина и Анна Андреевна особенно не ладили. Разногласия происходили главным образом из-за детей. У Анны Андреевны в любимчиках ходил Андрюша, а старший, Алеша, оказывался во всем виноватым и главным обидчиком. У Понаровских было шумно, нервозно, но было много и комичного.

Набожная Анна Андреевна учила Андрюшу молиться на ночь. Каждый день повторялась одна и та же сцена. Одетый в голубую пижаму с карманчиками, Андрюша стоит на коленях в кровати перед висящей в изголовье иконой. Над ним возвышается тощая и плоская Анна Андреевна, голова в папильотках. Молитву она упрощает, чтобы не возникало лишних вопросов.

– Повторяй! – поднимает она длинный палец. – «Отче наш, иже еси на небесах...» Вынь руки из карманов!.. «Хлеб наш насущный дай нам днесь...» А я тебе дам сейчас подзатыльник!

Мы со Славиком хихикали, а Нина злилась и, убирая посуду, нарочно гремела ложками.

Частые скандалы разгорались из-за детских игр. Алеша и Андрюша играют в войну. Алеша садится на табуретку. Он – немец. Андрюша подкрадывается к нему с деревянной кеглей. Он – русский солдат.

– Руки вверх! – кричит Андрюша и лупит Алешу кеглей по голове.

Алеша стоически переносит боль, падает с табуретки. Он убит. Потом они меняются ролями. Андрюша садится на табуретку, а Алеша подкрадывается к нему с той же кеглей. Но вместо того, чтобы упасть, Андрюша хватается за голову и поднимает дикий рев. На выручку мчится Анна Андреевна в развевающемся халате. Начинается большой скандал.

В такие минуты я исчезала с глаз долой в дальней комнате, а Нина потом приходила выговаривать накипевшее. Все это было знакомо по временам чулочно-петельной работы, но Нина уверяла, что Анна Андреевна за войну еще больше поглупела.

А Сережа целыми днями метался по Парижу в поисках неизвестно чего. Снять квартиру было невозможно, найти работу – еще трудней. Но нам определенно везло. Прямо на улице встретился ему знакомый. Коля Смирнов. Когда-то он ходил в спорт-группу, позже откололся. Разговорились. Не вдаваясь в подробности, Сережа рассказал, что остался без работы и без жилья. Неожиданно Коля взялся помочь.

Как выяснилось, у него появился крестный. Француз. Журналист. И очень богатый человек. В Париже у крестного имелась роскошная квартира, а под Парижем, в Мезон-Лафит, еще и вилла. Как раз в данный момент ему требовался туда сторож и садовник. Постоянно в имении хозяин, фамилия его была Трено, не жил, наезжал раз-два в месяц по воскресеньям. Коля обещал с ним переговорить.

– Не знаю, куда нас эти «сани» завезут, но если повезет, будет у нас и стол и дом, – так закончил свой рассказ об этой встрече Сережа.

А мы с Ниной посмеялись. Фамилия журналиста так и переводилась на русский язык: трено – сани.

Коля не подвел. В назначенный день Сережа отправился знакомиться с новоявленным крестным. Крестного не оказалось дома, но Сережу впустила горничная, приветливая, веселая бретонка.

– О, это вас прислал мсье Николя? Входите, входите, я в курсе дела. Но вам придется немного подождать, мсье Трено скоро придет.

Она усадила Сережу, сама, не переставая болтать, вытирала символическую пыль с натертой до блеска мебели.

– Вы не бойтесь, у мсье Трено можно работать. Он, правда, немного со странностями. – Тут она улыбнулась, сделала с хитрым видом значительную паузу, но неожиданно сменила разговор и спросила: – А хотите, я вам покажу что-то интересное?

Она прикусила румяную губку, воровато открыла дверь в соседнюю комнату и поманила

Сережу пальцем. Сережа поднялся заинтригованный. Люси (так звали горничную) шепнула:

– Там у него картины, целая коллекция.

Сережа вошел в комнату и остолбенел. Все стены от пола до потолка были увешаны не картинами, нет – православными иконами.

В драгоценных ризах, без риз, большие, маленькие, старинного письма Иисусы и Богоматери укоризненно взирали на Сережу со стен. Люси испуганно потянула его за рукав:

– Идемте, кажется, он пришел.

Это был хороший выход из положения. Возможность исчезнуть на некоторое время из Парижа подвернулась весьма кстати. Хлопоты Данилы Ермолаевича и Тамары Федоровны ни к чему не привели. Об Ольге Романовне и Софочке не было ни слуху ни духу, а Юру Скобцова, несмотря на обещание, немцы не выпустили. Данила Ермолаевич посоветовал нам как можно скорее ехать в Мезон-Лафит.

По договору с Трено Сережа должен был ухаживать за садом и огородом, деля урожай пополам с хозяином. Кроме того, Трено положил ему небольшое жалованье. Деньги мизерные, но они нас не очень интересовали, все равно покупать было нечего. Нас привлек огород. Мои обязанности оговорены не были, нанимался один Сережа, а я вроде как при нем.

Вилла в Мезон-Лафит оказалась очаровательной. Двухэтажный дворец с башенками, окруженный высокими каштанами. В наше распоряжение была предоставлена странная постройка у ворот.

На просторном мощеном дворе стояло это сооружение в два этажа, вытянутое в длину. Внизу когда-то располагались стойла для лошадей. Мезон-Лафит до войны был местом скачек и лошадиников. Теперь здесь жили куры, пара уток, а в дальнем конце – белая коза Нэнэт.

По второму этажу тянулся длинный коридор и вдоль него четыре комнаты. В первой мы устроили спальню, во второй кухню, в третьей кладовку. Четвертая комната оказалась запертой. Сквозь стеклянную дверь там виднелся висящий под потолком огромный копченый окорок и полки, уставленные многочисленными коробками с сахаром. Коричневые коробки были закрыты, но я знала, что там внутри находится тонко распиленный, блестящий, как снег, рафинад. Вид окорока и сахара доводил меня иногда до иступления, до галлюцинаций. Я совершенно отчетливо ощущала запах чудесной розовой ветчины.

Постепенно все устроилось. Мы были в безопасности, у нас была крыша над головой и перспектива грядущего урожая. Весна летела на всех парусах, деревья набирали почки. Я задала Сереже вопрос, вертевшийся на языке с самого начала:

– А ты умеешь огородничать?

Трено снабдил нас целой сельскохозяйственной библиотекой, но Сережа больше полагался на собственное чутье. У него обнаружили удивительную способность к сельскому хозяйству и любовь к земле. Он бережно убирал из-под лопаты розовых дождевых червей, грядки получались ровные, каждый комочек земли разбит, нежные ростки рассады посажены в лунки. Навел он порядок и в огромной, как ангар, оранжерее. И под ласковыми его руками все растения прижились, потянулись к солнцу.

Каждое утро выходили мы в огород, с коляской, одеялами, игрушками. Здесь же я кормила дочь и укладывала спать в тени. Под весенним солнышком лица наши покрылись загаром, руки загорели от земли, дышалось легко. И только по вечерам, когда завершались дневные хлопоты, неугомонная память возвращала нас в Париж. Мы подолгу не засыпали, ворочались и гнали прочь все, подсказанное услужливым воображением. Ужас гестапо, допросы... Они были там, матушка, Юра, отец Дмитрий, Пьянов, Анатолий, случайно попавший в облаву Козаков и, кто знает, может быть, и Ольга Романовна, и чудаковатая Софочка

А мы спаслись. А нас теперь это все не касается. И что за наказание, что за треклятая мысль:

слава Богу, не меня! Мы так не думали, но так выходило. И оттого наша жизнь, сохраненная, выхваченная из рук палачей в самый последний момент, казалась как бы и украденной. Единственный, кто оправдывал наше существование в безопасности, наш крохотный, наш смешной человек.

До года я всеми силами старалась сохранить льготную карточку кормящей матери. Местный доктор поглядывал неодобрительно, но карточку продлевал. У него у самого было восемь душ детей. Но ровно в двенадцать месяцев моя распрекрасная мадмуазель отказалась от груди. Куснула сосок до крови, выгнулась дугой и закатила истерику. Вскоре она сделала первые шаги и превратила родителей в нервных охотников за без усталости лезущим в самые неподходящие места ребенком. Появились в ее словаре и первые слова. А когда она потянула меня куда-то, приговаривая: «Ручку дай», – мы поняли: ребенок заговорил по-русски. И мишка Вуф стал называться Вуфом вполне осмысленно.

Девка наша росточку была небольшого. Куры во дворе приходились ей выше пояса, и несколько не боялись, когда она подходила к ним с горсточкой зерен. Она сыпала угощение и оборачивала к нам счастливую мордашку с круглыми карими глазами. Нам с Сережей наша дочь ужасно нравилась. И пусть у нас не было никакого педагогического опыта, думается, мы воспитывали ее правильно. Она росла на редкость не капризным, спокойным ребенком, готовым рассмеяться в любую минуту, готовым отдать все, что ни попросишь. Какие могут быть педагогические приемы, если человек просто счастлив! Вот мы и старались всеми силами поддерживать в ней это состояние духа и особенно не мудрили.

Неприятные стороны Мезон-Лафит стали проявляться месяца через два. Люси просплетничала, что мсье Трено, конечно же, никакой не крестный, а самый обыкновенный гомосексуалист, что он купил за деньги красивого мальчика. К нам это никакого отношения не имело, хотя и было довольно противно. Хуже другое. Только-только начали поспевать долгожданные огурцы и помидоры, как милейший хозяин стал навещать на виллу каждую субботу и привозить оравы гостей. Вся шайка стаей неслась в огород, самодовольно демонстрируемый в качестве местной достопримечательности, набрасывалась с хохотом на грядки, обрывала все подряд. После них, как после стада бегемотов, оставались вытоптанные, изломанные стебли, надкушенные и брошенные огурцы. Этим легкомысленным людям наши несчастные овощи были совершенно не нужны, для них это была забава, а мы остановившимися глазами смотрели, как гибнут наши усилия, наши надежды.

Позже мы смекнули, что надо делать. Накануне прибытия хозяина шли в огород и срывали все мало-мальски созревшее. Тогда он стал удивляться, отчего это на его огороде все так медленно произрастает. Сережа с невинным лицом разводил руки:

– Я не господь бог, мсье, мое дело посадить.

Ухаживая за курами, мы брали свою долю яиц и честно оставляли Трено его долю. Через некоторое время начались придирки, отчего куры плохо несутся. Однажды он приехал в воскресный день один, без гостей, и битых шесть часов просидел в курятнике, наблюдая за курами. Сережа буркнул:

– Скоро сам от натуги яйцо снесет.

Потом начались фокусы с козой. Нэнэт была беременна, но освободиться от бремени не желала. Трено почему-то взвалил вину на нас. Как-то он приехал, и они с Сережей повели упрямую козу к местному ветеринару. Трено плотным шариком открывал шествие, следом перебежками двигался Сережа с козой на веревке. Она то рвалась вперед, то вдруг тормозила с разбега, раздвигала передние ноги и опускала рога к земле.

Ветеринар с умным видом долго разглядывал Нэнэт, щупал, ходил вокруг нее и заявил, что окотиться она должна со дня на день. Возвратив незадачливую родильницу в стойло, Трено долго и наставительно внушал нам, как мы теперь должны не спать ночей, караулить Нэнэт и

бережно принять козленка.

Забегая вперед, скажу. Она не только не родила в ближайшие дни, но и через полгода так и не разродилась. Она была такая от природы, а я, в совокупности со всем и на козьей истории в частности, возненавидела Трено лютой ненавистью. Я даже не подозревала за собой такого, чтобы вот так непримиримо, последовательно ненавидеть ближнего. Я ненавидела все. Толстую, широкозадую, с покатыми плечами, его фигуру, длинный нос, близко поставленные глазки, манеру говорить шлепая губами и присюсюкивая, жеманные жесты. Все. Все! Я способна была при случае убить его без малейших угрызений совести.

Со временем выяснилось, что в мои обязанности все же входит помогать Люси во время большого приема гостей. Глупо, но по молодости меня это прислуживание страшно унижало. Еще хорошо, Люси была славной женщиной. Она всегда старалась подкинуть нам чего-нибудь съестного, разумеется, тайком от хозяина. Тот готов был и ни на что не пригодные объедки увезти с собой в Париж. Сережа как-то спросил:

– Люси, вам не противно у него работать?

Люси сморщила короткий носик.

– Что делать, работать где-то надо. Он еще не самый худший. И к женщинам не пристаёт. Женщины ему не нужны.

Сережа заржал и тут же поинтересовался:

– А к слову, Люси, кто из них кто?

Люси вдруг расставила ручки, как крылышками помахала ладошками, фривольно вильнула бедрами:

– Ну, разумеется, мсье Трено – дама! – прогнусила она тонким голоском, и первая принялась хохотать.

В довершение всех благ выяснилось, что мсье Трено якшается с немцами.

– Мало педераст, еще и коллаборационист! – плюнул Сережа и ушел, чтобы не высказаться круче.

Однажды я помогала Люси в большом доме. И вдруг уронила и расколола небольшой кувшинчик из умывального прибора. Чуть не заплакала. Он же заест, Трено! Люси рассмеялась:

– Живо уберите и унесите остальное. Уверю, он даже не заметит.

И сунула в руки мыльницу и какую-то коробочку дешевого фаянса. Эти вещи были у нас потом много лет как памятка об удивительной эпопее.

Через некоторое время Трено заявил:

– Я уезжаю. Надолго. Возможно, на полтора-два месяца.

Это было лучшее из всего, что он мог придумать. Но за доброй вестью последовала другая, похуже. Трено привез с собой собаку, щенка-подростка, помесь овчарки с чем-то.

– Это будет сторож, – сказал Трено. – По нынешним временам сторож просто необходим.

Мы ничего не имели против собаки. Но чем ее кормить? Не помидорами же.

– А я привез мешок галет, специально предназначенных для собак. Запаса хватит надолго, а Дик эти галеты очень любит.

И следом за Диком выволок из кабины мешок с галетами. Мы думали, это все, но он снова полез в машину, выставив зад, и вытащил еще одно живое существо – необычайно крупного селезня, красивого, с наростом на клюве, с отливающими золотом и радужной синью крыльями. У Трено уже были две утки, обыкновенные, беленькие, но ему было мало.

Трено укатил, а мы стояли у ворот и смотрели вслед пыльному шлейфу машины. Возле ног крутился нескладный, с глупой мордой, Дик, красавец селезень рвался из рук, бил крыльями. Сережа сунул его под мышку.

– Ну, – сказал он зло, – сделайте тете ручкой и, помолчав, добавил: – В Россию, небось,

сволочь, поехал, за иконами.

15

*Зверинец.– Подозрение.– Неожиданная
развязка.– Пьер Макси.– Немец.–
Марк Осоргин.– Снова Лурмель*

Зверинец! Более бестолкового существа, чем этот Дик, я не встречала. Собаки, как и люди, бывают разные. Умные, глупые, добрые, злые. Но этот был совершенный дурак какой-то. Вечно он что-нибудь переворачивал, вымазывался по уши какой-то гадостью, разрывал в огороде ямы, влез на клумбу и отравил ценные фуксии. Тут уж Сережа не выдержал, схватил палку и давай гонять пса. С воплями кинулся Дик под ноги остервеневшей от нескончаемых требований родить козленочка Нэнэтке. Та взяла его на рога и сломала лапу. Пришлось тащить этого болвана к ветеринару, накладывать шину, выхаживать, утешать Сережу с его угрызениями совести. Он садился на корточки перед Диком, гладил его:

– Дурак ты, дурак, барбосина несчастная. Ты зачем на клумбу полез, а? Видишь, что получилось, конфуз какой.

Молодые кости быстро срослись, лапа стала как новенькая, но кормить собаку было нечем. От замечательных специальных галет он наотрез отказывался. Сережа понюхал галету и заявил, что на месте Дика он тоже не стал бы их есть, и тем самым признал за ним какие-то проблески разума. Следом началась трагедия с утками.

Царственного селезня наша пара приняла в штыки. Уткин законный муж лупил самозванца, невзирая на его гигантские размеры, утка шипела, вытягивая шею. Бедный красавец стал искать покоя в курином обществе, но и там его не особенно жаловали.

В отсутствие Трено в дом зачастил Колечка. Привозил ярко накрашенную брюнетку. Ублажив даму, приходил к нам. Слезно упрашивал, чтобы мы не проговорились Трено. Мы обещали. Сережа не утерпел, чтобы не кольнуть:

– Ты что же, второй фронт открыл?

Коля мялся.

– Вы только Трено не проговоритесь.

– Вот уж сексотом я никогда не был! – рассердился Сережа.

В один из воскресных дней к Трено прибыли гости. Они лихо зарулили во двор, утка не успела вывернуться и погибла под колесами. Я расстроилась ужасно. Мужчина за рулем извинялся, обещал уладить инцидент, а его дамочка смеялась:

– Подумаешь, утка, стоит ли переживать из-за такого пустяка.

Узнав, что Трено нет дома, развернулись и уехали, а мы остались с дохлой уткой.

Утку закопали под кустом жасмина, но трагедия на этом не кончилась. Старый селезень улегся на могиле жены и перестал принимать еду. Мы сгоняли его, упрашивали, приносили воду, соблазнительных дождевых червяков. Он равнодушно отворачивался и через три дня умер. Мы похоронили его рядом с подругой.

Хоть и избавил нас Трено от своих посещений, жить было невыносимо трудно. Я лишилась карточки кормящей матери, а по обычным покупать было нечего. На базаре, кроме шпината, росшего в изобилии и в нашем огороде, ничего не было. Иной раз я приходила в отчаяние. Я сильно похудела, кожа испортилась, я чувствовала себя старухой.

На наше счастье, несколько раз выдавались грозы с обильными ливнями. После дождя мы надевали резиновые сапоги и ходили собирать виноградных улиток, эскарго. Сережа

замечательно их готовил. Улитки были необыкновенно вкусны, жаль только, что в перерывах между дождями они пропадали совершенно.

Наевшись эскарго, мы откидывались на стульях с блаженным видом и чувствовали, как по нашим жилам бежит кровь.

Вскоре на меня свалились тревоги особого рода. Горячая пора на огороде кончилась. Не надо было гнуть спину от зари до зари, и Сережа зачастил в Париж. Мы с дочкой оставались одни.

Днем хлопотала по хозяйству – прибраться, накормить живность, почистить в хлеву у Нэнэтки. Вечерами укладывала дочь и предавалась тоске: в голову лезли самые мрачные мысли. Вот стала я некрасивой, непривлекательной – Сережа нашел себе другую. Я не ревновала. Было до слез обидно, больно. И страшно в пустом доме.

Он возвращался на другой, на третий день, молчаливый, усталый, замкнутый. Вином от него не пахло, и это еще больше усиливало мои подозрения. Крепилась, крепилась – не выдержала:

– Если у тебя кто-то есть, скажи. Только не обманывай. Не дури мою и без того задуренную голову.

Сережа глянул на меня как на помешанную.

– Наташа, да ты что? Ты что же, думаешь, я завел шашни?

Он вскинул голову и заржал. Давно я не видела, как он от души смеется.

– А тогда что? Что?

– Да ничего. Сидим здесь, как сычи. Неужели человеку нельзя встретиться с друзьями?

Но он врал. Я по глазам видела. Он совершенно не умел врать, у него это слишком неуклюже получалось. Я взялась за свое. У него в глазах промелькнула сердитая искра, но он погасил ее. Быстро глянул на меня и сказал:

– Я вступил в Сопротивление.

Ох, лучше бы он завел себе любовницу! Вслух я этого, конечно, не сказала, а то бы он точно подумал, что я окончательно свихнулась со всеми этими Трено, Диками и Нэнэтками. Я вообще ничего не стала говорить, и Сережа был благодарен мне за это. Черная тень рассеялась.

В Сопротивление он вошел давно, еще во время нашего пребывания в Нуази-ле-Гран. Но тогда все это только начиналось. Привлек Сережу к делу Вася Шершнев, Сережа, в свою очередь, сагитировал Славика Понаровского

В самом начале движения мудрили с конспирацией. Каждому полагалось знать в лицо лишь двух человек. Получалось, что Сережа знает лишь Васю Шершнева и Славика и уже никак не может знать Володю Ильина, вступившего в организацию по рекомендации Славика. Ерунда, конечно. Когда русская группа макизаров собралась в Дурдане для совместных действий, оказалось, что все прекрасно знают друг друга, многие прежде были в младороссах, в спорт-группе. Руководителем оказался тоже старый знакомый по Монпарнасу, по Лурмель – Шушу Угримов. Одно время он играл заметную роль в «Православном деле», но ему, как и Константину Мочульскому, каким-то чудом удалось избежать ареста. А может, и чуда никакого не было. Арестованные молчали.

Группа Шушу Угримова входила в более крупное соединение – Дурданскую группу «маки», а уже в целом это называлось ФФИ – Внутренние силы Франции. У каждого подпольщика была кличка. Сережу звали Пьер Макси.

Все это я узнала гораздо позже, после войны. А тогда, в Мезон-Лафит, Сережа ограничился скупыми сведениями. В Париж ездит на небольшие и совершенно безопасные задания. Дело только-только разворачивается и набирает силу. Для тревоги у меня нет никаких оснований, риска тоже никакого.

– И вообще, тебя это совершенно не касается. Все, что я тебе сказал, забудь и больше никогда ни о чем не спрашивай.

Легко сказать – забудь! Как будто я не жила на Лурмель и не понимала, чем все это может обернуться. И задания его были не такими уж безобидными. Они расклеивали на стенах воззвания, развозили прокламации, собирали оружие.

Но я выпрямилась. Уж не так стыдно было жить в шкурном благополучии у Трено.

Наступил август. Огород плодоносил. Ника бегала по двору, таскала тайком помидоры с грядки. Улитки кончились. Зато в небольшом лесочке, куда мы водили пастись козу, высыпали в большом количестве белые грибы. Ника ловко их находила, но брать не решалась, бежала ко мне, растопырив ручки:

– Там!

– Где?

Бежала обратно, но находка оказывалась потерянной в густой траве, и приходилось организовывать новые поиски. Тогда я научила ее стоять на месте и звать меня.

В конце августа мы засомневались, оставаться или не оставаться у Трено на зиму. Он намекал на прибавку к жалованью в компенсацию за отсутствующий огород. Остаться не хотелось, но и деваться было некуда. Мы решили остаться и по этому случаю затеяли небольшой ремонт. Побелку совершенно закопченной кухни.

Вечером, после дневных забот, уложили дочь, завесили окна листами черной бумаги, развели мел.

В разгар нашей малярной деятельности раздался неистовый стук в калитку и дикие крики под окнами. Мы – во двор, а там по другую сторону калитки стоит немецкий солдат с автоматом и требует, чтобы ему открыли.

Надо сказать, немцев в Мезон-Лафит почти не было. Местному населению они не докучали. Мы подчас забывали об их существовании, а тут – нате вам!

Мы открыли. Немец ворвался, потрясая автоматом и указывая куда-то в небеса. Понять, чего он хочет, не было никакой возможности. Он ринулся в дом, мы за ним, изрядно перепуганные.

Немец прогремел коваными сапогами на кухню и издал дикий вопль. Он стоял и смотрел на нас с совершенно обалделым видом, а мы – на него. Наконец патетическим, обличительным жестом он показал на потолок.

Батюшки! Там, совершенно забытый нами, зиял ничем не закрытый люк, выходящий на плоскую крышу. Яркий свет из него лился прожектором в небеса. Было от чего немцу прийти в неистовство. Мы про это добавочное окно совершенно забыли, как правило, заканчивая все дела на кухне засветло.

Было долгое объяснение, подкрепляемое больше жестами, чем словами. Хорошо, немец оказался сообразительный и не вредный. Он понял, что мы никакие не злоумышленники, вражеской авиации сигналов не подаем, а просто обыкновенные раззявы.

Мы притащили стремянку, и немец с Сережей дружно забивали окно куском картона и черной бумагой. Кончили дело, он ушел, погрозив на прощанье пальцем.

А на другой день завершились наши каникулы. Прибыл мсье Трено. В адски плохом настроении. Первым делом он ринулся к своей драгоценной козе.

– Как это так! Почему она до сих пор не окотилась? Этого не может быть! Это возмутительно!

Я не выдержала и огрызнулась:

– Очень сожалею, но я не могу родить за вашу козу.

У-у-у, как он глянул на меня маленькими, близко поставленными глазками! И как я ненавидела его в этот момент!

Он придирался ко всему. Коза не родила, утки погибли. Разумеется, приятель его и не подумал сообщить о нанесенном ущербе. Сережа чуть было не разругался с ним. Уж на что он

был терпеливым и деликатным в отношениях с людьми.

Но мы были отомщены в тот день. Под вечер, когда уставший от обхода своих владений Трено удалился вкушать приготовленный Люси ужин, разразился скандал.

До нас у него работали французы, местные, муж и жена. Трено с ними не поладил, и они от него ушли. И вот бывший садовник явился к воротам и стал выяснять отношения с бывшим хозяином, предварительно приняв не одну рюмку.

Espece de sale pederaste! – кричал он на всю улицу, – tu fais la putaine pour tous les boches! 1

Он вызывал Трено на честный, открытый бой. У калиток соседних домов собирались хозяева, стояли, молчаливо ухмыляясь. Наш предшественник разорялся:

Evidement je ne te convien pas! Je suis un homme normal moi! Un patriote Francais! 2

Выложив Трено все, что он о нем думает, поборник справедливости удалился с высоко поднятой головой, стараясь держаться по возможности прямо. От соседних калиток к нему протягивались руки, он пожимал их с большим достоинством.

Наутро Трено уехал и увез по нашему неукоснительному требованию шелудивого Дика.

Уехал... Мы приуныли. Огород кончился, угля на зиму, сколько Трено ни обещал, не было припасено ни крошки. О прибавке к жалованью он хранил гробовое молчание. Я подлила масла в огонь:

– Видеть не могу его поганую рожу!

Но куда было деваться? Куда ехать? Снова к друзьям? Они бы приняли, они помогали бы безропотно, да сколько можно было испытывать их терпение?

Мы по-прежнему собирали грибы, снимали остатки с огорода и подбирали блестящие конские каштаны, во множестве падавшие с деревьев. Есть их было нельзя, но в Мезон-Лафит кто-то додумался варить из каштанов мыло, бывшее в страшном дефиците. Возле мэрии устроили специальный приемный пункт, и люди несли мешочки с собранными каштанами. Платили за килограмм немного, но конского каштана росло в округе с избытком, мы на этом деле слегка подзаработали.

В начале октября Сережа вернулся из Парижа понурый, с пустым, лишенным жизни лицом. Он отказался от ужина, лег, отвернулся к стене. И так и сяк подъезжала я к нему, просила сказать, что случилось. Я же чувствовала – случилось! Он отмалчивался. Лишь поздно вечером, когда я осторожно прилегла рядом, он вдруг перевернулся на спину, и не мне, а словно проверяя на слух страшные слова, сказал в пустоту:

– Марк умер в плену. От воспаления легких.

В ту ночь не было больше слов. Всю долгую бессонную ночь.

Наутро солнце не показалось. Листья в саду осыпались, стало промозгло, сыро. Лето ушло навсегда и не могло возвратиться. Все кончилось. Осталась осень, война. Одна нескончаемая война, утомившая рассудок людей своей нескончаемостью. Перед нами лежала бесконечная дорога, путь к постепенному исчезновению всех. Одного за другим отнимала война наших близких. Она, сволочь, только и делала, что отнимала! Она убила нашего Марка!

Смерть Марка Сережа переносил тяжело. Замкнулся, погас. Даже Ника не могла вернуть ему жизнелюбие и задор. Усердие, с каким он взялся за хозяйство Трено, иссякло. Больше меня он хотел теперь одного: вырваться из заточения и уехать.

Через несколько дней он привез из Парижа странную и неожиданную новость. Мы можем вернуться обратно на Лурмель. Там теперь заправляли совершенно другие люди, дом снял в аренду некий Кравченко. Комнату он Сереже пообещал.

– А работа?

– Что-нибудь придумаем, – нахмурился Сережа.

Начались хлопоты по обратному переезду. Надо было найти машину. Надо было закончить

все дела у Трено, чтобы не было претензий. А как объявили мы ему о своем решении, так он залебезил, принялся нас уговаривать, намекать на большую прибавку. Но мы ему не верили.

Он рассчитал нас до сантима, однако не преминул напомнить об утках и потребовал возместить потерю. Сережа только глянул, в горле у Трено что-то пискнуло, и больше на эту тему разговоров не было.

Мы тепло и трогательно простились с Люси, я даже улучила момент перед самым отъездом, сбегала поцеловала унылую морду желтоглазой козы Нэнэтки. Стало грустно. Мы уехали в Париж, прожив в Мезон-Лафит восемь месяцев.

16

Новые времена.– Своя квартира.– Подпольщики

Ехали в тревоге, но реальность оказалась хуже всяких предположений. Жизнь в пансионе без матушки, без отца Дмитрия, без всех обернулась настоящей пыткой. Из старых обитателей никого не осталось. Софья Борисовна жила у дальних родственников, старушек пристроили в богадельню под Парижем, Данила Ермолаевич не появлялся.

Новый хозяин Кравченко, угрюмый, насупленный, с бегающими хитроватыми глазками, якшался с немцами. Оттого-то и позволили ему взять в аренду опальный дом. Он стал сдавать внаем комнаты, столовую отдал под какие-то мероприятия с немецким уклоном. Кухня бездействовала, в церкви служил незнакомый батюшка.

Свою прежнюю комнату в большом доме мы обратно не получили, там кто-то жил. Кравченко отвел нам маленькую во флигеле и разрешил пользоваться еще одной. Она следовала дальше по коридору. Жить там было невозможно: по каменному полу шастали жирные наглые крысы. А матушкина собака-крысолов Муха пропала неизвестно куда.

За пользование комнатой я должна была прибирать церковь и заниматься отоплением. Чтобы управиться к службе, вставала ни свет ни заря, шла в холодную темную церковь. Зима в том году наступила рано, холода стояли свирепые. Иссохшую землю во дворе сковало морозом до звона. Ветры выдували мизерное тепло из жилья. В церкви изо рта шел пар, уголь был скверный, печка дымила, никак не хотела разгораться, лики святых смотрели строго. Одна Божья Матерь согревала душу кротостью и безграничной любовью. В тусклом свете поблескивала дивная риза ее.

Если в Мезон-Лафит досаждал и приводил в иступление один Трено, то тут все было плохо, невыносимо и некуда было деться от воспоминаний. При матушке было не так, при матушке было иначе.

За двадцать восемь лет жизни мне столько раз доводилось переезжать, но всегда на новом месте я умудрялась устроиться удобно, придать жилью уют. На этот раз ничего не получалось. И еще крысы! Я сподобилась достать для дочки несколько килограммов яблок. Радовалась – витамины на зиму! Разложила яблоки по полкам кладовки, да только крысы их почти целиком перепортили. Главное, подлые, целые яблоки они не трогали. Но стоило появиться пятнышку, так они выгрызали это место, только гниль. Все остальное уже нельзя было давать ребенку.

Ну, хорошо, за квартиру мы расплачивались трудом истопника и уборщицы. А жить на что? Сережа предложил Кравченко устроить, как при матери Марии, небольшую столовую, и Кравченко клюнул на эту удочку. При кухне оборудовали небольшое помещение, поставили пару столов, скамейки. Желающие столоваться нашлись сразу, а мы получили средства к существованию. Поставщиком продуктов Сережа, естественно, сделал меня, но посоветовал больше не покупать кошек...

Протопив церковь, я сажала Нику в коляску, и мы ехали на добычу. Оставлять ее было не с кем, а возраст наступил самый трудный. Все-то ей было интересно, всюду она совала свой любопытный нос. Однажды умудрилась сунуть руку в кипящую на печке воду. Крику было на весь дом, потом на кончиках пальцев сделались волдыри. Как такую оставишь без присмотра?

После возвращения из Мезон-Лафит обнаружилось, что с продуктами стало еще трудней. Приходилось заново привыкать к очередям. Не постоишь – ничего не получишь. У многих парижан стояние в очередях превратилось в манию. Достаточно было увидеть сформировавшийся хвост, как человек автоматически пристраивался, не разузнав толком, что дают. Мы с Никой поневоле заражались этой манией.

Однажды заметили не очень большую очередь возле аптеки и помчались туда, а эта еще прихлопывала в ладоши, прыгала в коляске и весело орала:

– Фост! Фост! – то есть хвост.

Встали. Но никак не могла я добиться, что ж там дают. Наконец одна женщина крикнула от двери:

– В аптеку привезли детские соски!

Стало смешно и обидно. Соски нам были не нужны. Доброй половине очереди тоже. Мы развернулись и поехали прочь.

Да, за восемь месяцев в Париже произошло много перемен. Стало больше немецких флагов со свастикой, сами немцы стали еще наглей. Были перемены и в одежде. То тут, то там раздавался стук деревянных подошв по тротуару. Взрослые и дети многие ходили в ботинках на деревянных подошвах. С головными уборами тоже произошли разительные перемены. Все женщины, словно сговорившись, стали носить тюрбаны. Их вертели из чего только могли. Из кашне, просто из куска теплой материи, сохранившейся с лучших времен, но все на один манер. Закрывался затылок и уши, а узел завязывался надо лбом. Не сказать, чтобы это было красиво, но удобно и тепло. Соорудила себе тюрбан и я.

Однажды в воскресный день ко мне постучали. Вошла молодая женщина, француженка. Вид странный, растерянный. На голове ни платка, ни шляпы, хотя на улице стоял дикий холод. Светлые, давно не мытые волосы зачесаны наверх, скручены в узел с претензией на прическу. Лицо маленькое, бледное, и большие лихорадочно блестящие глаза.

Одета она была в длинную пелерину. Я никогда не видела прежде, чтобы такое носили. Извинилась, заговорила. Она пришла, но ничего не может найти, ни у кого не может добиться толку, а ей сказали, что по воскресеньям в этом доме можно получить бесплатный обед.

Она кружила по комнате в черной своей пелерине, похожая на подбитую птицу. Я стала объяснять. Да, действительно, раньше здесь давали бесплатные обеды, но теперь этого ничего нет. Ах, как она огорчилась! Она так надеялась. Разоткровенничалась... Одинокая. Работы нет. Жилья нет. Ночует в метро.

– О, вы даже не представляете себе, сколько народу ночует в метро! Контролеры, когда уходят, не особенно придираются, делают вид, будто не заметили, не гонят. А в метро теплее, чем под открытым небом.

Что я могла для нее сделать? Если бы матушка... Она бы непременно что-нибудь придумала, пристроила бы эту несчастную женщину, помогла.

Я накормила ее жиденьким нашим супом, дала несколько сантимов, кусок материи на тюрбан. Она тут же его завязала и ушла в черной странной накидке поверх измятого, давно не стираниго платья.

Прошло два с лишним месяца, как мы вернулись в Париж. Изредка встречались со старыми друзьями, еще реже виделись с тетей Лялей. Она, как и все, изворачивалась с продуктами и

теплом. Впрочем, тетка придумала довольно оригинальный способ обогрева. В большой жестяной таз накладывались разогретые кирпичи, старые утюги, разные железяки. Все это вносилось в комнату и ставилось на заранее приготовленную подставку. Раскаленные предметы начинали отдавать тепло.

– Ляля,– сказала я, ознакомившись с этим весьма опасным способом отопления,– тебе отключат газ.

– Э-э,– посмеялась тетка,– я хитрее, чем ты думаешь. У меня сломался счетчик, поэтому я себе такое могу позволить.

В кухне стоял газовый счетчик на ножках, она его опрокидывала, и он переставал работать.

Однажды в булочной по соседству не оказалось хлеба. Пришлось идти дальше, искать другой магазин. Миновала шумную улицу Коммерс, свернула на тихую Антрепренер. Там, в конце ее, должна была находиться булочная. Я совершенно заоченела в своем клетчатом довоенном пальто. Порывы ветра отгибали полы, холод пронизывал до костей, пустую сумку относил в сторону. Я шла, наклонившись, не глядя по сторонам. Возле невзрачного старого дома остановилась перевести дыхание, и вдруг, как кто под руку толкнул: «Зайди, спроси!» Сама не зная зачем, я открыла парадную дверь и вошла.

Холл был неширокий, невзрачный. Справа – деревянная лестница на этажи, прямо – комната консьержки. Как положено, дверь наполовину приоткрыта, застеклена и задернута изнутри белой занавеской. Я несмело постучала.

Меня впустила рыхлая седая женщина. Осмотрела, не выпуская из рук вязания. Я спросила, нет ли свободной квартиры. Консьержка замялась.

– Квартира, можно сказать, есть, но я не знаю, подойдет ли вам. Это на шестом этаже. Мансарда. Хотите, поднимемся.

Хотела ли я! Да я бы ласточкой взлетела на шестой этаж, но пришлось умерить пыл, следуя за кряхтящей, неповоротливой проводницей.

Квартира и впрямь оказалась незавидной. Коротенький узкий коридорчик, он же прихожая. Из него две двери в две маленькие комнатенки со скошенными до самого пола потолками, и окна наклонные, люком смотрящие в небеса. Дом старый. На стене, на кухне даже остался старинный газовый рожок для освещения. И печка, приспособленная к древесному углю. На ней, как на подставке, установлена газовая плита. Все ветхое, нежилое, но в квартире был какой-то шарм. И потом я ведь не нашла бы ничего лучшего. Это просто чудо, что я вошла сюда наугад.

Консьержка дала адрес хозяина. Я помчалась договариваться. Скорей! Скорей! А то сдаст кому-нибудь...

Он жил в другом доме, но недалеко, в том же квартале, худенький, сморщенный старикан. Поначалу отказал. У него уже есть желающие. Я не выдержала и расплакалась. Он переполошился, затряс ладошками.

– Ладно, ладно, хорошо! Раз такое безвыходное положение... Только не плачьте! Я не могу, я совершенно не могу, когда плачут! Поверьте, мне просто неловко сдавать такую неприглядную квартиру приличным людям.

И сдал. По очень сходной цене. И даже денег не запросил вперед.

– Вы переезжайте. Вы не плачете? Нет? Вы переезжайте, а потом консьержке заплатите за три месяца. Она у меня всегда деньги с жильцов получает. Очень честная и обязательная женщина.

Шаркая, он проводил меня до двери. Да будут благословенны люди, не выносящие вида чужих слез!

Какое счастье – квартира! Своя, собственная. Не будет над душой никаких Трено,

Кравченко! Но надо было за нее и деньги внести за три месяца. Пришлось заложить в ломбарде весь наш золотой фонд, обручальные кольца, крест, брошку – бабушкин подарок на восемнадцать лет.

Мы распрощались с Кравченко, оба безработные. Сережа занялся ремонтом квартиры, а в перерывах, чаще, чем прежде, стал исчезать. Куда он исчезал, я знала. Зажимала в кулак беспокойное сердце и ни о чем не спрашивала.

Перевезли мы свои пожитки, устроили для Ники отдельную комнату, установили печурку, вывели в окно трубу, стали топиться бумагой, тряпками и досками от стенного шкафа. Был в нашей комнате такой шкаф из трухлявых досок. Открыли, обнаружили гнезда тощих клопов и приговорили к сожжению.

Произвели еще одно разрушение. Тюкнул Сережа обушком по старой печке, она и превратилась в груды кирпичей. Несколько дней, тайком от консьержки, мы выносили в сумках щебенку и куски штукатурки. А на месте печки остался торчать из стены толстый железный прут. Сережа поднатужился, дернул, он и вылетел с добрым куском стены смежной квартиры. В полной растерянности стояли мы возле образовавшейся дыры. И вдруг глянуло на нас с той стороны розовое смеющееся лицо.

– О-ля-ля, мсье, я вижу, вы тоже сломали эту чертову печку! Бонжур, мадам, будем знакомы, меня зовут Мишлин.

Мишлин оказалась симпатичной француженкой, за дыру в стене несколько на нас не рассердилась, общими усилиями мы ее заделали и зажили в добром согласии в чисто выбеленной, немного странной квартире со скошенными потолками. Дело оставалось за малым – найти работу.

Меня познакомили с одним человеком. Русский, эмигрант, занимается продажей электрических приборов из пластмассы. Розетки, выключатели, мотки проводов. Предлагает поработать на него. Дает ассортимент образцов, с ними надо ходить по магазинам и мелким предприятиям, показывать товар и получать заказы. Процент с заказа – мне.

На словах получалось просто. Я взялась за новое дело, а бегать по Парижу для меня было не новинку. Но хорошо, когда тебе шестнадцать лет и ты одна. А попробуй с ребенком!

Когда Сережа бывал дома, Ника оставалась с ним. Чаще сажала ее в коляску, ставила в ноги коробку с образцами, и мы ехали наугад в поисках удачи.

– Слушай, – сказал однажды Сережа, – вы все равно разъезжаете по всему городу, завези-ка ты этот пакет Володе Ильину.

Не спрашивая, что в пакете, а по виду и по весу можно было догадаться, я несколько раз отвозила Ильину где-то отпечатанные прокламации. И даже не ему, а его матери. Жила она за сторожиху при богатом особняке, а хозяева еще в самом начале войны уехали на юг. Подпольщики и приспособили этот дом под перевалочный пункт, следя, чтобы туда как можно реже наведывались одни и те же лица. Однажды в подвале особняка целую неделю прятались трое советских военнопленных. А получилось это так.

Славик Понаровский одно время работал в немецком гараже. Там же работали и эти пленные, хорошие механики. Каждое утро их доставляли откуда-то под конвоем, весь день они ремонтировали машины, вечером их уводили обратно. Немцу, единственному конвоиру, эти пленные слегка надоели. Он следил за ними спустя рукава, часто отлучался, а то просто укладывался в глубине гаража на куче ветоши. Наигрывал вальсы на губной гармошке или просто дремал. Сам Бог велел увести этих пленных, что Славик и сделал.

Увести увел, но вопрос, куда девать трех мужиков в замусоленных спецовках, возник уже на ходу. Он отвел их к матери Володи Ильина, и та спрятала их в винном погребе. В первый же вечер Сережа, Славик и Володя отправились навестить освобожденных пленных. Они там застряли на всю ночь и крепко надрались по случаю удачного побега. Весь подвал, где они

сидели, был заставлен бочками с добрым французским вином.

Потом беглецов по одному переправили к партизанам. Славика же стали таскать на допросы. Долго его муржили, но прямых улик не было, кто-то из рабочих подтвердил, будто видел его в тот день в другом месте. Отстали.

Это было рискованное, зато доброе дело. Но однажды Сережа и Славик чуть не провалились по глупости. Славик обвинял во всем свою разлюбезную мамочку, но Сережа не соглашался с ним и ругал приятеля за длинный язык.

Сидели они вдвоем в бистро за столиком, выставленным на тротуаре. Посетителей было немного. Из-за угла показалась Анна Андреевна.

– Мамаша! – с досадой крикнул Славик и хотел спрятаться за Сережиным плечом.

Но опоздал. Мамаша его заметила.

– Славик! Как не стыдно, я жду битый час, а ты вон где! – и ринулась к ним с противоположной стороны улицы, громогласно возмущаясь поведением сына: – Черт бы вас побрал с вашим Соппротивлением! Соппротивление! Теперь я вижу, как вы сопротивляетесь!

– Идиотка! – скрежетал Славик.

Подхватился бегом к мамаше, за локоток ее, и повел, уговаривая, убеждая, требуя немедленно замолчать. Сережа остался один с прижатыми ушами. По-воровски огляделся. Потом только сообразил, что кругом одни французы и русского языка они не знают. Сережа вытер со лба холодный пот. Через несколько дней им предстояло серьезное дело, куда более серьезное, чем освобождение трех пленных.

С маленького аэродрома под Парижем должен был лететь в Германию самолет с грузом одного из крупнейших французских банков. Партизаны перебили охрану, заменили пилота. Самолет улетел в Англию к де Голлю.

17

*Бомбежки.– Розэ-Омбри.– Немцы уходят.–
Свобода.– Мать Мария*

Мы обжились на новой квартире в радужных надеждах на будущее. Война шла к концу. Но замечательная моя работа приказала долго жить. Я пришла к хозяину за новым заказом, а он, как выяснилось, исчез. Даже партия образцов у меня на руках осталась. Кто он был, куда подевался, кто знает. Я даже фамилии его толком не знала. Афанасьев, не Афанасьев... Через некоторое время меня разыскал Иван Христофорович и предложил работу в мастерской. Собственно мастерской уже давно не было. Марина перешла к другим хозяевам. И мы с Иваном Христофоровичем начали с нуля. Он набивал трафарет, я работала красками. А за дочкой стала смотреть за небольшую плату наша соседка Мишлин. Ника шла к ней охотно, никогда не капризничала. Впрочем, работы у Ивана Христофоровича было немного, я ходила к нему на полдня, а вскоре и это зачало, и мы расстались до лучших времен.

Лучшие времена никак не хотели наступать. Участились бомбежки. Ни одна ночь не обходилась без воздушной тревоги.

В нашем доме не было бомбоубежища. Из-за ребенка мы никуда не бегали при налетах. Будить, ночью тащить куда-то на верную простуду... Да и квартал наш был относительно спокойным. А отношения по поводу поведения при бомбежках мы с Сережей раз и навсегда выяснили еще на Лурмель. До рождения дочери у него и в мыслях не было куда-то бежать при первых звуках сирен. Он чертыхался на разбудивший его вой, переворачивался на другой бок и засыпал. Но после появления дочери все изменилось. При первой же тревоге он подскочил к кровати, бледный, с прерывающимся голосом:

- Скорей! Немедленно! В убежище!
- И не подумаю, – сказала я, – положи Нику на место и ложись.

Сережа задохнулся от возмущения:

- Ты... да как ты можешь! Да какая ты мать!

Но я настояла на своем. Чтобы он перестал нервничать, мы уложили Нику с собой. В моем поведении не было ни бравады, ни нарочитого риска. Просто верила в судьбу, а простуды боялась больше, чем бомбы.

Но в сорок четвертом году, уже на новой квартире, я сама чуть не ударилась в панику. Как-то под вечер пришли Вася-крестный с Ириной, уговорили посидеть в бистро напротив хоть полчаса. Ника уже спокойно спала, мы с чистой совестью спустились на улицу. И вдруг – тревога!

Как я бежала! Ребенок один, проснется, испугается! На бегу споткнулась, чуть не упала, но успела заметить под ногами что-то блестящее. Подобрала – зажигалка! Хорошая, новая зажигалка. А со спичками трудно. Зажала находку в кулак и еще порадовалась: значит, не совсем потеряла голову. На шестой этаж мы с Сережей прямо-таки взлетели.

Входим, – детка сладко спит, хоть вой сирен слышен на нашей верхотуре куда сильнее, чем на улице. Ручки раскинуты, дыхание ровное, шейка чуть влажная. С тех пор я никогда не оставляла Нику одну.

Работы я не нашла, но встретила знакомую с Монпарнаса, и она посоветовала мне уехать с ребенком на лето в местечко под Парижем с симпатичным названием Розэ-Омбри. Сама она уже месяц жила там неподалеку от русского православного монастыря. В городке можно было снять комнату и прекрасно устроиться. В Париже страшно, голодно, а там чудесный воздух и прокормиться легче.

Сережа загорелся. Ему очень хотелось отправить нас куда-нибудь, чтобы не мешали, не путались под ногами. Я съездила на разведку, познакомилась с монашками. Мать Федосья стала уговаривать:

- Конечно, переезжайте. Устроиться мы вам поможем. Смотрите, сколько у нас тут матерей с детками. Лето пересидите здесь, а там эти изверги уйдут. Ведь уйдут же они, в конце концов! Не может допустить Бог, чтобы они без конца зло творили.

Через пару дней Сережа перевез нас, устроил на новом месте и, довольный без меры, вернулся в Париж. Ясно, наш переезд развязал ему руки для всяких конспиративных дел. Он и не подумал, каково мне будет сидеть здесь, в тишине и прохладе, и не знать, что с ним происходит.

Комнату мы сняли у местных французов. Они дали стол, пару табуреток. Монашки притащили старую продавленную кровать с тюфяком и детскую колыбель. Раздобыла я и примус. Словом, устроились.

Погода чудесная, много гуляем, воздух чистый. Красот особых в округе нет, но кругом зелено, почти деревня. С продуктами, правда, не густо. Окрестные фермеры прижимисты, дерут втридорога, уступают неохотно.

Вокруг монастыря целая колония русских женщин, много знакомых. При монастыре церковь, куда надо ходить, хотя бы по воскресеньям. Чтобы не обидеть монашек.

- Вы бы девочку причастили, – обронила однажды мать игуменья.

Понесла в воскресенье причащать Нику. Но из этой затеи получился один сплошной конфуз. Мой ребенок не пожелал причащаться. Испугалась бородатого дьяка, пения, ложечки с причащением. Она недавно болела, с такой же маленькой ложечки ей давали горькое лекарство. Она закатила рев на всю церковь, отворачивалась, выкручивалась на руках. Монашки испуганно перешептывались:

– Не надо насильно!

– Нет, надо!

И уже совсем несусветное:

– Может, в нее бес вселился?

Пришлось уйти из церкви. Причастие не состоялось. А в следующее воскресенье повторилась та же история. Сколько ни уговаривала – никакого впечатления. Ручкой: «Нет!» – и отворачивается, вцепившись в мою шею. А ведь два года уже, соображает и говорит для своего возраста прекрасно. Матушка игуменя смотрит косо:

– Очень странный ребенок.

Но монашкам мой ребенок все же нравится. Когда ее не заставляют причащаться, она ласковая, веселая, ко всем идет. Особенно полюбила ее мать Федосья. Та всегда старалась подарить то игрушку, то картинку, то просто румяное яблоко.

У стен монастыря, на просторной лужайке, на изумрудно-зеленой траве располагались по воскресным дням группы женщин-беженок. Монахини в черных одеяниях переходили от одной группы к другой, призывали к смирению и утешали. Мать Федосья присаживалась на корточки перед Никой, доставала из складок одежды ярко раскрашенного клоуна на палочках. Ника смотрела на клоуна, на монашку сияющими глазами, робко брала подарок, но нажать на палочки не было сил, да и умения не хватало. Тогда мать Федосья забирала ее маленькую ручонку в свою большую ладонь, и они вместе заставляли клоуна вертеться. Вертели и смеялись счастливым смехом, блаженные. Обе круглолицые, румяные от солнца. Монашки толпились кругом, смотрели благосклонно. Синело небо, плыли белые облака.

Несколько раз приезжал навестить своих женщин Сережа. Ника на нем висла, отворачивалась, если я пыталась хоть ненадолго освободить его. Он и сам отводил мою руку:

– Не мешай, мама, видишь, мы в любви объясняемся.

А эта обезьянка важно повторяла:

– Мы объясняемся, а ты мешаешь.

Сережа строго наказывал:

– Не рыпайтесь. Сидите здесь тихо. Дело идет к концу. Ждите!

И уезжал. Мы сидели, не рыпались, ждали.

Середина июля. Духота, жара. Лежу с открытыми глазами в темноте. Поначалу уснула и спала крепко, потом разбудил этот шум за окнами. Визг, стук, лязг. И грохочут по мостовой тяжелые сапоги. Идут, идут, идут. Угрюмо, на ровной ноте, гудят над головой самолеты. Топот сменяет железная волна гусениц, скрежещет, разрывает камни. И снова сапоги – групп, групп!

Спросонья испугалась. Идут? Куда? Зачем? И сразу озарение. Они уходят! Они отступают, немцы!

Визг, стук, лязг и грохот сапог продолжались всю ночь. К утру стихло, успокоилось. Все прошло, не выветрился из сознания лишь ночной страх.

Что погнало меня, этот страх или благоразумие, не знаю. Но чуть рассвело, я упаковала самые необходимые вещи, остальные бросила и с первым поездом, ни с кем не простившись, махнула в Париж. Скорей, скорей, может, завтра и поезда не будут ходить!

В Париже все еще немцы. Суетливые, мятущиеся. Куда-то едут, но нет в их движении порядка. Если внезапно зажечь свет в загаженной тараканами комнате, такое же будет.

Сережа нигде не работает. Какая работа! За последний подряд на малярные работы он что-то получил, какие-то гроши есть, и еще изредка судьба помогает. На улице, прямо на тротуаре, поднимаю коричневый кожаный бумажник и обнаруживаю в нем двести франков. Вот когда он нашелся, пригрезившийся в молодости кошелек!

Сережа заявляет:

– Я должен срочно уехать.

– Куда?

Недомолвки, намеки, какой-то Дурдан. Это на запад от Парижа, там место сбора их соединения. С мельницы Шушу Угримова¹ будут перевозить оружие для английских парашютистов. Удерживать бесполезно. Он уезжает, я остаюсь ждать.

Через неделю он вернулся без единой царапины. Один из его товарищей только был тяжело ранен. А потом началось изгнание немцев из самого Парижа. Были уличные бои, перестрелки, особенно яростные на Шан-де-Марс. В уличных боях участвовали соединения ФФИ, были там и наши русские сопротивленцы, был среди них и Сережа.

26 августа 1944 года Париж встретил американцев.

В веселой толпе первых дней золотой свободы встретили Данилу Ермолаевича. Он сильно постарел, похудел, стал совершенно седой. О гибели матери Марии и Юры мы уже знали.

Сережа с Данилой Ермолаевичем обнялись, расцеловались. Мы пристроились за столиком первого попавшегося бистро.

Ну, что Данила Ермолаевич... Живет на ферме, хозяева до сих пор не вернулись. И все-то у него есть, и деньги, и продукты.

– А для чего мне оно? Нет моего Юры, нет Лизы... Ничего о них не известно. Ничто меня не радует, ничего мне не нужно.

Сережа потемнел лицом:

– Кто? Какая подлая тварь нас выдала?

– Кто, – эхом отозвался Данила Ермолаевич. – Домыслы не выскажешь вслух – это всего лишь домыслы.

Так и не сказал ни слова о своих подозрениях, страшась очернить ни в чем не повинных людей. Мы сидели в печали, а вокруг нас шумел свободный Париж, текли по улицам его оживленные, веселые толпы.

* * *

Мать Мария, в миру Елизавета Юрьевна Скобцова, погибла в газовой камере Равенсбрюка в апреле 1945 года. Юра Скобцов и отец Дмитрий умерли в Бухенвальде. Не вернулся тихий, никому не сделавший зла Анатолий.

Возвратился Пьянов. Исхудавший, с зачатками туберкулеза. Он рассказал о последних днях Юры и отца Дмитрия.

Юра умер первым. До последнего дня отец Дмитрий пытался его спасти, ухаживал, отдавал почти целиком скудный свой паек. Он скончался месяц спустя после гибели Юры.

Рассказывал Пьянов, как после освобождения померещилось ему в толпе каторжан лицо Анатолия. Бессмысленное, ничего не выражающее. Он окликнул его, бросился в ту сторону, но тщетно. Закрутило в толпе, затерло, и пропали из виду знакомые сумрачные глаза. А, может, то и не Анатолий был. В Париже он не объявился. А еще удался спастись попавшему в случайную облаву Козакову.

Со временем ощущение нестерпимой боли притупилось. Но мы ничего не забыли.

Прежде всего должна сказать: мы не знали и не могли знать всего. Для матери Марии я была молоденькой женщиной, и она помогала мне устроиться с маленьким ребенком. Сережа был на Лурмель простым поваром. В организации «Православное дело» он не состоял, не знал всех, кто в нее входил, и не знал всех ее возможностей.

Кончилась война, по крупницам стала собираться в единое целое история русского Сопротивления во Франции. Но даже по горячим следам невозможно было восстановить все. Вот пример. В сохранившемся у нас «Вестнике Сопротивления» сказано: «Мать Мария организовывала помощь русским заключенным и их семьям». О каких заключенных идет речь? Об арестованных немцами в самом начале оккупации? Или, не желая в 1947 году дразнить французов, редакция «Вестника» вынуждена была произвести подмену, как это делается во имя разного рода политических соображений, и под «заключенными» следует понимать незаконно мобилизованных во французскую армию апатридов? На сохранившемся у меня рабочем удостоверении, выданном и собственноручно подписанном матушкой, на официальном уголовном штампе так и написано: «Православное Дело – помощь семьям русских, мобилизованных во французскую армию».

Многие, считая все Сопротивление единой организацией, ассоциировали деятельность матери Марии с ФФИ.

«Резистанка по духу и действиям», как она названа в том же «Вестнике»¹, Мать Мария в большом, боевом Сопротивлении (Резистанс) не состояла. В последние годы мне доводилось читать, будто она и оружие прятала, и русских военнопленных перебивало на Лурмель чуть ли не дюжина, и назначала в парижских кафе конспиративные встречи со связистами-коммунистами, и тележки с бомбами, присыпанные углем, возила по Парижу.

Ничего этого мать Мария не делала и не могла делать в силу своих христианских убеждений. И по Парижу с листовками не бегала, и никакого оружия на Лурмель не было. Антифашистская пропаганда велась устно. Места проводить агитацию было больше, чем достаточно. Церковное подворье и массы русских прихожан.

Матушка была неумелым конспиратором. Заведись на Лурмель хоть одна пачка прокламаций, все бы об этом знали, как знали про Ванечку, про стоящее под кроватью радио, про крестившихся евреев.

С годами у нас с Сережей сложилась своя версия о причинах разгрома «Православного дела».

Никакого предательства не было.

Мысль о предателе подбросил бесноватый переводчик, когда кричал при аресте отца Дмитрия: «Вас предал человек, сидевший с вами за одним столом!» И он первым делом направился в комнату Юры и извлек из кармана его пальто компрометирующее письмо.

Что же получается? Некто идет к немцам и доносит. Рассказывает также о существовании письма. Немцы приезжают на Лурмель и спокойно берут будто специально приготовленную для них улику. Просто и логично.

Слишком просто и слишком логично. А если бы письмо лежало в другом месте? А если бы Юра его уничтожил?

Ольга Романовна и Софочка исчезли накануне Юрино ареста. Они не объявились в Париже ни во время войны, ни после нее. Почему-то в ту пору никому из нас не приходило в голову, что их могли арестовать первыми. Ольга Романовна, безусловно, была связана с иными антифашистскими кругами, и, если бы она не выдержала допросов, последовали бы обвальные аресты в других местах. Софочка, Софья Вениаминовна Медведева, к «Православному делу» не была причастна. Немного чудаковата, немного смешна. Все эти годы она любила и трепетно оберегала Юру. О письме, полученном им накануне, она знала наравне со всеми.

Как же быть с этим роковым письмом и утверждением переводчика? Да не искали они никакого письма! Они вошли в комнату девятнадцатилетнего парня и первым делом полезли в карманы, надеясь найти оружие. Оружия не оказалось, но в руки попала бумажка. Переводчик тут же развернул ее и прочел. Подарок следствию.

Кстати, обыск был самый поверхностный, даже радио, как стояло под кроватью у матушки,

так и осталось стоять. А умышленно посеять в умах перепуганных людей мысль о существовании предателя и тем самым разорить до основания дом, заставить жильцов разбежаться в разные стороны, переводчик мог без всякого зазрения совести. Это было как раз в духе гестапо.

Наверное, все было гораздо проще. «Православное дело» существовало легально. Оно было зарегистрировано в комиссариате, там же находились списки его руководителей. Так что искать с помощью провокатора не было никакой необходимости.

Но с течением времени в недрах контролирующей депортацию евреев структур накопились сведения о значительном количестве неизвестно откуда появившихся вы-крестов. Документы о крещении сходились в одну точку – к церкви Покрова на улице Лурмель. Таким образом, дом попал под подозрение, и началась слежка.

Возможно, она велась не один день, возможно, для ускоренного проведения следствия понадобилась провокация с письмом. Ведь выдаваемые евреям документы датировались довоенным временем, и крамольную деятельность отца Дмитрия надо было доказать. На допросах, видимо, мать Мария и отец Дмитрий взяли вину на себя. Никаких других арестов по этому делу больше не было, все остальные жильцы остались на свободе. Хлопотавшие за арестованных Данила Ермолаевич и Тамара Федоровна не пострадали.

Я не берусь утверждать, что наша версия единственно правильная. Мы уехали из Парижа в 1947 году, и, кто знает, может, потом что-то и прояснилось...

18

После войны

Кончилось, отгремело, ушло. Судьбе было угодно, чтобы мы остались живы. Почему так – не знаю. Мы были ничуть не лучше наших погибших товарищей. Мы были хуже тех, чей героический путь к смерти шел через ад, устроенный на земле не дьявольской силой, а обыкновенными людьми.

Ушедшие в бессмертие проложили дорогу к победе. Справедливость восторжествовала, добро победило зло. Но победители остались без них, без золотого своего легиона, добровольно сложившего головы за други своя. Победная волна схлынула, мы остались на берегу, усталые, не знающие, куда нам теперь. Надо было устраиваться, налаживать быт, тратить дни отвоеванной жизни на поиски пищи и одежды. Но главный духовный ориентир, ради чего мы прошли через это, рассеялся, пропал. Как ушли в неведомое те, кто был впереди нас.

Начались уроки возмездия. С женщин, путавшихся во время войны с немцами, срывали одежду, мазали их дегтем, вываливали в перьях и в хохочущих, свистящих и улюлюкающих толпах водили по Парижу. Случались ошибки, случалось, казнили стыдом невинных. Шестнадцатилетнюю ни в чем не повинную русскую девочку вырвали из материнских объятий, протащили через Розэ-Омбри и довели до сумасшествия.

Жалко и тошно было смотреть, как лихие, ржущие американские солдаты, стоя в кузовах грузовиков, разрывают сигаретные пачки и швыряют в толпу французов драгоценные сигареты. И те, и другие смеялись, и тем, и другим было весело, но было в этом что-то унижительное для человека. Точно так же мы бросали когда-то куски сладкой булки обезьянам, заключенным в вольеры парижского зоопарка.

Наша жизнь оказалась рассеченной надвое, на до и после войны.

Жить после войны точно так же, как мы жили до нее, казалось невозможным, казалось, люди должны были выйти из ада просветленными, обновленными, но на нас надвигался беспросветный быт в самом банальном понимании этого слова.

Потихоньку, помаленьку жизнь в Париже стала налаживаться. Открылись многие предприятия, стали исчезать велорикши. Они появились во время оккупации, когда почти полностью остановился городской транспорт. Немцы оставили парижанам метро. Его нельзя было вывезти в Германию. Они бы, конечно, и метро увезли, но у них это почему-то не получилось.

Ожили базары, но торговля шла слабо. После нашествия Франция осталась обескровленной. Подоспевшая американская помощь была необходима, но уже начали писать аршинными буквами на стенах домов рьяные патриоты: «Янки, убирайтесь домой!»

В сентябре Сережа устроился работать у американцев в Красном Кресте. На Северном вокзале был оборудован пункт с горячими завтраками для американских солдат. Варили кофе, жарили особые пончики. Сережа соскучился за войну без настоящего кофе и, как говорится, дорвался. Это не запрещалось, своим сотрудникам американцы выдавали и кофе, и муку, и жир.

Сережина невоздержанность отозвалась сильнейшим сердечным приступом. Отхаживала я его всю ночь, клала на сердце холодные компрессы. С испугу и потому, что левша, не очень хорошо соображала, где у человека находится сердце. Я – компресс, а он ругаться:

– Да куда ж ты кладешь, елки зеленые! Оно у меня слева!

Я прикладывала руку к груди, проверяла, где стучит, а он мотал головой по подушке, задыхался и бормотал:

– Счастливая женщина!

К утру все прошло, он снова забыл, с какой стороны у него находится сердце, но нервы у нас у обоих были ни к черту. А тут вскоре пошли слухи о грозящем налете на Париж немецких «фау».

– Ракеты...

– Непилотируемые самолеты...

– Слепая мощь...

Через пару дней взревели сирены. Сережа подхватил дочку, мы спустились вниз. В холле толпились жильцы со всего дома, разговаривали шепотом, высказывали предположения одно другого невероятней. Кто-то осмелился выйти на улицу, крикнул:

– Идите смотреть – зарево!

Все выбрались на улицу, гадали, что горит. Потом дали отбой, все разошлись. Поднялись вверх и мы.

На другой день стало известно: горели большие винные склады Парижа.

Сброшенные бомбы были самые обыкновенные, никакие не «фау». Огрызаясь изо всех сил, немцы продолжали бомбить Париж. Почему именно винные склады – непонятно. Случайно? Или назло французам, зная, как они любят «Гро руж».

Жить становилось легче, Сережа неплохо зарабатывал, но совершенно неожиданно мы оказались в пустом пространстве. Друзья замыкались в семейных заботах и хлопотах. На нашей мансарде мы оказались, как на необитаемом острове, хоть и возвратились из плена Панкрат, Денис Давыдов. Андрей Гауф приехал из Африки. Их свадьба с Машей была единственным радостным событием за это время и напомнила наши давние беззаботные вечеринки.

Еще раньше приехала с юга Франции Настя, и мне предстояло идти к ней с тяжелой вестью о Марке. Она продолжала работать у своих хозяев, я нашла ее очень изменившейся. Она похудела, повзрослела, глаза стали строгими, внимательными. Мы расцеловались, она провела меня в свою комнату, усадила, сама села напротив и взяла мои руки в свои.

– Я все знаю, Наташа, знаю, знаю...

Отпустила меня, встала, походила. В тишине билась в окно шальная сонная муха. Настя открыла окно, выгнала муху.

– Я всегда чувствовала, что у нас с Марком нет будущего. Слишком все было хорошо, чтобы так осталось. Я знала – отнимется. И отнялось.

Через полгода она вышла замуж за младшего сына своих хозяев, французского инженера. Ей предстояла тихая, размеренная жизнь в достатке, без тревог и без всякой романтики.

Так постепенно налаживалась жизнь у друзей, у родни. Вот и сестры мои, подружки детских лет, разъехались. Марина отправилась к мужу в Алжир, а Татка вышла за Поля и уехала с ним на Атлантическое побережье, где располагалась его часть.

Восьмого мая наступил мир.

Мы сидели на нашей мансарде. В скошенные открытые окна вливался торжественный вой сирен. Они гудели в последний раз. Во всех церквах и соборах звонили в колокола. Яркое солнце заливало комнату, крыши соседних домов, весь город. С резкими криками носились стрижи.

Мы включили маленький самодельный приемник. Его собрал для нас Володя Ильин. Только крышку он не успел сделать. Так и стоял этот приемник в фантастическом переплетении проводов, мерцании ламп, способных улавливать голоса свободной земли. На панели настройки отдельной жизнью пульсировал зеленый глазок. Из приемника неслась музыка, разноязычная речь. Я придвинулась ближе и случайно задела оголенный провод. Удар тока был пустяковый, но он послужил толчком. Я в голос зарыдала.

Я плакала и плакала, и никак не могла успокоиться. Выливалось, рвалось наружу все зажатое, стиснутое в горле войной. Нет, не вспоминала я в тот момент никого, лица многих умерших людей не проплывали перед моим внутренним взором. Я просто плакала. Впервые по-настоящему за всю войну. Я стискивала руки, я пыталась остановить рыдания – и ничего не могла с собой поделать.

– Будет, будет...– хлопотал Сережа.

На дне стакана в его дрожащей руке плескались остатки воды, Ника льнула к моим коленям, испуганная, готовая расплакаться сама. Я всхлипывала и без конца повторяла:

– Ничего, ничего, ничего... Это просто меня током ударило...

Схлынула война, а мы так и остались апатридами без права на работу, с дочерью-француженкой русского происхождения. И еще осталось жилье – мансарда на шестом этаже в старом доме на улице Антрепренер.

19 Прошел год.– Союз советских патриотов.– Отъезд

Младоросское движение после войны не воскресло. Игрушка для взрослых сломалась, главный затейник, Александр Казем-Бек, уехал, как говорили, в Соединенные Штаты. Уехал и наш боевой, наш очаровательный председатель спорт-группы Маша Буслаева. У Гауфа объявились родственники в Аргентине, они сманили его с молодой женой.

Жизнь продолжалась, но приносила не слишком веселые сюрпризы. В мае сорок шестого года закончилась Сережина хорошая работа у американцев. Союзнические войска уходили домой. С Сережей трогательно попрощались, выдали прекрасную рекомендацию. Он остался без работы, я отправилась в большую мастерскую красить шарфы.

Однажды после работы, прямо на улице, попала в объятия Раисы Яковлевны. Нацеловались, свернули в маленький скверик, нашли свободную скамейку. Раиса Яковлевна постарела, но держалась бодро, засыпала меня вопросами. Как я живу, как поживает мой муж, как мы пережили войну. Порадовалась за мою дочку. Она мне слова не давала вставить, чтобы я не задавала никаких вопросов. Рассказала, как после гибели Миши им с Вилей удалось спрятаться на время войны в сумасшедшем доме на севере Франции. Врачам закрытого от мира дома скорби удалось спасти несколько еврейских семей.

Наконец она выдохлась, умолкла. Я посмотрела в ее глаза:

– А как же Миля, Раиса Яковлевна?

Она молчала, сжав губы. Все! Дальше можно было не спрашивать. Раиса Яковлевна вынула из сумки платочек, уткнулась в него, рыдая.

– Нет ее. Нету на свете нашей дорогой Милечки!.. Сколько я говорила: держись с нами, не теряйся... Не послушалась. Бедная моя девочка!

Двум молодым девушкам, Миле и ее подруге, не удалось перейти в свободную зону. Немцы схватили их и отправили в концентрационный лагерь. Какими неведомыми путями Раиса Яковлевна узнала об этом, мне не удалось выяснить. Наверное, через еврейские организации.

Эмилия Розенберг! Ее звали Эмилия Розенберг!

На прощание Раиса Яковлевна дала свой адрес. На случай, если я окажусь без работы.

– Мы с Вилечкой пытаемся восстановить мастерскую. Пока плохо получается, а там как Бог даст. Не теряйся, Наточка, девочка моя дорогая, такая радость мне была повидаться с тобой, такая радость!

Отгоревали, оплакали Милю, жизнь покатила дальше. В хлопотах, без особых впечатлений, если не считать радость общения с подрастающей дочкой. Но и у меня, и у Сережи постоянно сжималось сердце: что с нею станет, когда подрастет? Окончит коммунальную школу, бесповоротно станет француженкой, образования, как бы мы с Сережей ни старались, мы ей дать не сможем. И пойдет она по стопам родителей. Научится шляпы шить или станет машинисткой-стенографисткой, или выйдет замуж... за богатого француза. И начинай сначала. Нет, нам в одиночку не соединить концы оборванных нитей, нам не вернуть ей достоинство российского интеллигента. Но ведь кровь предков перешла и в ее жилы! И разве не спросит она, думалось мне, разве не спросит, по какой причине не сложилась ее судьба? А вот пращур был знаменитым русским поэтом, а прапрадед построил первую в России подводную лодку, а другой прапрадед стоял у истоков российского востоковедения, а тот – известный математик, а этот – выдающийся инженер, а эти – артистки... А я? Кто я такая, Виктория Уланова, спросит она нас, и мы с Сережей промолчим, чтобы не сказать коротко и ясно – никто. В этом была такая боль, такая беспросветная мука, хоть волком вой, хоть головой об стенку бейся, а все ж не поможет.

Отцвела весна. Я работала в мастерской. Вымоталась, похудела, от усталости валилась по вечерам с ног, но скрывала от Сережи свое состояние. А в самом начале лета мы устроили Нику в летний лагерь для маленьких под Курселем. Ей было там хорошо, она не скучала, подружилась с другими русскими девочками.

Смотрела я на этот островок в океане зарубежья и думала: как неизбежно все возвращается на круги своя. Все как прежде. Русские дети, русские воспитатели-миссионеры, временный летний лагерь, временная церковь, русский дух и Русью пахнет. Но надолго ли? Сколько еще времени он продержится, этот русский дух, в среде третьего поколения?

Только отправили дочь в Курсель, старый знакомый подрядчик позвал Сережу на ремонт квартир. Но не в Париже, а в Довиле. По французским меркам довольно далеко.

Невесело было жить одной, без Сережи, без Ники, без домашних обязанностей. Но зарабатывать я неплохо. Даже заложенные в ломбарде вещи удалось выкупить.

Работала я всем на зависть быстро, двумя руками. Наловчилась держать в каждой руке по кисточке, чтобы не бегать вокруг пялец. Все удивлялись:

– Как это у тебя получается – двумя руками?

– Так я же левша!

Но даром мои трудовые подвиги не прошли. К концу месяца я была до печенок вымотана и отравлена. Сережа приехал из Довиля, привез хороший заработок и потребовал, чтобы я бросила эту каторгу. А тут и дочь вернулась из Курселя.

В сентябре я немного побездельничала, потом меня разыскала Раиса Яковлевна. Жили они вдвоем с Вилей в маленькой квартире, начали потихоньку ковырять шляпы. Но заказов было чуть-чуть, да и клиентура не прежняя. У нас восстановились давние отношения, трогательные, почти родственные, но ни мне, ни Раисе Яковлевне заработка это не прибавляло.

Ноябрь принес смену декораций. Сережа потерял работу, и я снова отправилась красить шарфы. Господи, сколько это может продолжаться! Годы и годы прошли, а он так и не получил карточки с правом на работу. Так он и устраивался нелегально на страх и совесть нанимателя.

Этой осенью Ника пошла в детский сад. С устройством ее тоже была история с географией.

Неподалеку от нашего дома, как раз напротив сквера Сен-Ломбер, в красивом здании, среди каштанов, открылся новый лицей. Нам подсказали, что при лицее открывается и детский сад. Бесплатный. И туда идет запись. Я решила попытаться счастья.

В просторном кабинете меня приняла очень любезная дама.

– Да, конечно, мы примем вашего ребенка, тем более что вы живете в нашем квартале... Сколько лет вашей девочке? Скоро пять? Очень хорошо. Так я вас сразу и запишу. Ваш адрес, фамилия?

Называю адрес – записывает. Называю фамилию. Внезапно лицо собеседницы резко меняется, будто наизнанку вывернули, глаза наливаются холодом.

– Ах... Так вы не француженка?

Объясняю. Да, мы – русские, но наша дочь родилась во Франции, натурализована, все документы в порядке, и по закону она считается француженкой.

– Да, да, так и запишем. Девочка-француженка от иностранных родителей.

Простились мы холодно. Ясно было, что никакого извещения не последует. Но как только детский сад открылся, я отправилась туда еще раз для очистки совести. Приняла меня другая дама.

– Ваша фамилия?

Посмотрела списки, захлопнула книгу. Видно, была предупреждена.

– Знаете, мы отдали предпочтение другим детям, живущим в нашем квартале.

– Мы и живем в вашем квартале.

Замялась, зашарила по столу, спрятала глаза.

– И многодетным семьям. А у вас только один ребенок, не правда ли?

Крыть было нечем. Я повернулась и ушла.

Мы устроили Нику в другой, частный детский сад. Он был платный, находился не так близко от дома, не был таким роскошным, но здесь царили доброта и удивительное человеческое тепло. Мадам Дебоссю, она же заведующая, она же старшая воспитательница, полюбила нашу дочь и стала уделять ей много внимания.

Так мы и вошли в размеренную послевоенную жизнь, ни на что особенно не претендуя. Молчаливо переносили привычные трудности и радовались каждому благополучно завершённому дню. Но внезапно, будто порыв буйного ветра, к нам ворвалась потрясающая новость!

Эмигрантам, не запятнавшим себя сотрудничеством с немцами, Сталин разрешил вернуться в Россию, вернее, в Советский Союз.

Поначалу это только носилось в воздухе, были одни разговоры и слухи, но вскоре обернулось делом. В Париже возникла новая организация – Союз возвращенцев.

И взорвалось! Произошел еще более страшный раскол, чем в начале войны. Брат расходился с братом, отец с сыном, старые друзья переставали здороваться.

Сережа стал задумываться, ходил по квартире собранный, сосредоточенный. Думал. Однажды спросил:

– А не поехать ли нам в Россию?

Я ждала этого вопроса, но мне стало страшно. Уехать и остаться без родных, без тети Ляли, без бабушки, без Пети? На веки вечные разлучиться с Таткой? А друзья? Шершневы, Нина со Славиком, Настя?

– Страшно, Сережа, – честно призналась я, – может, не стоит так рисковать, может, хватит с тебя Сопротивления?

Я стала загибать пальцы, перечисляя, сколько раз миловала нас судьба. Что Сопротивление! А Казачий дом? Не случись скандала в Казачьем доме, не пересели нас Макаров в пристройку, не задури Костя Шибанов голову полицейским, нас бы арестовали.

А если бы мы не уехали с Жан-Жорес после маминой смерти? Нас бы давно не было в живых, ведь дом был почти стерт с лица земли. А когда за десять минут до арестов на Лурмель я погнала его к Даниле Ермолаевичу?

Чуждый всякой мистики, Сережа задумчиво отвечал:

– А, может, в этом и есть перст судьбы? Может, она сберегла нас для России?

– Что такое Россия сегодня? Что мы знаем о ней, что за люди ее населяют?

На этот вопрос у Сережи был точный ответ:

– Какие люди... чудачка, обыкновенные русские люди, такие же, как мы с тобой. Да пусть трижды социализм, люди-то остаются такими же, как их предки. Строй может смениться, но психология русского человека... Даже говорить не о чем.

В разгар наших переживаний из Ниццы приехал Сережин отец, Николай Афанасьевич.

Я была знакома со свекром лишь по письмам. С первого взгляда мы друг другу понравились. Крепкий еще старик, седой, с восточным типом лица, он в первую очередь спросил:

– Ну, едем в Россию?

– Да вот думаем, – несмело глянул на меня Сережа.

– О чем думать-то? – вскинул кавказскую бровь Николай Афанасьевич. – Думать, поди, не о чем, а надо ехать. Домой.

Такое решение приняли он и жена его, Стелла. Дочерей собрать он уже не мог, оставалась надежда на сына. А еще накануне Сережа встретился со Славиком Понаровским, и тот объявил ему о своем решении тоже ехать в Россию.

Дед и внучка быстро поладили. Ника обворожила дедушку, он баловал ее, не спускал с рук. Она тащила его в свою комнату:

– Идем, дедушка, я тебе что-то интересное покажу.

Вела к себе показывать не игрушки, как он думал, а портрет маршала Жукова, вырезанный из советского календаря и помещенный рядом с иконой Божьей Матери над кроватью. Уж кто-кто, а наша дочь сделалась ярой патриоткой. Каждый вечер молилась теперь так:

– Господи, помилуй маму, папу, маршала Жукова и меня, младенца Викторину.

В соседней комнате Сережа умирал со смеху, но я не позволяла вышучивать дочь. Хочет так молиться, пусть молится. Разве Жуков не заслужил?

Но нашим мечтам о жизни большим домом в России не суждено было стать явью. Николай Афанасьевич возвратился в Ниццу с твердым решением ехать домой, но через полтора месяца умер от инфаркта. Так и не довелось ему увидеть милую Украину. Его воля стала для нас завещанием.

А кругом кипели страсти. Сомневающимся пугали: «Учтите, как только приедете, так вас сразу разделят. Мужчин в одну сторону, женщин – в другую. А детей отнимут. Взрослых – на принудительные работы, детей – в детские дома!»

– Какой же в том резон? – возмущали Сережу все эти рассказы. – Какой смысл тогда возвращать на родину эмигрантов, если с ними готовятся так поступить? Это же за пределами

элементарной логики! 1

Я спросила его в один из вечеров, во время нескончаемых наших разговоров:

– Чего ты ждешь от России?

– Я хочу вернуть себе человеческое достоинство! – не задумываясь, ответил он.

И тогда я поняла: его уже не отговорить. Я не имела права останавливать начавшуюся в нем духовную работу. Без этого вся его дальнейшая жизнь оставалась бы лишенной смысла. Я уверовала и пошла за ним, не сомневаясь больше в правильности принятого решения, хоть и отговаривала меня тетя Ляля. Мягко, вкрадчиво, с глазами, полными слез.

– Куда ты поедешь? Ты привыкла к культурному городу, к благоустроенным квартирам. Всюду газ, электричество...

Газ, ладно. А много ли я видела этих благоустроенных квартир? Полжизни провела в третьесортных отелях. Да, был в них газ, было электричество. Клопы, между прочим, тоже были. И даже последняя квартира, я ее нежно люблю, но и она далеко не благоустроенная.

Но тетка не слушала мои доводы.

– Там же дичь! Дикари! Что ты там будешь делать? Ах, шляпы! Кто будет носить твои шляпы! Там все в платочках ходят.

Многие нам завидовали, в первую очередь – Петя. Был бы он один, поехал бы. Но мама? Но бабушка? Но жена-француженка? А сыну уже семь лет... Да и сам офранцузился. После войны ему дали французское гражданство, он работал в солидной фирме.

Был еще один завидовавший. Красинский. Ох, как он завидовал нам, простым смертным. Ох, с какой радостью он бы поехал. Но грехи царственных отцов Романовых не пускали. Сидя с нами в бистро, он с тоской смотрел на нас.

– Езжайте, езжайте, ребята, никого не слушайте. Русский человек должен жить в России.

Расставаясь в тот вечер, он внезапно придержал мою руку.

– Ты вот что, Наташа, ты, как будешь собираться, не забудь, оторви уголок в брачном свидетельстве. Не надо, чтобы в твоих документах моя фамилия отсвечивала. Черт его знает, вдруг у вас из-за этого возникнут неприятности.

Уголок в брачном свидетельстве, где шафером у нас был записан Владимир Красинский, сын великого князя Андрея Владимировича и балерины Кшесинской, я оторвала, как он посоветовал. Славный он был, Красинский, без всякого намека на необычное происхождение. И профессия у него была прозаическая. Он был представителем от фирмы шампанских вин.

Союз возвращенцев скоро превратился в Союз советских патриотов. Мы с Сережей часто ходили на собрания и с обостренным вниманием слушали «настоящих русских» о жизни в СССР. Этими русскими были Константин Симонов, Илья Эренбург и Валентина Серова. Мы не могли не доверять этим известным людям, мы все принимали за чистую монету, мы горели желанием верить всему, все идеализировать. Но нас честно предупреждали о грядущих трудностях, о послевоенной разрухе.

– Пусть! – говорили мы. – Домой! Хватит, наскитались.

И с горящими глазами слушали выступление Константина Симонова на приеме в консульстве.

Париж стал потихоньку отмирать в нашем сознании, становиться чужим городом. Любимым, прекрасным, но чужим, населенным чудными, замечательными людьми, но французами. Им до нас не было никакого дела, нам – до них. Мы уже начали гордиться обретенной отчизной, она звала нас, мы слышали ее зов. Мы все прошли через великое очищение войной. Победная волна докатилась до нас, подняла на гребень и бросила на российский берег.

Первая группа реэмигрантов, как позднее, уже в России, стали нас называть, уехала в 1946 году. Полторы тысячи человек. Их отправляли морем из Марселя через Босфор, минуя Турцию. Следующую группу обещали отправить в 1947 году¹. Нам предстояло ждать еще целый год. Многие приняли советское гражданство и остались во Франции. Мы смотрели на них с некоторым недоумением: непонятно было, что они собираются делать с советскими паспортами, оставаясь на месте.

После войны в Париже оказалось много советских пленных и интернированных. Для них устраивали специальные лагеря, где они жили, ожидая отправки домой. Ехать в Россию они должны были не с нами. Это была какая-то совершенно особая категория людей. А пока им разрешалось свободно гулять по Парижу. Попадались среди них самые разные.

Одни рвались домой, на родину, к семьям, но были и желающие остаться. Они прилагали все усилия, чтобы обойти французские законы. Некоторым это удалось, и они образовали новый слой эмигрантов, совершенно отличный от нашего. С некоторыми из этих людей нам доводилось встречаться, они нас очень интересовали, мы ловили каждое их слово.

Прихожу как-то раз к тетке, а у нее сидят две молоденькие девушки из интернированных. Уж как они к ней попали, как она с ними познакомилась, не помню. Париж им очень понравился, они решили остаться. В тот день, сидя в гостях у моей тетки, они несли совершенную ахинею. Да, Советский Союз был для нас как другая планета, мы не имели возможности спорить, но повествования подобного рода не внушали никакого доверия. Рассказывали они о повальных арестах в довоенные годы. Получалось точь-в-точь, как когда-то уверял мой отчим, будто одна половина русских голодает, другая сидит по тюрьмам, а за малейшую провинность – смерть. Запомнилась чудовищная история про деревенского мальчика. Будто бы он подобрал несколько колосков на хлебном поле, и его за это расстреляли.

Тетя Ляля приговаривала:

– Видишь? Видишь, как? А ты туда ехать хочешь.

Девушки ушли, я сказала тетке:

– Ляля, но ведь это сплошное вранье. Ты – умный человек, вдумайся, какая это возмутительная чушь! У нас Саша вечно про это твердил. Да, в России голодно, с этим я согласна. Но что ты хочешь, после такой страшной войны? Это временные трудности, их надо пережить. Потом все наладится.

Позже, когда наш отъезд был окончательно решен, Сережа познакомился с одним бывшим пленным и затащил его к нам. За разговорами мы засиделись до полуночи, слушали, затаив дыхание. Этот зрелый, солидный мужчина Советский Союз хвалил. Он и сам стремился как можно скорее попасть домой, и нам советовал ехать. Главное, что нам понравилось, он очень доброжелательно говорил о русских людях, а временные трудности считал делом преходящим. Пусть нам будет трудно, но зато дети заживут хорошо, в свободном обществе, при социализме. Но я очень смутно представляла себе, что такое этот социализм.

Итак, решение было принято, но на сердце у меня камнем лежал один мучительный и неразрешимый вопрос. Мамина могила.

Вместе с тетей Лялей мы часто бывали на кладбище, сажали цветы, ухаживали за ними. Еще во время войны по весне я зашла в цветочный магазин купить саженец чайной розы. Мама очень любила чайные розы. Продавец показал два тощих перевитых прутика с хилыми корешками. Я засомневалась, но он убедил меня купить эти прутики, уверяя, будто это замечательные чайные розы двух сортов. Один ранний, другой поздний.

– Вы их так вместе и посадите. У вас будет один куст, а розы будут цвести все лето.

Я послушалась и не пожалела. Кусты роз пышно разрослись и щедро украсили могилу, засаженную сплошь маргаритками и анютиными глазками.

Мы не смогли похоронить маму на православном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Это

было очень далеко от нас, а за могилу на католическом кладбище во Франции полагалось платить. Первый взнос делался сразу, при похоронах, второй – через десять лет. А если взнос не выплачивался, могилу вскрывали, извлекали белые косточки и складывали в общем склепе на стеллажах с наклеенным на черепе номером. Я видела эти стеллажи, это было ужасно. Больше всего я боялась обречь маму на загробные скитания, она и при жизни достаточно наскиталась. Ляля клялась всеми святыми ни за что не допустить такого, но все равно, сомнения были. Кто знает, как повернется жизнь. Придет срок, у нее не окажется в наличии таких денег...

Отправляясь на кладбище, я часто брала с собой дочь. Но проблемы жизни и смерти еще не волновали ее. Для нее кладбище было роскошным садом с мраморными статуями и крестами. Что там внутри могил – она не понимала. Слишком весело все цвело кругом, слишком «хороши и свежи были розы».

Незадолго до отъезда мы пришли на кладбище летним воскресным днем. Издалека я увидела возле маминой могилы мужчину. Он стоял, скрестив на груди руки, опустив стриженную ежиком голову. Сердце екнуло. Саша!

Поздоровались. Неожиданно, как для него, так и для меня, расцеловались. Он по-прежнему шоферил, сошелся с какой-то женщиной.

– Одному, знаешь, тоскливо. Живем тихо, не ссоримся.

Я рассказала о предстоящем отъезде. На него это не произвело особого впечатления.

– Что ж, езжай, я тебе не советчик, – и перевел разговор. – Славная у тебя дочка.

Я стала рассказывать про Нику, про ее успехи в детском саду, а она, насмотревшись на незнакомого дядю, ушла проведать чужую заброшенную могилку с мраморным, вросшим в землю ангелочком, пожелтелым, с отбитым крылом.

Саша помог убрать высохшие цветы из вазы, принес ведро воды. На прощанье спросил:

– Ты собираешься перед отъездом показать дочке Париж? Пусть хоть что-то в памяти останется.

Я сказала, что собираюсь, и вскоре он ушел. Мы простились тепло и навсегда.

Вскоре я стала водить дочь по разным парижским достопримечательностям. Поднялись на Эйфелеву башню, побывали в Нотр-Дам, в Трокадеро, в Сакре-Кёр, показала Триумфальную арку, потащила в Лувр. В Лувре она быстро скисла. Все-таки она была еще очень маленькая.

Водила я дочь, водила, а сама думала: «Это не она, это я прощаюсь с Парижем. Это не она, это я знаю, что ждет за каждым углом. Это мне тут знаком каждый камень». Однажды забрели в район улицы де Тревиз. Оставалось повернуть за угол, и она бы открылась вся, эта улица, где когда-то был мамин театр. Я вдруг сказала Нике, что мы не туда идем, развернула в обратную сторону. Зачем смотреть на то, что давно умерло, зря беречь душу? А еще я постоянно ловила себя на мысли, до чего же он изменился, Париж! Совсем другой город, не то что до войны. Захотела угостить Нику жареной картошкой – нету. А раньше торговали прямо на улицах. Не в роскошных кварталах, разумеется.

Устанавливалась жаровня, на нее ставили котел с кипящим маслом, нарезанную соломкой картошку клали в железную сетку и прямо при тебе опускали в шкворчащее масло. Подрумяненную вынимали, складывали в бумажный фунтик, сверху немного соли – пожалуйста!

А еще, но это зимой, продавали каштаны. Тоже на улице. Возле жаровни сидела укутанная в платки торговка. Покупаешь фунтик каштанов – и вкусно, и руки согреваются.

В июле мастерская, где я красила шарфы, прогорела. Моя напарница нашла другую, пригласила меня, но сразу предупредила:

– Долго мы там не продержимся. Хозяйка – стерва. Видите ли, ее муж был до революции большой шишкой. Его самого я не видела, а эта привыкла помыкать людьми и никак не

отвыкнет. Прямо садистка какая-то.

Я успокоила приятельницу.

– Сколько продержимся, столько и продержимся. И то хлеб.

Продержались мы у К*** всего два месяца. О предстоящем отъезде в Советский Союз я помалкивала, а то бы в два счета вылетела. В один прекрасный день нам отказали без всякого предупреждения:

– Завтра можете не приходите, заказов мало. Оставьте адреса, понадобится – вызову.

Июль и август выдались в Париже на редкость жаркими. Говорили, будто такая жара бывает раз в пятьдесят лет. Крыша над нашей мансардой накалялась так, что даже сквозь штукатурку потолок становился горячим. Изредка собирались грозы. Жуткие, багрово-коричневые тучи клубились над городом, полыхали молнии, грохотало, будто настал конец света. Но дожди выливались над окраинами, а на нас наваливалась новая волна духоты.

От греха подальше мы отправили дочь в деревню к пожилым фермерам. Это были дедушка и бабушка одной из подружек Ники по детскому саду. Мать этой девочки по моей просьбе поговорила с родителями, и они согласились приютить наше чадо. По случаю жаркого лета у Пэпе и Мэме (так звали стариков) собрались внуки. В компании с ровесницами Ника не скучала, привязалась к старикам, мы были за нее спокойны.

Она возвратилась домой в начале осени и озадачила нас новым фокусом. Перестала говорить по-русски. В три года французский язык вошел в ее обиход без всяких усилий, как это бывает с детьми, но дома мы всегда говорили по-русски. А тут молчок.

– Ника, почему ты не говоришь с нами по-русски?

Растерялась, плечики подняла и по-французски:

– Не знаю, у меня все русские слова куда-то разбежались.

Но день отъезда уже приближался. Эмиграция угомонилась. Надоело ругаться, спорить. Решившие ехать паковали чемоданы. Остальные махнули на нас рукой. Из близких знакомых, кроме Понаровских, ехали Панкрат с женой, Туренева.

Андрея Туренева я знала плохо, а жена его Ольга всю молодость провела с нами в спорт-группе. У них было двое детей, была бабушка, они уезжали в Россию всем семейством.

Но многие сомневались. Шершневы, например. Вася хотел ехать, Ирина наотрез отказалась. Она не могла простить большевикам расстрелянной матери, а Васин патриотизм выводил ее из себя. Он сдался, подчинился жене. На радостях она примчалась к нам:

– Не едем! Не едем!

Мы огорчились. Сережа так надеялся на старого друга. А Ирина не могла остановиться:

– Во сне вижу – он увозит меня в какой-то телеге, по разбитым дорогам. Жуть! Проснулась, господи, счастье-то какое! Я дома, в родной квартире, меня кусают родные парижские клопы, за окном родная улица Коммерс... Пока не поздно, и вы одумайтесь! Куда? Зачем? Не доверяйте этим краснобаям из консульства!

В тот день у нас в гостях были Туренева. В детской комнате возились, затеяв грандиозную игру, дети, а мы притащили из кухни стол, накрыли чем бог послал и говорили, говорили.

О чем? Ясно о чем, – о России. Никаких иных разговоров в ту пору меж нами не велось. Что греха таить – всем было страшно. Мы не то чтобы успокаивали себя, мы все пытались уяснить: а куда мы, собственно говоря, едем? Что за страна? Какая она нынче, Россия?

Усевшись за стол, Ирина Шершнева сразу подхватила нить разговора и фыркнула:

– Совдепия. Вот такая она и есть.

К ней обратились изумленные лица.

– Страна, победившая в такой войне?

Ирина стушевалась, пробормотала под нос, к рюмке своей обращаясь: «Вот увидите, увидите, вспомните тогда».

– Нет, так примитивно рассуждать нельзя, – следил за колечком папиросного дыма Андрей Туренев, – но давайте раз и навсегда уясним, что ожидаемой нами... скажем так: чеховской России – не существует.

– Отчего же? – засомневалась я.

– Оттого, дорогая моя Наталья Александровна, что чеховские герои в большинстве своем лежат на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Перед нами неведомая страна, нам надлежит осваивать ее заново.

– Нет, что меня больше всего умиляет, – отставила свою рюмку Ирина, – так это наша способность болтать. Неизвестная страна! Чеховские герои! Вот вы и есть самые настоящие чеховские герои. Сидите и болтаете. Да еще на этом фоне, – она ткнула пальцем на висящий на стене портрет Сталина.

– Мешает? – миролюбиво усмехнулся Сережа.

– На нервы действует. Видеть не могу! Паук с усами! – она бросила косой взгляд на Сталина и вдруг взорвалась: – Да сними ты его! Хоть на сегодняшний вечер.

Сережа засмеялся, подошел и снял портрет. Андрей Туренев галантно поклонился Ирине.

– Это эмоции, – сказал он, – а если смотреть фактам в лицо, то у вас, я имею в виду остающихся, выбита из-под ног главная опора. Где она, питавшая вас все прошедшие годы философия о погибшей России? Чем станет жить теперь эмиграция? На чем будет основываться ее вера? Что сможет она противопоставить поступкам столь несимпатичного вам человека? – он показал на поставленный в углу лицом к стене портрет.

– Андрей Павлович, – откинулась на стуле Ирина, – вы что же, стали большевиком?

– Ни в коем случае. В отличие от Сережи, я социализм не принимаю.

– А он принимает?

– Насколько я понял из предшествующего разговора – да. Но это его убеждения, и давайте оставим его в покое с его убеждениями. Вы меня спросили – я отвечаю: я глубоко верующий, религиозный человек.

– А едете к нехристям. Зачем?

– Работать, – просто сказал он. – В этой голове, – он постучал по лбу, – кое-что есть. Надеюсь, мои знания моей стране пригодятся. Иначе для чего бы нас, спрашивается, стали звать?

Один из немногих, Андрей Туренев имел высшее образование.

– Понятно, – протянула Ирина, – а чем будет заниматься в России Сережа? Что он там делать будет?

Сережа и Андрей обменялись снисходительными взглядами. Я подметила эту снисходительность во взглядах по отношению к остающимся уже давно. Это сквозило и у Сережи, и у Андрея. Еле заметно, не нарочито и даже непроизвольно. Сережа погладил Ирину руку и ответил в тон Андрею:

– Работать. Просто работать.

– А может, и учиться куда пойдет, – вставила Ольга Туренева. Она у нас всегда была оптимисткой.

Сережа смешно сморщился:

– Ну, это вряд ли. В нашем возрасте учиться не начинают. Вон пусть наша козявка учится, – он махнул головой на доносившийся из соседней комнаты взрывной смех дочери.

Этот спор мог продолжаться до бесконечности, но пришли Понаровские, пришел Вася Шершнева, расстроенный, виноватый. Ника повисла на шее крестного, и он с радостью занялся ею, лишь бы не отвечать на вопросы, лишь бы не оправдываться и не вынуждать Ирину говорить ненужные и злые слова.

С Ниной и Ольгой мы отправились на кухню подбавить еще чего-нибудь съестного на стол. Стало шумно, суматошно, заговорили о делах практических: что брать, чего не брать с собой в Россию. Ирина забилась в угол, смотрела на нас с грустью и сожалением. Потом стали просить Нину спеть, и она пела изумительным контральто, доставшимся в наследство от матери:

Темная ночь,
Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают...

Я смотрела на собравшихся у нас друзей и радовалась. Вот мы и не одни. Самой судьбой нам предназначено держаться всем вместе. Вместе мы ни за что не пропадем, как не пропали до сих пор в эмиграции.

Напоследок произошла забавная вещь. Сереже выдали рабочую карточку. Семнадцать лет он прожил в Париже и не мог ничего добиться, а тут – на тебе. Может, вся наша жизнь пошла бы по-иному, имей он ее раньше. Но было уже поздно. Настало время сжигать корабли.

Первым делом продали право на квартиру. Совершили сделку, стало грустно. Мы успели полюбить нашу неказистую мансарду, мы хорошо, дружно в ней жили. Но предаваться меланхолии было уже некогда. На вырученные деньги стали покупать необходимые вещи. Купили дочке заячью шубку с капором. Купили замечательный сундук-корзину, емкую, способную вместить весь наш гардероб и все мелочи. Почти невесомая, она была сплетена из ивовых прутьев.

Покупали посуду, всякие чашки-плошки – неинтересно перечислять. В общей сложности у нас получилось три чемодана, корзина, рюкзак с едой на дорогу и портплед с постельными принадлежностями. Один чемодан с книгами. Русскими. Иностранную литературу везти не разрешалось. Но на самое дно я сунула малый Ларусс, французскую грамматику и томик Верлена.

Как потом выяснилось, мы могли взять с собой всю нашу мебель, но мы об этом не знали и все продали.

Началась возня с документами на выезд. Насколько мне известно, у первой группы, уехавшей морем, все прошло гладко, без осложнений. А тут заело. Нас не то чтобы не выпускали, нет, французы только успевали стучать печатями по нашим фотографиям, и вдруг: «Стоп-стоп, вы – иностранцы, мы не имеем права вас удерживать, но ваша дочь – француженка. Будьте любезны оставить ее на родине».

Очень мило: то в детский сад не брали, теперь «оставьте!».

– Как же мы ее оставим, ей всего пять лет! – доказывал Сережа.

Бились-бились, – все без толку. Наконец один чиновник сжалился. За взятку, конечно:

– Напишите бумагу, будто вы разрешаете вашей дочери выезд из Франции сроком на два года.

– Да как же я разрешу, я сам уезжаю!

– Это не важно. Вы напишите. На этом основании мы выдадим ей визу с разрешением выехать на два года.

Так и уехала наша пятилетняя дочь из Франции с персональной визой, с обязательством через два года вернуться.

Нина Понаровская оказалась умнее. Махнула рукой на все бюрократические процедуры и увезла мальчиков без всяких виз.

И вот все мытарства позади. Все, что можно было продать, – продано, все, что можно было купить, – куплено. Вещи уложены, завтра едем.

Под вечер – звонок. Открываю – парнишка лет пятнадцати, сын К***, хозяйки мастерской,

где я работала на шарфах.

– Здравствуйте, у мамы срочный заказ, приходите завтра на работу.

Я впустила его в коридорчик, зажгла свет, говорю:

– Поблагодари маму за приглашение, но только завтра я прийти не смогу, я уезжаю.

– Ну, как вернетесь, вы же не навсегда уезжаете.

– Да нет, – говорю, – пожалуй, что навсегда. Я уезжаю в Россию.

– Куда?! – лицо его выражало удивление, испуг. – Там же большевики! Вы в самом деле туда едете?

– Да, в самом деле. Едем домой, на родину. Сейчас многие едут.

Он побледнел, отшатнулся, поднял руку, словно для крестного знамения, рывком распахнул дверь, выскочил на площадку.

– У-у, сволочи!!!

С лестницы донесся дробный топот.

И последнее. Несколькими часами раньше этого посещения я принарядила Нику, взяла ее за руку и повела на Лурмель. Ни во дворе, ни в церкви никого не было. Послеполуденное солнце било в окна, горели свечи, теплились лампы. Знакомые лики святых по-прежнему строго смотрели на меня. Я приблизилась к иконе Серафима Саровского, перекрестилась, прошептала молитву. Потом подвела дочь к Божьей Матери. Ризы, не потускневшие от времени, играли бисером и жемчугами, переливались на свету. Моя девочка широко распахнутыми глазами смотрела на изумительную икону.

* * *

Мы уезжали из Франции 24 сентября 1947 года. Я прожила в эмиграции двадцать девять лет. Наши семьи распались. Дедушка, мама, тетя Вера умерли. Умер Сережин отец, бабушка. Его и моих сестер жизнь разбросала по разным странам.

Мы уезжали втроем. Сережа, я и наша дочь, так и не ставшая француженкой. Мы уезжали в Россию, где не осталось ни одного представителя наших фамилий. Мы не знали, где поселимся, в каком городе будем жить. Это было совершенно безразлично. Я родилась в Одессе, но Одессы не помнила. Сережа родился в Полтаве, но Полтавы не знал, его детство прошло в имении бабушки, в деревне. Мы ехали в Россию вообще и никуда – конкретно. Мы вверили наши судьбы неведомой, непонятной нам Советской власти.

В Париже у меня оставались девяностолетняя бабушка, тетя Ляля, Петя с женой и сыном, семья дяди Кости. Накануне отъезда мы пришли к тетке прощаться.

Во время бестолкового, сумбурного разговора обо всем и ни о чем бабушка попросила тетю Лялю принести ее рабочий мешочек с пуговицами. Тетка принесла мешочек, и бабушка принялась рыться в нем. Наконец нашла искомое, позвала правнучку. Та пошла к ней с горящими глазами в ожидании подарка.

Я сидела в глубине комнаты и смотрела, как Ника льнет к коленям прабабки, маленькой, усохшей старушки, одетой в черное платье, с генеральским значком у ворота.

Бабушка ткнула пальцем в ладонь с лежащим на ней темным кружком, стала что-то важно объяснять правнучке, а та смотрела на нее во все глаза и согласно кивала.

Я сидела среди скромной обстановки теткиной квартиры, где каждая вещь напоминала о прошлом. Диван, на который мы, великовозрастные кобылицы, грюкались со всего размаху, играя в глупейшую игру, где правилом было обойти всю квартиру, не касаясь пола. Оттого, наверное, многострадальный диван состарился раньше времени, был продавлен местами. На этом диване когда-то в дни оккупации лежал Петя и рассказывал, как он ехал через всю

Францию на стареньком дамском велосипеде.

А на большом зеркале, отражавшем когда-то трех расшалившихся девочек в театральных жемчугах и бриллиантах, уже появились темные точки, знак старения. На вытертом линиялом ковре когда-то во время Великого Исхода сидела среди разбросанных вещей тетя Ляля и сжимала в кулаке мраморного слоника.

Со стены, из рамы темного дерева, удивленно и весело смотрела молодая женщина с младенцем на руках. Младенец смешной, с хохолком на макушке, женщина – в первом цветении молодости. То были моя мама и я. Я зажмурилась и прогнала слезы, а тетка внимательно и жалостно глянула на меня.

– Вот, Ника,– донесся тихий бабушкин голос,– это называется гривенник. Это тебе на извозчика. Вот приедешь в Россию, станешь извозчика кликать, прабабушкин гривенник и пригодится.

И дочь побежала ко мне через комнату с зажатой в кулаке потемневшей монеткой.

– Мама, мама, а мне прабабушка денежку на извозчика дала!

У окна сидел Петя, сосал погасшую трубку и грустно кивал головой. Эх, бабушка, сколько лет ты хранила эту монетку? Поди разбери теперь, что там на ней, потемневшей, то ли орел двуглавый, то ли профиль царя – все стерлось.

Тете Ляле не сиделось. Бегала из кухни в комнату, потом обратно. Присмотреть за кипящим на плите прощальным угощением. Возвращалась, становилась у меня за спиной, обнимала и говорила, говорила, говорила, давала наказания, потом спохватывалась и со словами «Ах, у меня там все переварится!» убегала в кухню.

Через два дня на вокзале моя милая, моя постаревшая тетка уже ничего не говорила, а только плакала. Она знала, что расстанемся мы навсегда, и просила лишь об одном:

– Ты хоть пиши, если будет можно, конечно.

Она была далеко не уверена, что нам разрешат переписку.

Не отставая от меня ни на шаг в вокзальной толчее, с нами до конца была Настя. Последний осколочек нашей когда-то такой дружной и веселой компании.

В толпе провожающих было много знакомых, мы едва успевали раскланиваться. Издали помахал рукой Палеолог. На бегу, усталый, распоряжающийся отправкой, пожал Сереже руку Игорь Кривошеин. Суетился, выкрикивая через головы чьи-то фамилии, Левушка Любимов, известный в эмиграции репортер «Возрождения», некогда попавший в водоворот младоросской заварушки с нац-мальчиками. И он, и Кривошеин представляли теперь начальство в Союзе советских граждан. Все они собирались ехать в Россию с третьей группой на следующий год¹.

Последние минуты уходили, каждая становилась прошлым. Вот уже дана команда рассаживаться по вагонам, вот уже и поезд дернулся, и Париж стал откатываться назад, назад... За стеклом на перроне уплыла и пропала крестившая меня рука тети Ляли. Мы поехали в новую счастливую жизнь. Так мы думали тогда, так мы верили.

На другой день произошла первая остановка. Даже не остановка, а конец первого отрезка пути. Мы прибыли в Сарбург. Здесь кончалась французская власть. И хотя это была всего лишь граница с Германией, и нам предстоял долгий путь через всю Европу, мы почувствовали себя под покровительством Советского Союза.

Нас разместили в теплых бараках, стали сытно кормить, никто никого не думал разлучать.

Потом начались проверки. У нас отобрали виды на жительство во Франции, выдали не имеющие никакого значения расписки. Но это никого не смутило. Надо – значит надо.

Потом начался досмотр вещей. Вот это уже понравилось меньше. Чемоданы раскрывали, но особенно не рылись. Нотной литературы у нас не было, про контрабандного Верлена я

умолчала. Но вот открыли нашу корзину, еще раз настойчиво повторили, что именно запрещено везти, и главное:

– Нет ли у вас огнестрельного или холодного оружия?

У меня оборвалось сердце. Я везла, на самом дне корзины, дедушкину именную шашку в потертых ножнах. Все эти годы мама берегла ее как святыню. После маминой смерти шашка осталась у меня. Тетя Ляля уговаривала оставить, но я не послушалась, заупрямилась, взяла с собой.

И вот тут Сережа сделал непоправимую глупость! Растерялся он или его побудила к тому излишняя совестливость, – он сказал двум советским офицерам про шашку. Шашку немедленно затребовали.

Тысячу раз ее можно было благополучнейшим образом провезти! Забрали. Пока Сережа трясущимися руками доставал шашку, попала детская книжка с картинками. Полистали – иностранная литература. Изымаем. Но тут заорала дочь:

– Нет, нет, моя любимая!

Явился чин постарше, полистал, улыбнулся:

– Бросьте, ребята, чего там, детская книжка. Отдайте девочке, а то сейчас заплачет.

И отдали. А шашку не отдали. Так и ушла из нашей семьи жалованная генералу Дмитрию Вороновскому именная шашка. Ах, Россия, Россия, вечно ты у нас хоть что-нибудь да отбирала...

Остальное провезли. Поль Верлен и малый Ларусс и сегодня стоят у меня на полке.

На следующий день нам выдали советские деньги. Вернее, обменяли наши франки. Обмен был ограниченный. У нас с Сережей денег было немного, мы ничего не потеряли, но нашлись и недовольные.

За всеми этими хлопотами время летело быстро. Погода стояла прекрасная, мы ходили гулять, в кино.

Наконец пригнали состав. К великому изумлению двух тысяч человек, не пассажирский, а товарный. Это было так странно, так неожиданно! Мы никогда не слышали, чтобы в мирное время людей перевозили в товарных вагонах. Все переглядывались, пожимали плечами, но нам велели распределяться и начинать грузить вещи.

Делать нечего, начали грузиться и острить, особенно когда узнали, что вагоны эти почему-то называются телячьими.

– Ну-ка, телята, не болтайте под ногами! – кричал на сыновей Славик.

Внутри вагоны все же были оборудованы для людей. В каждом вагоне нары, на них – набитые соломой матрасы, отгороженный угол для вещей. Мы устроились в одном вагоне: Понаровские, Панкрат с женой, Туреневы и еще несколько человек. Нельзя сказать, чтобы как сельди в бочке, но тесновато.

Погрузились, поехали. Через Германию, медленно, с долгими остановками. Как-то застряли на несколько часов в маленьком немецком городке. Желаящим разрешили пойти прогуляться. Городок оставил впечатление удивительной тишины и чистоты. Маленькие домики с островерхими черепичными крышами, очерченные черным окна, ухоженные садики. А рядом – не разобранные еще руины. В магазинах совершенно, ну, абсолютно нечего купить.

Все же набрали на полупустую лавочку и там произвели странный товарообмен. За три пачки сигарет «Галуаз» получили эмалированный кофейник, чугунную пепельницу и лампу «летучая мышь». Эти вещи нам были не нужны, но хозяева очень уж просили хоть немного сигарет. Тихие, приниженные, они еле связывали французские фразы, но мы сумели понять, как тяжело, как голодно им живется. И тогда мы простили и бараки в Сарбурге, и телячьи вагоны. Мир еще не поднялся после войны.

Жизнь на колесах была утомительной. Дети ныли. Ника стала прихварывать. Потом

началась Польша. С остановками, с новым лагерем. Наконец, после двадцатидневного путешествия, мы прибыли в Гродно. Это было 15 октября 1947 года в семь часов утра.

Был серенький пасмурный день. Наступила осень. Все высыпали из вагонов. Нас предупредили, что разгрузка начнется не сразу. В Гродно нам предстояло жить в специальном лагере, ждать приезда специальной комиссии по делам переселенцев, получать документы и выбирать место жительства.

Ника просила пить, но вода в вагоне была затхлая, теплая. Мы со Славиком взяли по кувшину и решили поискать свежую воду.

Двинулись вдоль состава, здоровались со знакомыми из соседних вагонов, поздравляли друг друга с прибытием. Мы перешли через рельсы, потом еще. Куда ни глянь, стояли составы, точь-в-точь, как наши, но молчаливые, задраенные. Мы шли по бесконечному коридору из товарных вагонов, пока не вышли к водокачке. Из широкой кишки изливалась на землю вода. Мы наполнили кувшины, отправились назад и через несколько минут заблудились. Было тихо, и только вдали свистел паровоз. Мы стали прислушиваться. И вдруг, совсем неподалеку, явственно послышалась русская речь.

– Там! – рванулась я в направлении голосов. – Туда, там наши!

Славик, считавший, что мы должны идти в противоположную сторону, плюхнул кувшин на землю и расхохотался.

– Глупая, да здесь все говорят по-русски!

Проблуждав минут десять, мы все же вышли к своим. Я напоила дочь, уговорила ее немного поспать. Время было раннее. Она задремала, а я снова спрыгнула на землю.

– Пойду пройдуся, – сказала Сереже.

– Смотри, опять заблудишься.

Но я пообещала не уходить далеко. Нырнула под вагон (уже научилась) и оказалась с другой стороны поезда.

Вдоль полотна тянулись глиняные кучи. Я обогнула их и увидела долинку с пожухлой травой. Была она скучная, безлюдная. Небо над нею было низкое, облака по нему неслись быстро. Справа – овражек, невдалеке по краям – березовый лесок.

Я стояла и ждала, когда же придет то возвышенное чувство восторженной радости. Ведь я дома, на родине! Но я ничего не ощутила. Было холодно, хотелось спать.

Но должна же я хоть что-то почувствовать! Я сбегала с насыпи, зашла за какие-то кустики, опустилась на колени, взяла горстку земли. Своей земли. Попробовала умилиться, поднесла землю к губам с намерением поцеловать. Так положено!

И вдруг совершенно ясно осознала, что разыгрываю никому не нужную комедию. И этот лесок, и эти кустики, и долина с овражком – все это было совершенно чужое. Это не были знакомые края, где я когда-то жила, кого-то знала, кого-то любила. А если честно, именно в этот момент сердце заныло в тоске по Парижу. Слишком маленькой пятилетней девочкой увезли меня от этих или подобных кустиков. Слишком долго я жила в эмиграции. Там прошло мое детство, там прошла моя молодость. Здесь еще ничего не было. Оборванные корни не проросли и болели.

Я поднялась с колен и побрела обратно к вагонам.

ЭПИЛОГ

Настала последняя ночь скитаний. Поезд шел лихо. С грохотом перелетал через неширокие реки по недавно наведенным мостам, прилежно выстукивали его колеса, теплушки покачивались, жалобно кричал паровоз.

В вагонах на грубо сколоченных нарах, на жестких соломенных матрацах спали мужчины, женщины, дети. Спали утомленные долгим странствием через всю Европу, с остановками, с призрачной жизнью в специальных лагерях, и томительным ожиданием.

Теперь все было позади. Паровоз гнал изо всех сил, эшелон в двадцать красных телячьих вагонов шел по России. Было начало ноября, был 1947 год.

Уже местами белели снежные проплешины на груди черной, набухшей от бесконечных дождей земле. Голые перелески танцевали, кружились, пятились. В их молящих, воткнутых в низкое небо ветвях надолго застревали клочья белого шлейфа, наклонно летящего из паровозной трубы.

Изредка деревья расступались, обнаруживая вросшие в землю деревеньки. В них, казалось, никто не живет. Пустыми провалами окон смотрели на пролетающий состав разрушенные войной маленькие станции, когда-то шумные, теперь немые, отдающие лишь грохот колес.

Грустно было ехать в ночи по разоренной России, и хорошо, что люди, обжившиеся в теплушках, ничего этого не видели. Они спали, а поезд шел, и, казалось, не будет конца его мерному ходу, не проснутся до утра его странные пассажиры, и только в одном вагоне слышалось едва различимое перешептывание.

– Скоро уже...

– Сказали, как проедем какие-то Сухиничи...

– Сразу, как приедете, напишите...

– Плохо все это...

– Что?

– Они разбросали нас по разным городам...

– Глупости, мы же будем переписываться. Нас не могут поселить всех вместе. Ведь русским языком объяснили в Гродно.

– Понятно...

– В послевоенн...

– Понятно. Не надо об этом.

И шепот становился совершенно неслышным: не то эти люди задремывали, не то стук колес заглушал слова.

Заполночь поезд умерил прыть, стал катиться тише, тише, с грохотом дернулся и стал. Снаружи пробежали, громко разговаривая, протопали.

Кое-где проснулись. Чьи-то головы свесились с нар, в темноту, кто-то пытался настороженным слухом разобрать смысл криков, доносившихся снаружи. В теплушке, где шептались, зажгли летучую мышь. Огонек затеплился и высветил несколько встревоженных лиц. Здесь словно ждали чего-то.

И точно. Заглохший, было, в голове поезда топот стал возвращаться, по стенке вагона заколотили, забарабанили. Когда дверь усилиями нескольких мужчин откатилась, снизу, из ночи крикнули:

– Улановы здесь? На выгрузку пять минут! Приехали! Брянск!

Из вагона швыряли, куда попало, портплед, баулы. Две женщины одевали сонную девочку лет пяти. Руки у них тряслись, пуговицы на детской шубейке не попадали в петли.

– Ребята, родные... Да что же это... расстаемся...

– Вы пишите нам, обязательно пишите! Мы не должны теряться!

– Где большой чемодан?

– Скорее, поезд уйдет!

Выпрыгивали из вагона, принимали из рук в руки ребенка, и девочка смеялась от неожиданного полета в темноту, в мамины объятия. Трое с земли махали другим, наверху, в широком дверном проеме вагона.

Паровоз крикнул коротко, состав дернулся и пошел. И пошел, и пошел, усиливая ход, всасываясь в ночь. Недолго светила и красная точка в конце эшелона. Исчезла, будто ее задули.

Двое взрослых огляделись. Ни огня не виднелось, ни хаты. Только шпалы просматривались в ту и в другую сторону шагов на пять, а дальше становились совершенно невидимыми, да справа угадывалась стена более плотного мрака. Лес! Шустрые молодые люди с командирскими голосами, как и положено, уехали вместе с поездом.

– Куда же это нас привезли? – прозвучал испуганный женский голос.

Никто не ответил, не отозвался. Брянска не было. Не светили прожектора, не пересвистывались паровозы, не суетились, не бегали, как это всегда бывает на крупных станциях, возбужденные пассажиры, да и самим человеческим духом здесь не пахло.

Чтобы хоть как-то прийти в себя, мужчина и женщина стали ориентироваться по сторонам света. Предположив, что ехали они «оттуда», с запада, после недолгой перепалки определили направление, где по логике вещей все же должен был находиться Брянск.

– Не в лесу же нас, в самом деле, высадили!

Хотя лес был рядом и молчаливо опровергал самые разумные доводы.

Посыпал снежок. Мелкий, назойливый, подрядившийся на всю ночь. Страх подобрался к сердцу женщины, затуманил голову.

И вот тут, когда очевидной стала безвыходность положения, темноту проткнул и медленно, словно летя по воздуху, стал приближаться к ним огонек. Детский голос радостно возвестил:

– Огонек летит!

А взрослые напряглись в ожидании разъяснения этого огонька. По шлаку захрустели шаги. Светлое пятно подскочило вверх, проявило лицо и руку с фонарем.

– Кто такие? – раздался испуганный голос.

– Свои! – сбрасывая напряжение, отозвался приехавший мужчина и сделал шаг навстречу носителю огня.

Им оказался железнодорожник, стрелочник или обходчик, и вид у него был даже испуганный.

И было от чего! На пустынном разъезде, где и днем-то собаки не встретишь, а разве что голодного серого волка, в самый срединный час ночи, очутились неизвестные люди с чемоданами и ребенком. Присутствие ребенка, впрочем, подействовало успокаивающе на стрелочника или обходчика, или черт его знает, кто он такой был.

– Откуда вы? – бросил он в темноту.

– Видите ли... – сделал еще шаг к нему мужчина, — мы...

Стрелочник сдал ровно на шаг назад. Мужчина остановился, решив сохранить дистанцию.

– Да вы не бойтесь, мы не воры, не разбойники. Мы сами попали в ужасное положение... Мы, видите ли, приехали из Парижа... Нас, как теперь становится ясно, по ошибке ссадили с поезда. И вот... чертовщина какая-то. Короче, мы не знаем, куда идти.

– А куда надо было?

– Нас должны были доставить в город Брянск. Остальных, таких же, как мы, около тысячи человек...

Стрелочник резко повернулся, готовясь увидеть толпу в тысячу человек, а мужчину внезапно разобрал смех.

– Да нет же, нет, те давно уехали. А у меня, – он полез во внутренний карман, – вот, направление в Брянск.

– Тю, Брянск! – развеселился стрелочник. – Брянск, он, почитай, километров семьдесят отсюда будет, – и показал в сторону, противоположную той, куда определились идти пешком приезжие. – А здесь никого. Здесь разъезд. Да Сухиничи, вон, километра полтора отсюда.

– Au nom de Dieu! – без сил опустила женщина на стоящий рядом чемодан и прижала к

себе ребенка.

Стрелочник посмотрел на нее, для чего поднял фонарь повыше, насторожился, будто вспомнил что-то важное, упущенное за разговором.

– Откуда-откуда, вы говорите, прибыли?

– Из Парижа.

– Едрит твою мать! — изумился стрелочник, — это из какого такого Парижа? Из того, что ли? — и ткнул рукавицей туда, где, по его разумению, должен был находиться Париж.

– Э-э, ну д-да... — подтвердил мужчина.

Но как-то неуверенно. Видно, сообразил, что оказаться ночью на пустынном разъезде в самом сердце России и утверждать, будто прибыл из Парижа, мог только сумасшедший.

– Бывает, — решил не тушеваться перед заграницей стрелочник.

Он снова поднял фонарь. Тут он и разглядел главное. А ведь одета эта троица не так, как обычно одеваются добрые люди на Руси! Он в макинтоше под пояс, в шляпе... Она — не разберешь, чего у нее на голове наверхено. Чалма — не чалма... А пальтишко в клетку, расклешенное, для зимы худое.

– Так вы не то артисты?

– М-м, что-то в этом роде, — согласился мужчина, а стрелочнику почудилась насмешка в его ответе.

– Ты тоже из Парижа? — махнул он фонарем в сторону женщины.

Та подтвердила, кивнув.

– И ты, значит, из Парижа, — обреченно перевел стрелочник взгляд на девочку.

Эта насупилась и не ответила, а мать убрала ей ладонью волосенки под капор.

– Ладно, коль так, — смирился стрелочник, — сидите здесь, ждите. Сейчас народ приведу, вещички поможем на станцию отнести да и разберемся, из какого вы там Парижа.

(Конец)

ЛЮДИ ВОЙНЫ

Повесть²

I

В начале декабря сорок четвертого – стоял ненастный день – ровно через год после того, как пришла похоронка, Нормат вернулся с войны, лишившись одной ноги. Так как подобное возвращение с нее стало привычным делом, никто не удивился его увечью. Чему удивляться-то? С войны, в конце концов, не отпускают домой здорового человека!

Последние три года это все чаще и чаще повторялось: в тот год, когда началась война, мастер Пирназар из Верхнего Теракли вернулся без правой руки. Как будто специально: он занимался кровельными делами. Теперь какой из него мастер без руки? А двумя годами раньше муллу Турды из Курганости встретили ослепшим. Тут ничего, можно терпеть: молитву читают и без глаз, ведь муллы ее наизусть знают, как они сами говорят! Более того, Терсотинцам несчастье Нормата казалось совсем мелочью по сравнению с бедой Янгиба-счетовода: первый лишился лишь одной ноги, и то только по щиколотку, а вместо нее был протез, очень похожий на натуральную ногу, Янгибай же въехал в свою деревню на коляске для инвалидов – отсутствовали обе ноги, или, как сказали бы врачи, без обеих нижних конечностей.

Жена его, из рода бывших рабов, – ну, было и такое в очень далеком их прошлом! Не переписывать же собственную историю, если тебе что-то не понравится в ней! – два-три месяца горевала, а потом как бы смирилась – люди так думали.

Однако в начале лета она отбыла в Камашаи. И тогда, когда муж находился на фронте, она часто ездила туда не понятно по каким причинам. У некоторых были свои, довольно щекотливые предположения на это счет, однако, как говорится, «не пойман – не вор».

Неделей позже, вернувшись на грузовике, никому ни слова не говоря, куда-то увезла и мужа, примерно через десять дней вернулась одна. Потом люди по слухам узнали: определила мужа в дом престарелых. Хотя, какой он был старик в свои сорок лет? Найдут же люди выход, когда им очень надо!

Узнав об этом позже всех, глухонемой брат Янгибая в конце лета избил ее до полусмерти, и на второй день, к полудню, соседки нашли ту в коровнике: без сознания, всю в крови. А потом...

Нет, кажется, мы полностью перешли на сплетни и ненужные подробности «частной жизни свободной женщины!» Бог с ней, давайте лучше о нашем главном герое, Нормате!

На следующий день в его глинобитном доме с большой, открытой верандой сыграли маленький «той», то есть, как бы отметили возвращение Нормата. Зарезали достаточно жирную козу, хотя старую. Аромат горячей шурпы стоял даже над соседними деревнями Олма и Супа, ибо все они в этих местах расположены совсем рядом.

Односельчане, посетившие Нормата, вместо крепкого, солидного мужчины – никогда ни с кем не поборовшегося, однако прозванного «богатырем», потому что был крепкого телосложения и высокого роста, одного из первых джигитов деревни, испускавшего когда-то всем своим существом силу, только-только перешагнувшего порог тридцатилетия – увидели похудевшего мужчину с повисшей кожей вместо мышц, уже поседевшими волосами на висках, на вид, которому можно было бы дать все пятьдесят, со следами рубцов на лице тут и там, еще

² Журнальный вариант

не избавившегося от едких запахов лекарств и мазей, живого свидетеля ими много раз наслышанной страшной войны.

Собравшимися, в основном были молодые женщины, мужья которых были на фронте, и пожилые люди – старики и старухи, еще дети которые как пришли, так сразу и начали шумно играть во дворе.

Для приема гостей хозяева выбрали не теплую комнату – не было лишней печи – а предназначавшуюся для гостей. Она была справа, рядом с той, где печь, однако гости предпочли именно ее, где обычно жили, ели, а по ночам все вместе спали.

– И так знаем, что у Нормата есть гостиная, – прикалывались они. – А какие мы вам гости? Все свои. Вот эта нам по вкусу, – кивком указывали они на комнату, куда уже начали входить один за другим без всяких церемоний, у порога снимая калоши, старые, потрепанные. – Что?! Тут не убрано, говоришь? И не надо, Анзират, дорогая, чувствуем себя не в своей тарелке, когда сидим в уютной, убранной комнате, – говорили они шутя, скорее всего, для того, чтобы та не смущалась.

Комната с печью была просторна. В нише, что в глубине ее, были сложены замусоленные – в военные годы, как и везде, мыло являлось страшным дефицитом, выдавали по маленькому куску, один раз в месяц, по списку, и то не всегда – сшитые из лоскутов одеяльца, овчина, раскрашенные в разные цвета, кошмы, разрисованные узорами, ковры ручной работы. Потолок был невысок. С двух противоположных сторон глиной заштукатуренной стены висели два продолговатых сюзана с изображением птицы, антилопы, парня и девушки, вззирающих друг на друга, между которыми, кстати, был огромный горшок с цветами, подножья горы, где пасутся ягнята, а также с видом весенних дней. Если внимательно посмотреть, в глаза бросались острые, затянутые углы: под сюзана из тонкого белого полотна сложены были два платка зеленого цвета с красными цветами. Они от долгого нахождения там или – скорее всего – от влаги стены обесцветились.

Взглянув на сюзана, можно было сразу почувствовать, что девушка, когда-то вышившая их, имела золотые руки: изображение было почти произведением художественного искусства, что не в каждом доме встретишь, и достойно музея. На них запечатлены девичьи мечты, и можно было догадаться, что они были ее свадебным приданым: какая деревенская девушка придет под полог без них? Пройдут года, не одно, а десятки, их, как ценные работы, потом будет покупать бродячие по дворам цыганки-люлишки за бесценок и перепродавать втроедорога, может, еще дороже тем, кто им это заказал: многие побывавшие в Европе, Америке потом видели, что такие сюзана украшали самые фешенебельные дома.

Нормат, хотя был хозяином дома, в знак уважения и признательности, как это везде принято к вернувшимся с войны, был посажен вглубь комнаты. Старики занимали его незначительными, пустыми разговорами ради приличия, чтобы не сидеть молча. А старухи возле печи, слегка наклонившись, вступили в бойкий разговор между собой, тихо смеялись, открывая беззубые рты.

По ходу разговора в полусшепоте, чтоб обозначить свое удивление, радость или грусть, кривили морщинистые лица, играли редкими бровями, левой рукой туго держа за воротник платье – это особый признак удивления, при этом еще надо и молитву читать скороговоркой, типа «Тавбе, тавбе, тавбе...». И, конечно же, говорили о ком-то, например, что обычно часто бывает, кто отсутствовал в этом круге...

Молодые женщины тоже пришли сюда, разве что поболтать, но их можно понять – женщин не корми медом, а только дай поговорить! Как мы уже говорили, у многих из них мужья были на фронте, а некоторые успели даже овдоветь – одна за другой приходили похоронки на них. Эти выглядели печальными, одеты были в траурные наряды и изредка, тайно взглянув на Нормата, думали: «Вот он вернулся на счастье жены и детей, хотя и на него была та зловещая

бумага! Может, и мой нагрянет неожиданно, как он, пусть даже с такой ногой!»

Во дворе раздавались тарактеные посуды, крики детворы: «Не зачтено, не зачтено, еще раз повтори!», пронзительный окрик бабы, видимо, своей дочке-подростку: «Вот как! Вместо того, чтоб успокоить младенца, заигралась с ухажерами!», а чуть позже ее то ли поучение, то ли ласковое замечание, видимо, к какому-то мальчику: «Ну, тебя! Отца твоего... Так будешь продолжать, не дам тебе ее!»

И общий смех тех, кто был во дворе.

Казалось, что все разом забыли о том, что идет война, или же стараются забыть. А Нормат, взирая на лица односельчан, молчал, и было заметно, что чем-то терзается или стеснен.

Раза два попытался сидеть как все мужчины, но протез мешал ему, опять принимал изначальное положение – вытягивал ногу вперед. Начинал грустить, видя на лицах посетивших его односельчан признаки солидарности и некоторой жалости, которые они даже не старались скрыть по простоте души, а может, и думали, что так положено: все-таки человек лишился не волос на голове, а части тела! А как мы делаем вид, будто ничего с ним не произошло!

Им опять завладело чувство унижения, скорее, неполноценности, появившееся момента ампутации ноги. Молча наблюдал за женой, все еще не потерявшей былой красоты, часто заходившей к ним по делам, например, занести чай гостям, почему-то плакавшей, вместо того, чтобы радоваться, когда ночью он довольный лежал на спине после наслаждения, испытанного через столько лет без ласк и любви женщины. И тогда он искал в ней следы почти четырехлетней разлуки, но не находил: они были скрыты неизвестными ему причинами, а видел только скованность, слезы и угрюмость ее.

Ему больше всего не нравилась именно вот эта ее угрюмость, будто она не рада его возвращению.

– В комнате боритесь, в комнате! – басистым голосом кричал со двора Шариф – наездник, близкий друг Нормата. – Эй, безотцовщина (он почему-то всех мальчиков подряд так обзывал, даже если рядом стоял родной отец), вам говорю! Покажите богатырю, как это вы умеете! Ну-ка, идите сюда...

Кстати, его не взяли на войну.

В детстве, чтоб достать орехи, он залез на очень высокую орешину, а ветвь, на которой он стоял, неожиданно сломалась, он полетел вниз и, сильно ударяясь о землю, сломал себе руки. А родители только обрадовались такому «счастью»: «Бог спас! С такого высокого дерева упал и остался жив! Что?! Одна рука станет короче другой? Ничего, и с такой рукой можно жить».

Как это ни странно, впоследствии он стал лучшим наездником, женился на сравнительно... некрасивой девушке (многие ему понравившиеся девушки отказали ему в связи с его «недостатком»), народил детей, хотя жена его, помимо «недостатка в красоте», была еще...

Ладно, о ней потом. Конечно, по мне, лучше было бы вообще ничего не говорить о такой женщине!

Шариф привел в комнату двух мальчуганов лет десяти – одиннадцати. Один из них был одет в старый полосатый чапан – своеобразный ватный халат, сшиваемый из полуселкового материала, шапку-ушанку из молодой бараньей шкуры. А второй, в черном сатиновом чапане: это уже чуть проще, обычно из хлопчатобумажного материала. На голове у него была сизоватая солдатская шапка, видимо, отцовская.

Оба пыхтели, скованно глядели на неловко сидевшего Нормата – давно его не видели, даже говорили, что будто его нет и в живых.

– Богатырь, благословите их, хотят побороться, хотят идти по вашим следам, – как бы льстил Шариф ему (он, конечно, лучше всех знал, что Нормат никогда не боролся, и с ним говорил сейчас на вы, вызывая скрытую улыбку его), может, желая повеселить его, и подталкивал мальчиков на середину комнаты. – Скатерть укоротите, скатерть! Зубай-байбича,

почему тяните время! Сверните ее, ничего с ней не будет... Пусть дети покажут свое мастерство большому богатырю.

«Ишь, как заливается!» – опять думал Нормат, усмехаясь.

Он вспоминал свадьбы, что сыгрались в близких и далеких деревнях, и всегда начинались с борьбы детворы – теперь они казались ему далекой историей.

Мальчики, еще раз оглянувшись, взлохматились, как боевые петухи, и стали кружиться по узкому кругу.

– А ну! – кричал Келдияр-супи, сидевший напротив Нормата (мальчик в солдатской шапке был его сын). – Если не обелишь моего хлеба и соли, на эту ночь маму твою к себе возьму!

Все сидевшие в ответ на его слова засмеялись.

– О! – шустро начала говорить смуглая, с виду тридцатипятилетняя баба, сидевшая с молодыми женщинами, только что прозванная Шарифом Зубай-байбича. – Если отец на одну ночь берет маму к себе, потом она не отстанет от него, вцепится как пиявка...

Мальчик, свирепо взглянув на Зубай-байбича, пошел в атаку: схватив противника, оттолкнул его назад, а тот не удержался на ногах от внезапной атаки и сел. Сын супи бросился на него, а Шариф, вскочив с места, вовремя развел их: нельзя лежавшего атаковать.

Мальчики опять стали кружиться.

– Ну, шустро! – сказал мулла Саттар, который со времени своего прихода сюда полулежа дремал, не вмешиваясь в разговоры, или, как он выразился, в «болтовню», однако тут же открывший глаза, как только началась борьба между детьми.

Он был немногословен – больше слушал. Этому человеку было больше пятидесяти, но выглядел моложаво, был крепким. В этом году, женившись на несовершеннолетней внучке-сироте старухи Тынык – не отличавшейся ни красотой, ни умом и по той причине считавшейся в народе «потенциальной старой девой» в недалеком будущем – отдав две козы и три мешка муки в качестве калыма, еще больше помолодел.

На повторной атаке мальчик в сатиновом чапане немного пришел в себя, легко отбивался от нападков. А тот перешел на хитрость, поняв, что без нее не справится: неожиданно перебросил через себя противника, держа его за воротник и упираясь одной ногой ему в живот, однако опять ничего не получилось – тот упал на бок.

– Все! – сказал Шариф, выпрямляясь. – Как раз под стать большим силачам, спасибо вам, мальчики. Идите...

– Бросьте! – сказал ему вдруг мулла Саттар, возмущаясь. – Видать, не знаете, как борются настоящие джигиты?! Нет победителя, пока кто-то не закончит дустаманом?

Шариф быстро согласился с ним. Он не любил спорить и с женой, о которой, как мы обещали, в дальнейшем будет идти речь, но избил здорово, когда в чем-то провинилась...

Все началось заново.

Так как не прошла его хитрость, мальчик в солдатской шапке, готовый заплакать от обиды, теперь с правой стороны обнял соперника, а тому как раз это и нужно было: двумя руками стиснув его левую руку, дал слева сплетенный удар, что в народе называется «чил». «Солдатская шапка» падал на спину, на обе лопатки.

– Чисто! – закричал Шариф. – Вот это да! Отца твоего тебя, безотцовщину... Как раз что надо – дустаман! Эй, Хайрулло! – позвал он, крича во двор. – Несите богатырю костный мозг (он, как и все остальные гости, знал, что во дворе, в большом котле, варится старая коза, на огне жарят голову, ее ноги – в нос ударило щекоотливый запахом гари)...

Мальчик в чапане, подняв с земли упавшую шапку, надел ее и, гордо оглянувшись вокруг, стал на месте, не зная, то ли уходить, то ли остаться. А его соперник, подойдя к отцу, внезапно заплакал от обиды.

– Все, лишился матери, – сказала Зубай-байбича, хихикая, чтоб еще досадить мальчику.

Тот, взглянув на нее влажными глазами, вдруг разразился матерщиной. А она, с улыбочкой встретив его мат – будто все время ее так и ругали, можно было даже подумать, что это ей нравится – изображая ножницы двумя пальцами, угрожала ему:

– Сейчас обрежу у тебя то, что в пахе! И отцу не придется хлопотать о том, чтоб женить тебя... Ха-ха-ха!

Мальчик шмыгнул за дверь и, выйдя на веранду, опять сунулся, вытягивая шею, обзывал ее, как это делает с ней его мать: их мамы почему-то часто ругались, обзывали друг друга самыми последними словами, не стесняясь даже детей, хотя были очень близкими подругами.

– Зубай... Зубай косолапая! – показал он ей язык, а когда та угрожающе поднялась с места, слышно было, как, топая ногами, убегает.

– Да, вспылчив, – буркнул мулла Саттар. – Вся порода такая у них, – сказал он, что-то имея в виду. Присутствующие понимающе обменялись взглядами, в которых искрились подтверждения его слов.

Шариф обратился к победителю:

– Подсядь к дяде Нормату, – сказал он. – А вы, богатырь (достал же со своим «богатырем!»), подайте ему руку, поздравьте...

Мальчик почувствовал, что теперь всеобщий любимец, как победитель, и подсел к нему.

– Ты, чей сын? – спросил Нормат, с улыбкой посмотрев на мальчика.

– Эшонкула, – ответил мулла Саттар вместо него. – Богатырь во плоти...

Нормат вспомнил здорового Эшонкула, кстати, ровесника своего, кузена. Тот, кстати, как и он, ушел на войну с ее начала, и Нормат после своего приезда узнал, что с тех пор не было никаких вестей от него. А где его жена? Что-то не вижу ее, может, не пришла...

Нормат по-отцовски потрепал мальчика по плечу:

– Из него получится большой богатырь, раз сын Эшонкула!

– А как же! Он теперь настоящая опора Масиле (мать мальчика так звали), – сказал Шариф. – Знаете, когда старик Акбута шутил, сказал ему: «Теперь дай мне свою мать, ведь отец ушел на войну», он поджег хвост его ишаку...

Присутствующие, как бы оправдывая поступок мальчика, засмеялись, и по глазам мальчика было видно, что он действительно так сделал.

Мальчик все таял от того, что о нем говорят, более того, хвалят.

– Не видели моего отца? – спросил он вдруг, ласкаясь, с надеждой во взгляде.

Мальчик почему-то думал, что война – это какая-то... ровная поляна, где все всех видят, и происходит она где-то... во-о-о-н за этими горами, что окружают их деревню! И никак не мог понять: почему хоть один раз в месяц не отпускают солдат домой? Где они спят после сражений? Приходили бы после каждого боя домой, а утром опять туда... И почему, вообще, старшие воюют?! Как человек может стрелять в человека? Больно же, когда в тебя попадает пуля!

Нормат, смеясь его простодушию, мотал головой, потом хотел подбодрить мальчика.

– Придет твой отец, помни мои слова, этой... нет, следующей весной приедет, – сказал он серьезно (он еще не знал, что до окончания войны осталось мало: две весны был явный перебор с его стороны).

Когда принесли большущую кость, мальчик, тут же схватив ее двумя руками, побежал во двор, чтобы всем показать, похвастаться, заодно и сказать ребятам, что его отец обязательно вернется – дядя Нормат так сказал...

После борьбы детворы беседа среди присутствующих оживилась.

– Эй, Зубай байбича, – сказал мулла Саттар, поднимая грудь с подушки, выплевывая насвай под ковер, чуть подняв его край. – Говорят, есть письмо от Уринбая?

– Да дядя, пришло позавчера, – сказала Зубай-байбича. – Работает на заводе-фабрике...

Она не могла отличить завода от фабрики, думала, что это одно и то же место работы.

– Ого, на такую большую работу взяли?! – искренне удивившись, спросил пастух Раджаб, тоже отродясь не видевший ни завода, ни фабрики и всегда думавший, что на заводах и... как там еще... да, на фабриках работают исключительно умные люди.

– Да, – сказала Зубай-байбича. – Сам так и написал, а его письмо мне прочел сын маленького Шарипа.

– С колыбели было ясно, каким он выйдет, – вмешалась в разговор старуха Кудурат. – Все матерился по-русски. И с русскими водниками в деревне только он мог поговорить, когда те приезжали. Однажды – своими глазами видела – даже сам начальник их его хлопнул по плечу и восхвалял: «Лучше по-узбекски говори – у тебя хорошо получается»...

– А что бы это значило? – спросил мулла Саттар, не поняв слов старухи, может, из-за ее плохого произношения.

– Это... означает, что он лучше говорит по-русски, чем... – осторожно, неуверенно вставил Келдияр-супи, оглядываясь, сам не веря в правильность своего объяснения: вдруг кто-то из присутствующих его подправит, заодно и устыдит!

Но он зря опасался: таких людей не было, а Нормат, уже кое-что разбиравший в этом языке, пробыв, сколько лет на войне, отвел взгляд в сторону, чуть улыбаясь – пусть болтают, что угодно. Зачем ему умничать?

– А... – сказал мулла Саттар, мотая головой. – Тогда ему как раз там и работать...

Нормат теперь открыто улыбнулся: вся эта простота, и искренность близких ему людей была очень знакома ему и невероятно приятна. Он соскучился по ним, четыре года шатаясь по свету, повидав различных людей, нигде не услышал, таких речей, как в родной деревне. Он повеселел. Да, и такое бывает, когда хоть на время забудешь, что кто-то может и не рад твоему приезду, как это тебе все время кажется...

– Эй, Келдияр ака! – раздался со двора тонкий, пронзительный голос женщины, будто она рядом с вами сидит и кричит прямо в ухо. Кстати, познакомьтесь, читатель: это – Турсун! Вот это и есть та пресловутая жена Шарифа, о которой мы обещали завести разговор чуть позже. Кажется, это время настало. – Усмирите или нет своего сына?

Келдияр-супи, подмигивая ее мужу, подал голос с места:

– А что он сделал?

– Что сделал?! Обматерил моего сына...

– Пусть играют! Дети же, ничего не будет!

– Как ничего не будет?! А мой плачет. Ну, отца твоего (она часто подражала мужу)... иди сюда... Как?! Теперь меня?!

Послышалась беготня: кто-то убежал, кто-то догнал, и, когда все думали, что тем все кончилось и можно будет вернуться к прерванному разговору, вновь раздался голос Турсун, видимо, мальчик все еще продолжал дразнить ее.

– Хайруллабай, схватите его, плюньте насвай в его рот... Он опять о моей чести! Ты сначала возьми разрешение... у дяди Шарифа... потом, может, и подумаем вдвоем...

Все присутствующие стыдливо переглянулись, а некоторые хихикали, глядя на Шарифа: «Ну, жена же у тебя!»

Тот покраснел.

– Провоняла же! Такое говоришь ребенку, бесстыжая ты! Совсем потеряла стыд! – послышался со двора язвительный голос старухи Бийди, взявшей на себя обязанности и главной поварихи, и хозяйки сегодняшнего торжества. С утра поручая своим снохам разные работы, делая всякие замечания, она, кажется, сама смертельно устала от такого усердного старания, голос ее ослаб. А снохи ее, бедняжки? Они, из-за ее придирчивости не могли даже посидеть, как другие женщины, поговорить с соседками и подругами, с которыми давно не виделись.

Шариф как бы «поддержал» мальчика:

– Ладно, я согласен, если половину калыма заплатит, что за тебя отдал! – с места крикнул он жене.

Все расхохотались, и он вместе с ними сам.

Нормат на время забыл свое увечье, видя и слыша односельчан, занятых своими повседневными жизненными проблемами, уверовал, что может побороть не только телесные раны войны, также и душевные. Это надежда росла и тогда, когда навещали знавшие его люди из других соседних деревень – значит, не забыли его.

Торжество, начавшееся только ради приличия, вдруг приняло вид праздников довоенных лет.

– Гулять так, гулять! – сказала, вставая, старуха Бустон, сидевшая у печи и гревшая свои остроугольные плечи, подслушивая разговоры, разинув рот. Она вышла во двор, и, бог знает где, найдя лопнувшую доиру, стала бить по нему, как попало, и начала весело хриплым голосом петь:

Персиковым деревом под,
Простудилась свекровь моя.
И поругала меня, кривя рот,
Не стыдилась, свекровь моя.

Все весело смеялись. Под ритм бубна, с неподобающими старухам ужимками на морщинистом лице, в круг вступила старуха Норби, и, сбросив с головы джелак – короткое женское покрывало наподобие паранджи с рукавами и украшениями – вскинув руки, как бы подражая птицам, стала плясать. Гости опять весело смеялись такому зрелищу. Старуха Бустон продолжала:

Ой, ты мой дорогой, дорогой,
Проехал, задевая тутовник.
И сердце затронул, милый мой,
Будь мной любим, будь мне любовник...

Несколько молодых женщин потянулись через окна, дверь и веранда забились детьми: они звонко стали смеяться, увидев пляску хилой старухи, которая, казалось, вот-вот рухнет от своих неуклюжих движений.

Вошедшие в азарт от такого зрелища, молодые женщины, выйдя на веранду, образовали свой круг, стали затягивать в него и девушек, большинство которых были на выданье и поэтому скромно стояли в стороне. Старуха Норби и сюда подошла, опять пустила в ход свои простейшие песни. Терсотинцы, будто только вспомнив, что в течение четырех лет войны не собирались вот так, намеревались повеселиться вдоволь. По возвращении нескольких демобилизованных до Нормата, например, таких, как Янгибай, видя его печальное состояние, как-то рука не шла на такие мероприятия – какой праздник, когда перед тобой живой труп!

И в схватке мальчуганов чуть раньше, и в разговорах – во всем властвовало такое расположение духа. Старались хотя бы на время забыть последствия войны, которой все еще не было конца – а когда она началась, говорили, будто через неделю она закончится – громко смеялись каждому слову собеседника, если даже тот был отнюдь не смешен и не остроумен. Молодые женщины подкалывали Анзират, «ставшую легкой в походке» – после возвращения мужа, продолжали лукаво смеяться. Казалось, что боятся скорого конца этого дня, возвращения в свои дома, где все еще поджидает память и страх войны, начало той беспокойной, одинокой,

усталой жизни. А тут можно хоть отвлечься.

И в самом деле, если перелистать вперед или обратно страницы этих сердец, на них все еще существовала военная жизнь, на обеих сторонах шла война и погибали, калечились или лишались чего-то там самые близкие люди – мужья, дети...

Но ничего вечного на этом свете нет: праздник кончился, к вечеру все разошлись по домам, не считая трех-четырех мужчин, близких соседей, оставшихся допоздна. Наконец, и те встали – надо, в конце концов, и честь знать! – увидев, что Нормат начал клевать носом.

Он, прихрамывая, вышел проводить их.

Сегодня очень устал, однако от того, что с войны вернулся в прежнюю жизнь, о которой даже мечтать не мог (сколько воинов погибло, рядом с ним воевавших – невозможно счесть), легко было на сердце, хотя временами...

– Что теперь будешь делать? – спросил Шариф, шедший позади всех. Держа за запястья друга, он отвел его чуть в сторону, чтобы с ним отдельно поговорить. Задержавшиеся соседи, увидев, что у них свой разговор, попрощавшись, удалились. – Не подумал?

– Не успел еще. Дай немного прийти в себя, – улыбнулся Нормат.

– Долго не думай, не такое время. Есть работа как раз под стать тебе, конечно, если не откажешься... Солидная...

– Какая?! – не понял Нормат.

– Ну... будешь бригадиром. По двум-трем аулам по близости, как я...

– Не пойдет, – сказал Нормат, немного подумав. – Не по мне...

– Почему?! Как раз для тебя. Колхоз выделит лошадь, а ты только приказывай.

– Не надо, мне намного лучше на земле работать.

Шариф, будто о какой-то тайне говорит, шепнул в его ухо:

– Мирзакуль, председатель сельсовета, просил передать тебе. Подумай еще, об одном – с такой ногой трудно будет тебе физически работать, обеспечить семью! А что твоя пенсия? Сейчас на деньги разве что-то купишь!

Нормат молчал, словно не слышал друга. Он ни знать, ни слышать не хотел о Мирзакуле, недолюбливал его. «Нашелся мне, отец родной! – думал он. – Наверное, просто сверху ему указали обеспечить меня работой как фронтовика, как сейчас везде так делают, а то он сам бы никогда... Ладно, и без него у меня головной боли много. Чего стоит такое странное поведение Анзират!»

Ночь была туманной, стоял мороз. В ауле лаяли собаки, их пронзительный вой дошел до скал на том берегу реки, оттуда вернулся несколько раз подряд повторяющимся эхом.

– Нормат, – опять начал Шариф (все-таки он хотел уговорить друга на эту работу, как сам думал, престижную по здешним меркам).

– Друг, брось, какой из меня бригадир? – вдруг возмутился Нормат. – Я же говорил, что мне на земле работать, а не изображать из себя какого-то большого начальника, как он, твой «многоуважаемый председатель», – кончил он с издевкой.

– Ну, сам знаешь тогда. Наше дело предложить.

Ему немного льстило, что председатель на него возлагает некоторые обязанности, хотя сам тоже не больно любил его, за глаза называя «выскочкой».

На том и распрощались.

Когда он зашел, дети спали у печи, Анзират сидела на краю постели на двоих. Она продолжала сидеть так, как сидела, кажется, шила что-то.

Нормат искоса посмотрел на нее: хоть бы глаза подняла! Знает же, что человек зашел!

Он, медленно раздевшись, опустился рядом.

Долго так полежав, видя, что она не шевелится, наконец, сам обратился к ней, чтобы

подавить свое возрастающее раздражение: и вчера такая была! Сколько можно!

– Анзират!

Он звал жену по имени, нарушая деревенский обычай кунгиратов. У них издавна, муж и жена зовут друг друга именами своих детей, обычно, старших.

– Что? – сказала Анзират тихо, как ему показалось, неохотно, не подняв головы, однако Нормат не заметил этого, вернее, не хотел: сердце наполнялось жгучей страстью, увидев готовую постель, подумал, что это признак внимания и желания. Говорят же: надежда умирает последней!

– Анзират! – лежа, вытянувшись на вес рост, он привлек ее к себе. – Там все время о тебе думал... и детях. Богу молился... просил оставить меня в живых ради вас. Сказал, что дома такая красивая жена, очень любившая меня... Анзират, скажи что-нибудь! Что с тобой? Как я пришел, ни улыбки, ни слов, будто не рада. Или не нравлюсь уже? Думаешь, что я... калека? – последние слова он произнес с такой болью в голосе, с опаской, что получит утвердительный ответ.

Она медленно подняла глаза от работы, посмотрела на него долго, потом отвела взгляд:

– Нет, – сдавленным голосом ответила она. – От вас пришла похоронка... бумага о вашей смерти... и я думала...

Он гладил ее волосы: помнит, это когда-то ей очень нравилось. Как можно сдержаннее, ответил:

– Мы же говорили об этом вчера! Зачем ты опять? Вот, вернулся, лежу рядом. Я просто не понимаю, чего ты добиваешься! Как можно скрывать свои... чувства от собственного мужа? Кому скажешь, если не мне?

Анзират прикусила свою нижнюю губу, ресницы ее незаметно дрогнули. Теперь уже чуть влажными, грустными глазами посмотрела на него так, будто его жалеет, будто что-то хочет сказать ему, но никак не может.

Она глубоко вздохнула, потом, устало встав, сбавила свет и так тусклой лампы...

II

По преданиям, род кунгиратов, к которому принадлежали герои нашего рассказа, давно живет у подножия Гиссарского хребта, на берегу реки, так называемой Катгасу – Большой реки, с тех пор, как переехал с Бабатага и Байсунтага.

Хотя эта река не такая уж большая, в сравнении с великими реками Средней Азии, допустим, Амударьей Сырдарьей, берущими свое начало в вечных снегах на пике Памира, о существовании которых почти во всех концах всего мира знают, в этих местах ее так зовут нежно, с гордостью.

Катгасу, к слову, тоже берущая свое начало почти что в таких же льдах, пройдя сквозь десятки и сотни деревень, вливается в водохранилище Пачкамар, построенного в середине бурного XX века, не похожего на своих предшественников по своему стремительному развитию, где мир стал совсем иным, кстати, и нравы людей тоже.

Эта река – сначала скоротечная и буйная – пройдя через деревню Лянгар, превращается в тонкий ручеек, и во время убыли воды круглые, оголившиеся глыбы в ней издалика кажутся огромными яйцами разного цвета.

У нее есть одна шалость: весной бунтует. По ее течению плывут, гремя, ударяясь друг о друга, не то что мелкие камни, даже необъятные глыбы, вселяя в души страх. Если идут ливневые воды и в них попал человек или животное какое, целым оттуда не выйдет: камни перебьют его.

С другим берегом совершенно прерывается связь. Если кому что очень надо, допустим,

спросить о чем-то, скажем, о самочувствии своего собеседника, пожалуйста: спокойно могут поговорить, находясь на разных берегах: течение не такое широкое, а народ тут достаточно голосист.

Весной у детей на том берегу настоящий праздник, потому что нельзя ходить на занятия на другой берег, где находится начальная школа до четвертого класса, в которой и без них не будет и половины учащихся в это время года.

Кстати, об этой школе.

Она, как уже говорили, начальная, до четвертого класса. А ребята старшего возраста, если, конечно, у них будет такая возможность, едут учиться в Кукбулак или еще дальше, в поселок Янги, являющийся административным центром района, (Камаши только после войны стал им), в специализированный интернат, где приезжие из далеких сел учатся и живут одновременно.

Временами их навещают родители, или же сами едут домой – кто как может. Некоторые, в первую очередь, крепкие ребята – а таких много – могут пешком совершить нелегкий путь на такое расстояние. Девочки же после окончания четвертого класса вовсе останутся дома, а когда им исполнится лет пятнадцать-шестнадцать – если не раньше! – их выдадут замуж.

Но не забудьте, речь идет только о том времени, когда шла вторая Мировая война, участником которой был наш герой Нормат. А теперь и там на каждом шагу есть следы цивилизации, а уровень жизни достаточно высок.

Двадцать лет тому назад (начисление лет опять идет со временем Большой войны, не забудьте: значит, это было в двадцатые годы нынешнего века), говорят, сын старика Кабула, получивший педагогическое образование в городе Карши, административном центре области – тогда и область называлась по-другому, вернее, была частью соседней, Сурхандарьинской области. А этот город назывался именем Бехбуди, в честь знаменитого просветителя, ученого, педагога, репрессированного сталинским режимом еще до начала войны. О том, что город так назывался раньше, редко кто помнит сейчас – обучал детей, ездя в другие аулы, на коне переплывал реку в ее мелком месте, как раз напротив Терсоты.

Однажды ночью, во время ливня, отец его, обеспокоенный долгим опозданием единственного сына, молодого, еще не женатого, сходил на берег, где обычно он высаживался, и увидел что-то, похожее на человеческое тело. Он, не смея сам подойти, хотя в глубине души угадывал, кто мог бы это быть, но не желая поверить, позвал соседей, и, когда вместе подошли ближе, оказалось, что это действительно тело его сына с размозженной головой: волна выбросила его, а коня вовсе нигде не было.

Уничтоженный после этого случая, старик – он за одну ночь поседел – бросив дом, всей семьей переехал в Янгакли, находившийся далеко отсюда.

Если не говорить о погоде, что весной, из-за которой чуть ли не каждый год совершается одна трагедия, а иногда еще больше, на всем свете нет реки тише Каттасу. Зимой из-за прозрачности воды можно спокойно увидеть рыбу, плавающую подо льдом, а летом просто благодать: такого чистого воздуха по всей округе нигде больше нет – все это от ее веющей жизнью влаги.

Но вернемся к нашим кунгиратам.

Все-таки, как и почему они оказались тут, на берегах этой реки? Чем они занимаются? Много ли их? (Какой-нибудь шутник спросил бы еще, ехидничая: «А с чем их едят?»)

Кунгираты, заселяющие берега реки Каттасу, составляют пятьдесят-шестьдесят деревень, в некоторых из них всего по несколько домов, хоть по пальцам считай. Этот род в основном занимается скотоводством и земледелием, которые, если так взять, были отнюдь не разными «отраслями»: один и тот же человек может быть и тем, и другим. Так как все без исключения трудились, у них нет ни сильно зажиточных, ни очень бедных – каждый по способностям имеет результат своего труда. Если даже кто-то находится в «списке» бедных, и он имеет землю, скот,

личное хозяйство. Каждый работал на своей земле. Слава богу, рабы и владельцы их ко времени нашего рассказа уже перевелись, что говорилось в его начале, когда речь шла о Янгибае и его жене. Говорят, что постыдное для цивилизованного мира такое явление нашло себе конец только с приходом... советской власти в эти места (после этого попробуй ругать ее!).

Этот род своих девушек не выдавал другим, несмотря на то, что современной наукой давно доказано, что смешивание крови очень даже полезно! Но, видимо, у кунгиратов испокон веков была совсем другая, сугубо собственная «наука» на этот счет, а та отрасль науки пока не дошла до них. Оттого часто скандалили с представителями таджикских аулов, расположенных совсем рядом, из-за «любовных послушностей» молодежи последнего поколения, для которого ни язык, ни род никакого значения не имели. Симпатичные таджикские парни всегда нравились кунгиратским девушкам, однако не всегда их выбор приветствовался, если не сказать – никогда!

Поговаривают, что род кунгиратов пришел сюда несколько веков тому назад. Никто не знает почему, однако по причине некоторых похожих на легенду обстоятельств, рассказывающихся и сейчас, он расходился по всему миру, и только маленькая часть его оказалась тут.

По тем легендам, на своей былой земле представители этого рода жили очень дружно и сытно, считали священными три вещи – землю, огонь, воду, которые до поры до времени их объединяли, между ними не было никакого раздора, а родом руководили старейшины, избранные народом.

Потом к ним пришла... война.

Нет, не откуда-то пришла, а своя, «родная»: не помнят, с чего все началось, но вдруг люди, отказавшись от прежнего образа жизни, больше стали думать о богатстве, выгоде. Начавшаяся на этой почве война все крушила, сделала их врагами. Забытая – а как же! кто тогда будет воевать? – заброшенная земля не давала уже бывшего урожая, к тому же началась засуха, как будто в наказание им. Люди гибли теперь от голода, еще больше ожесточились распри между ними – теперь уже за кусок хлеба. Отец шел на сына, брат на брата, так что мирная жизнь отошла, казалось, навсегда...

Тогда Бойхун (может, Бойсун?), один из старейшин рода, самый уважаемый, сказал им: «Теперь невозможно тут жить – земля, где пролита своя кровь своими же руками, не даст больше урожая, лучше мирно разойтись, пока не перебили друг друга...»

Все, как один, одобрили его, оставили ту землю, где, может, жили веками, и знаменитый род разошелся на все четыре стороны: не видели другого, наилучшего выхода.

После долгих лет скитаний, наконец, остановились на берегу Каттасу. За это время, сколько душ помиралось в дороге! Гибли на каждом шагу: на них напала шайка разбойников, отнявшая все, включая множество жизней. Свора голодных волков по ночам выла около тех мест, где они останавливались, чтобы хоть немного отдохнуть от адской усталости в дороге и жгучего солнца. Одни умирали от голода, другие – от старости, еще многие – от болезней, что все время преследовали их.

За это время Бойхун сильно постарел и лежал на смертном одре.

– Помяните мои слова: если будете воевать и дальше, скоро из нашего рода никого не останется. А это нашим врагам как раз на руку. Так что прогоняйте войну из своей жизни, научитесь жить дружно, – шепотом сказав так, он навсегда закрыл глаза.

Не знаем, сколько истины есть в этой легенде, однако кунгираты верят в ее правдивость, поминают своих предков, детей своих именуют Бойхун, Бойсун.

С тех пор прошло много времени, сколько воды утекло, однако никак не могли жить без нее, теперь – будто не хватало своих! – вмешались в их жизнь малые и большие войны с других точек земного шара, с прстранными названиями местности и государств, и попали туда по принуждению. Так что беглецы от войны все еще жили в ее водовороте – их надежда еще и не

думала сбыться!

А самый большой из них род – род чаржетимцев, представляет собой около тридцати-сорока деревень вокруг. Если очень хотите знать значение названия этого рода – вот как оно переводится: «Род Четырех Сирот»! Звучит? Может, да, но многим не понятно, откуда у доисторического тюркского народа, сугубо персидское название...

Вот ему краткая характеристика:

Этот род, в отличие от других, прославился своей агрессивностью и скандальностью...

Ах, вот что! Если это правда, может, именно он являлся главным организатором той резни? Мы-то, по простоте души, искали врагов, бог знает где, и скитались по всему миру в поисках новой, мирной земли, вместо того чтобы усмирить их, допустим, надев на всех смиренный халат, как в современных психбольницах!

Влезание их баб во все житейские дела...

Это вообще странно: как это допустили мужчины-чаржетимцы?!

Ростом и здоровьем...

Чего-чего, а этого не признать никак нельзя! Наверное, поэтому злые языки говорят, будто бы он из... медвежьей породы! (Это уже явная клевета! Чего только не услышишь от завистников!)

Еще они говорят, что в Роде Четырех Сирот все тупые и глупые...

Только этого не хватало! Неужели все?! Но можно убедиться, что это правда или нет, по ходу нашего рассказа.

В конце минувшего века, конечно, имеется в виду XX, красный Бердишукур (это прозвище никак не связано с большевиками или индейцами, живущими на огромном континенте за океаном: у него цвет лица был кирпичного цвета) из деревни Олма, принадлежавшей Роду Четырех Сирот, купив у человека по имени Беккам землю, находившуюся у водопада Терсота, обстроился несколькими домами, наверное, тоже устав от разных конфликтов, скандалов между членами своего рода, мечтал основать единую спокойную, дружную деревню только из своих сыновей и внуков, никого больше: посмотрим, что из этого получится, может, тогда и спокойно проживем?

Вначале эта деревня действительно показала пример другим своей мирной жизнью, а плодородная земля, где она находилась, превратила Бердишукура в достаточно богатого человека. Терсота (не пришлось придумывать имени для своей «новоиспеченной деревни»: название водопада Терсота – чем не имя?) постепенно расширялась. В канун Второй мировой войны деревня состояла из двадцати-двадцати пяти дворов вразброс, с редкими деревьями и была окружена лесом.

А наш горемычный Нормат был единственным отпрыском младшего сына Бердишукура.

III

Тут зима предстает во всей своей красе к концу ноября, а потом до конца марта следующего года становится единственным властелином всей природы вокруг, хотя и после ее прихода на долгое время своенравная Большая река не покрывается льдом, а родники почему-то становятся теплыми-претеплыми. Иногда, при наступлении или конца чилли – особой погоды в течение сорока дней. Например, летом во время чилли нестерпимо жарко, нередко можно получить солнечный удар, а в зимнюю чиллю, от сильного мороза гибнут и люди, и животные – разыграется мороз, что перебьет даже стойкие деревья.

На сей раз, зима наступила чуть позже: сначала шел мелкий снег, вместе со льдом, приятный на вкус, а потом...

Утром люди увидели такой снег, будто весь мир покрыт им!

Нормат, вернувшись с фронта, как говорится, стал «набирать силы», принимал мумиё по советам старожилков, чтобы кости укрепить с помощью народной медицины, упражнялся в ходьбе. С конем все было бы проще, но, когда он уехал на фронт, за ним и его коня мобилизовали туда, как пригодного к войне. Ему, можно сказать, «повезло»: многих коней тогда взяли на мясо.

Поэтому купил конечно, с отсрочкой – не было у него денег сразу расплатиться – коня у того Янгибая, «друга по несчастью». Тому, как пню, без обеих ног, конь уже не понадобится – только ждать своей смерти дома...

Да, да! В это время он был дома! Глухонемой брат обратно привез его! А жену выгнали. У них не было детей, хотя около пятнадцати лет жили вместе. Глухонемой сам ухаживал за ним. Однако, забегая вперед, вынуждены сказать, что, несмотря на все старания его, Янгибай долго не протянул – скончался через две недели после того, как Нормат купил у него коня. Был потом и слух, что он покончил с собой, а как это сделал, не говорили.

В доме Нормата все было как в первые дни его приезда. Анзират, хотя у них уже началась полнокровная супружеская жизнь, занимались хозяйством и воспитанием детей вместе, до сих пор будто чуждалась его, а он, думал и терзался, что все это значит... Или...

Нет! Не может быть! Он не смеет даже подумать об этом! Она не способна на такое! Даже если будут на него сразу десять похоронок!

Дети ни на шаг не отставали от него, особенно Холмат, день ото дня подражая ему в говоре, поступках. Вечерами в свете сороковой лампы, окружая отца, они без конца спрашивали, почему у него... такая нога, не понимая, что он болезненно реагирует на такой вопрос. Анзират несколько раз объяснила им, предупредила, чтобы больше не спрашивали, однако – дети есть дети! – на другой же день опять начали, не обращая никакого внимания на строгие знаки матери со стороны.

Ходжар, играя с ним, ни с того, ни с сего взобралась на его плечо, с трудом выпрямилась вся дрожа, вытянув обе руки, прыгнула оттуда с криком, когда поняла, что больше не удержится, и весело смеялась своему озорству. Анзират в это время тихо, задумчиво сидела у печи, занималась прядью, однако по глазам было видно, что она мысленно далеко отсюда, а видя это (наблюдать за ней уже стало привычным делом для него), Нормат еще больше терзал себя: это он! Из-за меня она такая стала! Но в чем я виновен?! Может, не надо было возвращаться, вообще? Неужели?

При таких мыслях его обдало холодом.

Нормат не знал, о чем думать: что с ней? Что это такое, в конце концов! Кто так делает? Будто, совесть у нее не чиста!

Может, лучше будет, если подальше находиться от нее? И не надо все время валяться дома, пока она не привыкла ко мне, как есть?

От таких терзаний чуть ли сам не плакал временами.

На второй день, взяв ружье, сел на Каратуша – его старого коня так звали –полагая...

Куда?! Ну, допустим... да, на охоту! Нет, зачем! Я же не на охоту на самом деле! Да, только от дома подальше!

До Бухарской бездны путь был долгий, каменистый, с зигзагами.

Когда доехал до туда, он спустился с коня и сел на большой камень, будто не понимая, почему сюда приехал, равнодушно оглянулся.

Нет, оказывается, не зря приехал, а что-то тянуло его сюда: вот слишком ему знакомый родник, где останавливался попить воды при возвращении с гурьбой джигитов из таджикских сел после купкари – козлодрания! На войне часто вспоминал, например, вот эту большую красную глыбу, на которую садился, когда пас ягнят, и рвы, тянувшиеся один за другим. Лежа в сырых окопах, мечтал хотя бы раз увидеть эти ничем не привлекавшие сейчас рвы – почему-то

именно окопы напоминали ему их!

Он долго бродил по этим местам, вспоминая каждый камень, каждое дерево.

Меж рвами стоял сизый туман, и он при помощи ветра, веющего со стороны таджикских аулов, медленно двигался в сторону шумевшей реки. Было пасмурно, капал мелкий, холодный дождь. Узкая дорога – мог проехать только воз – окруженная с двух сторон возвышениями, была слякотна, затрудняла ходьбу, особенно когда подходили подъемы. Ноги коня оскользнулись: ему приходилось идти по пожелтевшему газону, что на бровке дороги. Почерневшие холмы имели грустный вид, этот же вид, на его взгляд, перешел к поблекшим елкам, и они издали выглядели старухами в черном одеянии, сидевшими на корточках.

Нормат подошел к старой, знакомой елке, на которую любил взбираться в детстве. Теперь ветви ее раздались по сторонам, многие из них зачахли, разломались, веяло едким запахом от гнилой коры, покрывавшей ствол.

Вдруг из рвов послышалось очень ему знакомое пение куропаток и тут же исчезло среди скал. Сердце Нормата заколотилось, как у ребенка, внезапно увидевшего хорошую, желанную игрушку. Нет, не стрелять задумал он, а просто куропатки очень близко от него пели. Он надеялся видеть их. Очень уж красивые птицы! Нигде больше он не видел таких!

Кстати, он впервые увидел игрушки (ни какие-нибудь, а именно фабричные) там, удивился и от всего сердца позавидовал их детям: и нашим бы такие! Чем они хуже! Например, Ходжар бы моей вот такую куклу! Смотри, как настоящая, живая девочка! С хлопающими глазами, даже плачет, когда укладываешь спать. Интересно, что у нее ... внутри? Странно, как они это умеют делать?! наших лоскутных кукол, с пуговицами вместо глаз и тонкими хворостинами вместо ног, как сравнишь с ней! А вот это машина: даже фонари есть как настоящие – подойдет как раз для Холмата! Если вернусь домой живым, с собой обязательно прихвачу одну-другую.

Но не суждено было ему это сделать по разным, не от него самого зависимым причинам.

Он еще раз оглянулся: хотя, по его крепкой памяти, даже самые мелкие камни лежали на месте нетронутыми, ему казалось, что все изменено, уничтожено, растоптано, подавлено, подобно ... его духу.

Он встал, обратно сел на коня. Проезжая через Бухарские рвы, направился в ущелье, Кат что наверху, потом – в Чит, по берегу ручейка Терсота.

В высоких горах властвовала тишина, дикий миндаль, встретившийся на его пути, сохранил семь-восемь морщинистых, недозревших ягод, такими оставшихся до зимы, боязливо качавшихся на ветру, и будто боялся лишиться их с приходом этого человека.

Дикая, девственная природа все равно положительно действовала: ускорил коня, хотел проскакать по берегу, однако старый Каратуш на какое-то короткое время подчинился ему, а потом опять замедлил ход, несмотря на то, что хозяин часто стал применять нагайку.

И это не остановило Нормата: не обуздав своих чувств, неожиданно для себя громко гикал.

В детстве, обычно вечерами, когда ехали на Каттасу со своими ровесниками, чтобы напоить лошадей, по дороге устраивали своеобразную гонку с гиканьем, где он обгонял всех, оставляя после себя густую пыль и отзвук от топота своего ветром летящего, коня.

Эх, какие времена были: и отец, и мать были живы, а он был любимым и единственным сыном!

Старый конь испугался его голоса, на ходу постарался оглянуться на него: что, новый хозяин способен и на такие штучки?! Он, вообще, сегодня как-то на себя не похож, чувствую... Вот уже вечереет, а он возвращаться домой и не думает!

Какая-то большая птица – тоже, наверное, от страха – порхнула среди ветвей барбариса, ударив крыльями его оголенные ветви, и далеко улетела.

Эхо долго отзывалось, повторяя его голос в разных окрасках. Такая игра звука очень

понравилась Нормату: внимательно выслушивая ее, он опять гикал. Теперь было совсем другое звучание. Долго так повторялось, и, когда у Нормата начался хрип в голосе, вспомнил, зачем (будто бы!) выехал их дома, и повернул коня назад.

По дороге домой он смог застрелить только двух куропаток, и то одну раненную кем-то – не с пустыми же руками вернуться к детям! Пусть мать сварит что-нибудь, будет сила – вижу, они какие-то худые, бескровные. Ну, что поделаешь – не одни такие...

Может, вот так чаще выходить надо на... охоту, чем сидеть дома и отгадывать, почему жена у меня такая странная и чужая стала? Да, стоит об этом хорошо подумать.

Когда уже стало совсем темнеть, подъехал к роднику, к тому самому, где утром отдохнул. К тому же дереву привязал коня, опять сел на красную глыбу: не тянуло домой.

С чего она такая стала? Все грустит, ведет себя, будто...

Господи, прости, даже не знаешь, о чем думать!

Да, домой не тянет, но куда ему пойти? Куда?! Что... Анзират не хочет со мной жить?

Тут неожиданно для себя он обнаружил, что впервые задается этим страшным вопросом, и по телу прошла маленькая дрожь: неужели она добивается этого?! Видимо... да!

Но, вопреки его ожиданиям, Анзират встретила его очень мило: сразу было видно, что она готовила себя к такой роли, но... и фальшь сразу бросалась в глаза, несмотря на то, что тщательно хотела скрыть ее от Нормата.

Она прекрасно понимала, почему он сегодня «ушел на охоту», и теперь старалась сдерживать свои чувства, но такое старание выходило как-то неестественно, это ощущалось в каждом жесте, взгляде, улыбке, движении ее. Нормат все прекрасно видел, и стало еще грустнее на душе: «Что с тобой, Анзират? Может... откроешься, чем так терзать и себя, и меня?»

Дети, съев суп из свежей дичи, подсели к нему и попросили рассказать, но тоже который уж раз по счету, о немцах:

– На что похожи фашисты? – спрашивал Холмат, стараясь хоть немного видоизменить свой вопрос. – Учитель говорит, что выглядят как волки.

Нормат, не зная, что сказать, задумался: интересно, раньше как ответил им? Кажется... нет, не помнит! Что делать? Если скажет все как есть, что они тоже обыкновенные люди, даже очень цивилизованные, например, детям своим красивые игрушки делают, как живые и настоящие, сыну досадно будет, что учитель врал ему. К тому же, он очень хочет, чтобы те так выглядели...

Он отвел глаза:

– Да, выглядят как... собака деда Малика.

Холмат мысленно сравнивал собаку Малика, бешено бросавшуюся на каждого встречного, с теми, с кем воевал отец: действительно... Может, они откусили ногу отцу? Да, учитель наш все знает!

Но опять спрашивает:

– И у них четыре ноги?

Нормат начинает дальше врать:

– Да... на двух ходят, а на двух...

Анзират наблюдала за ними со слабой улыбкой, но немного времени спустя опять грустно вздыхала, а чуткий слух Нормата тут же улавливал этот отзвук грусти.

Да, что-то сильно мучает ее... А что именно?!

IV

А жизнь шла своим чередом.

Нормат после той «охоты» никуда не выезжал. «Не надо самообманом заниматься, – думал он. – Сколько бы не пропадай там, все равно придется вернуться домой...»

А как иначе?

Но, не желая сложа руки сидеть, стал чинить разную утварь, к которой и не прикасался бы при другой жизни из-за ее ветхости: сломавшуюся косу, заржавевший серп и другие вещи домашнего обихода, типа ведер, замков, ручек дверей – все, лишь бы чем заняться. Все ему принесли или жена, или дети в комнату, где он всегда лежал, опасаясь простудить рану, о чем часто предупреждали его перед отправкой домой почти не ходил, разве что по нужде. Резкое изменение погоды в последние дни, вернее похолодание, отрицательно подействовало на нее. Об охоте и обеспечении семьи хоть иногда свежей дичью не могло быть и речи.

Может, не тянуть время и поехать в Камашу, показаться, иногда думал он, но тут же отложил: вдруг заставят лежать! Приехал когда? Еще и месяца нет? И сразу в госпиталь, да? Нет, надо потерпеть, и не надо представляться жене совершенно уже больным...

Дни шли и шли, скоро он вновь оказался не у дел: все починил, все смастерил. Теперь чем заняться? Может... нужно принимать предложение Мирзакула? И ездить по аулам, будто по делам государственным?

Но, душа опять сопротивлялась: никогда! Да, мог бы, но только... если бы не было от Мирзакула!

Однажды, вдруг о чем-то вспомнил, быстро поднялся с места, принес со двора на быструю руку растворенную глину, даже забыл, что холодно на улице: до того занимало его это, пока никому, кроме него, неизвестное занятие! Поместил ее на сухое место около печи, быстро стал что-то лепить из нее, кажется... нет, не то! Пока что-то непонятное...

Когда закончил, поставил готовую «продукцию» под печь.

– Пап, что это такое? – спросил Холмат, удивленно, с нескрываемым интересом наблюдавший за всеми его манипуляциями с глиной.

– Потом увидишь, – ответил Нормат, таинственно подмигивая ему: видно было, хотел сделать детям сюрприз.

Через полчаса достал оттуда свое творение. Холмат начал думать, что это птица какая-то, но непонятная. Нормат подносил ее к губам, у нее раздавался тонкий, но приятный звук.

Да, после возвращения домой, немного придя в себя, он долго сожалел, что не принес чего-то из тех игрушек, что видел там: какая была бы забава для детей! Вот, может, теперь самому надо будет делать им игрушки! Но разве это будет сравнимо с теми, что видел там!

Неожиданно появившаяся Ходжар, вся красная от мороза на улице, завизжав от радости, бросилась к нему:

– Это... мне? Дайте сюда!

Она очень сожалела, что отсутствовала, когда папа сотворил такое чудо: брат может присвоить... Вот, стоит рядом, выпучив глаза!

Так и вышло:

– Куда прешь? Ты не умеешь на ней играть, – сказал Холмат деловито, отталкивая ее. – Папа для меня сделал, я сам попросил его, – приврал он, чтобы окончательно отбиться от назойливой сестры. – Девчонки в такие игрушки не играют! Отстань, тебе говорят...

– Нет, он сделал для меня! – закричала Ходжар, отстраняя руки брата, вновь потянувшись к свистульке...

Началась настоящая война за свистульку. Делать было ничего, он успокоил дочку, готовую уже зарыдать, обещал сейчас же сделать другую, намного лучше первой и быстро приступил к делу. А Холмат, взяв свистульку, побежал во двор показывать ее соседским мальчишкам.

К вечеру, конечно, обе игрушки сломались, вернее, крошилась необожженная глина: сделать игрушку тоже оказалось не простым делом, не любительским. Хотя бы нужно было иметь под рукой специальную глину, а не то, что попало.

На этом же кончился и его талант по «игрушечной части»: он не умел другого, допустим,

более сложного что-то сделать, не привык к таким делам, хотя все это очень нравилось ему самому, забавлялся, когда видел радость детей.

И начал удивлять жену другими «способностями»: на другой день он обратился к жене с показавшимся странным любой женщине вопросом:

– Нет ли у нас пряденых ниток?

Анзират изумленно взглянула на него:

– Нитки? А для чего?

– Буду вязать...

– Что... будете?! – не верила она своим ушам.

– Сказал же: вязать! Чего тут непонятного? – Нормат натянуто улыбнулся.

Анзират не удержалась:

– Может, дам еще свое... веретено?

– Я не шучу, – сказал Нормат, чуть отводя глаза. – Чем так сидеть, лучше детям вяжу... носки, что ли, – потупил он взгляд. – Можешь не верить, но, когда лежали в госпитале, одна медсестра наша, очень добрая, научила вязать разные штучки: носки для солдат, рукава... чтобы мы не скучали! Некоторые даже умудрились вязать себе одежду, понимаешь.

Анзирата мучило другое: нельзя же так! Что люди скажут?! У нас же люди ходят не ногами, а языком! Кто тут видел, чтоб мужчина вязал? Допустим, ему скучно, но...

– Почему все время дома сидите? – задала она ему вопрос, давно крутившийся на языке. – Почему не ходите по знакомым? По соседям?

Нормат пытливо взглянул на нее: не хочет, чтоб я все время дома торчал! Вот уже начала придираться...

– Не хочу, – ответил он вспыльчиво, отвернувшись от нее. – Прошу, не тронь меня! До весны потерпи, и я поеду лечиться! Вон с твоих глаз! Или... кому-то мешаю тут?! А?!

Анзират побледнела, долго, пытливо посмотрела на мужа, потом, прикусив губы, встала с места, достала ему пряжу, что лежала в сундуке...

После этого разговора Анзират стала еще скрытнее, неразговорчивее, и это еще больше задело Нормата.

Холмат и Ходжар теперь любовались его новой работой, хотя, как мама, они тоже думали, что мужчинам нельзя заниматься такими делами, но, уловив момент, тоже пробовали вязать, когда, например, он на время прерывал свою работу по другим делам или отдыхал от скучной и мелкой работы. Анзират строго-настрого запретила им говорить посторонним о «чужачестве» их отца.

Вообще, они быстро привыкли к нему, хотя долго не видели, если учесть и то, что были совсем крошками, особенно Ходжар – ей тогда исполнился всего лишь год, когда отец ушел на фронт. По его прибытии ей долго втолковывали, что он ее отец, а она дичилась, прижалась к маме, даже несколько раз плакала, когда он пытался взять ее на руки, чтоб поласкать, а когда уже привыкла, сама терлась к нему, как кошка, даже с ним спала, не слушая мамы.

А Холмат с первого взгляда узнал отца, хотя долго не понимал: как так? Ведь говорили же, что он умер на... каком-то... как бишь его... да, фронте! Ой, как рыдала мать, обняв их, ничего не понимавших малюток, шепча в ухо горячим дыханием: «Что с вами будет, сироты вы мои! Как же теперь без отца! Лучше бы я умерла... Горе мне!» Пришли родные, люди из соседних домов сочувствовать ей, а сердобольные женщины-родственницы плакали не хуже ее. Впоследствии она надела синее платье в знак траура по мужу, на долгое время забыла, что такое смех, незаметная улыбка, дети часто находили ее плачущей скрыто, особенно по ночам, когда вдруг просыпались по нужде. И, на тебе! Вдруг он вернулся хромой, какой-то грустный, постаревший. На фотографиях, что в тонком пакете из-под писем, он выглядел вовсе молодцом, красивым даже. Холмат часто без разрешения матери вытаскивал их отсюда и долго любовался,

она же опасалась, что ребенок испачкает их или, не дай бог, потеряет.

Но он приехал, пусть даже хромой, пусть даже... без медали! Да, да! У дяди Янгибая, приехавшего оттуда без обеих ног, ух, сколько медалей! Как они блестят на солнце! Говорят, что он ступил там на какую-то... да, вспомнил, мину!

Очень хорошо помнит: узнав о том, что отец едет домой, мать вдруг побледнела, чуть ли не упала в обморок и упала бы, если бы не поддержала ее тетя Турсун! Да, это вездесущая (мама так зовет ее за глаза) тетя Турсун прибежала к ним с такой вестью, когда уже вечерело. Все обнимала мать, поздравляла, кажется, даже плакала... или мне так показалось? Ладно, это не важно сейчас.

Почему мама, будто... не обрадовалась тогда? С чего бы это? Сама же горевала, чуть ума не лишилась, когда пришло письмо о смерти отца. А когда осталось два дня до приезда отца, она ночью, может, подумав, что я уснул – помню, она с какой-то опаской посмотрела в мою сторону, а я тут же закрыл глаза – вышла, плотно одевшись. Когда обратно вошла – не помню, уснул я к этому времени, и только утром ее увидел: глаза красные-красные, будто всю ночь плакала.

Да, не поймешь этих взрослых.

Вернувшийся с фронта Нормат обрадовался, узнав, что сын его ходит в школу и хорошо учится.

Сам не окончил даже начальной школы, не умел, ни писать, ни читать. Родившийся в начале века, еще ребенком он помогал отцу пасти овец, позднее, когда установилась советская власть, немногие ребята пошли в новые школы: как-то было непривычно учиться в школе тебе незнакомого строя, причем тут и там ее называли властью безбожников! Вместо бога у них, оказывается, есть какой-то... да, вождь пролетариата! Вместо Корана читают... как же его называли... да, «Манифест»! Или «Капитал».

А когда принудительно стали учить, причем совсем бесплатно, всех подряд, кто был школьного возраста, даже наказывали за непосещение занятий, ходили по домам со списком в руке, было уже поздно: он уже был усатым парнем (надо иметь в виду, что советская власть установилась тут не так быстро, как в городах или административных центрах; прошло достаточно много лет, прежде чем появились первые признаки ее в лице учителей, медиков, бригадиров, председателей сельских советов и, конечно же, кумачного флага с серпом и молотом), скоро его и женили на Анзират, потом пошли дети. Муж и жена с утра до вечера работали на полях колхоза, а дальше началась война...

Да, Нормат был неграмотен, и письма с фронта за него писали другие по его просьбе, бог знает, чего только не добавив от себя. Однако после возвращения стал следить за учебой сына – а Ходжар до школы было целых три года – и верил, что с него выйдет толк.

– Нам бы быстрее поставить детей на ноги, – говорил он Анзират так, будто совсем уже старик. – Там... я мечтал определить наш Холмата в морское училище, а дочку сделать медсестрой. Ты не знаешь, я видел там моряков, что особым блатом пользовались, не то, что мы, обыкновенные солдаты-пехотинцы, на которых все свысока смотрели. Говорили, они даже на рынок на лодках плывут. Ничего, если сын будет учиться далеко от дома, а потом служит, например, тут, рядом: чем наша Каттасу не река?

В свои тридцать пять лет Нормат все еще был ребенок. «Лишь бы была река, и плыви на себе, на все четыре стороны, а люди на тебя смотрят с завистью», – думал он.

До него, неграмотного мужчины, хотя уже побывал в развитой Европе, видел несколько великих рек, одна больше и шире другой, никак не доходило, что на их реке большие корабли не могут плавать.

И не один он: редко кто понимал тут, что такое вообще корабль.

Говоря, между прочим, не только тогда, и сейчас тут не пользуются даже обыкновенной

лодкой. Может, от того, что река их бурная, каменистая, нет гладкого течения, более того, много опасных водопадов на пути: не на спине же тащить ее обратно, туда, откуда начал!

Однажды утром к нему пришел Шариф, чем-то озабоченный.

– Тебя зовет Мирзакул, говорит, пусть со своим ружьем придет, – сказал он, поздоровавшись с ним.

– Что такое? – спросил Нормат удивленно. Мирзакул даже не посетил его, когда он вернулся с войны. «Кажется, он... избегает меня. Или до сих пор не забыл того скандала на сенокосе, еще до войны? Тогда чуть ли не убил я его. Или была другая причина, чего я не знаю», – думал он, вспоминая свое прошлое, ища в нем другие, может, им позабытые столкновения с Мирзакулом...

Нет, кажется, не было ничего, что стоило бы вспоминать.

Шариф подмигнул ему, незаметно кивая в сторону Анзират: она почему-то вышла из дома и стала чуть дальше от них. Нормат сначала удивился его жесту, но быстро понял: есть, кажется, что-то серьезное, что не следует знать ей.

– Оденься теплее, – сказал Шариф. – Наверное, до вечера нам не вернуться.

– Чайку бы вам попить на дорогу, – сказала Анзират Шарифу, обеспокоенная столь ранним визитом, к тому же еще с ружьем, еще хуже – мужа зовет ни кто-нибудь, а Мирзакул... Станный он человек – другой бы постарался находиться подальше от него.

Она, прикусила нижнюю губу, искоса посмотрела на мужа.

А с другой стороны... может, на работу какую хочет взять? Мужчин так мало, а работы, выше головы. Пусть! Это его обязанность устроить на работу фронтовиков, способных на что-нибудь.

– С чаем в другой раз, Анзират. Нас ждут в Олме, в сельском совете, на... какое-то собрание, – сказал Шариф, желая показаться непринужденным.

Когда уже ехали, Шариф почему-то шепотом начал:

– Наверное, тоже слышал, что Хатам сбежал с войны? Вот! Уже три года не могут задержать. По разговорам, находился в бегах в горах Таджикистана. Так, значит, вчера, в полночь, он вернулся домой. Сапар-вор настучал. Если сегодня не поймать, опять ищи ветра в поле. Мирзакул говорит, что ты, фронтовик, пригодишься. Кстати, есть еще трое из военкомата с новыми какими-то автоматами, каких я раньше не видел....

Нормат хорошо знал Сапара. Несколько раз, еще с малого детства, сидел по различным колониям, а в тюрьмах за грабеж и, уже в среднем возрасте. Не имел ни детей, ни семьи, изрядно потерял здоровье, его считали, и не без основания, «ухом» участкового.

Он слышал и о побеге Хатама с войны, когда у него собрались. Кто-то из стариков начал говорить об этом, но тут помешали ему, спросив у Нормата, что такое «катюша»? Сам видел ли ее? И правда ли, что одна такая ракета может снести с лица земли целый... город, как Москва?

Шариф пока говорил подробности, с каждой минутой становилось все грустнее на душе у Нормата: неужели и теперь не дадут мне покоя! Все-таки, какой же гад этот Мирзакул! Вспомнил меня, когда ему самому приказано выполнять эту грязную работу! Нет, пойду и скажу ему! И тем людям из военкомата!

В самом деле, четверо ожидали их у конторы: два солдата, по лицу, кажется, казахи, Мирзакул, и татарин-капитан.

Нормат не мог припомнить его имени, сколько ни старался, хотя много раз видел, когда их готовили к отправке, и по возвращении с фронта.

После возвращения, увидев Мирзакула на похоронах старика Норсапара, умершего под

девянносто лет, думал: «Надо же! Как можно так поправиться! Чем его кормят? Ведь до моего отъезда, какой стройный был, а теперь смотреть противно».

– Нормат! К черту тебя! Пропал же! – сказал Мирзакул, неожиданно для Нормата как бы шутя, с ног до головы оглядывая его. – И предложения моего не принял! – Нормат вспомнил его предложение, переданное через Шарифа стать бригадиром. – Работать не хочешь или... жена не отпускает от себя?

Нормат не обратил внимания на его плоскую шутку и, как себе обещал всю дорогу, сказал, что было на душе:

– Мирз... председатель! Вижу, и без меня вас немало, к тому же нога у меня побаливает...

Мирзакул сразу перешел на официальный тон, перебивая его:

– Ну-ну! Нога у него! Не на мой огород работать идешь, а выполнять указ сверху! Тоже мне, воины! Вот, другой такой воин, как ты, сбежал, опозорив нас всех! Кажется, он... с вашего рода, а? – поочередно взглянул он на прибывших с усмешкой, явно желая их задеть.

– Выбирайте слов, председатель! Чаржетимцы пока еще никого не опозорили! – вспыхнул Шариф, оскорбившись его грубой выходкой. Он не хотел, чтоб так отзывались о людях тех деревень, где он являлся бригадиром, и, действительно, люди, живущие в этих деревнях, были из его рода, но только не Хатам, тот беглец, за которым сейчас идут охотиться. – А если он бежал, это на его совести! Спрос будет только с него! Причем тут наш или его род? Мы знаем людей из других родов, совершенно здоровых, но занимающихся тут бог знает чем вместо того, чтобы идти на войну и защищать...

Мирзакул побагровел как рак, сразу понял, на кого намекают.

– По мне, хоть оба оставайтесь дома! – закричал он. – Вот! – кивнул на капитана. – Человек от власти приехал! Понятно вам! Требуется поймать дезертира! Требуется, а не просит вас!

Капитан, не обращая внимания на их спор, мельком взглянул на ногу Нормата.

Он хорошо помнил его. После демобилизации, когда оформлял документы в военкомате, вставал на учет, был на приеме и у него.

– Давай, Ташанич, кончай базарить! Ничего мне слушать вашу абракадабру! Теряем время! – буркнул он Мирзакулу. – Едем. Вы тоже, солдат, поедите с нами, раз приехали! – особо обратился он к Нормату. – О вашей ноге потом будем говорить.

Шестеро вооруженных людей направились в Теракли, в том числе и Нормат, без всякого желания, возмущаясь, не переваривая последних слов Мирзакула о Хатаме: ты не стоишь и мизинца его!

Небо давно светлело, шел мелкий снег, стоял приятный холод.

– Ташанич, – сказал капитан, когда переплывали Каттасу. (Нормат очень боялся, что обмокнет раненую ногу, но все обошлось хорошо, на его счастье: вода-то была какая холодная!) – Помни, нельзя стрелять в деревне, если с ним столкнемся там, у него тоже может оказаться оружие. Сделаем вот так: ты выйдешь в ущелье и перекроешь ему дорогу – вот так окружим его и вытесним из деревни. Возьмешь вот его, – указал он на Нормата. – Стоишь поперечно к ущелью, а мы загоним его туда.

Мирзакул кивнул, свысока взглянул на Нормата и повернул лошадь туда, куда ему указывали.

– Ташанич, помни, нужно живьем взять! Понял? Без всякой самостоятельности! – не уставал давать свои указания капитан. Видно было, что он очень обеспокоен, наверное, сверху был жесткий приказ на этот счет.

Мирзакул, вновь оглянувшись назад, одобрительно кивнул капитану и хлестнул лошадь.

Хотя шел снег, земля еще не замерзла, трудно было идти лошадям. Нормат то и дело чистил ногу от падающего снега, все нервничал, в сердце вдруг проснулись бунт, строптивость и недовольство собой от нелепого подчинения. Кому еще! Этому жирному кабану!

Он с ненавистью посмотрел на двухслойный, красный затылок Мирзакула.

«Неужели эта проклятая война и тут преследует меня руками вот таких гадов? – горько думал он. – Да, прапрадед наш Бойхун был прав, когда говорил...»

Остановились у рва, откуда был вход в ущелье. Мирзакул, о чем-то подумав, ближе подошел к Нормату.

– Иди на ту сторону и стой за этим камнем, – указал на большой камень бросавшийся в глаза издалека. – Не слезь с коня! Я вон там буду, – протянул он руку вперед и удалился.

«Тоже мне командир! Действительно, почему его не берут на фронт? Неужели нельзя поручить его обязанности другому, например, какому-то... ну, допустим, пенсионеру! – думал Нормат, со злобой глазами провожая широкую спину ненавистного ему человека. – Да, кабан есть кабан!»

Время шло, снег усилился, через шаг ничего не было видно. Нормат, подойдя к большому камню, тут же забыл о наставлении Мирзакула – а может, нарочно так сделал! – слез с коня, держась за его узду, несколько раз дернул затекшую ногу, почувствовал, что по всему телу...

Что?! Лихорадит? Нервы или простудился? Этого еще только не хватало!

Может, надо плюнуть на все? И разрешения просить не надо ни у кого и уйти домой? Кто они мне? Или я обязан кому? Неужели они думают, что я буду стрелять в Хатама? Для чего!

Я свое уже отвоевал! Разве не лишился ноги, заодно лишился... и любви жены?!

О, как она меня любила! Еще до свадьбы с ней встречались, и с каким страхом выходила она каждый раз из дома, и трепетала в моих объятиях, и старалась быстрее уйти, несмотря на мои старания, подольше удержать ее... Как горько плакала, когда меня среди первых призвали на войну! Особенно в ту, последнюю ночь перед отъездом! И сам тогда, помню, уже под утро, не выдержал...

Он заметил, что глаза наполняются слезами, как тогда, той бессонной ночью...

Поспешно утер их, чтобы Мирзакул не увидел – может, подумает, что слаб характером!

Нормат поднял голову, глянул на серое небо, падающий снег, треугольные пики гор, напоминающие купола церквей, им увиденных там, вздохнул.

Он поставил ружье на камень. «Да, теперь ни в кого не стреляю, тем более, в Хатама: он мне не враг. Пусть, сами, если руки чешутся от безделья...»

Из-за густого снега та сторона ущелья еле бросалась в глаза.

– Нормат! – послышался оттуда голос Мирзакула. – Не уснул, случайно? Будь начеку! Смотри. Почему молчишь!

Нормат не хотел отвечать, но, чуть подумав, все-таки подал с места голос, в противном случае этот дурен Мирзакул может подойти к нему и увидеть покрасневшие глаза.

– Председатель, может... он давно убежал с другой стороны?

– С какой еще другой стороны? – язвительно кричал оттуда Мирзакул. – Только отсюда может, как в прошлом году! Ты еще не слышал о том случае? Он тогда тоже приехал домой, конечно, мы об этом сразу узнали, пришли с группой ловить его, но он улизнул по нашей оплошности! Да, да, именно отсюда! Но на этот раз не пройдет его номер! Нас много и...

Он не успел договорить: вдруг со стороны деревни раздался топот коня и выстрел в сопровождении криков: «Стой! Стой, стрелять буду!».

«Это не солдаты стреляли: у них автоматы», – думал Нормат, прячась за камень. Нет, не от испуга, а инстинктивно, по привычке: командиры учили их и умело прятаться, когда возникает опасность. – Тем более, им дана команда не стрелять в беглеца, а взять живьем, значит, это... Хатам!».

Тут раздался еще один выстрел, топот коней становился ближе и ближе, кто-то уже так близко от него бежал, что слышно было, как он задыхается. Нормат, взглянув в сторону деревни, сквозь густой снег увидел призрак, бежавший по кромке рва, в его руке было что-то

вроде кочерги... нет, ружье!

Призрак сначала повернул в сторону Мирзакула, а, когда раздался его выстрел вверх – то ли боялся он встречи с ним, то ли был другой замысел, или не хотел нарушить строгой инструкции капитана не стрелять в беглеца – стал идти прямо к... Нормату!

– Нормат, будь начеку! – закричал Мирзакул со своего места. – Помни, только живым! Сам не стреляй!

Призрак, собрав последние силы, бежал в сторону Нормата: он заметил его белоснежный тулуп, темную бороду, а когда уж совсем приблизился, выскочил из своего укрытия.

Призрак – теперь уже ясно было, что это был Хатам – увидев его, резко поднял дуло своего ружья, увидев, что он без оружия, более того, еще хромает. Хатам заметил это, когда он невольно отступил назад, и каким-то чутьем узнал, что это Нормат. Он не знал, что тот вернулся с фронта калекой.

Он устрашающе хрипел на ходу:

– Нормат, я знаю, что это ты! Не стой на дороге! Не стой, говорят тебе! – Нормат обратил внимание на исхудалое лицо, отросшую бороду, кровью налитые глаза. – Уйди, Нормат! – сказал диким голосом Хатам, когда увидел, что тот не двинулся с места, как бы не услышав его. – И ты продался! И кому?! Ведь они истребили весь народ! Что, должен был защитить их, как ты?! Уйди, говорят!

Нормат не отрывал взгляда от его долговязого стана, вспотевшего лица, сердце сильно билось, в ушах зашумело как никогда. На фронте сколько раз разрывались бомбы вокруг него, шум которых до сих пор стоял в ушах, но такого, как сейчас, кажется, не было. «Не стреляет, значит, его совесть пока еще на месте. Но почему бежал с войны?! Потом чтоб всю жизнь вот так жить? Разве возможно так жить? Вижу, выглядит как зверь! А какой парень был – любо было посмотреть! Не лучше ли было, как все, поехать на фронт! Или, как некоторые, посчитал, что она... не наша? Сейчас, кажется, так говорил...

А чья была она? – думал он».

Нормат знал Хатама как честного и мужественного наездника, он не хитрил во время козлодрания как некоторые; зная его характер, кунгираты и другие ему доверяли своих самых лучших коней. Как-то, кажется, на свадьбе Насыра-жовки вдвоем сняли половину призов. Тогда Хатам сказал Нормату: «Молодец, вижу, знаешь себе цену и имеешь честь. Мне нравишься. И конь твой мне понравился. Давай, теперь поменяемся конями».

Так и сделали. После этого между ними образовалась... нет, не дружба, а солидарность, взаимопонимание, как это бывает среди родственных душ. А теперь...

– Уходи, Нормат, не изводи меня, – все наступал Хатам на своего врага. – Застрелю!

Нормат стоял на месте, как скала. Он бросил быстрый взгляд в сторону, где был Мирзакул.

– Хатам, брат ты мой! – дрогнули губы у Нормата, старался потише говорить, чтоб не слышали другие, особенно Мирзакул, более близко стоявший к ним и, наверняка, все видевший. – Друг мой... бесполезно... ты без коня! Далеко не убежишь! Если не я, другие застрелят тебя! Пойми, второй раз тебя не отпустят вот так, как тогда, застрелят...

Он очень хорошо помнил наставление капитана, что нельзя стрелять в него, надо задержать живым, к тому же этот глупый Мирзакул со своего места кричал об этом, и Хатам прекрасно слышал его! Но не было гарантии, что в последний момент не изменят решение, если возникнет опасность упустить его вновь? И любым путем, пусть даже обманом, хотел остановить этого, на редкость честного когда-то, джигита.

Хатам щелкнул затвором:

– Не учи меня! Без тебя знаю! Нас всех застрелят эти безбожники!

Времени мало было, могли и остальные подоспеть. У него другого выхода не осталось:

– Не отпущу тебя, – спокойно сказал Нормат, сколько позволяло ему заколотившееся

сердце. – Хочешь, пожалуйста, застрели! Если честно и... мне не хочется жить! – невольно произнес он, сам тут же удивившись, почему так говорит, еще при таких обстоятельствах! Или говорил это как самому близкому человеку по душе?! Ведь до столкновения с ним думал об Анзират и ее странном поведении, о своей серой, безрадостной жизни...

Да разве это жизнь?!

Хатам удивленно уставился на него, но указательного пальца с курка не убрал. И размышлять над его словами, не было у него времени:

– Не хитри! В последний раз говорю, – он прицелился, скрежетал зубами. – Ну, что же, если до тебя не доходит...

– Нет!!! – Нормат пулей бросился на ствол ружья, благо, расстояние между ними было уже очень коротко – так близко подошел к нему Хатам, невольно разговаривая с ним. В нос ударило очень ему знакомым едким мужским запахом – от месяцами не мывшихся солдат в окопах так воняло. – Опомнись, Хатам!!!

Хатам не успел – может в последний момент передумал – нажать курок, но оттолкнул его, крепко схватившего ружье за ствол. Когда Нормат не отпустил ствола, чуть отступив – чтобы ударить было удобно – что есть силы, дал ему по пупу правой ногой:

– На, продажная шкура!

Нормат, не ожидавший такого удара, выпустил из рук ружье и, схватясь за живот, упал лицом в снег, а Хатам, обходя его тело, спотыкаясь на каждом шагу, стал бежать.

– Стреляй!! – вдруг со своего места закричал Мирзакул, на всякий случай лежавший на снегу, как вовремя занятия по стрельбе на полигоне, и наблюдавший за обоими (кажется... разговаривают? О чем?!), увидев, что Хатам убегает. – Стреляй, Нормат, стреляй, а то убежит, стреляй, говорят, мать твою! Сейчас за скалой спрячется!

Позади, со стороны деревни, уже приближались остальные, кто-то по-русски матерился, Хатам, не обращая на них внимания, как горный архар, легко стал взбираться (не зря же прятался чуть ли не на Памире) вверх, казалось, он вот-вот исчезнет из вида за невысокой скалой...

Нет, не успел. Подоспевший Мирзакул, быстро прицелившись – тоже, между прочим, хороший охотник – пустил за ним первую пулю и ловким движением рук перезарядил его. Но второго выстрела не понадобилось: Хатам, всем телом содрогнувшись от попадания пули, резко обернулся, увидел Мирзакула, вновь приготавливающего свое ружье, не отрывая от него взгляда, оскалился от невыносимой боли, потом молча, всем ростом упав на спину, скатился вниз, прямо к ногам Мирзакула.

Теперь все, кроме Нормата, стояли над ним, а он лежал, стекленевшими глазами взирая на небо, из-под криво надетой шапки на глаза бросались взлохмаченные, грязные волосы, с правого края губ тонкой струей текла кровь и капала на землю.

Мирзакул, прямо сидевший на коне, резко нагнулся и поднял пятизарядное английское ружье убитого, крепко зажатое толстыми пальцами правой руки, с любопытством оглядывал его, потом бросил взгляд на капитана, желая увидеть его реакцию.

Один из солдат, быстро соскочив с коня, кончиками пальцев, будто брезгуя, приподнял голову мертвого за волосы, потом взглянул на капитана:

– Все, прямо в сердце, – сказал и со стуком опустил ее на тонкий еще слой снега.

Нормат, долго лежавший у того камня, наконец, поднялся, подошел, еле таща ноги (два солдата, стоявшие над мертвым, невольно освободили ему путь), к лежавшему на спине Хатаму. Увидев кровь, текущую на воротник, шею, у него вдруг закружилась голова, что-то больно ударило в мозг, пошатнулся.

– Что?! Жалко его? – кричал на него Мирзакул сверху. Пока он не видел никакой реакции на свои действия со стороны капитана и желал побольше набрать очков. – Захотел помочь?

Предателю? Думаешь, я не заметил? И тебя бы туда, негодяй! –неожиданно для всех, прежде всего, для Нормата, нагайкой с размаху ударил его по лицу. – Запомни, за это я обеспечу тебе военный трибунал!

От сильного удара засверкало перед глазами у Нормата, дико уставился на Мирзакула, тот вновь поднял свою нагайку, но здоровая рука Нормата еще в воздухе схватила ее, сильно дернула вниз.

Мирзакул – тоже от неожиданности – не удержался на коне, а Нормат, вес забывшись, ничего не соображая, с каким-то зверским хрипом в голосе бросился на него. Он не соображал, что солдаты разводят их, поднимая его с лежащего под ним Мирзакула, толкают в сторону. Когда те стали еще активнее в своих действиях, он резким движением локтей отбил их, вновь пошел на своего обидчика: в последний момент думал, что надо его задушить как настоящего врага...

Но нервы не выдержали: вдруг, пока шел, все отбиваясь от солдат, упал лицом на землю, издавая странный звук.

Солдаты, бросив Нормата на произвол судьбы, стряхивая с новой формы густой снег, подняли Мирзакула, потом вопросительно посмотрели на капитана: нам и этому помочь?

Шариф, оторопев от всего происходящего, не успел даже вмешаться в стычку, медленно приблизился к Нормату, сверху с опаской посмотрел на него: что с ним? Нервный шок? Или... умер?

У того вены на висках набухли, в углах губ появилась пена желчного цвета, и дышал совсем незаметно.

Хотя солдаты не решились помочь Нормату без указа командира, который стоял над мертвым, как бы обдумывая дальнейшие свои действия – убийство дезертира в его планы не ходило, теперь, может, даже придется отвечать перед начальством – Шариф бормотал как бы сам себе:

– Не надо, ребята, сам справлюсь... сам... это мой друг...

Он кое-как поднял его, однако не удержал еще не полностью пришедшего в себя Нормата. Он опять свалился, выскользнув из его рук.

Капитан сердито посмотрел на Мирзакула, потом спрыгнул с коня.

– Снегом, снегом! – кричал он во весь голос солдатам, заодно и Шарифу. – Натирайте висок снегом, говорят! Дайте ему спирт!

Началась беготня, и Мирзакул, после долгого раздумья спрыгнул с коня: нельзя же так стоять и наблюдать, когда все, даже капитан, обеспокоенные состоянием Нормата, кружатся над ним. Он-то надеялся, что капитан поддержит его действия относительно Хатама и Нормата, даже, может, поощрит, докладывая об этом высшему начальству, хотя его приказ не полностью выполнен. А что?! Больше ругали бы, если бы опять упустили его из рук!

А в том, что Нормат хотел помочь беглецу – был уверен! Он не слышал их разговора, расстояние было немалое, однако предполагал, что Нормат именно этого хотел. О чем еще можно вступить в разговор с дезертиром, находящимся в розыске? Он, конечно, еще раз напомним капитану – тот находился далеко, не видел «дружеской беседы» их! – найдя подходящий момент. И накажут его, как следует, например, посадят на какой-то срок, после его заявления в соответствующие органы, конечно, если Нормат останется жив.

Потом ему, вернее, им никто не будет мешать, замечтался он.

На радость его, Нормат никак не приходил в себя.

V

Как мы уже говорили в начале рассказа, старуха Бийди являлась тетей... всей Терсоты со

стороны Бердишукура, хотя тераклинцы и терсотинцы были не такие уж отдаленные корни одного рода. Вот почему она во все вмешивалась, руководила всем, и считала себя в праве так поступать, когда, никого не осталось старше ее по возрасту (кстати, и в молодости водился за ней такой «грех», но не так сильно, как сейчас). Без нее, никто не за кого не сватался, лишь она определила, кто кого достоин, кто может стать хорошей невесткой или женихом.

Это только верхушка айсберга, образовавшегося всеми жизненными проблемами того рода, за который она почему-то считала себя ответственной. Терсотинцы давно примирились с этим – то ли из-за страха ее обидчивости, то ли сильного доверия к ней – все-таки она очень хорошо знала свое дело, а такие люди сейчас редкость.

Многие хотя устали от ее упреков, капризов, а временами (ох, как много было таких «времен») от всей души ненавидели, все ровно улыбались ей при встрече, льстили, приглашали даже на самые, что есть, семейные мероприятия узкого круга, где, если так взять, имей она совесть, и не имела морального права появляться.

Посторонним это могло показаться странным, если не сказать, совершенно нелепым, еще хуже, дурацки: почему слишком даже самоуверенные мужчины этого рода не выполняют ее, так называемую, роль? Куда они девались? Ладно, она, допустим, молодых мужчин или еще парней не признает, а где мужчины солидного возраста, например, старики под семьдесят, восемьдесят и больше? Перевелись? Нет, ходят же гуртами на свадьбы, похороны, сидят на самом почетном месте на тех свадьбах и других торжествах, с бородами до самого пупка! Как же так! Почему и они двумя руками, на тарелке с каемочкой передали свои права ей? Разве это нормально? Или у них, как у людей каменного века или еще раньше, если говорить языком ученых, – матриархат? А почему она, на каждом шагу ругающая тех мужчин, упрекая их в том, что они «не такие, как раньше были», сама не даст им даже рта раскрыть, что-то самостоятельно решить? Хотя бы в святую святых – в своей собственной семье? Как это понять? Чем объяснить?

Или это у них так из-за войны? Она взяла себе роль хранительницы нравов среди родичей, как бы опасаясь, что люди, особенно бабы, из-за всяких трудностей будут вести себя, если помягче сказать, «непристойно»?

Как бы ни так! Уже говорили, что она и раньше войны держала всех родичей в своих ежовых рукавицах, почувствовав, что никто не смеет ей помешать! Стала всех подряд воспитывать, как своих малолетних детей, причем без спроса у них, ни без каких объяснений:

– Я так хочу и все! Есть вопросы ко мне?

– Никак нет! – молчаливо ответили все: мужчины и женщины, старики и старухи, подростки и дети (неудобно тут мне включать в этот список еще и солидных стариков), опуская глаза.

Ее всегда увидели или кого-то ругающей, или поучающей.

– Разве это женщины! – поговаривала она о некоторых, ей самой не нравившихся женщинах. – Женщина должна сидеть дома, как со сломанной ногой, хозяйство вести, ухаживать за мужем, кормить детей. А эти? Только и знают шататься по аулу, показывать свои ляжки. Вот вернутся мужья, все расскажу!

Мужчинам еще больше доставалось:

– Мужчина должен быть мужчиной! – гаркнула она, сплевывая. – А не женоподобным. В наше время мы неделями не слышали слов! Все делали молча! А теперь? Сплетничают хуже женщин!

Ходила она легко, выпрямившись, как сухая палка.

Некоторые овдовевшие старики иногда осмеливались прикалываться над ней:

Бийди, с каждым днем все молодеешь, с чего бы это? Давай поженимся! Что за жизнь у тебя – жить у детей! Ну, что? Завтра отправить... сватов?

И получали все, как один от ворот поворот.

После смерти мужа, Бухара-богатыря, хотя была еще очень молода, во второй раз не вышла замуж, посвятила всю себя сыновьям (их было двое), сама вырастила их. Когда многие вдовцы со всей окрестности действительно к ней сватались, она одними тем же отвечала:

– Я все еще в браке с мужем, он не давал талака... когда умирал.

Прошли годы. Когда сыновья уже поженились, появились внуки, она открылась, прежде всего, своим снохам:

– Пошла бы. Но, за кого, прикажите? Где найти было такого, как он? Его боялся даже Эмир Алимхан.

Почему эмир боялся его, встречались ли они вообще и при каких обстоятельствах – не говорила. Наверное, это был какой-то секрет «государственного значения».

Потом, как всегда, в конце стала рассказывать о покойном, вернее, о том, как он умер:

– Знаете, это рок судьбы: такой человек скончался из-за камня, что с человеческую голову! Кто спустил его с горы, кто ночью поджидал бедного у рва Бакирчи, никто не знает. Только знают, – что камень ударился о грудь, размозжил ее... Еле дотащившись до дома, сказал ей свои последние слова:

– Жена... детей не обижай, если ослушаешься, прокляну...

Старуха не устает повторять этот рассказ, и каждый раз с добавленными от себя «новыми подробностями».

– Всю ее можно вмести в один мешочек из-под муки (Она была миниатюрная женщина, не похожа была на остальных баб «медвежьей породы»), но не в целую деревню. Ей нужен простор, – метко пошутил однажды Раджаб-наездник в ее адрес, один из «претендентов на ее руку».

Именно вот эта старуха, «тетя всех тетей», как всегда, по своей инициативе сыграла очень нехорошую роль в жизни Нормата, потом принесла еще и многим другим огромное несчастье.

И была не одна: нашлись помощники, и помощница, в первую очередь, в лице Турсун.

VI

Когда началась чилля, Нормат, несмотря на боль в ноге и лютый холод, от скуки стал вывозить «местное удобрение», то есть навоз, на огород. Дети были еще малы, поэтому Анзират до полудня помогала ему, а потом, возвращалось домой, занималась домашним хозяйством, готовила кушать из того, что было под рукой.

К огромному удовольствию Анзират, готовая нить для вязания быстро кончилась, однако он успел всем связать по носкам, даже жене!

Она, молча, только грустным взглядом поблагодарила его.

После случая у ущелья, он сильно изменился. Когда очень поздно вернулись, как об этом предупредил Шариф перед уходом, страшно было смотреть на мужа. Анзират думала, что он, может, очень устал, может, нога болит – она давно заметила, что стонал от боли и во сне, и поэтому выглядит так.

О том, что там произошла ссора между мужем и Мирзакулом, узнала и Анзират, но не посмела спросить у него о подробностях. Узнала и о том, что убили Хатама не без его прямого участия, очень уважаемого когда-то им человека. Помнит, однажды он, вернувшись с множеством призов с козлодрания, очень хвалил его. А чуть позже узнав от Турсун другие подробности, например, как Мирзакул ударил его нагайкой, а тот хотел его задушить, ей чуть ли не стало дурно.

И сегодня, после полудня, к ней пришла именно Турсун, когда Анзират занималась уборкой по дому: она только что во дворе вытряхнула одеяла и зашла. Дети с соседскими детьми играли,

а Нормат был на огороде.

– Анзират, – сказала Турсун, просунувшись в гостиную. – Здравствуй! Чем занята? Знаешь, какая у меня новость? Рохатой дочку родила!

– Дочку, говоришь? – Анзират повернулась к ней. – Бедная, все жаловалась – дочку бы теперь!.. А то только мальчики – один за другим. Ну и что, можно поздравить ее.

– Да, надо поздравить, но, наверное, после завершения ее чилли, – сказала Турсун.

Тут надо сказать, что и после родов тоже полагается своеобразная чилля, но это уже совсем другое понятие: в течение сорока дней никому, – кроме самых близких ей людей, живущих, например, в одном дворе, нельзя подойти к ним, роженице и ребенку, зайти в комнату: могут заразить и женщину, и ребенка.

Анзират, разговаривая с ней, одновременно засыпала меж коврами какой-то порошок, взятый у зоотехника, работавшего в колхозе, кажется, не против моли, что сейчас требовалось, а за неимением ее против клопов. Комната наполнилась его едким запахом, она, покончив с этим делом, заново аккуратно сложила все ковры и поставила на прежнее место.

Хотя стоял острый запах, все еще находившаяся на пороге Турсун зашла в комнату и села на один из тюков. Анзират недолюбливала ее, не ходила к ней, хотя их мужья как мы уже знаем дружили с детства. Знала, какая она, и на этот раз не удостоила ее приглашением войти в дом. Несмотря на то, что было не впервые со стороны хозяйки, как всегда сильно задело гостью, но сделала вид, будто не обращает внимания на такие «мелочи».

Она улыбнулась:

– Мислима – знаешь ты ее, жена Ахмедова, учителя физики нашей школы! Как только узнала, что муж погиб, стала гулять, – сказала она, устроившись поудобнее, будто говорит о каком-то пустяке, а глаза горели, щеки краснели.

– Что, сами видели? – спросила Анзират, краем глаз увидев, что Турсуной наслаждается своей новостью. – Или... кто-то вам говорил?

Турсун прикинулась, что не слышала ее.

– Общая тетя наша, Бийди, кажется, пока не знает, – продолжала она. – Ой, что будет, если она узнает! Представить трудно...

Анзират не понимала, почему старуха Бийди и Турсуной враждуют между собой: обе очень хороши! Как раз и наоборот – им бы стать самыми закадычными подружками! Только и знают вмешиваться в дела других! Вот, она о бедной Мислиме! Чем она тебе не угодила? Сама задержала ее с кем-то? Как Шариф ака живет с такой! Быстрее бы ушла к себе! Нет, сидит у меня, еще, наверное, успеет к другим соседям заглянуть... Неужели дома делать нечего?

Анзират не хотела поддерживать разговора, тем дав ей понять, что пора домой... Но... что это такое?! Опять?! Что происходит? Мамочка!

– Ой, подруга, что с тобой? – сказала Турсун, наблюдавшая за ней, удивляясь ее резкой бледности, быстро встала с места и подошла ближе. – Что случилось?

Анзират чуть ли не упала, не могла понять, что с ней происходит, присела, ладонью прикрыла рот, от натуги у нее выступили слезы, поняв, что подступает рвота, побежала на веранду, под села к углу.

Турсун, выбежав за ней, стала за ее спиной, двумя руками обхватила ее голову.

– Что такое?! – испуганно осведомилась она.

– Запах... от запаха, – выговорила Анзират едва. – От запаха порошка тошнит, голова закружилась... Пройдет, и раньше было так, но тогда от запаха топленого масла, – объяснила она, как можно глубже дыша.

Турсуной еще ниже согнулась, с интересом взглянула в ее лицо:

– Что?! Что ты говоришь? Как ... от запаха масла?! А ну-ка, дай посмотреть...

Она, подобно Жангил-лекарке, что больше занималась шарлатанством, чем людей лечила

(за это даже платили ей: кто деньгами, а кто натурой – курицей, яйцами, тряпками), бесцеремонно стала пощупать ее живот тонкими пальцами. Обессиленная от рвоты Анзират, хотя было неприятно ощущать на своем теле скользкие, змееподобные пальцы этой далеко не симпатичной ей женщины, и не думала сопротивляться, может, даже не понимала, почему она так делает.

Турсун вдруг выпрямилась, говорила, будто смущаясь:

– Как это интересно... а ну, зайдем домой... кажется, ты... Тебе обязательно надо лежать!

Анзират через силу при помощи Турсун встала, не слыша, что она говорит.

Вместе вошли в комнату.

– Есть у тебя простокваша? – спросила Турсун.

– Да, на кухне... Я сама...

– Нет, ты лежи!

Турсун сбегала за простоквашей, принесла, дала ей пить.

– Давно ли у тебя... такое? – допытывала она.

Анзират ответила, лишь бы та не пристала:

– Не знаю... Кажется, два месяца тому назад... тоже так было, – неохотно ответила она, не думая, даже не подозревая, что именно в этот миг, что проходил между ее отрывистыми словами, решалась ее дальнейшая судьба.

И не только ее одной.

Не попрощавшись с Анзират, она поспешила к выходу, а там, чуть задержавшись, хотела еще о чем-то спросить у нее, но не стерпелось, дикое чувство мести проснулось в ней: все ясно! Говорит, два месяца у нее так! А муж-то приехал когда?! Еще месяца нет! Теперь я знаю, что с тобой делать! За твоё высокомерие, за неуважение ко мне! Надо же! Сама, оказывается, такая, а со мной держится как! Будто ангел! Посмотрим на тебя, когда мужу знает об этом!

Она поспешно направилась куда-то, но на дороге ее остановили:

– Турсун-байбича, что с тобой? Откуда идешь? Рот до ушей, будто отец воскрес, – сказал старик Аляр, стоявший на плоской крыше своего коровника, куда был прямой выход с наружной двери. Постройки в его дворе были расположены как бы лестницей. Такие дворы не редкость у населения этих деревень, живущего у подножия Гиссарского хребта. – Или клад какой нашла?

– Не говорите, дядя, – усмехнулась Турсун. Хотя она не так уж далеко успела пройти, от скорой ходьбы вся вспотела. – Скоро услышите! Или сами увидите! – Старик Аляр удивленно стал наблюдать, как она быстрыми шагами удаляется.

Это что еще? Куда она? Вижу, не к себе... К Бийди, что ли, идет? Странно... Давно ли «друзья» они? Может, письмо пришло, опровергающее смерть сыновей ее? Неужели! Была бы какая радость! Вот дура, почему мне прямо не говорит и изображает тайну? Самому пойти, поздравить, что ли? А может...

Он оттуда все видел: как Турсун зашла к Бийди, потом тут же вдвоем вышли оттуда, шли прямо – к нему что ли?! – почему-то испугался старик, – да нет, идут, кажется... к Нормату... Вот, и сам возвращается откуда-то, кажется, с огорода... еле тащит ногу, бедный, видно, что устал. Лежал бы дома, пока зима не прошла! Эх, какой был парень... И всегда грустный какой, хотя вернулся с такой войны, что не каждому суждено! Ходит задумчивый, будто... Не знаю, что с ним! И жена хорошая... Другой бы только обрадовался, что вернулся живьем с войны! А он...

Мой сын тоже воюет, и письма приходят от него почти каждый месяц, и, дай бог, чтобы вернулся живьем, но и здоровым! Не то, что как вот этот Нормат.

Вот, Бийди вместе с Турсун подбежала (он давно не видел, что старуха Бийди так быстро

бегала, и почувствовал что-то недоброе) к нему, стала о чем-то быстро говорить, а Гурсун, чуть в стороне, с язвительной усмешкой на губах, одобряюще кивала Нормату, когда тот, бледный, как полотно, вопросительно взирал на нее. Вот, все они зашли к нему.

Прошло минут пять, может, чуть больше...

Старик Аляр с крыши своего плоского дома все видел, но ничего не понимал.

«С ума сошли! – думал он напряженно. – Жену бьет, что ли? Чем она провинилась? Вот неблагодарный человек, а! Когда тебя не было, одна воспитывала твоих детей, работала! И такая женщина – скромная, порядочная, не то, что некоторые... Что с ним? Эти бабы ему что сказали, чтобы так беспощадно избить ее?!

Быть простым зрителем в такое время совесть не позволяла, надо что-то предпринять, убьет же...

Пока он шел к Нормату – бежать он не мог, хотя очень нужно было так сделать сейчас, но куда ему, дряхлому старику! – начал собираться и народ, а Нормат походил на настоящего безумца: бил жену, куда попало, а та молчала, не стонала даже.

– Кто?! Кто он?! – кричал он, хрипя. Лицо его почернело от злости. – Говори, сука! Если не скажешь, на этом же месте разорву на куски!

Обезумевший Нормат, кажется, быстро решил на что-то и за волосы волочил жену по грязной земле, дошел до коровника. Толпа пошла за ним.

Нормат остановился у входа.

– В последний раз спрашиваю! Говори! – орал Нормат диким голосом, будто собираясь задушить ее. – Слышишь, шалава!

Тут кое-как подоспевший старик Аляр схватил его за руку:

– В чем дело?! Что она тебе сделала?

– Отойдите! – злобно прокричал на него Нормат, освободив руки. – Не ваше дело!

Аляр не хотел отойти:

– Убить собираешься? А дети?

– Отвалите! – оттолкнул его Нормат. – Если мать такая, не надо и детей ее!

Он поднял прогнувшую веревку, лежавшую под ногой, дрожащими руками кое-как соорудил из нее петлю и взглянул на балки, чтобы найти место подходящее, но тут ему опять помешали: старик Аляр – вот настырный, а! стоял бы как все, раз тебя не слушают! – повис на его руках, своим легким телом, как перо.

– Тогда... и меня повесь! Когда тебя будет судить за это преступление, чтобы люди не говорили, что я тоже был свидетелем твоего безумия! Давай...

Тут кто-то из собравшихся, подал боязливый голос:

– Что она сделала вообще?

Лысый Махамати, тяжелый на слух, находившийся в толпе, но все еще не соображающий, что происходит, может, подбодренный поступком дряхлого старика, сдернув с руки Нормата веревку, бросил ее далеко в сторону.

– Что люди скажут?! – сказал он ему. – Что, мы уже начали друг друга убивать? Сам прекрасно знаешь, и так на войне сколько наших родных и близких погибло (его самого не взяли на фронт: был глуховат и очень маленького роста)! Что она тебе сделала? – кончил он, картавя.

В детстве и когда вырос потом, если смеялись над этим его недостатком, он говорил: «Ну и что? И великий вождь пролетариата так говорил! Сам на пластинке патефона слышал его голос, в чайхане, когда ездили с отцом в Камашаи – на базар! Вы просто завидуете мне!»

После его слов все затихли.

Нормат, схватившись за голову – может, от боли, а может, от стыда, позора, в конце концов – качался, стонал. Потом сел прямо на грязную землю. А двое из стоявших рядом женщин, тихо

плача, подняли лежавшую без сознания Анзират, унести домой. Услышав шаги, Нормат, будто очнувшись, вскочил с места и хотел было остановить их, однако Махамеди крепко зажал его в своих худых объятиях:

– Стыдись, дурен! – кричал он, выдыхая ему в лицо. – Если твоя жена, – запнулся он, подбирая слова, потом, краснея, продолжил. – Не знаю, что она сделала! – закричал он, будто чего-то стесняясь, может, от того, что пришло на ум. – Все равно, разве так поступают с женщиной?! Ведь она... мать твоих детей!

Женщины увели Анзират в дом под общим наблюдением глаз.

Многие сейчас думали «о том», хотя как-то не верилось: неужели?! Такая женщина, как Анзират, способна на такое?! Возможно ли?! И с кем она?! Как мы этого не заметили?!

Тут все собравшиеся испугались неожиданного, громкого, как гром, голоса:

– Эй, народ! Нормат? Что происходит в твоём... коровнике?! – Все разом оглянулись: стоял Шариф. – Что за шум, тетя Бийди? Что за сборище? В честь чего?

Бийди сначала ничего не хотела объяснять ему: кто он таков! Лучше следил бы за женой друга, когда он находился на фронте! Теперь возвышает тут голос!

Но, с другой стороны... если так взять... почему надо скрывать от него? Пусть слышит, если так ему хочется! Может, самому будет стыдно!

Скрестив на груди длинные руки, слушая ее крикливые объяснения, он все ахмурился, краснел, пыхтел, наконец, поднял взгляд, посмотрел на Бийди в упор:

– Это... Турсун вам так говорила? Жена моя?! Вы все только с ее слов? Вы ее только сегодня видите? Нормат! Что это такое? Хоть спрашивал ты у нее, у жены, прежде чем распускать руки? Может, кто-то из вас видел ее с другим?! – оглянулся он, краснея.

Толпа, как один человек, отвела взгляд в сторону:

– Нет...

– Не знаем...

Шариф усмехнулся:

– Вот дикари, а! Что, получается, много шума из ничего? Вам бы только зрелище! Даже если оно кровавое! Ну-ка, разойдись по домам! – вскричал он гремучим голосом и презрительно взглянул на Нормата. – Еще воевал, называется! Мир увидел! И после этого, нашел, кого слушать! Баб! Иди в дом, герой!

Тому – после резких и вроде бы справедливых замечаний друга нерешительно идущему к себе – помешала Бийди:

– Нет! Пока эта шлюха дома, не войдешь туда! Не видишь, что все время молчит? Если бы была права, разве так сделала бы? Ничего, узнаем, кто это ее любовник – шило в мешке не утаишь! Не слушайся его, иди ко мне! Сама тебя приючу, не унижайся... не стоит она тебя!

Все молча стали наблюдать, что будет дальше: кажется, слова друга подействовали на него, но, если правда, что мы слышали тут, примет ли он ее вновь? Почему все-таки молчала Анзират? Ни оправданий, ни согласий! Если, да... можно ли оправдать ее поступок, хотя, может, думала, что мужа нет в живых...

И кто же он таков?

Каждый по-своему, по памяти искали потенциальных кандидатов-ловеласов, однако ни на ком остановиться не могли. Может, теперь, когда ее секрет открылся, он выплывет на поверхность? Ладно, подождем...

Нормат долго стоял, потом, не поднимая головы, пополз за старухой Бийди, семенившей к своему двору: сейчас ему больше всего хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, убить, уничтожить себя, и тем самым никого не видеть, никому не показываться.

А в голове кружился только один вопрос: кто он?!

За ним быстро стали расходиться и другие, некоторые сердобольные женщины, пересилив

себя, вошли в дом, к Анзират: надо помочь. Какая бы она не была! Видели, вся в крови, и не дай бог ей умереть! Куда деваться потом детям ее! Еще такие маленькие, беспомощные...

Шариф тяжело вздохнул, взял крепкий, кривой черенок, стоявший в углу коровника, свирепым взглядом отыскал жену, старавшуюся не попасться ему на глаза среди шепотами расходившейся толпы, и спокойно пошел за ней...

Хорошо, что Холмата и Ходжар не было дома и этого ужаса не видели: они с детьми играли далеко от дома. Пришли только тогда, когда Анзират привели в сознание, а отца нигде не было.

Они долго не понимали, почему мать вся в крови, а женщины приводят в порядок ее разорванные, загрязненные одежды, а сами плачут и ругают...

Нет, не кого-то, а войну.

Продолжение следует

КАМЕНЬ

Рассказ

Отчего-то сжималось сердце.

Да нет же, кажется, я знаю, откуда такое состояние души у меня! Хотя, дело не в этом, а в его последствиях: ведь мы знаем, что человеческая душа – меняющийся лист дерева, кружащийся от дуновения ветра. Однако если так, почему тяжелое настроение так прочно засело в моей груди? Почему оно не уходит, не оставит меня в покое?..

Не знаю, возможно, даже со временем это настроение укрепилось в глубине души до такой степени, что превратилось в какой-то предмет, например, в камень. Естественно, я тоже, как все остальные смертные, находясь под влиянием некоторых слабостей, поддаюсь минутным радостям, но потом все равно возвращаюсь и возвращаюсь к этому состоянию духа, которое гнездится в глубине души... Тогда я (и это бывает часто), воспринимаю себя с одной, а других – с другой стороны: будто они находятся на том берегу бушующей реки, а я – на противоположном. К тому же, кажется, будто наступают сумерки. И что самое удивительное – хотя смертельно страшусь одиночества – не хочу переплыть на другой берег, наполненный толпой людей. Кажется, будто я страдаю неизлечимой болезнью, а они все здоровы. И будто вот эта болезнь, оторвав меня от людей, крепко-накрепко прикрепила к одиночеству и на всю жизнь запретила подходить к ним, смеяться и плакать вместе с ними...

Не знаю, сколько времени я бьюсь в петле такого состояния духа. Боже, боже, хоть бы оборвалась или нить жизни, или та проклятая петля!..

Ощущая нестерпимый страх в ее цепких объятиях, я быстро оделся и вышел. Чувствуя, что камень на сердце продолжает набирать вес, меня охватила тревога. А что? Вдруг на улице встречу доброту и снисхождение людей, и камень размягчится? Например, как соль в почке... Ведь, и она тоже, как камень, накапливается в организме человека годами в результате неправильного приема пищи, воды и других вещей. Или соль как камень...

Что бы то ни было, если не остановить процесс вовремя, он может привести человека, в конце концов, к печальным последствиям. Так, я стал думать, что мое долгое хождение с камнем внутри, опасно и для меня, и для других. Может, он и не растворится, как я того желаю, не удалится как камень в почке, тогда пусть хотя бы остается на своем месте. Подумав обо всем этом, я бросился на улицу...

По привычке я шел по тротуару, что проходил параллельно трассе, с целью зайти в ближайший парк, еще раз послушать пение птиц и вернуться назад. Я шел очень медленно. Вдруг сзади послышались шаги. Через мгновение, мимо меня прошла незнакомая женщина, в каком-то блестящем платье, вея ароматом нежных духов. Может, под влиянием настроения – не знаю! – я обратил на нее особое внимание. Прежде всего, ее нежный аромат щекотал мое обоняние. В то же время я бросил взгляд на стан женщины: от такой красоты можно было задохнуться! Невольно мои шаги ускорились в такт самой женщины. Шли так долгое время. Постепенно моим телом стала овладевать приятная дрожь. А сердце... в течение этого времени проклятое сердце стало так биться, что я уже решил чуть замедлить шаг, чтоб мое волнение не дошло до слуха женщины.

Светло-розовое платье женщины с пурпурными крапинками на нем так шло к алому закату солнца – что оставалось только любоваться всем. Подумалось вот о чем – возможно именно это и есть та пресловутая «всеобщая гармония веселенной». Кудрявые, развевающиеся направо и налево волосы каштанового цвета, ниспадающие на голые плечи, возбуждали смутные чувства

у глядящего на них человека, и придавали всему существу женщины мистическую окраску. В лучах заката, раскинувших повсюду свои отблески, женщина плыла как лодка пурпурного цвета, а я, не отрывая от нее взгляда, шел и шел за ней.

Ноги!.. Когда мой взор остановился на них, я стал буквально захлебываться, и чтобы чуть-чуть прийти в себя, оторвал от них взгляд и стал озираться по сторонам. Они были так прекрасны, что невозможно описать. О боже! Я был весь в ее власти. Горел желанием сразу слиться с этим красивым существом. Ощутил потребность отдать свою душу этой красавице, образ которой годами витал в моем воображении; если быть точным, ради нее я был готов отдать свою жизнь Джебрайлу – Ангелу смерти. Казалось, что наконец-то я нашел тот высший смысл, то существо, за которое и жизнь отдать не жалко! Теперь осталось только не потерять ее, а использовать отличный шанс, подаренный мне судьбой. Я всегда презирал тихую смерть в глубокой старости в постели, в окружение близких себе людей...

Словом, идя за ней как тень, я призывал на помощь Бога, умолял: «Помоги мне!»... Казалось, что ноги женщины были привязаны к моему сердцу невидимыми нитями, при каждом ее шаге моя грудная клетка вздымалась в волнении. Пришло на ум выражение «не шла – плыла». Да ведь я где-то читал: так изображались шаги красивых женщин. Да-да, она не ходила, а именно плыла: с какой-то грацией, в волшебстве и колдовстве очарования... В следующее мгновение потемнело в глазах, голова закружилась. Решил замедлить шаг, чуть отойти от света, излучающего красоту, и таким образом восстановить внутреннее спокойствие. Однако ноги не подчинялись. Что ноги, теперь все мое существо, будущее были во власти этой женщины. Я был пленником, привязанным к исходящей от нее какой-то непонятной, безгранично приятной мелодии. Да-да, именно, пленником!..

Я, казалось, нашел ключ к шкатулке, в которой можно было найти нужное слово, выражающее ее суть, потому что весь вид женщины, походка ее были такой песней, что я всем телом ее слышал. Все мое существо, кровь и плоть находились под властью этой песни, соразмерно колебались в такт с ней. Я забыл окружающий мир – что мир?! – и свое собственное болезненное внутреннее состояние, и тягостное настроение! И камень, застрявший в груди, его тяжелую муку. О боже, оказывается, есть на свете такая благодать, о которой мы не знали, и ходили неизвестно где!..

Кончилась роща, и мы вновь оказались на обочине трассы. Женщина шла на рынок, который уже был виден слева. А я – за ней. Потом она остановилась там, где скопились люди. Я тоже приблизился и остановился. Недалеко от нее, рядом. На расстоянии, которое давало возможность без конца ощущать ее нежный аромат. Как отважился на это – сам не знаю. Чувствовал: женщина совсем добивает меня, и я таю как свеча...

В это время она, сделав два-три шага в сторону, с интересом стала посматривать на что-то. Тогда я увидел ее лицо, подобное луне, длинные ресницы, классические брови, губы, как бутоны. Моему волнению не было конца. Невольно, двумя руками схватился за грудь: казалось, что сердце судорожно бьется, готовое выпрыгнуть из грудной клетки...

– Долго будете стоять?! – кто-то слегка задел меня по плечу. Я нечаянно подался вперед и оказался у большой тары, где была разложена рыба. Они были живые! Измучившись от жажды, то одна, то другая с шумом бросались вверх! Оторопев, я почему-то посмотрел на женщину: господи, в ее взоре играла... дикая страсть! Особенно тогда, когда каждый раз рыба всплескивала, она, как кошка перед прыжком на мыш, к чему-то готовилась, причмокивала ртом, облизывая свои полные губы. Тогда мне показалось, будто ее рот запачкан кровью. Может, в глаза мне бросилась помада на губах или мне так представилось на фоне алого заката. Возможно, что это была тень пурпурного платья, отраженная в зрачках моих глаз... Но все равно, в то время ее губы показались мне кровавыми. Да-да, ее рот был кровавый, как у зверя, только что совершившего убийство...

Женщина что-то сказала продавцу. Тот в ответ взял две рыбы, положил на весы и посмотрел на шкалу. В это время одна из рыб ударила хвостом о чашку весов: «шлеп-шлеп». У женщины заблестели глаза, она стала чаще облизываться. А продавец пальцами попытался придавить рыбу, а когда она успокоилась, опять посмотрел на весы. Рыба еще раз взметнулась. Шкала опять задергалась. У продавца иссякло терпение, взяв рыбу с чашки и положив ее на стол, он ударил ее черной гирей – размером с маленькую человеческую голову – и размозжил ее...

Меня сразу затошнило, что-то вырвалось наружу. Я не успел отстраниться, прямо у ног женщины меня вырвало. Люди, стоявшие в очереди за рыбой, разбежались по сторонам, как от чумы, в том числе, и женщина. (Но уверен, что, ни один из них потом не ушел без рыбы, в том числе, и она...). Кажется, рвота забрызгала ее ноги и туфли, она, бормоча, ругала меня (во всяком случае, мне так показалось), вытирая их салфеткой, которую достала из маленькой сумочки, и довольная протянула руку продавцу, подавшему ей пакет с рыбой.

Кто-то посочувствовал мне, обращаясь с вопросом: «Что с вами?», – а многие ругали. Продавец попытался прогнать меня: «Уходите, идите отсюда, весь торг испортили!». Потом уже тыкал: «Убирай свою помойку!..»

Тем не менее, в это время какой-то старик засыпал рвоту землей. Внимательно взглянув на него, удивился: он оказался очень похожим на меня. Только в возрасте нашем была большая разница. Больше ничего не помню: сколько времени я еще оставался там, куда ушла та женщина, как ушла – не знаю, так как я опять ударился головой о большой камень, лежавший в самой глубине души. Мир кружился вместе с моей головой. Мгновенно исчезла песня, звучавшая во мне, а на ее месте опять властвовало настроение сжимающей петли, и я в объятии ее прочной сети почувствовал себя жалким и слабым...

В ту ночь я не сомкнул глаз, крутился в постели и заснул лишь к утру. Потом я увидел сон....

Во сне я будто бы бродил по улицам с камнем в руке, и каждого встречного бил им по голове до крови. «Камень находился у меня внутри. Когда и как попал он в мои руки? Почему вышел наружу? Для чего?..», – думал я, сокрушаясь, однако, не оставил своего ужасного занятия, вернее не смог остановить самого себя. После того, как обагрил алой кровью лица всех тех, кто попадались мне на пути – мужчин и женщин, взрослых и детей – стремительно направился к горам, видневшимся вдалеке. Прислушавшись к своему сердцу, понял, что, горел страстным желанием забросать камнями Солнце, начало самой жизни, взобравшись на самую верхушку их. А в голове все кружилось и кружилось, и еще раз кружилось только одно видение – продавец, размозживший голову рыбе, и алые губы женщины...

1997 год

Николай ИЛЬИН,
кандидат педагогических наук,
редактор отдела
научно-методического журнала
«Преподавания языка и литературы»

«НА ДВОРЕ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДОЖДЬ»
(поэзия Ойгуль Суюндиковой)

Ойгуль Суюндикова – поэт, журналист, преподаватель, переводчик. Она занималась и занимается почти всеми видами профессиональной деятельности, связанными со словом, и в этом смысле является прежде всего филологом. Данное обстоятельство необходимо иметь в виду и анализируя ее оригинальное поэтическое творчество, ибо мы имеем дело отнюдь не просто с поэзией, создаваемой стихийным наитием. В ее произведениях не только чувства и опыт сознательно живущего человека, думающей личности, но и поэтическое вдохновение, поверенное литературоведческим подходом, литературной образованностью. Отсюда наличие тем, мотивов и приемов по характеру своему часто превосходящих традиционный состав поэтической локальности.

Ойгуль Баратовна Суюндикова родилась в Пайарыкском районе Самаркандской области в 1957 году. Там же окончила среднюю школу, а затем поступила в Ташкентский культурно-просветительский техникум по специальности библиотекаря. С 1980 по 1985 году училась в Московском литературном институте. Эти годы учебы в России не только стали памятными и весьма значительными фактами ее учебной биографии (учебной в очень широком смысле – от студенческой до самообразовательной и творческой), но во многом определили неповторимость ее поэтического мира, а также разнообразие переводческих интересов. Здесь сформировалось ее понимание культуры и литературы России, а вместе с этим открылся мир словесного искусства разных стран и народов, который стал доступен посредством русского языка. В семинаре поэзии О. Суюндикова занималась под руководством известного российского поэта Евгения Долматовского. Дипломной работой явился сборник стихотворений «Уфklar ёнганда» («Когда горят горизонты»).

Прекрасно зная литературный узбекский язык, усвоив очень многое из классического наследия поэтов-предшественников, Ойгуль Суюндикова немало также почерпнула у литературы иноязычной, прежде всего – русской. Диапазон ее переводческой деятельности огромен. И здесь прежде всего следует отметить работу по созданию узбекских художественных эквивалентов произведениям классических русских мастеров – Лермонтова, Блока, Цветаевой, Ахматовой. Она является автором ряд поэтических сборников: «Когда горой горизонты», (1986) «Песня жизни», (1986) «Убеждение», (1990) «Родной дом», (2007).

В оригинальном творчестве Ойгуль Суюндиковой мы находим, с одной стороны, добротную национально-эстетическую основу, которая проявляется в использовании традиционных для узбекской литературы образов, тем и мотивов (стоически спокойное при всем внутреннем напряжении отношение к смерти, драматическим реалиям бытия; тема дочерней любви к матери, раздумья персонажа на фоне природы, сада и др.) Целый ряд языковых средств и приемов, метафор и сравнений поэтессы может быть понят и объяснен лишь рассмотрением специфических особенностей узбекской классической литературы, знанием своеобразия национального быта и домашнего производства. Не вполне понятное или, по крайней мере, не сразу понятное русскоязычному читателю «В глазах моих глубина небес, // И я не хочу ее уронить» (в узбекском тексте эта метафора еще и «не смягчена» словом «глубина», там просто «Не хочу уронить его (т.е. «небо»)») означает «не хочу опустить глаза». Проявившийся после

первых дождей осени глянец листьев уподобляется замачиванию пряжи в крахмалистом растворе «охор» (процесс лощения). Некоторые сравнения, выглядящие несколько «натянутыми» в русском восприятии, вполне естественны в узбекской поэтической традиции. Так в стихотворении «В лесу» находим: «Деревья – лодки, лес – море. // Взгляды – путники. Ветры шумят // Почему вдруг счастлива я была в эту пору?». (Цитируется по авторскому подстрочнику).

Значительное место в творчестве Ойгуль Суюндиковой занимает лирика природы. Раздумья героини навеяны жизнью самой природы или поддерживаются «природной отзывчивостью»:

В марте выпал снег. Странные желанья
И странные чувства пришли в сердце мне.
На обледенелых дорогах схватывает дыханье.
Ну как тут не тосковать по весне?

.....
В городских парках, с распущенными волосами,
Как заблудившийся дервиш, бродит снег.
Томленье деревьев – великое самое:
Весна – их детство, их первый побег.

Подчас осознание состояний природы порождают целую систему обобщений, своеобразную философию понимания мира:

Спешит, словно жизнь, медлит, будто бы счастье,
Та осень, с которой я сердцем сроднилась.

Налаженная, но автоматизированная повседневность, подогнанность быта под некое «расписание», суэта большого города воспринимаются как нечто неестественное и отчужденное, вызывающее досаду:

...Лишь город бесчувствен, гул его все слышнее –
Упаднических настроений не знают авто.

Живая природа часто оказывается для лирической героини Суюндиковой необходимым противовесом бездушной механизации городской жизни, она сопрягается не с формальной жизнедеятельностью, но с состоянием души:

Все валилось из рук, любая работа,
Пенье птиц казалось печальным почти;
Только город был, как всегда, в заботах,
И гул его лился, как сталь, из печи.
..... Мое состоянье
Сопрягалось с закатом в его скорбях.

Стихотворение «Безнадежный и тяжкий день завершен...» погружает нас в атмосферу осознания трагичности бытия. Здесь один нелегкий день жизни лирического персонажа символически завершается приходом на кладбище, где печаль и тоска достигают, как кажется, своего апогея.:

Безнадежный и тяжкий день завершен,
Не было ни дождя, ни письма.
Молчание серый обняло небосклон,
Рассеянные сады смотрелись скучно весьма.
Я шла одна к кладбищу...

Смерть, с одной стороны, потрясает и пугает, ассоциируясь со всем страшным, печальным и неудачным, что может быть в самой жизни. Это выражено описанием самих кладбищенских надгробий («Здесь все смотрят на тебя разом // И задают вопросы одновременно.// Большие и маленькие, свой и чужой // Проступают на плитах, твой взгляд ища»), так и состоянием природы: «На заходе солнца ветра рыданья // Так и остались висеть на ветвях». Но вдруг, все как бы разрешается пусть и печальным, но каким-то умиротворением: «И день мой тоже обрел покой, // Вместе со мной придя на кладбище». Для читателя, воспитанного на русской или европейской традиции такой переход может показаться если не неожиданным, то, по крайней мере, несколько резковатым, а словосочетание «обрел покой» восприняться как мрачноватая ирония. В авторском же понимании здесь нет ни чрезмерного трагизма, ни, тем более, горькой иронии. Здесь мы видим отношение к смерти, воспитанное в недрах восточного менталитета: повышенный фатализм восточной культуры побуждает спокойней смотреть на повороты судьбы и личную неудовлетворенность, которые как бы компенсируются ощущением пребывания во власти высшего равновесия и справедливости.

Вместе с тем в раскрытии образного содержания и в поэтической форме стихотворений (прежде всего ритмике и строфике) поэтесса предлагает читателю немало нетрадиционного, внутренне сопряженного с информационной открытостью современного мира, расширением культурного поля национальной жизни. В разработке той же темы природы мы находим заметное влияние, как картин самой русской природы, так и ее художественного постижения в русской лирике. Такие стихотворения, как «Вновь северный город в объятиях осени...», вторая часть цикла «Мартовские картины» явно создавались не без этого влияния:

Ночи без звезд. Темный-темный лес.
Все тихо кругом, все беззвучье хранит.

В этом отношении стихи О. Суюндиковой особенно могут быть интересны русскому читателю, ибо в них своеобразно сочетается традиционное национальное видение жизни, национальный колорит бытия и понимание европейского художественного мира и взгляда на вещи.

Многие стихотворения поэтессы окрашены грустью, элегичны, а подчас и трагичны, но в ее восприятии жизни все-таки нет тяжелой безнадежности. Красота природы и слова – некая противостоящая этому сила:

На дворе удивительный дождь
Заставляет ждать новых вестей.
Если в долгом томлении ждешь,
Невозможность свершится верней.

Многочисленные стихотворения, обращенные к матери, также одна из заметных составляющих поэзии поэтессы. Конечно, это в какой-то мере тема, свойственная любой литературе мира, но здесь мы говорим о своеобразной окрашенности, присущей миропониманию узбекского народа: восприятия человеческого сообщества, всего многообразия

человеческих отношений через призму семейных отношений, как некоего мерила их естественности или ложности.

Настойчиво прослеживается мысль о преимуществе реального, пусть «обычного счастья», заключенного в семейном начале, тепле родного очага перед самой возвышенной, но, возможно, иллюзорной романтикой:

Небо видит сон. В этом сне
Я самой счастливою птицей летаю.
Река видит сон. И в этом сне
Плыву я, волны ее лаская.
.....
И ветер тоже забылся сном,
В котором лечу я по небосклону,
А маме моей снится сон о том,
Что утром вернусь я к родному дому.

Лирика поэтессы – это прежде всего мысль, размышление, обретшее образно-словесную форму. Вместе с тем она не есть прямая реализация умственной установки или какой-то рациональной заданности. Аналитические состояния, филологическая опытность, инокультурные ассоциации, – все это только подготовленная почва, на которую падают зерна вдохновения автора, которые вовсе не занижают и не искажают самого поэтического видения, процесса непосредственного стихотворчества.

Поэзия Ойгуль Суяндиковой представляет одну из важных составляющих тенденций развития современной узбекской поэзии в период осознания огромных перемен, произошедших как на всем мировом и евразийском пространстве, так и внутри самого узбекского общества. Сохранение национальной ментальности, с одной стороны, и открытость для полезного взаимодействия с другими инациональными культурами, поиск путей межкультурного обогащения – характерное и ценное свойство ее поэтического труда, своеобразного пути, которому не дано заглухнуть:

Идти б и идти бесконечной дорогой,
Чтоб стала она оживленной тропой...
И кто-то мне руку пожал у порога:
«Прощаюсь, чтоб новой ждать встречи с тобой».

Баходир АХМЕДОВ,
*кинорежиссер, заслуженный работник культуры
Республики Узбекистан, кандидат искусствоведения,
профессор.*

ОЧАГИ НОВАТОРСТВА

Фильм создается коллективными усилиями представителей многих профессий. На разных стадиях развития экранного искусства вперед выходит то сценарист, то режиссер, то оператор.

Примерно то же самое можно сказать о развитии документального кино в разных странах и на разных континентах. Начиная с 20-х годов, периода своеобразного «самосознания» кинодокументалистики, передовые веяния в этом жанре кино возникают то в одной стране, то в другой. Известны выдающиеся открытия, связанные с творчеством американца Р.Флаэрти, создавшего такие работы, как «Нанук с Севера» /1922г./, «Моана южных морей» /1926г./, голландца Й.Ивенса («Мост» /1928г./, «Дождь» /1929г./, «Песня о героях» /1934г./, «Испанская земля» /1937г.), существенные открытия были сделаны в разные годы в документальном кинематографе Франции, Германии, США, Польши, Венгрии. Следует упомянуть о великолепных реалистических находках в картинах документалистов Великобритании, таких, как Б.Райт, П.Джексон, Х.Дженнингс.

Не менее яркую страницу вписали в историю кинодокументалистики замечательные кинохудожники России, Грузии, Киргизии, Узбекистана, республик Прибалтики.

Ещё на ранней стадии документальной киноистории отметились своими яркими достижениями такие режиссеры, как В.Турин «Турксиб» /1929г./, М.Калатозов «Соль Сванетии» /1930г./, М.Кауфман и И.Копалин «Москва» /1927г./, Я.Блиох «Шанхайский документ» /1928г./ Широчайший мировой резонанс вызвали советские документальные ленты из «Киноплетиси Великой Отечественной войны», отразившие важнейшие этапы великой битвы с фашизмом.

С конца 1950-х начала 1960-х годов идет отсчет нового взлета советской многонациональной кинодокументалистики, давшей миру такие интересные творческие личности, как В.Лисакович, Д.Фирсова, А.Видугурис, М.Каюмов, С.Аранович, Б.Рычков и др.

В документальном кино активно выступают со своими произведениями крупнейшие представители игрового кино: С.Герасимов, М.Ромм, Г.Чухрай, В.Ордынский, Т.Океев, Б.Шамшиев. Теоретический и творческий процесс в документальном кино идет с огромной интенсивностью и результативностью.

При всем многообразии форм документального кинематографического искусства и невозможности точно размежевать границы между видами и методами съемок, все же необходимо выделить два основных подхода к документальному материалу.

Одни считают, что документальным называется фильм, в основу которого легли съемки подлинных событий и лиц. Воспрещается всякая реконструкция событий. В качестве примеров настоящего неигрового кино приводят первые фильмы Люмьера, Ивенса, Вертова. В то же время, сам термин «документальное кино» вызывает споры, потому что любой человек при виде камеры в той или иной степени начинает играть, исполнять некую роль, вести себя неестественно, и в итоге всякий фильм становится постановочным. Рассудить эти споры смогла сама жизнь, развитие документального кино, представившего в своих лучших образцах замечательные примеры глубокого кинематографического исследования жизни, проникновения в образ и характер человека.

В результате подлинно творческого подхода к кинодокументальной практике представители неигрового кино сумели создать немало картин, в которых использовались самые различные

виды жанров, как фактографические, так и обобщенно–образные воплощения предлагаемых тем.

Одним из подспорьев в поисках кинодокументалистов стал плодотворный опыт «киноправды» Вертова, его идея съемки «жизни врасплох», разработанная им со всей тщательностью, предусматривающая самые различные варианты контактов автора с действительностью, дававших в руки документалистов совершенную методику работы, систему практических приемов наблюдения.

Марсель Мартен писал, что «С Вертовым достоверность изображаемого стала идеологическим оружием» /«Правда кино и киноправда». М.: «Искусство», 1967 г – 83/. стр. Однако зарубежное неигровое кино извлекало из Вертовских идей не все полезное, игнорируя идеологическую природу его творчества. Глубже использовали достижения Вертовской эстетики, постигая лучшие стороны учения великого кинохудожника, советские кинопублицисты, аккумулировавшие, в первую очередь, мощный заряд Вертовских традиций, получивших свое воплощение в таких работах, как «Шестая часть мира», «Киноглаз» и «Киноправда», могущих поспорить в постижении «человеческого духа» с произведениями игрового кино.

В теории и практических исканиях идет настойчивая разработка в новых жанровых конструкциях /драма, очерк, репортаж/ различных стилистических подходов к сюжетосложению, усложняется роль автора в создании документального фильма. Вносятся изменения в драматургический строй картин: они касаются и фабулы, и сюжета, и композиции. По-прежнему рассматриваются проблемы типизации и индивидуализации образов персонажей.

Поэтому есть повод поговорить о поисках и открытиях, о традициях и новаторстве, об эволюции структур образных средств, используемых в современном документальном кино, на всем пространстве мировой кинопрактики.

На съемках применяются самые различные методы отображения объекта – от репортажа до интервью, наблюдения и способов монтажного оформления материала.

Прием использования в каждом отдельном конкретном случае сам по себе еще ничего не решает. Важен результат исполнения, умение передать выражение чувств, манеру поведения, органику действия человека. В таких случаях психологизм, тайные пружины поступков, характеры, едва уловимые в фильмах, обретают большую рельефность, чем в игровом кино, подлинность жизни.

Гигантские возможности, которые таятся в документальном кино, ощущаются в послевоенное время в лучших киноработах.

«Опасливое предположение, что документальные фильмы имеют свои пределы, писал драматург Л.Браславский, – лишь проявление косности мысли. Пределов нет. Они существуют сегодня, ибо нам не хватает ещё технических возможностей и творческих средств. Завтра возможности и средства будут». «Правда о правде» – «Искусство кино», 1967/.

Действительность, насыщенная знаменательными событиями, перемены в общественной практике дают искусству богатый и увлекательный материал, эстетическое освоение которого является насущной, неотложной задачей.

От кинохудожников – публицистов, хроникеров, обладающих мощными средствами, в плане политики и пропаганды требуется воплощение острой социальной и общественно интересной тематики, в формах, адекватных велению времени. Одной из самых насущных задач документалистики становится отражение образа современника. Одной из главных жанровых форм советского кино 1970-х – 1980-х годов, и особенно кинопублицистики, являются фильмы-портреты. Вопрос в том, каким образом показывать и отражать человека на экране?

Мощным фактором, определившим бурное развитие послевоенной документальной кинематографии, стало телевидение. В первую очередь, оно дало возможность проката

неигровых лент, их выхода на малый экран. Громадность новой аудитории радовала, но она же выявила некоторые проблемы, связанные с потерями в качестве изображения, звука, композиции кадра. Эти изъяны побуждали кинематографистов искать такие формы, которые бы снизили неизбежные технические потери.

«Вхождение» неигрового кино в телепрограммы не было легким, заняло определенное время. С течением времени вместе с созданием постоянных рубрик лучшие документальные ленты прочно утвердились в сетке программ, обрели стабильную зрительскую аудиторию.

Несомненно, что быстроразвивающаяся телевизионная техника, сыграла важную роль в различных творческих поисках кинодокументалистов. Мобильность телевизионных форм зрелища делала кинематографистов участниками и свидетелями больших и малых событий, происходивших в мире в самый момент их свершения. Благодаря телевидению, в неигровом кино заметно усилилось чувство достоверности и подлинности снимаемого материала.

Соседство на голубом экране прямых репортажей с места событий, синхронных передач с их участниками, несомненно, сказывалось на уровне достоверности документальных лент, обостряло чувства фальши и инсценированности отснятых сцен и эпизодов, оттачивало глаз.

Помогали работе и более совершенная техника, появление значительно более подвижной камеры с сильными телеобъективами – всё это позволяло значительно увеличить расстояние между камерой и снимаемым объектом, применять трансфокаторы и пленку повышенной чувствительности. Новые возможности, родившиеся вместе с телевидением, способствовали ещё более эффективному применению на практике различных смелых методов творчества.

Союз с голубым экраном привел к заметному перераспределению функций в области киноинформации, между телевидением и хроникой. Кинематографисты получили возможность глубже исследовать грани действительности, развивать крупномасштабные формы кинопублицистики. Эти тенденции ощущаются во всех тематических и жанровых пластах кинодокументалистики.

Советскому кино 1960-х 1980-х годов присуще направление, поднимающее кинопублицистику на уровень глубоко политизированного искусства. Для той поры характерны фильмы, ориентированные на утверждение актуальных для данного момента задач: борьба за мир, предотвращение ядерных угроз, защита окружающей среды. Традиционная для советской документалистики острая публицистичность в этих фильмах сочетается с анализом возникающих в мире ситуаций, исследованием их причин и прогнозами на будущее.

Черты такого политизированного творчества несут в себе фильмы А.Колошина, И.Копалина, Г.Асатиани, А.Кочеткова, посвященные международной теме, борьбе за мир, отражавшие привлекательность социалистической системы. События, показываемые документалистами в их работах, происходят в Чили, Вьетнаме, Португалии, Анголе, странах Ближнего Востока.

Своеобразную дань международной тематике отдают и кинодеятели Узбекистана, выпустившие в эти годы такие картины, как «Приезжайте к нам, в Узбекистан», «Пять рук человечества» и «Вьетнам, страна моя» Малика Каюмова, «Здравствуй, Сомали» Исая Гибалевича и Тулкуна Рузиева и др.

Особенно красочно был представлен этот многообразный изменяющийся мир событий и фактов в картинах М.Каюмова, умевшего обратить свой взор на самые характерные и знаменательные явления, происходившие в мире и стране.

Заметным явлением в советской кинодокументалистике стали работы такого выдающегося мастера политической палитры, как Роман Кармен, объездившего со своей камерой множество стран мира, создавшего репортажные портреты своего времени и эпохи. Самыми значительными его фильмами стали «Пылающий континент», «Чили: время борьбы, время тревог», «Камарадос» и другие. По своей стилистике они ближе к хронике, потому что

создаются по следам событий. В то же время Р.Кармен не игнорирует и другие приемы, характерные для эпоса, социального очерка, применяет в картинах многофигурные композиции, ретроспекции, использует фильмографический материал, личные воспоминания. Автор находит свою интонацию, особую, сложную форму киноповествования, отвечающую злободневной теме. Фильмы режиссера Р. Кармена пронизаны любовью к людям, героям его репортажей.

Работы Кармена явились вкладом большого мастера в кинолетопись мировых революционных событий, происходивших в разных странах, они отражали характерные черты советской документалистики послевоенного периода, проникнутой социальной поэтикой, пафосом политической борьбы.

По своему строю, настроению и внутреннему пафосу картины Романа Кармена были близки писательским поискам Константина Симонова, сделавшего немало для развития и утверждения авторского кинематографа.

Творческие устремления писателя ярко проявились в таких лентах документального жанра, как «Гренада, Гренада, Гренада моя» /реж. Р.Кармен/, «Чужого горя не бывает» /реж. М.Бабак/, «Если дорог тебе твой дом» /совместно с реж. В.Ордынским/, «Шёл солдат» и др. Эти работы характеризуются авторским глубоким видением, выражены, как правило, в поэтических комментариях, лирических отступлениях, философских сентенциях и выводах.

В ключе политических репортажей были созданы и фильмы «Мир Вьетнаму» /реж. А.Медведкин/, «Меконг в огне» /реж. В.Комаров/, «Необъявленная война» /реж. И.Галин/. Все шире применяются для создания картин монтажные приёмы использования подлинных документов, писем, фотографий, положенные в основу таких фильмов, как «Подвиг» С.Зенина, А.Новогрудского и Л.Махнача, «Время, которое всегда с нами», «Друг Горького Андреев» С.Арановича и Б.Добродеева, «Мир без игры» Л.Махнача и С.Дробашенко.

По-новому, с более бережным отношением к документам эпохи зазвучали военные и мирные темы в картинах «Память навсегда» Д.Фирсовой, «Если дорог тебе твой дом» В.Ордынского и К.Симонова, «Александр Фадеев. Воспоминания», «Женщина из убитой деревни», «Великая Отечественная» Р.Кармена.

Поэтому в каждом из отдельных моментов в той или иной из вышеуказанных работ на первый план выходит личность художника, созидателя-творца.

Рокия ХАМРАЕВА,
Ст. преподаватель ГИИУз.

АБДУЛЛА КАДЫРИ И УЗБЕКСКОЕ КИНО

Известна выдающаяся роль узбекской литературы в становлении кинематографии Узбекистана. Среди авторов, произведения которых всегда вызывали большой интерес кинематографистов, надо назвать в первую очередь имя Абдуллы Кадыри. Талантливый сын узбекской земли, Кадыри оставил заметный след во многих сферах литературы и искусства. Он был писателем, публицистом, драматургом, поэтом, филологом, переводчиком.

Абдулла Кадыри родился в 1984 году в семье бедного садовника-виноградара, в Ташкенте. Образование Кадыри получил в русско-туземной школе и медресе. Творческую деятельность начал с середины 1910 года. Статьи, стихи и рассказы Кадыри появляются в газетах и журналах под псевдонимами Жулкунбай, Думбулбоев, Шилгай, Муштум, Совринбой, Мулла Эшонбой, Жура Алимов. Он стал одним из основателей сатирического журнала «Муштум», где часто печатались острые и злободневные статьи. Его корреспонденции выходили в газетах РОСТА, «Иштирокиюн» («Коммунист»), «Қизил байроқ» («Красное знамя»). Вскоре Кадыри становится ответственным секретарем журналов «Инкилоб» («Революция»), «Коммунист йўлдоши» («Спутник коммуниста»). Сотни статей писателя были опубликованы в периодической печати: «День печати», «Маллавой из Гирвана», «Шакалы Равата», «Как у нас идут театральные дела» и многие другие. Он писал о вопросах, волновавших в то время людей, стремился к тому, чтобы земляки приобщались к мировой культуре, литературе и искусству. Кадыри перевел на родной язык комедию Гоголя «Женитьба», пьесу Чехова «Вишневый сад» и рассказ «Хамелеон», участвовал в создании узбекско-русского словаря.

Как драматург Кадыри оставил нам всего одну драму «Несчастный жених». Но по его романам были поставлены пьесы «Минувшие дни» и «Скорпион из алтаря». На основе дневниковых записей был создан спектакль «Белый, белый черный аист».

В своих статьях о кино и театре Кадыри подчеркивал, что необходимо создавать национальную узбекскую школу сценаристов, театральных и кинорежиссеров. Он писал: «По моему мнению, на сегодняшний день подготовка узбеков сценаристов и приобщение их к европейским авторам, а также воспитание узбекских артистов и артисток может привести к настоящему успеху узбекского государственного кино»³. Кадыри очень интересовался новым видом искусства – кино. Он мечтал увидеть свой роман «Минувшие дни» на экране. В начале 30-х годов прошлого века близкий друг писателя режиссер Сулейман Ходжаев начал работу по экранизации этого романа, но осуществить попытку не удалось.

Абдулла Кадыри является создателем узбекского национального исторического романа. «Романы Кадыри всем своим строем, всем своим своеобразным стилем являются узбекскими романами. Мировой литературе были известны пять школ романа: французская, русская, английская, немецкая и индийская. Теперь шестую, а именно узбекскую школу романа, создал Абдулла Кадыри»⁴. Произведения писателя дороги каждому узбеку. Мы читаем и вновь перечитываем его бессмертные романы «Минувшие дни», «Скорпион из алтаря». Трогательные и драматические истории любви героев волнуют сердца. Такое сильное воздействие его книг объясняется тем, что сюжеты произведений взяты из жизни. Идея романа «Минувшие дни» пришла к Кадыри благодаря рассказу одного знакомого, пережившего аналогичную историю в своей жизни. А историю о мирзе Анваре, ставшую основой романа «Скорпион из алтаря»,

³ А.Кадыри. «Шакалы Равата». Қизил Ўзбекистон. 28 апреля 1927 года № 94 (708). В кн.: А.Қодирий. «Диёри бақр». Т.: «Янги аср авлоди», 2007. с.379.

⁴ Бертельс Е.Э. «Совет Ўзбекистони», 2 июля 1967 г.; «Гулистан», 1974, № 4.

Кадыри услышал от отца.

Эти романы были экранизированы узбекскими кинорежиссерами дважды. Юлдаш Агзамов в середине прошлого века поставил картины «Минувшие дни» и «Побег из тьмы», позднее Мэлс Абзалов экранизировал «Минувшие дни», а Махкам Махамедов создал телевизионную версию «Скорпиона из алтаря». Глубокий историзм, психологизм романов, художественно выписанные портреты героев, их богатый внутренний мир, а также неповторимый национальный колорит произведений, привлекавшие к ним читателей, заинтересовали кинематографистов. Судьба главных героев обоих романов развивается на фоне социально-политических событий, в них правдиво и талантливо показано историческое прошлое узбекского народа, чем и объясняется всенародная к ним любовь.

Поставленный Ю.Агзамовым в 1969 году фильм по роману «Минувшие дни», тонко передающий национальный дух и характер тех времен, воссоздавший народные образы, вполне закономерно включен в Золотой Фонд узбекского искусства. Большую роль в успехе кинопроизведения сыграли удачно выбранные актеры Ульмас Алиходжаев в роли Атабека, Гульчехра Джамилова в роли Кумуш. Слияние физических, духовных и нравственных качеств героев, которых воплотили на экране актеры, отобранные Агзамовым, явилось одной из главных составляющих зрительского признания картины.

Ю.Агзамов в экранизации «Минувших дней» сумел сохранить верность идее и духу романа, его стилистику. Не случайно картина является одной из любимых узбекским зрителем. Не проходит и месяца, чтобы фильм не был включен в программу передач национального телевидения.

В 1973 году Ю.Агзамов ставит еще одну экранизацию по роману А.Кадыри «Скорпион из алтаря». Фильм называется «Побег из тьмы». В романе «Скорпион из алтаря» повествуется об истории любви молодых людей – Рано и Анвара, их отчаянной борьбе против угнетателей и насильников, против взяточничества, унижения и подлости.

И в этой экранизации Ю.Агзамов выступает как глубокий знаток народного быта, ритуалов, обрядов. Перед нами возникают улицы древнего Коканда, дома героев, дворец хана; мы с удовольствием погружаемся в атмосферу прошлого. На экране все это подается с большой силой художественного воздействия.

Удачно были отобраны актеры на главные роли: Исамат Иргашев – Анвар, Тамара Шакирова – Рано. С помощью режиссера и довольно зрелого актерского мастерства молодым исполнителям удалось ярко и многогранно выразить на экране не только внешний событийный ряд любовной истории молодых людей, но и внутренние качества персонажей – чистоту души, гордость, образованность. Они не играют любовь, а живут ею на экране.

В 1998 году была осуществлена вторая экранизация романа «Минувшие дни», предпринятая режиссером М.Абзаловым в соавторстве с Х.Файзиевым и Х.Кадыри. В этой картине, казалось бы, очень подробно переданы все перипетии романа, сохранены почти все сцены, диалоги. Однако это не спасло фильм от изъянов. Картина страдает буквальным переложением на экране событий романа. Отсутствует в ней новое и свежее истолкование характеров, не раскрывается в полной мере подтекст книги. Это тот случай, когда, как говорит А.Зархи, «Не стоит следовать усердной точности, которая грешит убойной иллюстративностью и при которой книга вянет, а экран не расцветает»⁵.

Волнующая история любви двух молодых передовых людей своего времени оказалась недосказанной. Зритель по-прежнему предан картине Ю.Агзамова, хотя прошло уже много лет.

В 1998 году была создана новая версия – телевизионная – романа «Скорпион из алтаря», состоящая из 15 серий. Режиссер Махкам Махамедов и сценарист Хайридин Султанов

⁵ А.Зархи. «Отвечаю критикам». В сб: «Книга спорит с фильмом». Москва: «Искусство», 1993. – с.148.

бережно сохранили фабулу, диалоги, интерпретацию образов, описание среды романа, используя телевизионные средства выражения, своеобразие композиционного построения многосерийного телефильма. Плавный разворот событий, старые фотографии довоенного Туркестана, закадровый текст автора, который читает С.Сагдуллаев, а также сохранение на экране подробно описанных сцен романа – все это помогло создать довольно полную и талантливую экранизацию книги.

На главные роли режиссер пригласил не профессиональных и малоизвестных исполнителей. Анвара сыграл учитель из Ферганы Исламбек Муминов, Рано - студентка отделения театроведения Государственного института искусств Узбекистана Дильдора Рустамова. Внешне по фактуре они соответствуют своим героям. Труднее было молодым исполнителям сохранить внутреннюю характеристику героев.

Экранизации романов Абдуллы Кадыри сыграли огромную роль в развитии национальной кинематографии республики, стали образцом бережного отношения работников кино к произведениям узбекской литературы.

Абдулла Кадыри прожил недолгую жизнь. После девяти месяцев тюрьмы в 1938 году его расстреляли в возрасте 44 лет. Но он оставил нам богатое наследие своего творчества. В 1956 году Кадыри был реабилитирован. Вновь увидели свет его великие произведения, почти полностью забытые после его ареста.

В 1991 году Абдулла Кадыри посмертно стал лауреатом Государственной премии Республики Узбекистан в области литературы, искусства и архитектуры им. Алишера Навои, а 25 августа 1994 года он был первым удостоен ордена «Мустақиллик». В том же году был поставлен памятник Абдулле Кадыри и учреждена Государственная премия Республики Узбекистан им. Абдуллы Кадыри.

МИР И ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (по произведениям А.Фитрата, А.Кадыри и А.Чулпана)

Глобализация, как новый этап развития человеческого общества, принесла новое осмысление концепции мира и человека. Но корни его можно обнаружить и в произведениях, написанных задолго до наступления эпохи глобализации, в том числе и в произведениях А.Фитрата, А.Кадыри и А.Чулпана. Однако, прежде чем обсуждать своеобразие данной концепции и ее следы в творчестве писателей, рассмотрим вкратце сам процесс глобализации и его влияние на развитие культуры.

Ученые давно пытаются дать определение глобализации с той или иной мерой точности. А.С.Капто определяет ее как «объективный процесс формирования, организации, функционирования и развития принципиально новой всемирной, глобальной системы на основе углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах международного сообщества»⁶. По его словам, в более общем смысле глобализация значит «перерастание национальных и региональных проблем в общемировые и формирование новой хозяйственной, социальной и природно-биологической глобальной среды». Определяя понятие глобализации как «новую научную парадигму мирового развития»⁷, М.А.Мунтян утверждает, что глобализация «как приоритетное направление мирового развития может и должна трансформироваться в конструктивное взаимодействие стран и народов ради обеспечения их общего и равноприемлемого для всех будущего». Основными «симптомами» глобализации В.Галецкий считает следующие: «1) обеспечение производства высокоразвитых государств иностранным сырьем; 2) закрепление транснациональных корпораций на иностранных рынках сбыта через разветвленную систему филиалов; 3) так называемая рационализация производства, когда оно перемещается в те страны, где издержки меньше, чем на национальной территории, и, наконец, 4) использование национальными фирмами и корпорациями своих зарубежных инвестиций для организации субподрядных предприятий и максимального увеличения прибылей на международных финансовых рынках». Исходя из этого, В.Галецкий определяет глобализацию как феномен «превращения Земного шара в единый системный организм, функционирующий по специфическим, только одному ему присущим законам, которые в силу действия синергетических эффектов принципиально не сводимы к законам функционирования входящих в его состав подсистем, элементов и любых их комбинаций»⁸. Определяя сущность глобализации, ученые дружно отмечают интеграцию и взаимозависимость во всех сферах как основные ее качества.

Временем появления глобализации, как нового этапа развития человечества, многие называют середину XX века, когда по-настоящему оформились «глобальные проблемы» современности, такие, как СПИД, экологические проблемы, организованная преступность, терроризм и др. Это привело к созданию интернациональных организаций, направленных на совместное решение этих проблем⁹. Однако не меньшее число ученых склоняется к идее о том, что глобализация представляет собой логический этап развития естественных процессов, имевших место в мире с давних пор. По мнению некоторых из них, «процессы глобализации

⁶ Капто А.С. Глобализация. Доступ 16.08.2007 08..38 <http://www.ispru.ru/Confer/confer1/html>

⁷ Мунтян М.А. Глобализация. Что это такое? <http://www.ispru.ru/Confer/confer1.html>,
Доступ 16.08.2007 08.38

⁸ Галецкий В. Демографическая глобализация: проблемы. Дружба народов. 2004, №11. Доступ 13.03.2008, 9.26.
<http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/11/ga8.html>

⁹ Латов Ю. Римский Клуб. / "Кругосвет" Энциклопедия, 2008. Доступ 12.03.2008, 10.10.
<http://www.krugosvet.ru/articles/123/1012391/print.htm>

начались:

- в период великих географических открытий;
- они ведут свою родословную от идеи Канта, согласно которой возможность обретения вечного мира обуславливалась формированием мирового правительства;
- глобализация «выросла» из реальной интернационализации экономического и политического развития стран мира;
- она является современной формой модернизации (вестернизации) современного мира и т.п.»¹⁰.

Как и любое серьезное явление, глобализация имеет огромное число сторонников и противников. Первые оптимистично отмечают стремительное развитие научно-технического процесса, несравнимо превысившее возможности человека, рост уровня жизни, возникновение сети Интернет, сжавшей до минимума пределы земного шара и практически уничтожившей границы и расстояния. Другие отмечают интенсивный рост безработицы, повышение уровня смертности, растущую нищету в развивающихся странах и резкую полярность общества, разделенного на богатых и бедных. Противники глобализации определяют ее как новую ухищренную форму эксплуатации развивающихся стран развитыми, или как своеобразное проявление империализма – нового этапа развития производительных сил и производственных отношений в человеческом обществе¹¹. Ученые пытаются проанализировать «плюсы» и «минусы» глобализации¹², поскольку понимают, что человечество на настоящем этапе стоит перед выбором: «либо избрать путь к качественно иному будущему, либо никакого будущего у него просто нет»¹³.

В процессе единения планеты национальные государства постепенно понимают, что смогут плодотворно функционировать не в изолированном от внешнего мира состоянии, а только войдя в состав более крупных международных образований. Новый мир определяется теперь как «взаимосвязанный, взаимозависимый, взаимопроникнутый мир, в котором глобальные системы скрепляют прежде разрозненные фрагменты целого»¹⁴. Новый мир эпохи глобализации – это глобальное сообщество или «мегаобщество», «в рамках которого существующие национальные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц»¹⁵. О необходимости участия в данных сообществах, а значит и о процессе глобализации задумывается любая самостоятельная нация. «Мы не можем отгородиться от внешнего мира, и, значит, должны стать полноправными участниками всеобщего процесса глобализации путем предъявления международному рынку собственных конкурентоспособных ценностей, не забывая при этом об огромном значении культуры в деле выживания малочисленных народов», - утверждает Левон Ананян. И, оценивая сложность ситуации, он продолжает: «Хочется нам этого или нет, но, если мы не включимся в процесс общемировой глобализации, ее бешено вращающийся маховик отшвырнет нас от магистральных путей развития современной цивилизации и наша страна будет отеснена в ряды отсталых и нищих государств»¹⁶.

¹⁰ Мунтян М.А. Глобализация. Что это такое? Доступ 16.08.2007 08.38

<http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html>

¹¹ Левашов В.К. Глобализация и устойчивое развитие. Устойчивое развитие. Наука и практика. 2002. №. 1. Доступ 16.08.2008. <http://www.ispr.ru/Confer/confer1-6.html>

¹² Капто А.С. Глобализация. Доступ 16.08.2007 08.38 <http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html>

¹³ Орлова И.Б. Асимметричность глобального мира. Доступ 16.08.2007 08.38

<http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html>

¹⁴ Кувалдин В. Глобализация – светлое будущее человечества? На пороге XXI века мегаобщество приобретает реальные очертания // НГ-сценарии. 11.10.2000. – № 9. Цитируется по: Мунтян М.А. Глобализация. Что это такое? Доступ 16.08.2007, 08.38 <http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ананян Л.Острова и океан. Глобализация и диалог культур. Перевод И.Маркарян. Дружба народов, 2005., №2.

Логически в данных условиях меняется и осмысление мира современным человеком. Теперь его волнует не только его страна, но и весь мир, не только его нация, но и все человечество. И это не случайно. Эпидемия, вспыхнувшая в одной стране, стремительно переносится в другие страны (разные формы смертоносного гриппа). Неудовлетворенность жизнью и собственным уделом жителей одного материка, грозит гибелью жителям преуспевающей страны на другом материке, независимо от расстояния, на котором она расположена (трагедия 11-го сентября 2001 года). В данном контексте меняется и понимание, и самоосмысление человека. Он по-прежнему остается основным, требующим к себе неподдельного внимания капиталом своей страны. Без заботы о человеке, предупреждает В.Галецкий, «любое государство со временем вырождается в место, населенное дебилами, наркоманами, алкоголиками, больными, ни на что не способными и никому, в том числе и самим себе, не нужными людьми»¹⁷. В то же время именно эпоха глобализации оказалась наиболее жестокой к отдельно взятому человеку. Именно «XX век, отбросив духовность, поставил в центр человека экономического – homo economicus, подчинил людей экономике и превратил экономические и технологические критерии в главное мерило людей, стран и цивилизаций...»¹⁸. Потому все, кто оказался за данной чертой, были отброшены на задворки цивилизации, как ненужный хлам. Проблема человека в эпоху глобализации приобрела угрожающие размеры. «Разве не стыдно нам, высадившим на луну человека и бурно развивающим технологии, от того, что в мире каждую минуту от голода умирают 24 человека?»¹⁹ – спрашивает Его Королевское Величество Принц Королевства Хашемит Иордании Эль-Хассан бин Талал, когда предлагает разработать новую «политику человека и человечности» или «антрополитику», которая сможет помочь в решении глобальных проблем людей.

Что же произошло с человеком? Что привело человечество к таким результатам? Рассуждая на эту тему, М.А.Мунтян полагает: «Человек создал, по всей видимости, слишком сложный для собственного восприятия и интеллектуального освоения мир. Сдавись в конце XIX века на милость «слепого технического прогресса», он через столетие проявил и готовность, и способность подчиниться слепому общественному прогрессу, ибо, выдвинув множество объясняющих современный мир разнонаправленных и взаимоисключающих научных доктрин и теорий, он оказался не способным сколько-нибудь убедительно обосновать и обрисовать хотя бы основные направления своего предстоящего развития и продвижения в будущее»²⁰. В некоторых случаях за эти блуждания человека в переулках будущего приходилось дорого платить. Особенно, когда медленное развитие не западных стран некоторые культурологи стали объяснять «неподходящим «человеческим материалом», негодной ментальностью их граждан, носящей «отсталый», «традиционалистский» характер», а также начали применять «меры особой социальной инженерии, призванные «исправить» менталитет, воздействовать на систему нравственных ценностей, способствовать тотальному разрушению национального сознания»²¹. Попытки такой унификации человечества не могли быть одобрены мировой общественностью, особенно теперь, когда ценность каждой личности, ее мысли и система ценностей, по которым она живет, стали играть большую роль в мировой системе ноосферы – нового этапа развития

¹⁷ Галецкий В. Демографическая глобализация: проблемы. Дружба народов. 2004, №11. Доступ 13.03.2008, 9.26. <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2004/11/ga8.html>

¹⁸ Орлова И.Б. Асимметричность глобального мира. Доступ 16.08.2007 08.38 <http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html>

¹⁹ Presidential Address by His Royal Highness Prince El Hassan bin Talal of the Hashemite Kingdom of Jordan as President of the Club of Rome to the Swiss Federal Institute of Technology A New World Order without Ideologies Zurich 4th February 2003. Доступ 12.03.2008, 10.30. http://www.clubofrome.org/archive/publications/Presidential_Address_long_version.pdf

²⁰ Мунтян М.А. Глобализация. Что это такое? Доступ 16.08.2007, 08.38 <http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html>

²¹ Орлова И.Б. Асимметричность глобального мира. Доступ 16.08.2007, 08.38 <http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html>

биосферы, по трактовке академика В.И.Вернадского. По его словам, «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера»²². Учение о ноосфере опирается в своей основе на творческие и мыслительные способности человека. Как утверждает В.И.Вернадский, «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности»²³. В то же время каждый прекрасно осознает, что у человечества есть только один общий дом, и что все мы есть только «пассажиры на космическом корабле по имени Земля»²⁴. И «поскольку мы разделяем общий мир с общей судьбой, настало время подчеркнуть и наши общие ценности», – считает Президент Римского клуба Принц Эль-Хассан бин Талал. «Нам необходимо, – продолжает он, – реализовать систему, в которой мы все сможем сохранить свои традиции и создать единую мировую цивилизацию, в которой мы должны и можем сосуществовать как один мир десяти тысяч культур»²⁵. Верной дорогой к этому принц Эль-Хассан бин Талал считает необходимость «установить продолжительный и всемирно устойчивый диалог внутри и между культурами»²⁶. И хотя, по свидетельству М.А.Мунтяна, культурологи «использовали и объясняли понятие глобализации по-разному, подразумевая под ней и тенденцию к созданию некой единой мировой культуры (цивилизации), и растущую взаимосоотнесенность различных культур, не порождающую новую культуру, но построенную либо на господстве одной из них, либо на их «концерте»²⁷ сегодня никто не утверждает «господства» какой-либо культуры над другими. Гораздо больше сторонников у позиции И.Шайтанова, который говорит: «Единство мировой культуры для меня не предполагает отказа от национальной, но скорее видится в свете старой латинской формулы «единства несходного» (*concordia discors*)»²⁸. Рассуждая о разнообразии культур в своем ответе на памфлет О.Фаллачи, несправедливо направленный против всего мусульманского мира в связи с событиями 11-го сентября 2001 года, А.Гусейнов говорит: «Очень трудно сравнивать культуры между собой с точки зрения их вклада в общую сокровищницу человеческих завоеваний, а тогда, когда речь идет о таких больших культурных

²² Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991. – С. 241. Цитируется по: Левашов В.К. Глобализация и устойчивое развитие. Устойчивое развитие. Наука и практика. 2002. № 1. Доступ 16.08.2008. <http://www.ispr.ru/Confer/confer1-6.html>

²³ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1980. – С. 511. Цитируется по: Левашов В.К. Глобализация и устойчивое развитие. Устойчивое развитие. Наука и практика. 2002. № 1. Доступ 16.08.2008. <http://www.ispr.ru/Confer/confer1-6.html>

²⁴ Фраза Е.Примакова, приведенная в Послании Эль-Хассана бин Талала. HRH Prince El Hassan bin Talal of Jordan Text for Address at the 30th Protestant Kirchentag Hannover, 28th May, 2005 “Globalisation and Civil Society”. Доступ 12.03.2008. 10.23.

http://www.clubofrome.org/archive/publications/SPEECH_-_GERMANY_-_HANNOVER_-_MAY_2005.pdf

²⁵ Message from His Royal Highness Prince El Hassan bin Talal President of the Club of Rome To The Sustainability Axiom in the Light of the World Cultures. Kloster Banz, Germany February 24 - 25, 2003. Access 12.03.2008, 10.30. http://www.clubofrome.org/archive/publications/05_SUSTAINABILITY_AXIOM_%26_WORLD_CULTURES_Kloster_Banz_24Feb03.pdf

²⁶ Там же

²⁷ Мунтян М.А. Глобализация. Что это такое? <http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html> Доступ 16.08.2007, 08.38

²⁸ Шайтанов И. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур / Дружба народов, 2005, № 6.

континентах, как христианско-европейский и мусульманский миры, то такое сравнение вообще невозможно. Нет таких критериев и методик»²⁹. И подчеркивая, что достижения культур «неодинаковы, может быть даже сильно неодинаковы», он продолжает, что из этого «вовсе не следует, будто культуры можно разделить на первосортные, второсортные, третьесортные и т.д. Успехи культур и достоинство культур — разные вещи». Проводя аналогию с демократическим обществом, где все люди равны между собой в правах «на жизнь, на свободу и на стремление к счастью» несмотря на то, что «резко различаются между собой с точки зрения их реального положения, возможностей, успехов», А.Гусейнов утверждает за культурами такое же равенство в праве на жизнь и процветание: «Таким же должен быть подход и к разным культурам».

По свидетельству В.Галецкого, ключевые суждения «постмодернистского дискурса» сводятся к тому же. Они опираются на высказывания Освальда Шперглера, который утверждал, «что единой универсальной схемы человеческого развития не существует и все культуры (цивилизации) автономны по отношению друг к другу. То есть поведенческие нормы и образ жизни, характерные для одной культуры, не могут соотноситься с другой культурой по принципу: прогресс — регресс», что «нет культур передовых и отстающих, каждая являет собой индивидуальный организм, изучать который можно только в рамках собственной логики его развития». И как образно заключает сам В.Галецкий, «волк и лиса не прогрессивны и не регрессивны по отношению друг к другу. Они просто разные»³⁰.

В последнее время, пытаясь осмыслить проблемы глобализации в культуре, исследователи уделяют серьезное внимание проблемам транскультуры³¹, а осмысливая вопросы диалога культур, — проблемам теории мультикультурализма³². Но при этом все сходятся в том, что, оставляя за каждой культурой право на полноценное функционирование, необходимо стремиться к взаимопониманию, к диалогу, к единству в достижении общих целей, к соблюдению взаимных интересов. В диалоге культур особая роль отводится письменной литературе, которая «практически неизбежно является агентом глобализации»³³, поскольку всегда находится на стыке различных культур и развивается благодаря их взаимодействию. Особенно это относится к художественным переводам, которые значительно развиваются именно благодаря процессам глобализации. Культуры сближаются, национальные языки других народов становятся доступными для изучения. Нет уже нужды во многих пояснениях, которые были необходимы в переводных текстах в недалеком прошлом. Потому и в некоторых переводах с испанского на английский в произведениях мексиканской литературы уже «практически на каждой странице английского текста можно найти испанские слова без никаких объяснений в тексте и без комментариев в сносках»³⁴, поскольку эти слова уже хорошо знакомы читателям через многочисленные мексиканские сериалы. Процесс глобализации серьезно отражается на культуре народов, сближая их, повышая возможности взаимопонимания не только в плане

²⁹ Гусейнов А. Ничего, кроме ярости и гордости Доступ 25.10.2007. 8.20.

<http://www.tatmir.ru/article.shtml?article=719§ion=0&heading=0>

³⁰ Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма/ Дружба народов, 2006, № 2. Доступ 23.10.2007 9.30.

<http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/2/ga14-pr.html>

³¹ Высоцкая Н. Транскультура или литература в транс? / Вопросы литературы, 2004, № 2. Доступ 28.10.2008, 8.45.

<http://magazines.russ.ru/voplit/2004/2/vys1-pr.html>

³² Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма/ Дружба народов, 2006, № 2. Доступ 23.10.2007 9.30.

<http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/2/ga14-pr.html>

³³ Greenblatt Stephen. Racial Memory and Literary History // PMLA Journal. Vol. 116. No 1. January 2001. P. 59.

Цитируется по: Высоцкая Н. Транскультура или литература в транс? / Вопросы литературы, 2004, № 2. Доступ 28.10.2008, 8.45. <http://magazines.russ.ru/voplit/2004/2/vys1-pr.html>

³⁴ Nico Wiersema Globalization and Translation A discussion of the effect of globalization on today's translation Published 06/8/2005, Access 26.09.2007. 9.30

<http://www.proz.com/translation-articles/articles/260/1/-Globalisation-and-Translation-A-discussion-of-the-effect-of-globalisation-on-today%26%2339%3Bs-translation>

художественном.

Пытаясь осмыслить проявление подобных явлений в произведениях А.Фитрата, А.Кадыри и А.Чулпана, невольно соглашаешься с тем, что процесс глобализации – понятие широкое и временные рамки его нельзя строго ограничить серединой XX века. Элементы интернационализма, распространенные в эпоху глобализации, проявляются в творчестве данных узбекских писателей уже в самом начале XX века. Являясь частью образованной элиты, они еще в молодости, в пору увлечения джадидизмом, владели несколькими иностранными языками, свободно читали и создавали художественные произведения на этих языках. Духовный наставник джадидов Туркестана М.Бехбуди в своем отклике на «Беседу о школах джадидов» А.Фитрата, программную работу для джадидов Туркестана, в дополнение к мыслям автора утверждает необходимость изучения в стране (кроме родного, арабского и персидского) также и русского языка. Без русского языка в те годы невозможно было вести ни торговые, ни какие другие дела в Бухаре, занимавшей полуассальное положение по отношению к России.³⁵ В номере первом журнала «Ойна» (1913) М.Бехбуди продолжил свои рассуждения о необходимости изучения иностранных языков в уже своей программной статье «Нужно не два, а четыре языка» («Икки эмас, тўрт тил лозим»), где опять же подчеркнул необходимость всех вышеупомянутых четырех языков для нормальной жизни населения Бухары. В то время трудно было бы удивить кого-то знанием фарси (огромная часть наследия А.Фитрата представлена на фарси) или турецкого (для А.Чулпана не составляло особого труда сочинять стихи на турецком). Обращает на себя внимание интерес писателей и к татарскому языку в связи с тесным сотрудничеством с татарскими джадидами. Знание же русского языка, например, для А.Кадыри и А.Чулпана, учившихся в русско-туземной школе, было уже просто частью их натуры. Об этом свидетельствуют работы А.Кадыри о секретах художественного мастерства, в особенности его тонкие замечания о новеллистике А.Чехова³⁶, а также его пародии на поэзию футуристов³⁷. Связь А.Чулпана с русской литературой сквозит почти во всех его произведениях. Но здесь крайне важно, что не только писатели, но и их читатели владели теми же языками на вполне серьезном уровне. В своих произведениях А.Фитрат, А.Кадыри и А.Чулпан могли использовать иностранные слова и не давать к ним никаких примечаний. И даже Проект Туркестанской автономии, написанный М.Бехбуди в 1907 году, по свидетельству издателей, был переполнен русизмами³⁸. Проблема использования иностранных слов в произведениях писателей может стать предметом особого исследования. Здесь же достаточно рассмотреть несколько примеров. В беседе индийского путешественника с мударисом об арабском языке звучит слово «кул», которое в Коране встречается в значении «скажи, говори». Именно в этом значении использует его мударис, обращаясь к индийскому гостю, желая, чтобы он сказал что-нибудь по-арабски. Гость же понимает слово в значении «кушай», поэтому отламывает кусок хлеба и кладет его в рот³⁹. Примечания, поясняющие этот фрагмент написаны уже при позднем переиздании произведения для современных читателей, на протяжении нескольких поколений по объективным причинам оторванных как от арабского, так и от персидского языков. Для современного А.Фитрату читателя этот анекдот, если можно его так назвать, был понятен и без примечаний. Понятен также, как и многочисленные арабские наименования книг и учебных дисциплин, включенных и не включенных в программу высшего образования в Бухаре, а также наименования грамматических правил и упражнений, упомянутых в том же произведении. Во времена А.Фитрата это не нуждалось в переводе, но уже в наше время превратилось в

³⁵ «Туркистон вилоятининг газети» (29.09.1911, №73). Цитируется по: М.Бехбудий. Танланган асарлар. Т.: «Маънавият», 1999 - 280 б.

³⁶ Қодирий А. Ижод машаққад. Бадиий ижод тўғрисидаги фикр ва мулоҳазалар. Т.: Ўқитувчи, 1995.

³⁷ Қодирий А. Тўла асарлар тўплами: 6 жилдлик. 1 жилд. Т.: Фан, 1995. – 296 б. (14 б.).

³⁸ Бехбудий М. Туркистон маданият мухторияти лойихаси // Жаҳон адабиёти, 2003, август. – 146 -156 б.

³⁹ Фитрат А. Ҳинд сайёҳи баёноти / А.Фитрат. Танланган асарлар. 1 жилд. Т., «Маънавият», 2000–98-169 б.

серьезную проблему для составителей сборника писателя, которые терпеливо выполнили огромную работу – обеспечили примечаниями почти все «непонятные» места произведения. То же самое можно сказать и о произведениях А.Кадыри и А.Чулпана. Переиздания их произведений свидетельствуют о переменах, произошедших за эти годы в читательской среде. Интересно также, что они и сами успели застать многие из этих перемен. Например, А.Фитрат через несколько лет после «Индийского путешественника» в своем рассказе «Страшный суд» оставил без перевода и примечаний уже русское слово «очередь», правда, несколько адаптированный его вариант, который к этому времени уже стал частью активного словаря узбекских читателей. И А.Чулпан в переводе «Рассказа о семи повешенных» Л.Андреева оставил много русских слов, так как они были понятны его аудитории и без перевода. По Д.Дюришину, подобные изменения в культуре народов объясняются тем, что в данном случае узбекская литература к этому времени уже начинала функционировать в составе новой для нее особой межлитературной общности, каковой являлась «многонациональная советская литература»⁴⁰, с преобладающим влиянием русской литературы в ней. По В.Галецкому, же данное явление объясняется при помощи понятия демографической глобализации. По мнению исследователя, она серьезно влияет на формирование наций и в процессе миграций, волн иммиграций и политики колониализма приводит «к созданию новых этнорасовых групп»⁴¹. В качестве примера В.Галецкий приводит американскую, канадскую, австралийскую и некоторые другие нации, а также Индию, «где вследствие британского владычества субэтнические образования синтезировались в хиндустанский этнос, вокруг которого, соответственно, сложилась индийская нация»⁴².

Еще в начале творческого пути писателей, а тем более на позднем его этапе, элементы интернационализма проявлялись и через образы иностранцев, широко представленных в их произведениях. В то время слово «иностранец» еще не внушало панического ужаса, ассоциируясь с образом шпиона, как в эпоху сталинских репрессий. Оно также не вызывало слепого благоговения, как в эпоху «фарцовщиков» в восьмидесятых годах прошлого века. Иностранцы, представленные в ранних произведениях писателей – это обычные люди, в чем-то более развитые, в чем-то заслуживающие подражания. В основном они служат образцом для читателей или помогают авторам выразить идею произведения. Примером могут служить иностранец из «Беседы» А.Фитрата, его «индийский путешественник», а также многочисленные реальные иностранцы, которых М.Бехбуди изображает в своих «Путевых заметках». Взгляд на иностранцев как на собратьев, а на мир как на общий дом А.Фитрат демонстрирует и в своих пьесах, например в «Хинд ихтилолчилари». Уже отмечалось, что изображение освободительного движения в Индии в данной пьесе – это ширма, за которой А.Фитрат спрятал свою мечту о свободе родного края. Однако ряд его публицистических работ, посвященных проблемам колониального Востока, позволяет утверждать, что судьба Индии, как таковой, также не была безразлична А.Фитрату. Взгляд на мир как на единое целое А.Фитрат сохраняет и в своем стихотворении «Миррих юлдузига», где пытается осмыслить земные проблемы в космическом масштабе. Наверное, будет не очень далеким от истины утверждение, что идеи глобализации в каком-то смысле уже начинали свое движение в творчестве писателей, в частности А.Фитрата, А.Чулпана, который и псевдоним себе выбрал по имени звезды, и мыслить умел «глобально», особенно когда это касалось общечеловеческих проблем войны и мира («японские» стихи поэта), и, конечно же, А.Кадыри, представление о мире которого вообще совмещало в себе сложное единство пространственных, временных и духовных

⁴⁰ Особые межлитературные общности - 5. Диониз Дюришин и коллектив. Т.: «Фан», 1993. – 156 с.

⁴¹ Галецкий В. Демографическая глобализация: проблемы. Дружба народов. 2004, №11. Доступ 13.03.2008, 9.26. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/11/ga8.html>

⁴² Там же.

измерений одновременно. Потому наверно можно утверждать, что просветительские настроения писателей помогли им выработать глобальное мышление задолго до того, как термин «глобализация» получил право на существование.

Однако широкий взгляд на мир и позиция «гражданин мира», которая иначе еще именуется не очень добрым словом – космополитизм – это возможно единственная черта просветителей, которая роднит их с глобалистами. Во всем остальном литература о глобализации беспощадно противопоставляет данное явление философии и идеалам европейского Просвещения. Кто-то делает это решительно, резко изображая новые «социал-дарвинистские отношения» «рыночного отбора». Например: «Культ ничем не сдерживаемой силы, философия успеха любой ценой означают полный отказ от идеалов Просвещения, которыми жила Европа в течение нескольких столетий: идеалов гуманизма, социальной солидарности, христианского сострадания, всеобщего права на развитие и прогресс. Раскол глобального человечества на «мировую элиту» и всех остальных в идеологическом отношении принял характер откровенного расизма»⁴³. Другие выражаются мягче, но не менее бесповоротно: «Ловушка, в которую попал современный мир, не может быть адекватно описана в категориях той парадигмы мышления, которая основана на идеях Просвещения и господствует в нынешнюю эпоху постпостмодерна»⁴⁴. И даже А.Гусейнов, сравнивая О.Фаллачи с Бен-Ладеном, на которого она воинственно нападает в своем упомянутом выше памфлете, говорит: «Так как я вырос в мусульманской семье, ношу мусульманское имя, но принадлежу к европейской культуре, разделяю идеалы европейского просвещения, то я говорю: чума на оба ваши дома!»⁴⁵. Данная формулировка опять-таки подчеркивает контраст между идеалами эпохи Просвещения и сложной эпохи «постмодерна», характерной чертой которой является глобализация.

Каковы же основные расхождения между идеалами глобализации и идеалами Просвещения и можно ли утверждать, что подобные черты находились уже и в произведениях рассматриваемых нами писателей? Прежде всего, это представление о равенстве людей, которое было провозглашено просветителями в самом начале их движения. Это представление давало возможность добиваться в жизни успеха независимо от сословной принадлежности и помогало в какой-то степени смягчить, если не совсем упразднить, вечное превосходство аристократии. В том, что идея равенства никогда себя по-настоящему на практике не проявляла, так как всегда находились люди, которые умудрялись получить от жизни больше и стать выше, чем «простые смертные», сомневаться не приходится. И даже в коммунистическом прошлом партийные лидеры владели тем, что «в 17-м отняли у помещиков и капиталистов, но потом как-то забыли передать рабочим и крестьянам»⁴⁶. Эпоха же глобализации вообще переломала все стереотипы и привела к крайней поляризации общества. Анализируя ее истоки, В.Галецкий утверждает: «Поляризация населения внутри страны вызывается не фактом неравномерного распределения социально-экономических благ как таковым, это как раз естественное состояние любого общества, а тем, что эти блага распределены слишком неравномерно и социально-экономическое неравенство выходит за допустимые границы»⁴⁷. И он же мрачно полагает, что не исключено, что когда-нибудь «глобалистская элита», «консолидировавшись с глобалистской предэлитой и другими близкими группами населения, поведет себя как полноценная

⁴³ Орлова И.Б. Асимметричность глобального мира. <http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html> Доступ 16.08.2007, 08.38

⁴⁴ Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма/ Дружба народов, 2006, № 2. Доступ 23.10.2007 9.30. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/2/ga14-pr.html>

⁴⁵ Гусейнов А. Ничего, кроме ярости и гордости Доступ 25.10.2007. 8.20. <http://www.tatmir.ru/article.shtml?article=719§ion=0&heading=0>

⁴⁶ Поляков Ю. Апофегей. Доступ 21.06.08. 19.11. http://bookz.ru/dl2.php?id=24353&t=z&g=44&f=c433226007abd229&a_id=3144

⁴⁷ Галецкий В. Демографическая глобализация: проблемы. Дружба народов. 2004, №11. Доступ 13.03.2008, 9.26. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/11/ga8.html>

демографическая популяция», которая вступит в противоборство с остальной частью населения земного шара, «бедного и озлобленного», как два разных человечества «в бескомпромиссной схватке за единственный имеющийся ресурс — планету Земля»⁴⁸. Насколько это предсказание пророческое, покажет время, а пока остается только удивляться фактам. Сегодня на земле 1.3 миллиарда людей живут на сумму меньше, чем 1\$ в день, в то время как Евросоюз определил на содержание 1 головы крупнорогатого скота (коровы) 2.20\$ в день. Сегодня на земле 358 богатейших людей планеты владеют имуществом, превышающим объединенный доход 2.3 миллиарда людей – почти 40% населения планеты⁴⁹. Таковы показатели глобализации и нашего сурового «сегодня». Как же воспринимали проблему равенства узбекские писатели А.Фитрат, А.Кадыри и А.Чулпан? Было ли в их понимании социальных законов хоть какое-то созвучие идеалам глобализации? При внимательном прочтении их произведений складывается впечатление, что созвучие все же было.

Возможно, идеи социального неравенства в «Минувших днях» имели качественно иную природу и объяснялись другими причинами. Тем не менее, мы не можем отрицать неравенство, на котором писатель строит соотношение своих героев. Дело тут даже не в образах Хасанали и Тойбека, которые и не слуги, а именно рабы в домах соответственно у Атабека и Кумюш. Неравноправность их положения в данных семьях естественна и никого, включая самих героев, не обижает. Более того, изображая просвещенных их господ, А.Кадыри всячески подчеркивает милосердие в их отношении к прислуге. Следуя мусульманским законам, родители Атабека очень добры к преданному рабу Хасанали, который давно уже стал членом их семьи и которого Атабек искренне называет своим отцом. Между ними нет кровного родства, однако любви и сил на воспитание Атабека Хасанали никогда не жалел, чем и заслужил искреннюю привязанность молодого господина. Хозяева женили Хасанали, уважали его, доверяли ему больше, чем кому бы то ни было другому, но он все равно оставался рабом в этой семье, да и никогда не помышлял о свободе. Положение раба, однако, нисколько не помешало ему стать ключевой фигурой в повествовании. С ним переплетаются наиболее существенные сюжетные линии романа. В качестве почти сказочного, чудесного помощника Хасанали организывает свадьбу Атабека в Маргилане, потом практически выхватывает его из рук палача и помогает ему встретиться с любимой после долгой разлуки. Так же и Тойбека, несмотря на свою природную глупость и, конечно же, необразованность, обладает чистым сердцем, которое очень ценят ее господа. Правда, их уважение не мешает ей садиться за свою уже остывшую чашку плова только после того, как переделана вся работа в доме, или же заснуть от переутомления рядом с очагом, поскольку ее рабского статуса никто отменять не собирается. Тем не менее, писатель больше акцентирует внимание на других чертах данного образа. Она совершенно искренно восхищается Атабеком и, сама того не понимая, венчает героев. Именно Тойбека и становится первым человеком, который произносит истину: «Атабек и Кумюш созданы друг для друга». Она же вносит ясность и в образ врага: первая из всех героев романа дает точную характеристику Хамиду – черный Хамид, что является не только эпитетом, но и отражением сущности героя. И Хасанали, и Тойбека – герои, обнажающие социальное неравенство в романе у А.Кадыри, но по чистоте души они равны своим хозяевам, и здесь с точки зрения мусульманской культуры неравенство снимается. По-настоящему же оно проявляется при описании Садыка и его матери, иронически именуемой Жаннат-хола. Нищета обстановки, тонко гармонирующая с духовной нищетой героев, резко противопоставляет эту семью двум

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Presidential Address by His Royal Highness Prince El Hassan bin Talal of the Hashemite Kingdom of Jordan as President of the Club of Rome to the Swiss Federal Institute of Technology A New World Order without Ideologies Zurich, Switzerland 4th February 2003. Доступ 12.03.2008, 10.30.
http://www.clubofrome.org/archive/publications/Presidential_Address_long_version.pdf

другим семьям романа. Во всем они различны, кроме одного: Садык тоже единственный ребенок у своей матери, как и главные герои романа у своих родителей. И он тоже, как и все люди, имеет право стремиться к счастью. Каким путем он добывается счастья – это уже другая проблема. Но, изображая Садыка и других слуг дьявола в романе, А.Кадыри ни разу не погрешил против истины. Они все обладают своим мировоззрением, своей системой ценностей и, как гласит неписанное правило эпохи постмодерна, никто не вправе навязывать им свои вкусы или представления о добре и зле. А.Кадыри посчастливилось написать роман до того, как во все права вступила литература «соцреализма» с обязательным делением героев на положительных и отрицательных. И потому в образе Садыка много «положительного». Он силен, храбр, никогда не отступает перед опасностью, верен слову и дружбе, умеет идти до конца в задуманном предприятии и способен на риск. Жизнь больше играет, потому не боится ни опасности, ни смерти. Иными словами, он обладает полным набором качеств преуспевающего бизнесмена эпохи постмодерна, в некоторых случаях ну просто с обязательным (!) уголовным прошлым. Что же до отрицательных качеств или нечистых дорог на пути к счастью, то их и у благополучных детей обеспеченных родителей не так уж мало. Кумюш в отношениях с Зайнаб совсем не ангел. Руки Зайнаб в крови. И Атабек, проводящий дни и ночи в питейных заведениях, страдая от несчастной любви, вряд ли намного лучше Садыка. У них просто причины для выпивки разные. И никто не знает, каким стал бы Садык, если бы вырос в такой же обстановке, как и Атабек. И неизвестно, какой была бы Жаннат хола, если бы ей в жизни повезло чуть больше. О беспросветной бедности героев мы узнаем от мастера Алима, который кусочками время от времени покупал у них землю. А потом Садык вырос и нашел свой путь зарабатывать на жизнь и содержать семью. Интересно, что даже добрейший мастер Алим ни разу не побеспокоился о растущем по-соседству мальчишке, зная об их бедности. Даже он по-своему использовал их положение. Да, он помогал им деньгами, но ведь взамен брал их землю. А земля имеет большое значение в жизни узбека. Сейчас задача не в том, чтобы оправдать преступника Садыка и обвинить прекрасного мастера Алима. Проблема в том, что в жизни, также как и в настоящей литературе, идеалы Просвещения не выдерживают теста на прочность. О каком братстве людей может идти речь, если мастер Алим выбрал себе в братья незнакомого Атабека, а несчастного мальчишку по-соседству не заметил? И о каком равенстве можно говорить, если Атабек всегда производил впечатление образованного, воспитанного, интеллигентного, а значит, и богатого человека (ну чем не глобалистская элита?), в то время как у Садыка не было ничего и никого, кроме его несчастной матери? Конечно, никто не станет утверждать, что мастер Алим купился на богатство Атабека. Их объединяли гораздо более высокие материи. И неравенство, изображенное в произведении в данном случае, тоже, скорее всего, связано с мусульманскими представлениями о рае и об аде. Кому-то суждено попасть в рай, кому-то – в ад. Неравенство положено в основу человечества с того самого дня, когда дьявол отказался поклониться первому его представителю. Исходя из этого, А.Кадыри и изображает своих героев контрастно: прекрасными и безобразными. Прекрасные люди и живут богаче, а безобразные тонут в нищете. В данном случае это воля Аллаха, которую невозможно оспаривать. Но она не отменяет неравноправие, представленное через данную систему образов, и по прочтении романа остается прочное ощущение того, что суровая эпоха глобализации уже тогда начинала вступать в свои права и в произведении А.Кадыри, может еще и неосознанно, но все же наметились ее основные черты.

А.Чулпан написал свой роман позже А.Кадыри, и он был еще ближе к эпохе глобализации. Неудивительно, что главным героем его произведения стал человек «экономический» – «homo economicus». Мирякуб также еще и в меру крут: вполне может растоптать чужую жизнь, если того требуют интересы дела (судьба Раззака-суфи и Зеби). Он прекрасно умеет решать проблемы в пользу мингбаши (спор мингбаши с его коллегами), ловко использует себе во благо

возникающие ситуации (Пошшахон и желание Мирякуба присвоить наследство мингбаши), умеет найти нужную информацию и извлечь из нее выгоду (дело с участками земли вдоль линии железной дороги). Об отсутствии в романе сострадания уже говорилось в других наших работах, а вот что до равенства и братства, то их здесь, скорее всего, не было никогда. И дело даже не в том, что Мирякуб развлекается с женой своего господина, а в том, что он строит планы: как получить в наследство все состояние мингбаши после его смерти. При этом Мирякуб не желает смерти своему брату. Просто его предпринимательская натура не может не страдать при виде добра, которое плохо лежит. И даже по поводу интима с женой наива, оправдываясь перед своей совестью, Мирякуб говорит языком бизнесмена. Понимая весомость слов данной женщины в родном для него городе, он воспринимает их отношения только как первую деловую встречу. И, конечно же, Мирякуб уверен в своем превосходстве над мингбаши, да и над многими другими людьми. Он уникальный предприниматель, но он еще и хорошо знает, что он исключительный человек и любит себя. В его сознании понятия равенства вообще не существует, и, особенно в вопросах женщин. Красавица Мария не кажется ему ровней его жене. И в этом смысле он вовсе не замечает, что его избранница по сути своей порочная женщина, в то время как его жена – традиционная и отсталая – все же обладает кучей добродетелей.

Неравенство в обществе проникает на страницы романа А.Чулпана и через тяжелое положение народа, стоны которого, как и полагается (и не только в эпоху глобализации!), никто не слышит. А если и услышит, то все равно не поможет. Так, на слова жителей о том, что «они больше не хотят жить, так как жить так больше невозможно», мингбаши отвечает циничной шуткой: «Это хорошо, что они не хотят жить! Если царю станет трудно на войне, соберу всех с кишлака и отправлю воевать» («Жонидан тўйган бўлса яхши!... Оқпошшо “вайна” да қийналиб қолса қишлоқнинг ҳаммасини йиғиб жўнатаман») ⁵⁰ Люди, экономически не состоятельные, уже начали превращаться в хлам и отодвигаться на задворки истории. Правда, масштабы действий героев в романе еще не совсем глобальные, но первые шаги в большой мир уже сделаны. Наблюдается тенденция к единению тюркских народов через движение джадидов, границы коммерческой деятельности героев расширяются, вбирая в себя многие европейские страны, по свидетельству Ш.Ходжаева. Иными словами, идет логическое движение от просветительского движения вперед в историческом времени к будущей тогда еще глобализации, и произведения писателей чутко улавливают и отражают все эти изменения.

Но на этом противоречия с представлениями Просвещения в данных произведениях не заканчиваются. Расхождение глобалистского мышления с идеалами Просвещения, которое отмечают специалисты, связано и с проблемой «свободной воли человека». С точки зрения просветителей «поведение человека есть функция исключительно его собственного сознания и разума» ⁵¹. И поскольку просветители базировали свои суждения на категориях «автономной личности» и «ассоциации автономных личностей», то они, естественно, полагали, что «общество и государство являют собой продукты заключенного между людьми “контракта”». Но уже теория коллективного-бессознательного Карла-Густава Юнга «выводит основные экзистенциальные установки за границу собственного его индивида», то есть доказывает, что поведение человека не только индивидуально, но и всецело зависит от поведения мегаколлектива, к которому он принадлежит. По свидетельству ученых, данные современной антропологии также доказывают «высокую степень независимости поведения человека от его собственной воли» ⁵². Этим объясняются массовые беспорядки, весьма часто возникающие в

⁵⁰ Чўлпон. Асарлар: Уч жилдлик. Ж.2. Т.: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1994. – 472 б. (Б. 206).

⁵¹ Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма. / Дружба народов, 2006, № 2. Доступ 23.10.2007 9.30. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/2/ga14-pr.html>

⁵² Там же.

различных частях глобализирующегося мира. Анализируя разницу между суровыми буднями современности и идеалами просветителей, В.Галецкий пишет: «Один из ведущих французских интеллектуалов по поводу этнической резни в Руанде и Конго заметил, что “там Бог действительно умер”. На мой взгляд, там умерли иллюзии эпохи Просвещения»⁵³.

В рассматриваемых нами произведениях проблема свободной воли человека решалась тоже не в духе эпохи Просвещения. Яркое свидетельство тому – описание ташкентского бунта в письме Юсуфбека-хаджи к своему сыну Атабеку. Он пишет о том, как несколько слов из публичной речи Азизбека настолько подействовали на людей, что они все встали на сторону бунтовщика, хотя на самом деле давно мечтали его свергнуть. Юсуфбек-хаджи пишет: «Просто не знаешь, смеяться или плакать над положением нашего народа». И это тоже потому, что Юсуфбек-хаджи – просвещенный человек, свято верящий в личностную самоценность каждого. Для него такое проявление стадного чувства является дикостью. Но, поскольку новая эпоха доказала, что свободная воля человека не всегда управляет его поступками, эту сцену из романа А.Кадыри можно также рассматривать как первые знаки эпохи «постмодерна». У А.Фитрата фрагмент, когда люди поступают не так, как хотят сами, а так, как все вокруг поступают, присутствует в «Записках индийского путешественника». Когда он впервые въехал на улицы Бухары, где никто не ведал о правилах уличного движения, там образовалась дорожная «пробка». Две тележки столкнулись, но ни одна из них не хочет отойти чуть-чуть назад, чтобы дать людям дорогу и таким образом выйти из положения. «Гордость не позволяет», – объясняет возникший путешественнику. Он бы и рад продолжить путь, чтобы довести индийского гостя до места назначения, да не может: «А разве у нас нет гордости?» Так и стоят целый день все транспортные средства города, потому что «все так стоят». По тому же принципу «все пошли, и я пошел» разгораются беспорядки в кишлаке Кумарык в романе «Ночь и день» А.Чулпана. И потом при расследовании дела никто толком не может объяснить, почему такая ничтожная словесная перепалка из-за ничего превратилась в большое – в несколько этапов – побоище с серьезными человеческими жертвами. А все потому, что поведение мегаколлектива определило поведение каждого в нем индивида. И подходить к объяснению этого явления с точки зрения разума, так почитаемого в эпоху Просвещения, является, по крайней мере, не целесообразным. Потому некоторые исследователи социальных вопросов считают, что для решения злободневных проблем современности необходимо перестать «наконец цепляться за исторически себя исчерпавшее наследие Просвещения»⁵⁴. Другие же ученые остаются при убеждении, что человеческое общество необходимо вернуть к идеалам Просвещения, иначе оно просто самоуничтожится. Но делать это надо, опираясь на богатые духовные традиции самих народов, например, в России «специфика православия в сочетании с идеалами европейского Просвещения сохранила духовно-телеологические интенции, касающиеся высших смыслов бытия. То же мы находим и в индийской, и в китайской философии...» Именно эти духовные «интенции», по мнению И.Орловой, способны решить «задачи спасения мира, все глубже погружаемого в социал-дарвинистские джунгли естественного рыночного отбора»⁵⁵.

Эпоха глобализации внесла новые штрихи в концепцию мира и человека. Фитрат, А.Кадыри и А.Чулпан не дожили до этой эпохи, но они тонко чувствовали ее наступление, угадали и отразили ее основные черты в своих произведениях. Поэтому приверженность к движению национального Возрождения не помешала им широко выражать в своем творчестве идеи интернационализма. Оставаясь последователями просветительского движения джадидизма, они

⁵³ Там же.

⁵⁴ Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма/ Дружба народов, 2006, № 2. Доступ 23.10.2007 9.30. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/2/ga14-pr.html>

⁵⁵ Орлова И.Б. Асимметричность глобального мира. Доступ 16.08.2007, 08.38. <http://www.ispr.ru/Confer/confer1.html>

сумели осознать своеобразие нового мира и осмыслить роль человека в нем. Изначально стремясь к развитию и прогрессу, они подчеркнули решающее значение экономического фактора и выразили сомнение в возможности реального воплощения таких идеалов Просвещения как «равенство», «братство», а также в несомненной силе «свободной воли человека».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В УЗБЕКСКИХ РОМАНАХ

Читателю хорошо знаком роман Адыла Якубова «В этом мире подлунном». Он создан в период преобразований в узбекском романе — в 70-80-е гг. XX столетия. Мысли Адыла Якубова о бытии более подробно освещены в его исторических романах. На историческом фоне писатель пишет о волнующих его проблемах: человек и мир, судьба и предназначение, общество и личность, жизнь и смерть. Роман не только об исторических личностях, его целью является показать место основной проблемы — философии жизни и смерти в понимании и сознании человека. Интерпретация проблемы жизни и смерти присуща творчеству не только Адыла Якубова. Практически все выдающиеся мастера слова затрагивали эту проблему.

В романе Адыла Якубова на примере переживаний трех лиц, занимавших особое место в истории Востока X-XI веков, — Махмуда Газневи, Абу Рейхана Беруни и Абу Али Ибн Сины (Авиценны) писатель осуществил анализ философии жизни и смерти, судьбы и предназначения, истории и судьбы. Роман — это не только изображение исторической действительности, он ценен и художественной интерпретацией древнейшей проблемы — вечности жизни и смерти и отношения человека к ней. На первый взгляд, писатель уделяет особое внимание личности Беруни и Ибн Сины, а образ Махмуда Газневи служит для раскрытия характера двух этих героев. Внимательно приглядевшись, осознаем, что суть романа заключена в судьбе Махмуда Газневи. Всякая философия, созданная человеческим мышлением, по сути своей направлена на избегание смерти. Однако писатель, описывая призрак смерти, проходящий через все произведение и сеющий панику, разрушает всю философию, являющуюся по сравнению с истиной относительной мерой. В романе искусно излагаются психологические переживания личности, осознавшей направленность всех сочинений о жизни и смерти человека на обезвреживание смерти, беспомощность воли человека перед истиной, трудность испытаний Создателя, заставившего признать себя. По причине болезни шаха Махмуда Газневи на сцену друг за другом выходят герои, все они объединены одним общим для них признаком — боязнью смерти. Писатель, повествуя о смерти, порой, исходя из сущности произведения и характера персонажа, придает ей мятежный дух.

Цель Адыла Якубова — дать художественное решение проблемы персонажа, а не раскрыть отрицательную личность Махмуда Газневи. Поэтому он и не охватывает всю деятельность Махмуда Газневи, а достигает своей цели лишь описанием последних лет его жизни. Выбор жизни Махмуда Газневи преследует цель прояснить отношение человека к жизни и смерти на определенных этапах его жизни. Писатель не ставил целью полностью описать жизнь Беруни и Абу Али Ибн Сины. Поэтому их жизнь не описана в хронологической последовательности, а представлена в виде отдельных воспоминаний и сновидений, их деятельность связана с волнующей Махмуда Газневи проблемой. Значит, по идее писателя три выдающиеся исторические личности сталкиваются с точки зрения одной проблемы — отношения человека к жизни и смерти. Писатель проводит данное отношение сквозь видение правителя, ученого и лекаря. Махмуд Газневи объединяет отдельные точки жизни Беруни и Ибн Сины. Беруни и Ибн Сина могли бы вести взаимную полемику и при других обстоятельствах. Но писатель сталкивает их в тяжелой ситуации и показывает их отношение к смерти именно в тот момент, когда смерть угрожает непосредственно. И становится очевидным, что к какой бы отрасли знаний не принадлежал человек, он не сможет однозначно высказаться о смерти.

Думается, Махмуд Газневи выбран не случайно. Цель писателя заключалась в том, чтобы

раскрыть психологические переживания человека, находящегося между жизнью и смертью, и дать художественную трактовку победы над смертью на примере ученых и смерти над человеком на примере шаха, ибо смерть — часть бытия человека. Показывая страдания человека, оставшегося лицом к лицу со смертью, писатель производит «ревизию» жизни героя. Если бы жизнь персонажа излагалась в хронологической последовательности, произведение потеряло бы художественную ценность, был бы нанесен ущерб ценности места, занимаемого историческими образами на страницах истории. А.Якубов подчиняет описание героев идее смерти, будто она управляет мышлением человека. Имя «владений» смерти — страх, который, овладев сознанием человека, естественно, приводит к нарушению равновесия в его психике. Некие переживания, оставшиеся в памяти, сновидения нынче всплывают одновременно. В результате все в совокупности является причиной депрессии. Человека, попавшего в депрессию, смерть одолевает легко. На примере Газневи показано именно это состояние, т.е. кризис в психике человека. Этим подчеркивается: человек - центр всех противоречий.

Все противоречия происходят в психике султана. Основной проблемой для него была борьба во избежание смерти. Человек борется, чтобы не умереть, когда не спокоен за себя. Кроме того, ни один человек ни в какой период жизни не хочет признавать смерть. Трагедия Махмуда Газневи напоминает мудрость, оставшуюся после Александра Македонского. Его завещание перед смертью — лучшая философия, созданная человечеством. Завещая, чтобы его пустую руку выставили за гроб, он делает своим примером напоминание другим владыкам. Попытки Махмуда Газневи избежать смерти, уменьшить ее вред все более усиливают его трагедию. Сказка о Божественном благе звучит как мятеж против судьбы, предначертанной Создателем. Беспомощность в этом вопросе могущественных людей государства есть художественное подтверждение того, что нельзя идти против законов Создателя. Из-за боязни смерти он приговорен умирать по несколько раз в день. Частые воспоминания о том, как в Индии закрыл и поджег в сараях пятьдесят тысяч человек, создают впечатление, будто Всевышний мстит за это. Правление Махмуда Газневи основано на страхе. Страх — отрицательная энергия, выводящая из строя психику человека, наносящая вред человеческому облику. В момент, когда эгоистические желания человека не знают границ, страх как бы пассивен перед осознанием того, что на самом же деле бразды эгоизма в руках страха. Когда жадность удовлетворена, страх во всю себя проявляет. Теперь он начинает, в первую очередь, одолевать самого шаха. Первое проявление страха - паника. Паника является в виде преследующих его призраков. Позже повторяется в сновидениях и в осознании страшных событий. Таким образом, страх преследует человека во сне и наяву. Когда человек под гнетом страха осознает свое одиночество, в его психике начинается ломка, он выходит из равновесия. Это приводит его к различного рода дурным действиям. На самом деле, осознание человеком того, что он одинок, всегда есть путь осознания Создателя. В эти минуты он познает, что подвластен воле Всевышнего. В своем одиночестве чувствует больше нужды именно в нем. Одиночество проявляется в минуты горя, страданий и страха. Человек своими же деяниями открывает путь страху. Первый признак страха — паника, последний — смерть. Пути, приводящие к смерти, всегда различны. Художественная же литература умением объяснить данное чувство может придать красоту даже смерти, дать читателю возможность получить эстетическое удовольствие. Событие, держащее в равновесии весь роман, — неизлечимая болезнь Махмуда Газневи, точнее — пугающее его чувство смерти. В этом бессилие человеческой природы: он не боится Создателя настолько, насколько боится смерти. Величие Создателя в том, что он подчиняет своего «подданного» с манией величия посредством смерти.

Отдельные качества человека являются врожденными и могут иметь различные последствия под воздействием действительности. Основную роль в том, что Махмуд Газневи появился на исторической сцене, Беруни и Авиценна достигли уровня великих мыслителей, играет их

самосознание. Безжалостность и чрезвычайный ум (это врожденные качества) Махмуда Газневи определили его редкий талант – искусство управлять тронем. Дворцовые условия воспитали его правителем, при других обстоятельствах он мог бы вырасти разбойником и палачом. Значит, кровопролития, описанные в романе, не случайны. Они имеют естественные основы. Противопоставив естественности естественность, т.е. безжалостности смерть, писатель показывает судьбу персонажа. В раскрытии психобиологических аспектов героя писатель выбирает безжалостный прием — стояние человека лицом к лицу со смертью. Именно этим он повествует о вечной правде, о том, что смерть – кончина физическая, смерть – критерий, определяющий ценность жизни; смерть – открытие красоты жизни; благодаря смерти каждый вступает в вечный мир на своем уровне. Жизнь, прожитая человеком до его истинного открытия, статус, обретенный им, социальные факторы его жизни есть лишь этапы осознания в определенный миг истины. Писатель обратился к истории не для того, чтобы пересказать жизнь персонажей. На фоне их судеб он изобразил картины психики человека в точке соприкосновения трех понятий: рождение, жизнь и смерть. Именно эти изображения дают читателю эстетическое наслаждение, служат его очищению. Задача художественной литературы — довести до сознания читателя эти вечные истины.

Исследуя жизнь Махмуда Газневи, встречаемся с разными, непохожими мнениями. Прочитав статью о влюбленном и возлюбленном Махмуде и Аёз в книге С. Олима «Ишк, ошик, маъшук» («Любовь, влюбленный, возлюбленный»), понимаем, что кровопролития шаха Махмуда, жившего влюбленным, отрекшись от себя, – еще одна тайна предначертанного. Однако в произведении писатель не отводит места для любви возлюбленных мужчин. В этом случае смерть потеряла бы свою побеждающую силу. Цель писателя заключается не в описании жизни Махмуда Газневи, а в отражении места смерти в жизни грешного человека. Значит, цель писателя — художественное олицетворение на фоне пережитого философии, не вместившейся в свою эпоху, а не рассказ об истории. Теперь понятен выбор последних месяцев жизни Махмуда Газневи.

А. Якубов, описывая попытку Махмуда Газневи восстать против смерти, его гнев, отправку людей за Ибн Синой, попытку найти спасение в божественном даре, наконец, его душевную подавленность, бесконечные боли, опирается не на творческую фантазию, а на научную истину. Однако его герой даже в конце своей жизни не отказывается от гордыни, поэтому не может принять смерть. Противопоставив смерть огромному государству, славе, богатству, высокому званию «амирал муминин» (эмир правоверных), заслуженных Махмудом Газневи благодаря своему потенциалу, силе и отважному сердцу, автор показывает, насколько ничтожен и бессилён человек. О смерти встречаются парадоксальные утверждения. На вопрос султана о том, для кого, для чего и с какой целью Аллах создал небо, мир, животных и растения, красоту, Унсури отвечает, что Аллах создал их для своих подданных, для того чтобы радовать их глаз. Газневи задается вопросом о том, зачем же тогда Аллах уготовил для них смерть⁵⁶. О ломке в психике Газневи свидетельствует мятеж против Создателя. Он до последнего не хочет уступать смерти. Не хочет умирать. На примере образа Газневи писатель исследует сложность человеческой психологии. Один из персонажей говорит о том, что простой смертный мирится с судьбой. И молча прощается с этим миром. А султан, правивший сорок лет, хоть и говорит: «Смерть – дар Аллаха», в душе чувствует панику, состояние безумных⁵⁷.

В романе писатель изображает не смерть, а то, как человек принимает смерть. В танатологии существуют понятия онтологичности и онтичности. Согласно ей, онтологичное явление имеет к нам непосредственное отношение. Об онтичном мы бессильны что-либо узнать. В то же время смерть и ее наступление (умирание) – это разные понятия. Смерть –

⁵⁶ Якубов О. Кўҳна дунё. — С. 90.

⁵⁷ Там же. — С. 203.

понятие онтологичное. Смерть очевидна, как и все, что мы видим. Умирание – событие онтическое, его нельзя просто наблюдать. Для этого нужно умереть. Предсмертное состояние персонажа в художественной литературе есть явление онтологичное. Как писатель описывает смерть персонажа, так и читатель воспринимает его онтологичное явление. Наконец, «убив» Махмуда Газневи, писатель освобождает читателя от страха перед смертью.

ПЕТРУХИНА Н.М.
*Завкафедрой
русской и зарубежной
литературы УзГУМЯ*

«ЧЕЛОВЕК В ЧЕЛОВЕКЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(к проблеме детерминизма в русской литературе XIX века).

В русской литературе XIX века, с её реалистической установкой на построение миромодели «внутренний человек – действительность», наиболее остро ставится именно проблема детерминации психобытия личности по отношению к её инвариативной художественной модели и реальных жизненных прототипов, гипотетически присутствующих в жизни. Наиболее ярко эта взаимосвязь соотносима с героями Ф. Достоевского, - с одной стороны они поразительно условны и фантасмагоричны, а с другой – жизненно правдоподобны и реальны.

Психологическая сложность и неоднозначность в художественной интерпретации «человека в человеке» Ф. М. Достоевского во многом сокрыта в той глубинной многомерности «внутреннего мира» его героев, которая детерминирована авторской многозначностью понимания смысла человека и его бытия. У Достоевского нет одномерных образов вовсе – в каждом его герое-злодее присутствует и некое внутреннее страдальческое самопожертвование, и в тоже время, в самом «святом» образе таится некая греховность или тяга к ней. Не случайно Л. Гинзбург писала о том, что "многозначительность и многозначность романа тайны Достоевский перенес на психологическую характеристику своих героев. Истолкование мотивов поведения персонажа неоднократно меняется по ходу романа, и каждая новая разгадка отнюдь не является окончательной" (Гинзбург Л.: 286).

Нельзя не согласиться и с точкой зрения Л. Гинзбург о том, что Ф.М. Достоевского прежде всего интересует необъяснимое в психологии и поведении человека. Однако, в широком историческом плане создавая героев, он "в высшей степени был занят обусловленностью своих персонажей. Он постоянно подчеркивал свой интерес к текущему моменту, к злобе дня и неостывшему газетному материалу. Он считал себя призванным изображать типы современного сознания, и в особенности тип того нового человека, которого он назвал "героем случайного семейства". Исторические силы, порождающие тип сознания и обусловленность "тонуса среднедневного состояния человека" позволяют Достоевскому определять логику мотиваций поступков героев, подчиненную движению идей.

Таким образом, в творчестве Ф.М.Достоевского русский реализм не только осваивает фактическую реальность общественной и частной жизни людей, но и выходит за пределы этой реальности, постигая при этом истинную сущность Бытия в историческом, человеческом и вселенском масштабах. Принцип общей детерминированности происходящего наиболее четко определяется частной детерминированностью поведения и характера каждого персонажа в романном пространстве писателя, которые, по определению Л. Гинзбург, образуют равнодействующую поведения с множеством «противоречивых, разнокачественных воздействий. С какой-то одной точки зрения поступок персонажа парадоксален, но уже соседняя грань предлагает логическое решение... в сочетании неожиданности (парадоксальности) с закономерностью" (Гинзбург Л.: 257).

Суть парадокса в том и заключена, что его не возможно разрешить. На поставленные Достоевским вопросы ответом становится новый перечень вопросов. Так, в этой системе вечных вопросов-ответов, и рождается загадка детерминизма писателя, когда разрушается сам принцип объяснения, явного или скрытого. О подчинении человека идее, об идее как "центре тяжести" личности героев Достоевского существует обширная исследовательская литература.

М.М.Бахтин писал, что в каждом из героев Достоевского "мысль великая и неразрешимая", всем им, прежде всего, "надобно мысль разрешить". И в этом-то разрешении мысли (идеи) вся их подлинная жизнь и собственная незавершенность... Мы видим героя в идее и через идею, а идею видим в нем и через него" (Бахтин М.:115). Героев привлекает красота теории, они ощущают зависимость от цементирующей силы конкретных идей, пытаются воплотить их в действительность или провести "экспериментальную" проверку теории, страдают от несоответствия реальности идеалу, ценность человеческой жизни измеряют степенью ее «нужности» для идеи. К изначальной потребности "мысль... разрешить" восходит их экзистенциальная, социальная и моральная драма. Любое художественное произведение любого времени и направления устанавливает какие-либо связи и отношения между изображаемыми явлениями, предполагает определенные мотивировки действий персонажей. Так русская классическая литература XIX в. осваивает принцип детерминации.

В сфере поступков и намерений персонажей обнаруживаются причинно-следственные зависимости, художественно освоенные в произведении, как на уровне межличностном – между персонажами, так и на уровне феноменов. Подобная организация структуры художественного образа и изображение внутреннего мира человека в произведениях присутствует не только в творчестве Ф.Достоевского, но и многих русских писателей XIX в.

В этом плане интересен психологический анализ Л.Гинзбург структуры творчества Л.Толстого, который она определяет как "прослеживание причинно-следственных сцеплений, все более утонченных, в той сети обусловленности, которая заброшена на все сущее; явление, возведенное к общим формулам (толстовская "генерализация") и одновременно разложенное на составные части, переменные и текущие, образующие ряды ситуаций, процесс" (Гинзбург Л.: 284)

Проблема детерминизма, центральная для русского реализма XIX века, обусловлена поведением и сознанием героев - будь то идея, культурные коды или социальная "микросреда", окружающая человека, - различными обстоятельствами, в произведениях Достоевского, соответствует представленности героев в их художественной безусловности. Человек трансцендентен в своей духовной сущности и есть то, что он есть, и никакие определяющие факторы ничего в нем не объясняют и ничего к нему не прибавляют. Центром художественного мира является не столько личность в ее связях с обществом, средой, эпохой, культурной традицией, сколько статус личности, ее качества в ценностных морально-нравственных потенциях.

Мышление героев Достоевского не допускает ничего промежуточного, плавного, смешанного, но создает резкое несоответствие между ролями, которые человек играет в общественной и личной жизни; ярко проявляется в психоэтической структуре "двух бездн" человеческой души, которая имеет широкое распространение и исследуется во всевозможных вариациях в его романах.

Так, в "Братьях Карамазовых" этой формулой обвинитель характеризует Дмитрия, а вместе с ним всю матушку Россию: "... мы натуры широкие, карамазовские... способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения" (Достоевский Ф.: С. 224).

В приведенном примере проявляется одна из удивительных особенностей русского образа мышления, "антиномичность" и "двойственность" русской души, о которой пишут многие исследователи русского Психо-Космо-Логоса (термин Г.Гачева).

Категория "двух бездн", присутствующая в творчестве Достоевского, трансформируется в прозе XXI века в «бездну», в которой нет разделения на добро и зло. Прежде всего, это непреодолимая "бездна" окружающей человека жизни - символ враждебных начал, метафора

смутно ощущаемой надвигающейся катастрофы. Соприкоснувшись с темной "бездной" бытия, человек утрачивает духовную независимость, способность любить, радоваться, приходит к сердечной пустоте. Не только в окружающей жизни, но и в самом человеке писатели видят разрушительное начало, связанное с обвалом традиционно понимаемой морали, с крушением веры в Бога и в смысл бытия.

Эволюция русской прозы XIX века, на уровне ее субъектного пространства, состояла в поиске такой повествовательной ситуации, которая обеспечивала бы "внезаходимость" автора по отношению к герою, трактуемому, например, в романтизме - как личность, осознаваемая еще в категориях собственного "я", в реализме - как единство личности и характера, наконец, в творчестве Достоевского как личность, обладающая самосознанием (Бройтман С. :С.270-306). При этом неким эстетическим метапринципом, позволяющим познать героя, становится "внутризаходимость" - противопоставление его субъективной правды авторскому "авторитетному", "неоспоримому" слову.

Такая концепция повествования оспаривает право автора "быть вне жизни и завершать ее", подразумевает "глубокое недоверие ко всякой внезаходимости", которую М.Бахтин сравнивает с "имманентизацией Бога" (Бахтин М.: С.176). Иными словами, "внутризаходимость" имеет такое же конститутивное значение, как и противоположная ей позиция.

В творчестве Ф.М. Достоевского нами обнаружено сложное взаимодействие экстенциональных (способу развертывания текста соответствует понятие "я в мире") и интенциональных ("мир во мне") трансформаций. Подобные способы развертывания текста обнаруживают себя в той же функции, которую выполняют детали портрета, пейзажа, мира вещей, в воссоздании психологических процессов, которые приобретают первостепенную экзистенциальную функцию в сюжетной истории героев, в самом типе повествования и т.д., определяют организацию мотивного ряда, онтологическими рядами, объективными жанровыми законами и принципами художественного мышления.

Использование данных категорий позволяет установить доминирование в творчестве Ф.Достоевского особого эмоционально насыщенного ритма, отражающего некие художественные ментальные модели: хронотоп, архетип, символ; понятия, которые непременно подключают разнообразные культурные, философские, религиозные, мифологические, экзистенциальные и др. контексты: судьба, счастье, путь, вина, страдание и т.д.

Подобная внутренняя взаимообусловленность характерна не только для творчества Достоевского, но и практически для всех крупных реалистов XIX века (А. Чехова, Л. Толстого, И. Тургенева и др.), и во многом определяет специфику художественного реалистического детерминизма, когда уровни «внутреннего мира» героя, обусловленного полифонией контекста действительности с одной стороны и мировоззрения автора – с другой, проецируют ту художественную модель мира, которая определяет авторскую концепцию человека и бытия.

Список использованной литературы:

- Бахтин М. Проблемы поэтики Ф.Достоевского. М., Художественная литература, 1963 г.
Бройтман С. Историческая поэтика. М., Издательский центр «Академия», 2001 г.
Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1999 г.
Достоевский Ф. Братья Карамазовы. М., Художественная литература, 1982 г.